

Министерство образования и науки РФ
Иркутский государственный университет
Институт социальных наук
Кафедра государственного и муниципального управления

Электронная хрестоматия по курсу

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

для студентов 3-го курса направления подготовки

081100.62 «Государственное и муниципальное управление»
Б3.Б11

Автор-составитель: канд. филос. наук, доцент Полюшкевич О.А.

2014 г.

Оглавление

РАЗДЕЛ 1. ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИЧНОСТИ	3
Михайлов М.И. От индивида к личности.....	3
Муздыбаев К. Завистливость личности.....	5
Муздыбаев К. Эгоизм личности	24
Реан А.А. Психологические проблемы акмеологии. Акмеология личности	43
Нартова-Бочавер С.К. Понятие "психологическое пространство личности": обоснование и прикладное значение	54
Низовских Н.А. Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности.....	67
Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа	82
Чудновский В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности	93
Леви Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности.....	101
Тетенев С.А., Морозова И. С. Факторы самоактуализации личности	115
Соловьева О.Б. Проблемы самосознания личности	118
РАЗДЕЛ 2. ЛИЧНОСТЬ И ВНЕШНИЙ МИР	123
Балацкий Е. В. Экономическая теория эволюции личности	123
Адамьянц Т. З. Коммуникативные навыки личности	132
Лукашенко Д. В. Механизм адаптации личности социальной средой.....	135
Каганович А.А. Проблемы взаимоотношений личности и коллектива	141
Порватов А.А. Философский аспект мотивации личности	147
Киенко Е.В., Морозова И. С. Профессиональные аспекты самореализации личности .	151
Киселев Н.Н. Информационный фактор развития личности	156
Григорьева А. А. Философские основы социализации личности.....	163
РАЗДЕЛ 3. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	169
Козлов М. А., Мичурин К. А. Социально-культурные конструкторы коммуникации.....	169
Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала	176
Бакулев Г. П. Нормативные теории массовой коммуникации	188
Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения .	200
Садохин А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации	210
Кожухарь Г. С. Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности	222
Зарубина Н.Н. Деньги в межличностной коммуникации	235

РАЗДЕЛ 1. ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИЧНОСТИ

Михайлов М.И. От индивида к личности¹

Существует множество определений человека, предпринято немало попыток структурировать и систематизировать знания о нем. К счастью для человека до сих пор не предложена дефиниция, которая удовлетворила хотя бы двух людей. Этот факт вселяет оптимизм и в души сотрудников редакции. Видимо, мы еще долго не останемся без работы, поскольку любопытство человека, направленное на самого себя, нескончаемо. Очередное свидетельство тому - публикуемый ниже материал.

Проблема человека - центральная проблема философии. В последнее время появилось немало работ (здесь нет нужды их перечислять), посвященных исследованию вопросов философской антропологии. Вместе с тем нельзя не признать, что в философской характеристике человека остается еще много спорного и неясного.

С нашей точки зрения, изучение человека как философской проблемы целесообразно вести в трех аспектах (направлениях): 1) человек как индивид, 2) человек как индивидуальность и 3) человек как личность.

Индивид (индивидуум) - это отдельный человек, часть природы и общества. Определяющим началом индивида является телесно-натуралистическое, материальное начало. Подобное понимание человека как индивида давал Н.А. Бердяев. Так, в одной из своих работ он писал: "Индивидуум есть категория натуралистически-биологическая... Индивидуум есть часть вида, он вышел из вида, хотя он может изолировать себя от вида, противопоставить себя ему и вести борьбу с ним. Индивидуум порожден биологическим родовым процессом"¹. "Индивидуум питается родом, и он смертей, как смертен род"².

Нельзя не признать, что по сути своей индивид лишен индивидуального, персонального "я", он живет и осуществляет себя лишь как родовое существо (как "мы"), а потому - это *обыкновенный* человек.

Поскольку человек как индивид в своем бытии пребывает вне Духа (как некой трансцендентности), постольку он не знает разделения, тем более противопоставления земного (телесного) и небесного (духовного).

Образ человека как индивида достаточно полно запечатлен в античной (древнегреческой) культуре. Как писал А.Ф. Лосев, "...сама социально-историческая основа рабовладельческой культуры - вещественна, телесна или теловидна, внеличностна... античное мышление базируется на интуициях живого и одушевленного человека или, точнее сказать, на интуициях человека в его природной данности, т.е. на интуициях человеческого тела..."³. О том, что в мироощущении античного грека было мало места для индивидуальной души ("я- для-себя"), гово-

---

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.,1993. С. 62.

² Там же. С. 64.

³ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.,1991. С. 443. стр. 188

рит тот факт, что в древнегреческом языке не было слова "совесть". Вот почему, когда Сократ впервые заговорил о "внутреннем голосе", которого он слушается, его обвинили в том, что он поклоняется "чужим богам", развращая тем самым молодых людей, и предложили добровольно уйти из жизни. Уместно обратить внимание и на то, что Платон, по замечанию Ортеги-и-Гассета, предпочитал говорить чаще "мы", чем "я"⁴.

Индивидуальность - понятие, в котором фиксируется индивидуально-субъективное (в основе своей внутреннее) состояние человека.

---

⁴ Михайлов М.И. От индивида к личности // Человек. 2002. №4.С. 188-192.

Индивидуальность - это то, что прежде всего отличает одного человека от другого изнутри - на уровне сознания (самосознания). Как писал С.Л. Рубинштейн, "человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств"⁵. Индивидуальность, следовательно, - это в первую очередь явление души ("я-для-себя").

Индивидуальность рождается в результате неудовлетворенности человека миром и собой как частью мира (природы и общества). Отсюда индивидуальность существует как некая потребность, устремленность человека за пределы этого ограниченного (эмпирического) мира - в мир вечности и бесконечности. По мнению Лейбница, "индивидуальность содержит в себе как в зародыше бесконечность". Согласно С. Кьеркегору, человек в своей сущности представляет собой "страсть бесконечности"⁶. Тем самым на уровне индивидуальности человек (его душа) находится как бы на грани двух миров - земного (телесного) и сверхземного (духовного). В соответствии с этим индивидуальность следует определить как выражение чувства раздвоенности, и вместе с тем как феномен одиночества. Последнее обстоятельство позволяет утверждать, что человек в пределах индивидуальности - *трагический* человек.

Целесообразно заметить, что одиночество (трагическое) не следует оценивать лишь со знаком минус, как это делают нередко зарубежные философы. Одиночество "стоит... под знаком не только отрицательным. Оно может стоять и под знаком положительным, может означать более высокое состояние "я", возвышающееся над общим, родовым, объектированным миром"⁷. Генрик Ибсен не случайно заявил: "Самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко".

Есть все основания утверждать, что становление человека на уровне индивидуальности стало возможным благодаря христианству (как мировоззрению).

Человек как индивидуальность, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается в искусстве романтизма (конец XVIII - начало XIX в.), ибо онтологической особенностью романтизма, по преимуществу западноевропейского, следует признать антиномичность, трагическую коллизию между небесным и земным, между духом и телом в сфере души, индивидуального "я" человека. Именно в период романтизма человек оказывается на грани бездны (бездонности в смысле бездомности), т.е. одиноким существом. И все, в том числе быть или не быть человеку, зависит от самого человека (его индивидуальности).

В понятии *личность* представлена прежде всего духовная сущность человека. Как писал Н. Бердяев, "Личность не есть часть чего-то, функция рода или общества... Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Личность - духовна и предполагает существование духовного мира... И жизнь личности не есть самосохранение, как в индивидууме, а самовозрастание и самопреодоление"⁸.

Характерно на этот счет и суждение А. Меня: "Дух образует человеческое "я" и те высшие свойства человека, в которых отражен образ и подобие Божие... Все особенности духа объединяются тем, что он реализует себя через "я", через *личность* ..." ⁹.

Стать личностью - значит "преодолеть" земное притяжение, прорваться сквозь завесу суетности, кажимости, призрачности и обрести

---

⁴ См. об этом: Запад и Восток. Традиции и современность. М., 1993. С. 5.

⁵ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 122-123.

⁶ См.: Какабадзе З. Феномен искусства. Тбилиси, 1980. С. 12.

⁷ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 268.

⁸ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 62-63.

⁹ Мень А. История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1994. С. 21. стр. 189

душевный покой (гармонию души). По мнению Н. Бердяева, "существование личности предполагает прерывность, не объяснимо никакой непрерывностью. Человек, которого только и знает биология и социология, человек, как существо природное и социальное, есть порождение мира и происходящих в мире процессов. Но личность, человек, как личность, не есть дитя мира, он иного происхождения. И это делает человека загадкой. Личность есть прорыв, разрыв в этом мире, внесение новизны"¹⁰. Бытие личности, следовательно, протекает в разрезе мгновения-вечности (а равно и бесконечности).

Самой значительной силой утверждения человека как личности, на наш взгляд, является эстетическое творчество (искусство). Именно благодаря ему происходит одухотворение душевно-телесного в человеке, т.е. развитие души в красоте (гармонии), иначе, снятие трагического на уровне прекрасного. Как считал А. Мень: "Ценность всякого художественного произведения заключена прежде всего в том, что автор его создает некий новый, свой собственный мир. Краски и формы, звуки и слова становятся языком духа.

Не случайно творчество для христианства имеет космическое значение: в нем человек как бы продолжает божественное дело созидания. Это уже не "Земля" или "Вода" с их темной стихийной жизнью, а сознательное существо, творящее свой "второй космос" и тем самым соучаствующее в творчестве Бога"¹¹.

Личность, таким образом, - это духовно-творческий, *возвышенно-прекрасный* человек.

В заключение отметим, что без глубокого философского осмысления феномена человека, его природы трудно представить себе должное решение задач, стоящих сегодня в области образования и воспитания.

---

¹⁰ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С. 12.

¹¹ Мень А. Цит. соч. С. 22.

Муздыбаев К. Завистливость личности²

Муздыбаев К. - *Канд. психол. наук, вед. науч. сотр., СИ РАН, Санкт-Петербург*

ВВЕДЕНИЕ

В этой и следующей статье представлены результаты двух эмпирических исследований такого разрушительного личностного явления, как зависть [2]. Зависти боялись с древних времен. Еще Платон сокрушался, что Сократа обвинили завистливые люди [7]. Да и сам Платон неоднократно жалуется на клевету завистников: "При таких обстоятельствах что было мне делать? Разве лишь то, что я поневоле и делал: отказался на будущее от всяких государственных дел, остерегаясь навлечь на себя клевету завистников..." [8]. Зависть враждебна любому превосходству, касается ли это материальной обеспеченности, высоких наград, хорошо выполненной работы, человеческой красоты и т.д. Завистники не только причиняют дискомфорт наиболее успешно и продуктивно работающим людям, они ломают даже судьбы преуспевающих. Исследователи зависти выявили, что из-за враждебности завистников работники снижают мотивацию, скрывают собственные достижения, вынужденно оставляют свою службу, а порой и место жительства [29, с. 223]. Установлено, что зависть отрицательно коррелирует с продуктивностью группы, со сплоченностью в ней и удовлетворенностью

---

² Муздыбаев К. Завистливость личности // Психологический журнал. 2002. №6. С. 38-50.

ею, но положительно связана с явлением социального саггирования в группе, уклонением от работы и с прогулами [14, с. 13]. Более того, низкий уровень экономической производительности социологи связывают со страхом зависти, сковывающим всякую инновационную и эффективную работу [23, с. 338 - 339].

В первой статье анализируется дифференциация чувства зависти к успеху и везению (исследование 1), а также социально-демографическая структура завистливости и ее когнитивные, поведенческие и личностные корреляты (исследование 2). Вторая статья будет посвящена теме нейтрализации зависти других к превосходству личности и совладанию со своей завистью к превосходству других людей (исследование 2).

Постановка проблемы. Испытывать зависть означает признание превосходства, успеха или более высокого благополучия другого человека, сопровождающееся чувством досады, раздражения, недовольства, а иногда и враждебности к превосходящему. Зависть является конкурентным чувством, ориентированным на обладание и доминирование. Сравнение же собственной ситуации и собственных достижений с ситуацией и успехами соперника обнаруживает более низкое положение завистника или скудность его результатов. По этой причине у него возникают притязательные желания обладать, по крайней мере, такого же уровня качествами или достижениями. Однако уже в ходе сравнения завистник начинает понимать, что выправить, уравнять ситуацию невозможно и никакого реального превосходства над конкурентом ему не добиться. Тогда стремление к обладанию вожделенным, но недостижимым превосходством сменяется желанием лишить со-

стр. 38

перника объекта зависти. Поэтому желание обладать трансформируется в еще более сильное стремление отобрать, лишить, нивелировать удачу или превосходство конкурента. Воля теперь направлена не на самосовершенствование и созидание, а на "уничтожение" другого. "Своим глубоким и тщетным желанием всеобщего разрушения завистник признает, что он никогда не добьется благ, которых его, как он думает, незаконно лишили, и что единственная возможная справедливость есть устранение несправедливости посредством уничтожения узурпатора и его жертвы", - пишет Сартр, анализируя корни завистливости Г. Флобера [9, с. 426].

Надо иметь в виду, что завистник завидует не вещам, не качествам и владениям соперника, которые он хотел бы иметь. ("Владение, - говорит Фостер, - это спусковой механизм, но не цель зависти" [15, с. 168].) Его цель не поднять себя до уровня соперника: завистник жаждет разрушить счастье другого человека, он хочет сломать конкурента как личность, ибо испытывает досаду по отношению к обладателю задевающих его достоинств.

В чем же причины такой злобности и жестокой деструктивности? Обязательным условием возникновения зависти считается не столько объективное отсутствие, сколько субъективная неспособность индивида обладать, достичь желаемого [17, с. 69]. Именно *недостижимость* благ или качеств, принадлежащих сопернику, вызывает негодование у претендента. Ситуация не поддается управлению завистником и он оказывается униженным, беспомощным, без надежды, угнетенным. Вот почему он концентрирует свои болезненные переживания преимущественно на собственных недостатках и неполноценности. Не находя позитивного выхода из ситуации, он пытается подавить боль своего унижения посредством такого же унижения преуспевающего человека. Как тонко подметил в свое время Шелер, завистник как бы нашептывает: "Все я тебе могу простить; только не то, что ты есть; только не то, что не я есть то, что есть ты; что "Я" не есть "Ты"!" [12, с. 25]. Необходимость умаления и разрушения объекта зависти переворачивает всю реальность: оказывается объект вожделения не так уж хорош в его представлении.

Зависть может проявлять себя в таких низменных формах, как клевета и сплетни, беспочвенная критика и агрессия. При этом она ловко маскируется, зачастую действует скрытно, нередко выражается не прямо, а косвенно. С целью принижения достоинств соперника завистники могут искусственно сместить сферы сравнения (например, из профессиональной в побочные, неопределенные), перенести акценты оценки с главных тем на второстепенные, несущественные, т.е. исказить успехи соперника. Другой способ унижения и оскорбления достоинств конкурента - намеренное чрезмерное восхваление менее достойного человека или уравнивание его заслуг. Часто практикуемым методом завистников является умалчивание или игнорирование достижений конкурента, как не существующих. Стремясь настроить членов коллектива против преуспевающих индивидов, некоторые завистники пытаются вызвать чувство недовольства, раздражения по отношению к добившимся успеха.

Однако гнев и агрессия раздосадованных чужим превосходством зачастую адресуются не только личности соперника, но и одобряющим, поддерживающим его членам группы или коллектива, принуждая их таким способом к негативному конформному поведению. Стимулирование завистниками межличностной неприязни и вражды нередко приводит к длительным и масштабным конфликтам в организациях, угрожая социальному порядку и продуктивной деятельности людей. А возбуждение же ими недовольства неимущих или малоимущих могут привести, как показывает история, к революциям, способным свергнуть существующий социальный порядок в целом. Как видим, зависть представляет собой далеко не безобидное психологическое и социальное явление.

Поскольку зависть считается отрицательным, социально неприемлемым феноменом, она подавляется, отрицается, маскируется или обозначается по-другому. По этой причине весьма трудно оценить ее масштабы и негативные последствия для судеб людей, экономики и культуры государства. Тем более, что до сих пор в России не предпринималось ни одной попытки измерить и исследовать ее.

Целью настоящей работы является исследование, во-первых, аттитудов к успеху и везению, и, во-вторых, предрасположенности разных социальных групп к завистливости и установление ее поведенческих, когнитивных и личностных коррелят.

Задачи и гипотезы исследования. В первом исследовании явления зависти в 1997 г. мы решали две задачи. *Первая задача* состояла в том, чтобы попытаться определить завистливые отношения к успеху и везению у представителей разных социальных групп. При этом мы предполагали, что чувство досады респондентов возрастает в случае, если успеха добивается тот, кто ранее имел худшие результаты. В ситуации же, когда высоких результатов достигали те, кто и прежде превосходил респондента, чувство огорчения должно возникать в меньшей степени. Такую диспропорцию в проявлении зависти можно было бы объяснить тем фактом, что успех аутсайдера всегда в большей степени служит укором конкурентам, нежели успех лидера. В ситуации везения респон-

стр. 39

дент не сравнивает свое положение с результатами ни аутсайдера, ни лидера, ибо везение состоит лишь из элементов случайности, и тут нет ничего почетного, зависящего от воли, таланта, усердия. Однако большее везение должно вызывать и большую досаду. Как говорил один персонаж Унамуно: "Так ты полагаешь, что счастливики, взысканные судьбой любимчики совсем в этом неповинны? Они повинны уже в том, что не скрывают своего незаслуженного успеха, своего преимущества, не подтвержденного собственными заслугами" [10, с. 36].

Вторая задача касалась попытки изучить объяснение причин завистливости представителями разных социальных групп. Предполагалось, что при объяснении завистливости личности будут доминировать две причины. Во-первых, состязательность, а значит и явление зависти, всегда усиливаются в условиях скудных ресурсов и при

отсутствии альтернативных способов решения проблемы. Поэтому значительная часть опрошенных должна приписывать причину завистливости жизненным трудностям. Во-вторых, учитывая ранее установленные закономерности атрибуции успеха и неудачи [7], можно ожидать, что в абстрактной ситуации существенная часть опрошенных будет приписывать причины завистливости внутренним характеристикам индивида: его природе, личностным чертам.

Во втором исследовании в 2000 г. ставились уже более обширные и сложные задачи. К этому времени нами была разработана шкала, позволяющая измерить предрасположенность личности к завистливости, и шкалы, выявляющие стратегии нейтрализации и совладания с завистью. Исходя из этого планировалось решение следующих задач.

Итак, *третья* наша задача¹, попытаться определить, какие социальные группы в большей мере предрасположены к завистливости, а какие в меньшей. Необходимо было также установить возрастную и тендерную ее дифференциации. Поскольку завистливость связана с достижением и обладанием, то можно ожидать, что она скорее всего проявится у тех категорий респондентов, социальный статус которых подразумевает соперничество, владение и распоряжение собственностью. В данные категории входят студенты (соперничество в процессе учебы), руководители (карьерная состязательность), служащие частного сектора (обретение и накопление богатства). Возможно, что завистливость будет обусловлена депривационным фактором, т.е. малоимущие покажут большую склонность к ней. Возможно, наконец, получение подтверждения атрибуции обыденным сознанием большей завистливости у молодежи и у женщин.

Четвертая задача заключалась в попытке выявить поведенческие корреляты завистливости. Поскольку зависть концептуально трактуется как деструктивное, антисоциальное, дисфункциональное качество, то очевидно обнаружение высокой степени приемлемости для завистников разных форм поведения, нарушающих нормы традиционной морали и закона.

Пятая задача касалась когнитивных структур, т.е. определения атрибуции личностных качеств завистливыми и менее завистливыми респондентами окружающими их людьми. Предполагалось, что здесь-то завистники и обнаружат свою нелояльность и нерасположенность по отношению к другим людям.

Шестая задача была связана с установлением личностных коррелятов. У завистников должны проявиться две главные тенденции: завистливость, вероятно, будет отрицательно связана с качествами личности, свидетельствующими о способности управлять обстоятельствами своей жизни (например, locus контроля, самоуважение); однако, эта черта будет положительно связана со свойствами личности, демонстрирующими ее деструктивность, агрессивность (например, эгоизм, мстительность).

Седьмая задача состояла в попытке уяснить степень материального и психологического благополучия завистливых и независтливых респондентов. Вероятно, что в рамках решения именно этой задачи можно установить: наиболее завистливые являются наиболее неудачливыми и менее психологически благополучными.

МЕТОДИКА

И первое, и второе исследование были проведены по идентичной структуре *выборки*. В каждом исследовании выборка составляла 700 человек. Она включала представителей семи социальных групп приблизительно по 100 человек в каждой: 1) рабочие; 2) служащие государственного сектора экономики; 3) служащие частного сектора; 4) руководители учреждений; 5) студенты; 6) безработные и 7) пенсионеры. Выборка контролировалась также по полу и возрасту.

В первом исследовании, проведенном в ноябре-декабре 1997 г. в Санкт-Петербурге, пенсионеры опрашивались по месту жительства, безработные - в двух районных Центрах занятости населения, остальные 500 человек - в 28 учреждениях. Это 4 завода, 3 вуза, 2 научно-исследовательских института, поликлиника, средняя школа, конструкторское

бюро, общероссийская библиотека, аудиторская фирма, издательство, агентство недвижимости, юридическая и компьютерная фирмы, несколько торговых учреждений и др.¹

Для этого исследования нами была разработана *шкала диспозиционной завистливости*. Она состоит из 15 суждений (5 из них "пустышки"). Ответы даются по семибалльной

---

¹ За опрос одного респондента по месту работы интервьюеру выплачивалось 15 тыс. руб., а по месту жительства - 20 тыс. руб. Наиболее нуждающиеся респонденты (пенсионеры, безработные, рабочие, некоторые служащие государственного сектора) за заполнение анкеты получали 5 тыс. руб. (в ноябре 1997 г. 1\$ = 5.8 тыс. руб.).

Во втором исследовании, осуществленном в сентябре-ноябре 2000 г. в Санкт-Петербурге, опрос проводился по месту жительства респондентов. За опрос одного респондента выплачивалось 80 руб. Пенсионеры, безработные, рабочие и служащие государственного сектора экономики за заполнение анкеты получали 10 руб. (в сентябре 2000 г. 1\$ = 27.60 руб.).

стр. 40

шкале: 7 - полностью согласен(на), 4 - верно нечто среднее, 1 - совсем не согласен(на). Общий балл по шкале высчитывается путем сложения ответов. Величина шкалы колеблется от 10 до 70. Ниже приведены примерные вопросы шкалы:

1. Порой я чувствую(вал) себя униженным, когда мой руководитель очень хвалит(ил) другого работника.

2. Мой друг (подруга) совершенно незаслуженно устроился(ась) на высокооплачиваемую работу, благодаря связям родителей.

3. Меня порой огорчает(ало) то, что я сам понимаю(ал): в какой мере некоторые мои коллеги более талантливы, чем я.

Шкала приемлемости различных видов поведения. Для того, чтобы выявить поведенческие корреляты завистливости необходимо было измерить аттитюды респондентов к различным видам поведения, которые выходят за рамки традиционной морали (например, ложь в корыстных целях, развод, проституция и др.), или прямо нарушают законы (уклонение от уплаты налогов, покупка заведомо краденого и др.). С этой целью использована адаптированная нами ранее известная методика [16,28], которая была применена в 12 странах в 1981-м и в 16 странах в 1990-м годах. Оригинальный вариант шкалы насчитывает 22 вида поведения. Два из них были исключены нами с целью адаптации к нашей культуре ("Несообщение об ущербе, нанесенном припаркованному автомобилю", "Угроза в адрес штрейкбрехеров"), но были добавлены пять других видов поведения ("Мелкое воровство", "Дача взятки ради решения своих проблем", "Физическое наказание детей", "Употребление алкоголя на рабочем месте" и "Месть за нанесенную обиду или ущерб"). Полный список 27 видов поведения приведен в табл. 5. Ответы давались по 7- балльной шкале, где цифра 1 означала "не оправдано и неприемлемо ни в каких условиях", а цифра 7 - "оправдано, приемлемо в любых условиях".

Шкала атрибуции личностных черт. Для выявления когнитивных коррелятов завистливости, мы воспользовались разработанной нами ранее шкалой атрибуции личностных черт [5, с. 33]. Методика состоит из 25 пар прилагательных, которые описывают личность по самым разным критериям: доброжелательности, отзывчивости, агрессивности, успешности и др. Измерение респондентами атрибуции характерных качеств окружающих дает возможность сравнить отношение к окружающим у тех, кто имеет высокие и низкие баллы по методике диспозиционной завистливости. Оценки давались по 7-балльной шкале, где цифра 1 означала, что окружающие в высшей степени циничны, 7 - в высшей степени простодушны, а цифра 4 - среднюю оценку. Полный перечень 25 личностных качеств дан в табл. 6.

Индикаторы жизненных перемен. С целью определения перемен в жизни опрошенных в анкету были включены вопросы об изменениях в материальном и социальном положении, во взаимоотношениях с окружающими и мнений о самом себе, а также о том, стала ли жизнь у респондента лучше или хуже, удалось ли ему(ей) найти место в сегодняшней жизни (подробнее см. табл. 8).

Индикаторы общей оценки жизни. Для установления общей оценки своей жизни респондентам задавались вопросы: в какой мере они счастливы и удовлетворены жизнью; как бы оценили свое настроение в последние дни; в какой мере чувствуют усталость и ощущают себя отвергнутыми, забытыми в обществе; удовлетворены ли они своим материальным и социальным положением (подробнее см. табл. 9).

Личностные шкалы. Планировалось вычисление корреляции данных шкалы завистливости с данными восьми других личностных шкал: 1. Для первого исследования нами был адаптирован тест жизненной ориентации Шейера и Карвера [22, с. 225]. Этот тест, называемый шкалой оптимизма, разработан для измерения диспозиционного оптимизма, определяемого авторами как ожидания личностью относительно благоприятного исхода будущих событий. 2. Шкалы диспозиционной надежды Снайдера (см. подробнее [4, 27]). 3. Шкалы локуса контроля Роттера, адаптированной нами в 1979 г. [3, 21]. Как известно, шкала Роттера определяет интернальность или экстернальность источника управления обстоятельствами своей жизни. 4. Шкалы веры в справедливый мир, выявляющей тенденцию людей считать, что мир является справедливым и люди в целом получают то, что заслуживают [21, с. 69 - 70]. Эта методика полностью адаптирована нами в 2000 г. для данного исследования. 5. Шкалы самоуважения, определяющей позитивность или негативность аттитюдов личности по отношению к себе [19, с. 100]; адаптирована полностью в 2000 г. 6. Шкалы мстительности Струклеса и Горансона [27], адаптированной в 1997 г., измеряющей предрасположенность личности к мести в случае нанесения ей обиды или ущерба. Из 20 вопросов оригинала для данного исследования использованы 10 пунктов. 7. Шкалы эгоизма, выявляющей склонность личности добиваться своих целей, игнорируя интересы и чувства других людей [5, с. 30]. 8. Шкалы стыдливости, разработанной нами в 2000 г. и определяющей склонность личности оценивать свое поведение как неловкое, неуместное или неадекватное и ее желание скрыться, либо не быть в центре внимания.

Аттитюды к успеху и везению. С целью определения завистливого отношения к успеху и везению другого человека респондентам было предложено оценить свои чувства в шести ситуациях: три из них проецировали встречу одноклассников, где выяснилось, что один из одноклассников респондента выдвинут на соискание Государственной премии (при этом он учился либо лучше, либо хуже, либо не лучше и не хуже, чем респондент); три ситуации проецировали выигрыш респондентом определенной суммы денег по Государственной лотерее (1, 10 или 100 млн. рублей). Необходимо было оценить чувства соседа, с которым респондент дружит, во всех трех случаях выигрыша.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Аттитюды к успеху и везению. Как видно из табл. 1, в ситуации успешного одноклассника(цы) завистливые аттитюды возрастают по мере того,

Таблица 1. Чувство зависти респондента к успеху одноклассника, который учился "лучше", "хуже" или "не лучше и не хуже" чем он (ноябрь - декабрь 1997 г., $N = 700$, в %)

Респондент	Однокласснику(це), который(ая) учился(ась):			$=X_1 - X_3$	$=X_1 - X_2$
	лучше	не лучше и не хуже	хуже		
	X_1	X_2	X_3		
Испытал бы зависть	10.3	17.6	24.4	-14.1*	7.3**
Не испытал	80.3	71.6	60.9	19.4	8.7

бы зависть					
Трудно сказать	9.4	10.9	14.9	-5.5	1.5
* $P < 0.01$.					
** $P < 0.20$.					

стр. 41

Таблица 2. Атрибуция чувства зависти респондентами соседу(ке) в связи с выигрышем в лотерее (ноябрь-декабрь 1997 г. N = 700, в %)

Сосед(ка), с которым(ой) респондент дружит:	Респондент выиграл в государственной лотерее:			$=X_1 - X_3$	$=X_1 - X_2$
	1 млн. руб.	10 млн. руб.	100 млн. руб.		
	X_1	X_2	X_3		
Испытал бы зависть	23.6	38.2	41.1	-17.5*	-14.6**
Не испытал бы зависть	35.8	21.6	14.0	14.2	21.2
Трудно сказать	40.6	40.3	44.9	-4.3	0.3
* $P < 0.001$.					
** $P < 0.01$.					

как успеха добивается тот, кто имел ранее самые низкие результаты, т.е. хуже учился. А в ситуации, когда успеха добивается одноклассник, который и прежде превосходил респондента, чувство зависти возникает в меньшей степени. Болезненное осознание, что положение респондента хуже не только по сравнению с успешным одноклассником, но и с отстающим, вызывает сильную досаду, ибо триумф прежнего аутсайдера более явно говорит завистнику о его низких достижениях, нежели успех лидера.

В ситуации же удачливого выигрыша в лотерее (см. табл. 2) завистливые аттитюды возрастают по мере того, как увеличивается величина выигрыша (до 100 млн. рублей). Хотя здесь отсутствуют элементы сравнения и оценки успешности своих усилий с успешностью другого субъекта (выигрыш состоит лишь из элементов случайности), тем не менее, большее везение - выигрыш - вероятно, отрицательно влияет на оценку своего положения соседом. В случае крупного лотерейного выигрыша респонденты, видимо, фокусируют свое внимание на сравнительном ухудшении финансового положения соседа.

Таблица 3. Завистливость личности в зависимости от возраста (сентябрь-ноябрь 2000 г., в % от численности каждой группы)

Возраст	N	Средняя величина по шкале зависти (10 -> 70)	Стандартное отклонение
19 лет и меньше	71	34.72	11.35
20 - 24 года	89	34.35	9.52
25 - 29 лет	72	30.87	10.48
30 - 34 года	60	33.17	9.90
35 - 39 лет	60	30.45	9.69
40 - 44 года	69	29.75	10.60
45 - 49 лет	77	28.68	9.22
50 - 54 года	80	31.20	10.31

55 - 59 лет	27	33.48	10.49
60 лет и больше	89	31.36	9.56
Вся выборка	694	31.72	10.20

Интересно заметить, что респонденты приписывали соседу завистливые чувства во всех трех ситуациях (табл. 2) в два раза больше, чем самому себе (табл. 1). Завистливость - отрицательная черта. Выразить самому большую завистливость означало бы обнаружить свою уязвленность пусть даже в проективной ситуации. Вероятнее всего, желанием респондента выглядеть лучше и объясняется приписывание себе меньше завистливых чувств, чем соседу, хотя отчасти это может быть вызвано и различием ситуации. Возможно также, что худшее ожидается чаще со стороны. Показательно другое: значительная часть респондентов проявила осторожность в нахождении каких-либо чувств у соседа - около 40% опрошенных затруднились ответить на вопросы.

В ситуации успеха одноклассника(цы) обнаруженные тенденции более характерны для молодежи до 30 лет и менее всего - для респондентов старше 50 лет. По сравнению с мужчинами женщины проявили несколько больше чувства зависти в ситуации, когда одноклассник, учившийся хуже, достигал успеха (20.7% и 27.5% соответственно).

Анализ данных по социальным группам показал, что студенты проявляют больше чувства зависти к успешному однокласснику(це) во всех случаях, нежели представители других социальных групп. Однако, для безработных и служащих государственного сектора более досадными представляется успех одноклассника, учившегося хуже, чем они.

Ситуация лотерейного выигрыша наиболее индикативной оказалась для студентов, безработных и предпринимателей. Они выражали больше чувства зависти именно в этой ситуации, в отличие от представителей других социальных групп. Все эти три группы, кажется, нуждаются в везении. Заметим, наконец, что удача, в особенности крупная, вызывает зависть в большей мере у молодых людей до 30 лет, нежели у представителей старшего поколения.

Социально-демографическая структура завистливости. В табл. 3 приведены данные исследования по возрасту. Как видно, на протяжении
стр. 42

Таблица 4. Социально-демографическая структура завистливости личности (сентябрь-ноябрь 2000 г., в % от численности каждой группы)

Социально-демографические группы	N	Низкая степень завистливости	Средняя степень завистливости	Высокая степень завистливости	Средняя величина по шкале зависти (шкала 10 - - 70)	Стандартное отклонение
Студенты	95	25.3	26.3	48.4	35.92	10.08
Пенсионеры	100	35.0	38.0	27.0	31.75	9.76
Рабочие	101	37.6	36.6	25.7	31.40	10.59
Безработные	99	34.3	35.4	30.3	31.34	9.43
Служащие частного	98	37.8	36.7	25.5	31.29	9.68

сектора						
Руководители	98	39.8	29.6	30.6	30.72	10.65
Служащие госсектора	10 3	42.7	32.0	25.2	29.86	10.36
Мужчины	34 1	35.5	32.0	32.6	32.02	10.53
Женщины	35 3	36.8	35.1	28.0	31.43	9.89
Вся выборка	69 4	36.2	33.6	30.3	31.72	10.20

жизненного пути завистливость личности у взрослых достигает максимального значения три раза: в 18 - 24 года, в 30 - 34 года и в 55 - 59 лет. Во всех трех случаях ее рост, очевидно, связан со сравнительной оценкой собственных достижений на значимом этапе жизненного цикла. Молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет обычно ориентированы на преуспевание: получение образования, приобретение профессии и усвоение конкретной специальности. И образовательная, и профессиональная деятельность в этом периоде развития личности подвергается регулярной сравнительной оценке и аттестации, что, видимо, обостряет конкурентное чувство индивида². Однако реальные жизненные успехи оцениваются в 30 - 34 года, когда заканчивается не только образовательный процесс, но и усвоение профессии и адаптация к ней. В 55 - 59 лет вновь наступает время для сравнительной оценки жизненных достижений, продиктованной теперь окончанием трудовой деятельности. Подведение итогов (предварительных и окончательных), вероятно, вызывает у личности некоторую неудовлетворенность, досаду и раздражение при осознании более высоких результатов у других людей.

Установлено, что самую высокую и статистически значимую склонность к зависти проявляют студенты, ориентированные на достижение и по возрасту, и по образовательной деятельности. Самую низкую степень завистливости демонстрируют служащие государственного сектора экономики. По сравнению с последним, наиболее образованным, нормативным и обладающим стабильным социальным статусом контингентом, несколько большая завистливость наблюдается среди пенсионеров ($p < 0.20$), рабочих ($p < 0.30$), безработных ($p < 0.30$) и служащих частного сектора экономики ($p < 0.30$).

Тендерных различий в склонности к зависти у наших респондентов не обнаружено. Ранее на небольшой выборке работающих людей ($N = 111$) Векцио установил большую склонность к завистливости мужчин, нежели женщин. Он объясняет это тем, что по сравнению с женщинами мужчины больше настроены на соперничество, на занятие определенного положения на работе [29, с. 219]. Мы провели дополнительный расчет тендерных различий в семи социальных и десяти возрастных группах. В возрасте 30 - 34 года мужчины, оказалось, проявляют большую зависть к успехам других людей, чем женщины этого же возраста (средние соответственно, 35.21 и 30.50, при $p < 0.05$). В других возрастных группах значимых различий не существует. Не обнаружено их и в шести социальных группах. Только мужчины-рабочие, кажется, несколько более завистливы, нежели женщины-рабочие (средние, соответственно, 32.85 и 29.86, при $p < 0.20$).

Таким образом, наши гипотезы, построенные на основе концепции зависти и существующих стереотипных атрибуций ее к определенным категориям людей, подтверждаются лишь частично. Действительно, молодые люди более завистливы, чем представители старших возрастных групп. Но более детальный анализ фиксирует новые закономерности. Вероятно, существуют еще два критических возрастных периода, когда человек чувствует себя уязвимым при сравнении своих достижений с результатами других людей - это 30 - 34 и 55 - 59 лет.

Завистливость скорее всего не зависит от пола респондентов. По крайней мере не существует надежных данных, чтобы можно было бы уверенно

² Чтобы еще раз проверить этот вывод, мы произвели расчет средних величин завистливости студентов и молодых людей до 25 лет (не студентов). Оказалось, что студенты более завистливы, чем не студенты: средние соответственно 35.92 и 32.46, при $p < 0.05$.

стр. 43

Таблица 5. Степень приемлемости различных видов девиантного поведения для респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционной завистливости (сентябрь-ноябрь 2000 г., шкалы 1 -> 7)

Виды поведения	Высокая диспозиционная завистливость (N= 210)		Низкая диспозиционная завистливость (N = 251)		Разность средних оценок = $M_1 - M_2$
	M_1		M_2		
Уклонение от уплаты за проезд в общественном транспорте	3.43	2.08	3.03	2.11	0.40***
Незаконное получение государственных пособий	2.31	1.77	1.84	1.57	0.47**
Покупка заведомо краденого	2.26	1.76	1.69	1.39	0.57*
Уклонение от уплаты налогов	3.15	2.08	2.49	2.04	0.66*
Аборт	3.99	1.85	3.86	2.04	0.16
Развод	4.37	1.83	4.57	1.99	-0.20
Драка	3.10	1.94	2.69	1.84	0.41***
Убийство при самообороне	4.29	2.08	4.18	2.08	0.11
Бросание мусора в общественных местах	1.94	1.44	1.57	1.20	0.37**
Вождение автомобиля в состоянии	1.64	1.35	1.27	0.92	0.37*
алкогольного опьянения					
Политические убийства	1.94	1.48	1.63	1.37	0.31***
Месть за нанесенную обиду или ущерб	3.21	1.82	2.38	1.77	0.83*
Самоубийство	2.17	1.69	1.52	1.29	0.65*
Супружеская неверность	3.07	1.83	2.82	1.78	q 25*****

Проституция	2.87	1.94	2.26	1.76	0.61*
Гомосексуализм	2.49	1.94	2.19	1.75	0.30****
Получение взятки	2.73	1.85	2.16	1.66	0.57*
Занятие несовершеннолетних сексом	2.30	1.93	1.85	1.66	0.45**
Ложь в корыстных целях	2.79	1.84	2.19	1.72	0.60*
Утаивание найденных денег	3.37	2.01	3.08	1.97	0.29*****
Употребление наркотиков	1.43	1.20	1.15	0.75	0.28**
Угон автомобиля ради развлечения	1.49	1.15	1.19	0.87	0.30**
Дача взятки ради решения своих проблем	3.60	2.04	3.00	2.13	0.60**
Эвтаназия (безболезненное умерщвление безнадежно больных)	4.04	2.27	3.33	2.12	0.71*
Употребление алкоголя на рабочем месте	2.35	1.55	2.13	1.64	0/22*****
Физическое наказание детей	2.64	1.63	2.37	1.62	0.27*****
Мелкое воровство	2.04	1.56	1.48	1.08	0.56*
Итого в среднем	2.78		2.37		

М-среднее;   - стандартное отклонение; * $P < 0.001$; ** $P < 0.01$; *** $P < 0.05$; **** $P < 0.10$; ***** $P < 0.20$.

говорить, кто более завистлив - мужчины или женщины.

"Принцип недостаточности" в материальном и социальном планах, который должен был бы особо разжигать завистливые страсти, вероятно, имеет весьма умеренный эффект в рамках изученных социальных групп, испытывающих материальные лишения (безработные, пенсионеры, рабочие).

Очевидно, что мотивация достижения и состязательность оказывают определенное влияние на степень завистливости (студенты, служащие частного сектора). Однако пока не получает своего подтверждения связь данного явления с карьерной состязательностью у руководителей.

Поведенческие корреляты завистливости.

Из теории и, увы, из собственного жизненного опыта мы знаем, что завистники нередко сплетничают, распространяют за спиной своего конкурента ложную, клеветническую информацию о нем. Они могут и открыто нападать на того, кому завидуют. Словом, завистники - это люди, склонные к девиантному поведению, к нечистоплотным поступкам. Рассмотрим, в какой мере по мнению завистливых и независтливых опрошенных приемлемы разные виды поведения в разных сферах жизни.

стр. 44

Как показывают данные нашего исследования, из 27 видов поведения, которые выходят за рамки традиционной морали или прямо нарушают нормы закона, завистливые респонденты считают приемлемыми в большей степени 24 вида поведения в отличие от менее завистливых опрошенных (среднее для 27 видов поведения соответственно 2.78 и 2.37).

По сравнению с менее завистливыми респондентами более завистливые уверены, что приемлемы самые разные формы поведения, нарушающие принятые законы и нормы морали. Первую группу образуют типы поведения, свидетельствующие о нечестности гражданина: 1) уклонение от уплаты за проезд в общественном транспорте, 2) незаконное получение государственных пособий, 3) уклонение от уплаты налогов, 4) покупка заведомо краденого, 5) получение взятки, 6) дача взятки ради решения своих проблем, 7) ложь в корыстных целях, 8) мелкое воровство. Во вторую группу можно включить типы поведения, характеризующие агрессивность и жестокость индивида: 1) политические убийства, 2) месть за нанесенную обиду или ущерб, 3) самоубийство, 3) эвтаназия (безболезненное умерщвление безнадежно больных), 4) физическое наказание детей. Третья группа состоит из видов поведения, демонстрирующих сексуальную несдержанность или неразборчивость: 1) супружеская неверность, 2) проституция, 3) занятие несовершеннолетних сексом, 4) гомосексуализм.

Таким образом, подтверждается полностью гипотеза о том, что завистливые люди имеют тенденцию расширять границы дозволенного, склоняясь к деструктивному, антисоциальному поведению в обществе.

Завистники, в большинстве своем, - это люди со слабыми ресурсами, нуждающиеся или занимающие низкое положение, по меньшей мере по их собственному мнению, по сравнению с другими людьми. Ощущение же обделенности, лишения важнейших благ как бы наделяет их правом требовать неразрешенное, быть недовольными, правом разрушать. У завистника "право обосновывается непосредственно на желании", - пишет Сартр [9, с. 428]. Завистливые убеждены, что чувство "лишения" или ощущение "неутолимости" дают им такие права. *Заметим* при этом, что право на недовольство и на деструктивные поступки даются им, вернее присваиваются ими, не за заслуги, усилия и достижения, а за их отсутствие.

Атрибуция личностных качеств окружающим.

Склонность к зависти - негативная, нежелательная черта личности. Завистливых людей определяют как имеющих недостатки в характере. Такие люди, как отмечалось выше, для получения желаемого или уравнивания себя с конкурентами, используют множество недостойных, грубых, незаконных методов достижения. Ведь именно по причине способности завистников к недозволенным формам поведения им чаще всего и уступают. По сути, склонность к деструктивному, антисоциальному действию приобретает у них в конкурентной ситуации силу преимущества. Понятно, что, считая завистливость недостойной и опасной, немногие проявляют к людям расположение и симпатию. Как же сами завистники описывают окружающих их людей?

В табл. 6 представлены данные атрибуции личностных качеств окружающим людям респондентами, набравшими высокие и низкие баллы по шкале завистливости. Очевидно, за этой чертой те, кто набрали высокие баллы по этой шкале, приписывают своему окружению преимущественно негативные качества по двадцати двум прилагательным из двадцати пяти, нежели набравшие по ней низкие баллы (среднее для 25 личностных качеств соответственно 4.80 и 5.00). По остальным трем прилагательным различия атрибуции статистически незначимы.

В отличие от независтливых, завистливые опрошенные считают окружающих людей в меньшей степени отзывчивыми, добрыми, альтруистичными, сострадательными, совестливыми и порядочными. По мнению завистливых респондентов, среда их общения кажется им более агрессивной, циничной, злой, завистливой, мстительной и

предубежденной. Они описывают окружающих себя людей также как менее ответственных, менее трудолюбивых, менее патриотичных и, конечно же, менее оптимистичных. В целом, обнаруживается нелояльность завистливых по отношению к среде своего общения.

Личностные корреляты диспозиционной завистливости. Завистливость, как оказалось, положительно и тесно коррелирует с эгоизмом ($R = 0.19$), мстительностью ($R = 0.34$) и стыдливостью ($R = 0.23$) личности (см. табл. 6). В самом деле, в ней много общего с этими чертами личности. Завистник желает присвоить, обладать чужим. Эгоист тоже устремлен на обладание без учета интересов других людей. И тот, и другой озабочены собственным благом и покушаются на чужое, нарушая права других людей. И эгоист, и завистник считают, что их чувство "лишения" или ощущение "неутолимости" дают им право требовать, но они пренебрегают тем фактом, что сами нарушают права других, являющиеся механизмами защиты каждого человека. "Зависть, - пишет Бен-Зив, - предполагает желание улучшить свою собственную судьбу, а не заботу о другом" [13, с. 494]. Этика заботы отзывчива к потребностям других людей, она ориентирована на их пользу. Этика же зависти эгоистична, более того, нацелена на изъятие, "вычерпывание", на разрушение благ других людей.

стр. 45

Таблица 6. Атрибуция личностных качеств окружающим респондентами с низкой и высокой степенью диспозиционной завистливости (сентябрь-ноябрь 2000 г., шкалы 1 -> 7)

Люди, которые меня окружают:	Высокая диспозиционная завистливость ($N = 210$)		Низкая диспозиционная завистливость ($N = 251$)		Разность средних оценок $= M_1 - M_2$
	M_1		M_2		
Оптимисты-пессимисты	4.75	1.34	4.91	1.40	-0.16****
Состоятельные-бедные	3.89	1.28	3.85	1.17	0.04
Удачливые-неудачники	4.37	1.07	4.42	1.24	-0.05
Трезвенники-пьяницы	5.08	1.49	5.48	1.42	-0.40**
Трудолюбивые-ленивые	5.38	1.29	5.80	1.33	-0.42*
Вежливые-грубые	5.05	1.43	5.49	1.27	-0.44*
Образованные-невежественные	5.36	1.30	5.67	1.28	-0.31**
Независтливые-завистливые	4.59	1.56	5.35	1.44	-0.76*
Отзывчивые-равнодушные	5.22	1.32	5.58	1.29	-0.36**
Немстительные-мстительные	5.21	1.44	5.76	1.35	-0.55*
Ответственные-безответственные	5.17	1.31	5.50	1.34	-0.33**
Покорные-непокорные	4.20	1.27	4.54	1.32	-0.34**
Практичные-	4.87	1.32	4.90	1.42	-0.03

непрактичные					
Альтруисты-эгоисты	3.95	1.39	4.61	1.38	-0.66*
Добрые-злые	5.03	1.33	5.47	1.37	-0.44*
Порядочные-непорядочные	5.27	1.32	5.84	1.24	-0.57*
Объективные-предубежденные	4.56	1.31	4.81	1.36	-0.25***
Терпеливые-раздражительные	4.38	1.53	4.89	1.32	-0.51*
Совестливые-бессовестные	4.87	1.30	5.37	1.29	-0.50*
Сострадающие-черствые	4.91	1.29	5.42	1.32	-0.51*
Миролюбивые-агрессивные	4.80	1.38	5.41	1.39	-0.61*
Простодушные-циничные	4.50	1.30	4.76	1.38	-0.26***
Неподкупные-продажные	4.61	1.37	5.36	1.41	-0.75*
Патриоты-непатриоты	5.41	1.29	5.86	1.22	-0.45*
С чувством юмора-зануды	4.60	1.53	4.90	1.59	-0.30**
В среднем для всех качеств	4.80		5.00		
<p><i>M</i> - среднее; - стандартное отклонение; * $P < 0.001$; ** $P < 0.01$; *** $P < 0.05$; **** $P < 0.30$.</p>					

Таблица 7. Личностные корреляты диспозиционной завистливости (сентябрь-ноябрь 2000 г., $N = 700$)

Личностные черты	Высокая диспозиционная завистливость ($N = 210$)		Низкая диспозиционная завистливость ($N = 251$)		Коэффициент корреляции Пирсона R
	M_1		M_1		
Оптимизм (шкала 8->40)	26.05	4.51	26.21	4.60	-0.05
Надежда (шкала 8->32)	22.70	4.06	23.52	4.48	-0.08***
Локус контроля (шкала 1->23)	10.25	3.88	10.57	3.71	-0.04
Вера в справедливый мир (шкала 20->140)	72.88	13.01	70.91	12.35	0.04
Самоуважение (шкала 10->40)	30.01	4.50	30.97	4.27	-0.09**
Мстительность (шкала 10->70)	38.28	10.85	28.11	12.03	0.34*
Эгоизм (шкала 10->40)	39.63	10.83	34.11	10.41	0.19*

>70)					
Стыдливость (шкала 10->50)	30.84	6.77	27.25	6.60	0.23*
* $P < 0.001$. ** $P < 0.01$. *** $P < 0.05$.					

стр. 46

Таблица 8. Средние величины изменений в жизни у респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционной завистливости (сентябрь-ноябрь 2000 г.)

Индикаторы изменений в жизни	Высокая диспозиционная завистливость ($N = 210$)		Низкая диспозиционная завистливость ($N = 251$)		Разность средних оценок = $M_j - M_2$
	M_1		M_2		
Изменение мнения о самом себе (о самой себе) (шкала 1 -> 4)	2.96	0.94	3.04	0.89	-0.08
Изменение в социальном положении (шкала 1 -> 4)	2.29	1.29	2.29	1.27	0.00
Изменение в материальном положении (шкала 1 -> 4)	2.14	1.28	2.23	1.32	-0.09
Изменение во взаимоотношениях с окружающими (шкала 1 -> 6)	3.48	1.38	3.77	1.17	-0.29*
Стала ли жизнь лучше или хуже? (шкала 1 -> 5)	2.82	1.08	2.87	1.13	-0.05
Удалось ли найти место в сегодняшней жизни? (шкала 1 -> 5)	2.99	0.97	3.15	1.04	-0.16**
* $P < 0.05$.					
** $P < 0.10$.					

Высокая и положительная корреляция завистливости с мстительностью также говорит о том, что в этих явлениях много общего. Прежде всего, и мстителя, и завистника снедают воспринимаемое ими униженное положение, что вызывает у них гнев и агрессию. При этом оба они оправдывают свое негодование несправедливостью ситуации. Поэтому и тот, и другой адресуют людям негативные ценности, провоцируя конфликтную обстановку. Надо также сказать, что и зависть и месть - эмоции неутолимые, чрезмерной интенсивности. Наконец, они представляют собой нежелательные, неприятные, социально неприемлемые качества личности.

Завистливость - черта постыдная, потому что она обнажает низменные наклонности личности [13, с. 496]. Действительно, все формы ее проявления (клевета, сплетни, предубежденность, враждебность и др.) позорны и могут вызывать стыд. Однако общность стыдливости и завистливости заключается не только в боязни позора и социального осуждения. Чувства неуместности, неадекватности и неловкости ставят и завистника, и стыдливого в униженное, беспомощное положение. Завистник пытается исправить ситуацию посредством принижения достоинств или заслуг соперника. Стыдливый же человек обычно хочет скрыться, исчезнуть, не выставлять себя на показ. В то же время, если переживание унижения воспринимается как результат враждебных намерений человека, то и стыдливый испытывает гнев и чувство мести. Кроме того, развитие у индивида застенчивости, неловкости, неполноценности могут стимулировать и появление у него завистливости.

Перейдем к анализу отрицательной связи завистливости с самоуважением и надеждой. "Завистник не имеет высокого представления ни о себе, ни о ком другом и убежден в своей правоте. Отсюда - просто дьявольский гнев, вызываемый чьей-то успешной работой", - писал моралист Аллен в "Суждениях" [1, с. 202]. В самом деле, самоуважение, являющееся показателем того, как индивиды чувствуют и оценивают самих себя, предполагает, по меньшей мере, воспринимаемую личностью привлекательность, компетентность и уверенность в себе [18]. У завистника же все перечисленные компоненты присутствуют лишь с отрицательным знаком непривлекательности, неполноценности, несоответствия притязаний и потенциала. Не удивительно поэтому, что эти две черты личности коррелируют между собой отрицательно ($R = -0.09$, при $P < 0.01$). Здесь важно также заметить: завистники и ревнивцы обладают низким уровнем контроля над обстоятельствами своей жизни (например, распределением благ или ценностными отношениями с партнерами), тогда как самоуважение связано с высокой способностью управления жизненными событиями [29, с. 220].

Нет ничего неожиданного и в том, что завистники обладают весьма низким чувством возможного ($R = -0.08$, при $P < 0.05$). Может ли разрушитель и вредитель надеяться на что-то позитивное в будущем? Может ли нарушитель чужих прав и принципов справедливости ожидать чего-то благоприятного от других людей? Какая надежда может быть в сфере зла, разве что отчаяние? Кроме того, безнадежность, беспомощность и бессилие завистника образуют его едва ли не основные, базовые черты.

Изменения в жизни за последние 9 лет (с начала экономической реформы). Сопоставим перемены в жизни у высоко- и низкозавистливых респондентов в течение последних девяти лет с начала экономической реформы в России (см. табл. 8).

стр. 47

Таблица 9. Средние величины оценки своей жизни у респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционной завистливости (сентябрь-ноябрь 2000 г.)

Индикаторы субъективного благополучия	Высокая диспозиционная завистливость ($N = 210$)		Низкая диспозиционная завистливость ($N = 251$)		Разность средних оценок $= M_1 - M_2$
	M_1		M_2		
Настроение в последние дни (шкалы 1 ->6)	3.40	1.32	3.81	1.22	-0.41*
Ощущение счастья (шкала 1 ->4)	1.84	1.02	2.04	1.06	-0.20***
Удовлетворенность	2.89	1.11	3.18	1.13	-0.29**

жизнью (шкалы 1->5)					
Удовлетворенность социальным положением (шкала 1->5)	2.86	1.15	3.11	1.30	-0.25***
Удовлетворенность материальным положением (шкалы 1->5)	2.34	1.11	2.56	1.15	-0.22***
Чувство усталости (шкала 1->4)	2.20	0.87	2.27	0.88	-0.07
Чувство отвергнутости, ненужности, забытости (шкалы 1->5)	3.46	1.09	3.57	1.17	0.11
* $P < 0.001$, ** $P < 0.01$, *** $P < 0.05$.					

Значимые различия можно обнаружить в двух областях. Во-первых, и это главное, - среди высокозавистливых больше тех, кому не удалось найти свое место в сегодняшней жизни. То есть более завистливые индивиды хуже адаптировались к преобразованной экономике, нежели менее завистливые, если, конечно, мы не фиксируем перманентное их состояние. Во-вторых, более завистливые опрошенные отмечают, что у них взаимоотношения с окружающими изменились в худшую сторону: стали более отчужденными. В других сферах жизни перемены у завистливых и менее завистливых значимо не отличаются.

Завистливость и общая оценка жизни. В общих же оценках жизни у завистливых и независтливых респондентов действительно можно встретить много характерного. Из литературы известно, что завистливые люди бывают редко довольны своей жизнью, они чаще ощущают себя несчастными, всегда недовольны своим положением [24, 25]. Недаром еще Фалес говорил: "Лучше вызывай зависть, чем жалость" [11, с. 93]. С древних времен известно, что чувство досады, вызванное благополучием другого человека, само по себе есть боль и страдание для считающих себя обделенными. От этого, конечно, зависть не становится менее опасной и менее разрушительной. По словам Сартра, завистник делает из лишения и страдания себе заслугу и из них черпает право требовать невозможное [9, с. 436]. Даже свою злобность, подмечает он, завистливые трактуют как страдание [там же, с. 438].

Как видно из данных табл. 9, по сравнению с менее завистливыми высокозавистливые респонденты выражают низкую удовлетворенность своей жизнью; они говорят, что часто чувствуют себя несчастными; в дни проведения опроса у них наблюдалось плохое настроение; они были также недовольны своим материальным и социальным положением (все различия статистически значимы).

Объяснение причин завистливости. Как же объясняют сами респонденты корни этой печальной склонности личности? С целью получения ответа на этот вопрос мы опрашиваем респондентов: "Как вы думаете, в чем причина завистливости людей?" Значительная часть опрошенных видела ее истоки в "природе человека" - 34.7%. Второе место в ответах респондентов заняли "жизненные трудности" - 22.8%. Немало было и тех, кто приписывал причину завистливости "плохому воспитанию" (18.3%). В то же время совсем незначительная доля опрошенных, объясняла причины недовольства чужим

успехом низким уровнем образования завистников (3.8%) и особенностями нашей культуры (1.2%). Затруднились дать ответ на данный вопрос 16.5% опрошенных.

Таким образом, в объяснениях причин завистливости в обыденном сознании доминируют неконтролируемые факторы (природа человека и жизненные трудности - 57.5%). Такое понимание корней явления, очевидно, приводит респондентов к другому фаталистическому выводу - невозможности нейтрализовать завистливые чувства или совладать с подобными переживаниями у себя. Так ли это? Попробуем рассмотреть данные проблемы в следующей статье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Констатируем факт, что наиболее завистливые респонденты оказались и наиболее неадаптированными в ходе трансформации российского общества. Они в большей мере, чем независтливые люди, недовольны своим социальным и материальным положением. За годы реформы их взаимоотношения с окружающими стали более отчужденными, они недовольствованы своей

стр. 48

жизнью в целом, естественно, ощущают себя несчастными.

Исследование личностных коррелят завистливости показало, что респонденты, для которых характерна эта черта, обладают низким уровнем надежды на будущее, более обостренным чувством неадекватности и низкой степенью самоуважения, вероятно, обусловленными, в свою очередь, низким уровнем контроля над обстоятельствами жизни. Обнаружена тесная корреляция завистливости с эгоистичностью и мстительностью личности. Неспособность результативного управления собственными делами у завистливых, по всей видимости, компенсируется эгоистичностью (игнорирование чужих чувств и интересов) и переходит в желание восстановить баланс в отношениях насильственным путем (мстительность).

Изучение когнитивных коррелят завистливости показало, что испытывающие досаду от чужого успеха или благополучия индивиды, в общем, нелояльны по отношению к окружающим их людям. Они описывают среду своего общения исключительно в негативных терминах. Окружающие их люди кажутся завистливым более предубежденными, агрессивными, циничными, завистливыми, эгоистичными, мстительными, непорядочными и т.п., нежели независтливым респондентам.

На поведенческом уровне выявлено, что завистливые люди имеют тенденцию произвольно расширять границы дозволенного, склоняясь к антисоциальным, деструктивным действиям в обществе. С их точки зрения, приемлемы разные формы нечестного поведения (неуплата налогов, безбилетный проезд на общественном транспорте, дача и получение взяток и др.), агрессивность при общении, сексуальная несдержанность и неразборчивость.

При анализе завистливости личности по возрастным группам установлены три периода, когда данная склонность достигает максимальной степени: в 18 - 24, 30 - 34 года и 55 - 59 лет. Первый пик завистливости, вероятно, продиктован мотивацией достижения и низкой конкурентноспособностью индивида в процессе обучения и приобретения профессии. Появление второго и третьего периодов объясняется низкой самооценкой (и неудовлетворенностью) личностью собственных достижений на начальном и конечном этапах жизненного пути. Гендерных различий в завистливости личности не установлено.

Анализ распределения данного явления по социальным группам показал, что самый высокий уровень завистливости свойственен студентам, а самый низкий - служащим государственного сектора экономики. Если у госслужащих обнаруживается более зрелое, адекватное отношение к успехам и превосходству других людей, то у студентов, становление которых еще не завершено, такого зрелого отношения к достижениям других пока не сформировано. Поэтому чужой успех вызывает у них чувство досады и ощущение собственной неполноценности.

В отличие от служащих государственного сектора экономики несколько умеренное, но все же заметное чувство досады возбуждают чужое благополучие и успех у пенсионеров, безработных, рабочих и работников частного сектора экономики. Если завистливость последних диктуется состязательностью в ситуации достатка, то чувство досады первых трех социальных групп, по всей видимости, обусловлено "принципом недостаточности", т.е. материальными и социальными лишениями.

Выявлены две следующие общие закономерности завистливого отношения к успеху и везению. Первая: завистливые аттитюды людей возрастают по мере того, как успеха добивается тот, кто имел ранее самые низкие результаты (например, хуже учился, чем респондент). Вторая: в ситуации удачливого лотерейного выигрыша завистливые аттитюды возрастают по мере того, как величина выигрыша резко увеличивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллен. О зависти // Аллен. Суждения. М.: Республика, 2000. С. 201 - 203.
  2. Муздыбаев К. Психология зависти // Психол. журн. 1997. Т. 28. N 6. С. 3 - 12.
  3. Муздыбаев К. Локус контроля в исследованиях массовой коммуникации // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: ТГУ, 1983. С. 222 - 225.
  4. Муздыбаев К. Измерение надежды // Психол. журн. 1999. Т. 20. N 4. С. 26 - 35.
  5. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. N2. С. 27 - 39.
  6. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации // Социологический журн. 2001. N 1 С. 5 - 32.
  7. Платон. Апология Сократа // Платон. М.: Мысль, 1990. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 70 - 96.
  8. Платон. Письма // Платон. М.: Мысль, 1972. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. С. 499 - 568.
  9. Сартр Ж. -П. Идиот в семье. СПб.: Алетейя, 1998.
  10. Унамуну М. Авель Санчес // Назидательные новеллы. М.: Худож. лит., 1962.
  11. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Часть 1.
  12. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999.
  13. Ben-Ze'ev A. Envie // Dictionnaire d' Etique et de Philosophy Morale // Sous dir. de M. Canto-Sperber. Paris: Press Universitaires de Frances, 1997. P. 493 - 497.
стр. 49
-
14. Duffy M. K., Shaw J. D. The Salieri Syndrome. Consequences of Envy in Group // Small Group Research. 2000. V. 31. P. 3 - 23.
  15. Foster G. M. The Anatomy of Envy: A Study of Symbolic Behavior // Current Anthropology. 1972. V. 13. P. 165 - 186.
  16. Harding S., Phillips D., Fogarty M. Contrasting Values in Western Europe. Unity, Diversity and Change. L.: Macmillan, 1986.
  17. Mora G. F. de la. Egalitarian Envy. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987.
  18. Roger D. Self-Esteem, Stress, and Emotion // Encyclopedia of Applied Ethics. San Diego: Academic Press, 1998. V. 3. P. 412 - 416.
  19. Rosenberg M. Self-Esteem Scale // Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. Robinson J. P. and Shaver P. R. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972. P. 98 - 101.
  20. Rotter J. B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs. 1996. V. 80. P. 1 - 28.
  21. Rubin Z., Peplau L. A. Who Believes in a Just World // J. of Soc. Issues. 1975. V. 31. P. 65 - 89.
  22. Scheier M. F., Carver Ch. S. Optimism, Coping, and Health: Assessment and Implications of Generalized Outcome Expectancies // Health Psychology. 1985. V. 4. P. 219 - 247.

23. *Schoek H.* Envy. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1969.

24. *Smith R. H., Diener E., Garonzik R.* The Roles of Outcome Satisfaction and Comparison Alternatives in Envy // *British J. of Soc. Psychol.*, 1990. V. 29. P. 247 - 255.

25. *Smith R. H., Parron W. G., Ozer D., Moniz A.* Subjective Injustice and Inferiority as Predictors of Hostile and Depressive Feelings in Envy // *Pers. and Soc. Psych. Bull.* 1994. V. 20. P. 705 - 711.

26. *Snyder C. R., Harris Ch., Anderson J. R., Holleran Sh. A., Irving L. M., Sigmon S. T., Yoshinobu L., Gibb J., Langelle Ch., Harney P.* The Will and the Ways: Development and Validation of an Individual-Differences Measure of Hope // *J. of Pers. and Soc. Psychology.* 1991. V. 60. P. 570 - 585.

27. *Struckless N., Goranson R.* The Vengeance Scale: Development of a Measure of Attitude Toward Revenge // *J. of Soc. Behav. and Pers.* 1992. V. 7. P. 25 - 42.

28. *The Individualizing Society. Value Change in Europe and North America / Eds. Ester P., Halman L., de Moor A.* Tilburg: Tilburg University Press, 1993.

29. *Vecchio R. P.* It's not Easy Being Green: Jealousy and Envy in the Workplace // *Research in Personnel and Human Resources Management.* 1995. V. 13. P. 201 - 244.

стр. 50

Муздыбаев К. Эгоизм личности³

Муздыбаев К. - Канд. психол. наук, вед. науч. сотр., ИС РАН, Санкт-Петербург

Разработана шкала для измерения эгоизма личности. Обследовано 700 человек. Выявлено, что более всего эгоизм характерен для служащих, занятых в частном секторе экономики, руководителей и студентов, менее всего - для пенсионеров и служащих государственного сектора. Самая сильная предрасположенность к эгоизму обнаружена у молодежи до 30 лет. Степень приемлемости нарушения норм морали и закона значительно выше у респондентов, набравших высокие баллы по шкале эгоизма, по сравнению с теми, кто набрал низкие баллы. В отличие от неэгоистов эгоисты по многим критериям приписывают окружающим негативные качества. В жизни людей с эгоистическими наклонностями произошло больше позитивных перемен, чем у респондентов, проявляющих низкий уровень эгоизма. Эгоисты чаще используют рациональные когнитивные и поведенческие стратегии совладания с трудностями, хотя продуктивные стратегии сочетаются у них с иррациональными.

Ключевые слова: эгоизм, своекорыстие, личный интерес, личная выгода, локус контроля, вера в справедливый мир, самоуважение, мстительность, оптимизм, надежда, депривация, стратегия совладания, счастье, удовлетворенность жизнью, атрибуция личностных черт, приемлемое поведение.

Того эгоизма, который ограничился бы самим собой и не выходил бы за пределы отдельной личности, не существует, следовательно, вовсе нет и того "дозволенного" "морально-индифферентного" эгоизма.

Ф. Ницше. Воля к власти.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Понятие "эгоизм" означает: этическую мотивацию и черту характера личности, а также жизненный принцип и философскую доктрину (8, с. 787; 10, с. 476).

В житейских ситуациях под словом "эгоизм" понимают заботу человека лишь о самом себе без учета интересов других людей. Кажется, нет особых трудностей в уяснении его значения. Но вот вторая часть определения - "без учета интересов других людей" указывает на скрытые и весьма серьезные последствия эгоистического поведения.

---

³ Муздыбаев К. Психология личности. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. №2. С27-39.

Оказывается, что имплицитным в "эгоизме" является не просто максимизация личной выгоды индивида, но также особенность структуры его Я-концепции и характера межличностных отношений (23,с.295).

Кроме того, коль скоро эгоизм может рассматриваться как механизм, побуждающий человека к действию, он касается причин событий, мотивов поведения. Поэтому эгоизм представляет собой, по сути, своеобразную теорию о каузальных предпочтениях, вызывающих социально значимый негативный тип поведения.

Согласно теории этического эгоизма, человек имеет доминирующую обязанность по отношению к самому себе, следовательно, для него значимы лишь его собственные интересы (17, с. 64; 19, с. 502). Как видим, интересы эгоиста ограничиваются только рамками его Я, тогда как неэгоистичная личность включает в свое Я других или рассматривает себя как часть целого. Отсюда неуважение эгоистом интересов других людей и отрицание их ценности. Вот что облегчает ему осуществление своих целей за счет других, а порой даже в ущерб другим. Понятно, что выражения типа "отрицание ценности других", "неуважение интересов других", "осуществление своих целей за счет других или даже в ущерб другим" уже заключают в себе деструктивный, конфликтный, в конечном итоге, десолидаризующий потенциал.

Естественно, эгоизм возникает лишь в связи с другими людьми, т.е. во взаимоотношениях (причем асимметричных) при реализации интересов, выгодных для эгоиста и невыгодных для его партнера. При этом эгоизм имеет место лишь в случаях пренебрежения интересами других людей, покушения на их интересы, использования других в своих целях. Эгоист (как и завистник или мститель) отвергает ценность другого человека. Преследуя свои цели, он не соотносит их с целями и желаниями других людей. Он заинтересован

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (?99-06-80221).

стр. 27

только в утверждении своих ценностей, а другие люди воспринимается им, в лучшем случае, в качестве ресурса, средства решения своих проблем, а в худшем - как помеха, препятствие. В этом смысле для эгоиста не существует понятия взаимности. (Если и существует, то лишь ради достижения корыстных целей.) Можно даже сказать, что по своей форме эгоизм, впрочем, как зависть и месть, представляет собой скорее негативную взаимность. Не признавая взаимными обязанность, лояльность, эгоист снижает уровень взаимопонимания с окружающими. Тут нет места для симпатии, дружбы, любви, необходимых для взаимности. Своекорыстие, сопровождаемое отсутствием чуткости к нуждам окружающих, скорее порождает антипатию, неприязнь, вражду, т.е. взаимный негативизм. Вот почему эгоизм является не универсальным нравственным принципом, а, наоборот, узким, девиантным, отвергаемым, осуждаемым большинством. Тем не менее, со многими формами проявления эгоизма люди мирятся, терпят их по разным причинам. Однако масштабы своекорыстного, себялюбивого поведения в нынешнее переходное время, усугубляемое экономическим кризисом, огромны. Эгоизм проявляется не только в невнимательности и нечуткости к интересам членов семьи, использовании знакомых и посторонних в своих целях, но также в агрессивном посягательстве на интересы других людей, в циничном лоббировании интересов определенных группировок, бессовестном использовании служебного положения с целью присвоения себе финансовых или иных материальных ресурсов.

Еще Юм заметил: "Человеческий эгоизм разжигается несоответствием тех немногих благ, которыми мы владеем, нашим нуждам..." (9, с. 646). Современные научные исследования подтверждают, что необходимость выживания в условиях дефицита ресурсов усиливает эгоистические тенденции личности (12; 13; 24). Кроме того, многочисленными авторами экспериментально установлено, что при социальных

дилеммах, т.е. в ситуациях, увеличивающих конфликт между групповым благополучием и индивидуальными побуждениями, люди зачастую не принимают в расчет негативные последствия для всей общности и выбирают эгоистическую стратегию поведения (11; 28).

Совокупность нынешних политических, экономических, социальных и правовых условий в России не могла не раздвинуть границы дозволенного и не провоцировать рост эгоистических тенденций личности. Однако в нашей стране проблемы эгоизма не изучены ни в теоретическом, ни в эмпирическом планах (1). Феноменологическое изучение эгоизма требует специальной разработки. Целью же данной работы является исследование предрасположенности разных социальных групп к эгоизму и установление его поведенческих, когнитивных и личностных коррелятов. Изучался диспозиционный эгоизм личности, т.е. ее предрасположенность к игнорированию чувств, интересов и благополучия других людей ради достижения своих целей, а также ее готовность нарушить установленные правила, использовать других или даже наносить им вред с целью осуществления своих желаний.

ЗАДАЧИ И ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая наша задача состояла в том, чтобы определить: какие социальные группы в большей мере предрасположены к эгоизму. Правила поведения, как известно, порождаются, регулируются и контролируются социальными институтами. Поэтому предполагалось, что институциональные изменения в стране, в частности, либерализация экономики, должны были заметно структурировать социальные группы и в отношении готовности людей максимизировать личную выгоду, в их стремлении к экономическому и социальному преимуществу, а также в расширении границ дозволенного поведения. Понятно, что частный сектор экономики является конкурентной и во многом рискованной средой, которая в большей мере провоцирует указанные склонности личности. Поэтому мы предполагали, что работники частного сектора должны проявлять большую предрасположенность к эгоизму, нежели представители государственного.

Вторым выраженным дифференцирующим фактором должен быть статус респондента. Анализируя интересы и выгоды народа и представительной власти в середине прошлого столетия, Милль пришел к выводу, что особенно предпочитают личные выгоды люди "во власти". По утверждению Милля, добившись власти, "человек или сословие людей, начинает видеть в своих отдельных интересах личных или сословных, совершенно иную степень важности. Встречая поклонения от других, они и сами становятся самопоклонниками, и начинают видеть в себе значение во сто раз большее, чем другие лица и другие сословия общества; возможность легко приводить в исполнение свои желания притупляет в них способность видеть последствия, даже в тех случаях, где дело касается их лично" (1, с. 113). Если следовать логике Милля, привыкшие легко приводить в исполнение свои желания, руководители должны быть в большей мере предрасположены к эгоистическим действиям.

Очевидно, что будут наблюдаться возрастные и гендерные различия. По-видимому, в группах молодых респондентов уровень диспозиционного эгоизма окажется выше по сравнению с респондентами

---

1 Единственная философско-этическая книга по этой проблеме была издана у нас 30 лет тому назад (4).

стр. 28

из старших возрастных групп. Дело в том, что разнообразные обязанности по отношению к окружающим, забота о нуждах близких появляются у человека с возрастом по мере обретения им профессии, создания семьи и т.п. Можно сказать, что человек освобождается от эгоистических наклонностей с возрастом, хотя, конечно, многое зависит и от конкретной жизненной ситуации и воспитания. Кроме того, более явное проявление эгоизма, по всей вероятности, обязано также общественному моделированию ролей двух

полов - мужчин и женщин. В самом деле, социальные ожидания видов поведения от женщин и мужчин различны. Именно укоренившиеся требования этикета, правила воспитания детей, общепринятые ролевые функции и др. устанавливают симметричные или асимметричные формы проявления заботы, исполнения обязанностей, соблюдение интересов. Не приводит ли подобное моделирование социального пола и к различиям в формах осуществления повседневных желаний, методах реализации целей, способах соблюдения личных и общественных интересов? Не обнаружится ли тогда, что мужчины склонны проявлять несколько больший диспозиционный эгоизм, нежели женщины?

Вторая задача заключалась в выявлении поведенческих коррелятов эгоизма. Предполагалось, что границы дозволенных, приемлемых видов поведения для людей, движимых сугубо личным интересом, должны быть значительно шире, нежели у людей с низким уровнем диспозиционного эгоизма.

Третья задача касается когнитивных структур. Если человек приписывает собственным делам большую важность по сравнению с делами окружающих людей, то он должен по особому организовать и свой когнитивный мир. Мы предположили, что эгоисты должны относиться к окружающим менее лояльно и с некоторым пренебрежением, следовательно, и приписывать им больше негативных черт, нежели неэгоисты.

Как же складывалась жизнь людей, более предрасположенных к эгоизму, в кризисные годы по сравнению с респондентами, проявляющими низкую степень эгоизма? Четвертая задача должна была дать ответ на этот вопрос. Предполагалось, что у эгоистов больше позитивных изменений в жизни, в материальном и статусном планах, они должны быть в большей мере довольны своей жизнью, нежели группа людей, не добивающихся своего преимущества. По всей видимости, у респондентов с низким и высоким диспозиционным эгоизмом должны отличаться и стратегии совладания с материальными трудностями. Очевидно, что последние чаще используют рациональные когнитивные и поведенческие стратегии, они в целом должны быть более адаптивными, нежели первые.

Пятая задача связана с определением личностных коррелятов эгоизма. Коль скоро основные склонности эгоиста - максимизация личных выгод, использование окружающих в личных целях, придание своим делам приоритета и др. - связаны с мотивацией обладания, достижения и успеха, то, вероятно, будем наблюдать значимую связь шкалы эгоизма со шкалами диспозиционной надежды и оптимизма. Однако осуществление целей, достижение успеха у эгоистичной личности не зависят от ее уверенности в собственных силах. Они в основном достигаются за счет нарушения правил поведения. По этой причине вряд ли мы обнаружим тесную связь между шкалой эгоизма и шкалой локуса контроля. Концептуально эгоисты проявляют неуважение к окружающим, но сами они (как предполагается) должны испытывать несколько большее самоуважение, нежели неэгоисты. По всей видимости, обнаружится значимая корреляция между шкалами эгоизма личности и "верой в справедливый мир". Эгоист, вероятно, рассуждает: "я получаю то, что заслуживаю" или "люди сами навлекают на себя неудачи, воздерживаясь от использования всех средств". В данном случае для эгоиста гипотеза "о справедливом мире" служит скорее обоснованием и оправданием его стиля поведения, а не определением справедливости или несправедливости мира. Лернер называл "веру в справедливый мир" "фундаментальной иллюзией" (или "фундаментальным заблуждением"), вызываемым желанием поддерживать когнитивный баланс и уменьшить психологическое напряжение (18, с. 11, 44, 48). Постоянное проявление своекорыстия и себялюбия требует от человека, с одной стороны, активности, наступательности и агрессивности, а с другой, формирования защитных механизмов своего Я и неустанной охраны приобретенного, завоеванного и недопущения потерь. Мы ожидали, что данные шкалы эгоизма должны высоко коррелировать с данными шкалы мстительности, выявляющей предрасположенность личности к ответной агрессии и сведению счетов.

МЕТОДИКА

Выборка (*) составляла 700 человек, представителей семи социальных групп, приблизительно по 100 человек в каждой: 1) рабочие, 2) служащие бюджетных организаций, 3) служащие частного сектора, 4) руководители учреждений, 5) студенты, 6) безработные и 7) пенсионеры. Последние опрашивались по месту жительства, безработные - в двух районных

---

* За опрос одного респондента по месту работы интервьюэру выплачивалось 15000 рублей, а по месту жительства - 20000 рублей. Наиболее нуждающиеся респонденты (пенсионеры, безработные, рабочие, некоторые служащие госучреждений) за заполнение анкеты получали 5000 рублей (ноябрь 1997 года \$ 1 = 5.8 тыс. руб.).

стр. 29

Центрах занятости населения, остальные 500 человек опрашивались в 28 учреждениях. Это: 4 завода, 3 вуза, 2 научно-исследовательских института, поликлиника, средняя школа, конструкторское бюро, общероссийская библиотека, аудиторская фирма, издательство, агентство по недвижимости, юридическая и компьютерная фирмы, несколько торговых учреждений и др. Выборка контролировалась также по полу и возрасту. Обследование проводилось в ноябре-декабре 1997 года в Санкт-Петербурге.

Шкала диспозиционного эгоизма была разработана нами в 1997 году. Она состоит из 10 суждений. Ответы даются по семибалльной шкале: 7 - полностью согласен(на), 4 - верно нечто среднее, 1 - совсем не согласен(на). В трех суждениях использована обратная шкала (т.е. полное согласие означает низкий эгоизм), они в списке обозначены латинской буквой (R). Общий балл по шкале высчитывается путем сложения ответов. Величина шкалы колеблется от 10 до 70. Ниже шкала эгоизма приведена полностью:

1. Любой человек имеет право обеспечить свое счастье, даже если ради этого придется пренебречь счастьем других людей.

2. Добиваясь своих целей в жизни, всегда следует учитывать чувства других людей. (R).

3. Любой человек должен отказаться от собственных желаний, если они наносят вред интересам других людей (R).

4. Нет ничего предосудительного в том, что человек стремится обеспечить свое благополучие любыми средствами, зачастую даже за счет других людей.

5. Детей надо воспитывать таким образом, чтобы они больше думали о своих собственных интересах, чем об интересах других людей.

6. Человека следует оценивать прежде всего с точки зрения его полезности другим людям, а не по успешности его личных дел (R).

7. Я придерживаюсь точки зрения, что человек должен стремиться получить от жизни максимальное удовольствие, даже если ради этого придется пренебречь благополучием других людей.

8. Любой человек должен всегда действовать таким образом, чтобы не стать несчастным.

9. Нельзя осуждать человека за то, что он воспользовался возможностью, чтобы обеспечить себе преимущества в конкурентной ситуации.

10. Каждый может добиваться своего счастья так, как ему заблагорассудится.

Шкала приемлемости различных видов поведения. Для того, чтобы выявить поведенческие корреляты эгоизма, необходимо было измерить attitudes респондентов к различным видам поведения, которые выходят за рамки традиционной морали (например, ложь в корыстных целях, развод, проституция и др.), или прямо нарушают законы (уклонение от уплаты налогов, покупка заведомо краденого и др.). С этой целью мы адаптировали известную методику (14, 15), которая была использована в 12-и странах в 1981-м и в 16-и странах в 1990-м году. Оригинальный вариант шкалы насчитывает 22 вида поведения. Три из них нами были исключены при адаптации к нашей культуре

("Несообщение об ущербе, нанесенном припаркованному автомобилю", "Угроза в адрес штрейкбрехеров" и "Мужской/женский адюльтер"), однако нами были добавлены 5 других видов поведения ("Мелкое воровство", "Дача взятки ради решения своих проблем", "Физическое наказание детей", "Употребление алкоголя на рабочем месте" и "Месть за нанесенную обиду или ущерб"). Полный список 26 видов поведения приведен в табл. 2. Ответы давались по семибалльной шкале, где цифра "1" означала "не оправданно и неприемлемо ни при каких условиях", а цифра "7" - "оправданно, приемлемо в любых условиях".

Шкала атрибуции личностных черт. Чтобы выявить когнитивные корреляты эгоизма, нами была специально разработана шкала атрибуции личностных черт. Методика состоит из 25 прилагательных, которые описывают личность по самым разным критериям: доброжелательность, отзывчивость, агрессивность, успешность и др. Измерение атрибуции респондентами характерных качеств для окружающих позволило сравнить отношение к другим у тех, кто имеет высокие и низкие баллы по методике диспозиционного эгоизма. Оценки давались по семибалльной шкале, где цифра "1", например, означала, что окружающие в высшей степени "циничны", цифра "7" - в высшей степени "простодушны", а цифра "4" - среднюю оценку. Полный перечень 25-и личностных качеств дан в табл. 3.

Индикаторы жизненных перемен. С целью определения перемен в жизни опрошенных в анкету были включены вопросы об изменениях в материальном и социальном положении, во взаимоотношениях с окружающими и мнений о самом себе, а также о том, стала ли жизнь у респондента лучше или хуже, удалось ли ему (ей) найти место в сегодняшней жизни (подробнее см. табл. 5).

Общая оценка жизни. Для установления общей оценки своей жизни респондентам задавались вопросы: в какой мере они счастливы; в какой мере удовлетворены своей жизнью; как бы они оценили свое настроение в последние дни; в какой мере чувствуют усталость; в какой мере чувствуют себя отвергнутыми, забытыми в обществе; удовлетворены ли своим материальным и социальным положением (подробнее см. табл. 8).

Стратегия совладания с экономической и социокультурной депривацией. Чтобы выявить стратегии совладания с материальными трудностями, нами была разработана шкала, состоящая из 40 вопросов. Образованы 14 стратегий:

1. Стратегия "отстраненного принятия ситуации" описывает пассивное принятие человеком сложившихся жизненных обстоятельств, поскольку он ничего не смог предпринять.
2. "Пассивной надежды" заключается в ожидании респондентом какого-либо события или его надежды на чудо, когда все встанет на свои места.
3. "Стойкости и самообладания" состоит из попыток сдерживать чувства и бороться, чтобы выкарабкаться из материальных затруднений.
4. "Поиска социальной поддержки" охватывает разные формы помощи у родственников, знакомых, в государственных или иных учреждениях, информирование респондентом о своих затруднениях разных людей и др.
5. "Самовыживания" характеризует отказ от платных услуг и переход на самообеспечение (работа на садовом участке, изготовление необходимых вещей или их ремонт собственными силами).
6. "Личностной адаптации" включает способность человека изменить в себе что-то, чтобы выбраться из критической ситуации.
7. "Рациональная когнитивная стратегия" - это анализ ситуации, разработка плана действий и т.п.
8. "Рациональная поведенческая стратегия" состоит в попытках дополнительно подработать или в поиске более высокооплачиваемой работы и др.
9. "Позитивного мышления" выражается в концентрации мысли человека на важных, полезных сторонах своей деятельности.
10. "Атрибуции вины на себя и на других" заключается в поиске виновных, обвинениях себя или кого-нибудь другого в неблагоприятном исходе событий.
11. "Избегания" складывается из попыток человека скрыть свои затруднения или избегать общения.
12. "Депривационной адаптации" описывает жесткую экономию, продажу личных вещей.
13. "Смирения и бездействия" включает в себя сон, принятие лекарств,

молитву. 14. "Бесплодного мечтания" состоит из разных фантазий о том, как трудности сами исчезнут или как избавиться от них.

Личностные корреляты диспозиционного эгоизма. Вычисляли корреляции данных шкалы эгоизма с данными 6-ти личностных шкал. I. Тест жизненной ориентации Шейера и Карвера (25, с. 225), адаптированный нами для этого исследования. Этот тест, иначе называемый шкалой оптимизма, разработан для измерения диспозиционного оптимизма, определяемого авторами как ожидания личности относительно благоприятного исхода будущих событий. II. Шкала диспозиционной надежды Снайдера (см. подробнее (3, 26)). III. Шкала локуса контроля Роттера, адаптированная нами в 1979 году (3, 20). Как известно, эта шкала определяет интернальность или

стр. 30

Таблица 1. Социально-демографическая структура эгоизма личности (% от численности каждой группы)

Социально-демографические группы	N	Низкая степень эгоизма	Средняя степень эгоизма	Высокая степень эгоизма	Средняя величина по шкале эгоизма (шкала 10 - - 70)	Стандартное отклонение
Служащие части, сектора	96	22.9	36.5	40.6	41.01	10.40
Студенты	98	19.4	40.8	39.8	40.55	9.32
Руководители	103	40.8	29.1	30.1	37.50	11.97
Безработные	99	36.4	34.3	29.3	37.42	10.59
Рабочие	99	39.4	35.4	25.3	36.36	10.64
Служащие госсектора	99	47.5	30.3	22.2	34.88	10.46
Пенсионеры	96	70.8	22.9	6.3	28.80	. 7.43
Мужчины	339	43.4	31.9	24.8	35.89	11.10
Женщины	351	35.9	33.6	30.5	37.41	10.56
29 лет и меньше	230	22.6	35.2	42.2	41.01	10.20
30-49 лет	277	41.5	32.9	25.6	36.12	11.10
50 лет и старше	183	57.9	29.5	12.6	32.02	9.04
Вся выборка	690	39.6	32.8	27.7	36.36	10.85

экстернальность источника управления обстоятельствами своей жизни. IV. Шкала веры в справедливый мир, выявляющая тенденцию людей считать, что мир является справедливым и люди в целом получают то, что они заслуживают (22, с. 69-70). V. Шкала самоуважения, определяющая позитивность или негативность аттитюдов личности по отношению к себе (20, с. 100). Для измерения веры в справедливый мир и самоуважения личности мы взяли методики Рубина и Пеплау (1975) и Розенберга (1965) не полностью: лишь часть вопросов, выделенных авторами как основные или имеющие самые высокие факторные нагрузки (по три вопроса в каждой, на основе которых образовали индексы). Обычно практикуемое такое "расщепление" методик в нашем случае объяснялось необходимостью не перегружать опросный лист. VI. Шкала мстительности Струклеса и Горансона (27), также адаптированная нами, измеряет предрасположенность личности к мести в случае нанесения ей обиды или ущерба. Из 20 вопросов в оригинале для данного исследования использованы 10 пунктов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Социально-демографическая структура эгоизма. "Если я эгоист, то это проявляется не только в моем поведении, но и в моем характере, - писал Фромм. - Быть эгоистом - значит, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими..." (7, с. 37). Как видно из данных табл. 1, при нормированном разделении всей выборки на группы с низким, высоким и средним диспозиционным эгоизмом, движимые лишь личными интересами оказались в меньшинстве (27.7%). Для большей части обследованных характерен низкий диспозиционный эгоизм (39.6%). Средняя степень эгоизма присуща 32,8% респондентам.

Сравнение предрасположенности разных социальных групп к эгоизму показывает, что первая наша гипотеза оправдалась. Институциональные перемены в экономике, т.е. введение рыночных отношений, должно было повлиять и на готовность людей действовать соответствующим образом. Действительно, служащие частного сектора демонстрировали самую высокую степень эгоизма по сравнению с другими социальными группами. Больше того, отдельное вычисление диспозиционного эгоизма у руководителей из бюджетных организаций (49 чел.) и из частного сектора (54 чел.) также свидетельствует в пользу этого предположения. Руководители, занятые в частном секторе экономики, проявляют статистически значимо более высокий уровень диспозиционного эгоизма, нежели занятые в государственном секторе (средние соответственно 39.67 и 35.12 при $p < 0.05$). Эта детализация, впрочем, обнаружила и то, что гипотеза о большей предрасположенности руководителей к эгоизму подтверждается нашей выборкой лишь частично, т.е. только для руководителей, занимающихся бизнесом. Очевидно, что это допущение, которое появилось все-таки не без основания, нуждается в дальнейшей проверке. На "диктат первого лица", привыкшего подчинять все своим интересам, указывал не только Милль, но и современные теоретики (5, с. 118). Кроме того, высокий социальный статус всегда сопряжен с высокой мотивацией достижения, с реализацией поставленных целей, со склонностью к состязанию. А достижение цели требует выбора средств порой в весьма жестких условиях. Выбранные же средства не всегда могут быть адекватными моральным нормам и букве закона.

Высокая степень эгоизма, по нашим данным, характерна также для студентов. Это объяснимо:

стр. 31

Таблица 2. Степень приемлемости различных видов поведения для респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционного эгоизма (шкала 1- 7)

Виды поведения	Высокий диспозиционный эгоизм (N=191)		Низкий диспозиционный эгоизм (N=273)		Разность средних оценок
	М 1	б 1	М2	б 2	
Уклонение от уплаты за проезд в общественном транспорте	4.14	1.93	3.38	1.95	0.76*
Незаконное получение государственных пособий	2.51	2.08	1.77	1.53	0.74*

Покупка заведомо краденого	2.16	1.84	1.56	1.29	0.60*
Уклонение от уплаты налогов	3.30	2.26	2.37	1.88	0.93*
Аборт	4.40	2.17	3.96	2.06	0.44***
Развод	5.09	2.01	4.39	1.87	0.70*
Драка	3.11	1.77	2.44	1.64	0.67*
Убийство при самообороне	4.68	2.08	3.99	2.07	0.69*
Бросание мусора в общественных местах	2.02	1.50	1.66	1.17	0.36**
Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения	1.64	1.32	1.34	0.97	0.30**
Политические убийства	1.89	1.63	1.60	1.33	n q***
Мсть за нанесенную обиду или ущерб	2.81	1.75	2.11	1.65	0.70*
Самоубийство	1.90	1.50	1.72	1.45	o i?*** **
Проституция	3.14	1.96	1.98	1.53	1.16*
Гомосексуализм	2.78	2.00	1.95	1.64	0.83*
Получение взятки	3.09	1.93	2.41	1.74	0.68*
Занятие несовершеннолетних сексом	2.32	1.90	1.66	1.38	0.66*
Ложь в корыстных целях	2.69	1.90	1.72	1.34	0.97*
Утаивание найденных денег	3.68	2.08	2.63	1.79	1.05*
Употребление наркотиков	1.74	1.47	1.40	1.16	0.34**
Угон автомобиля ради развлечения	1.57	1.21	1.20	0.78	0.37*
Дача взятки ради решения своих проблем	4.10	2.19	2.62	1.91	1.48*

Эвтаназия (безболезненное умерщвление безнадежно больных)	3.57	2.16	3.04	2.09	0.53**
Употребление алкоголя на рабочем месте	2.54	1.69	2.14	1.49	0.40**
Физическое наказание детей	2.34	1.39	2.18	1.31	0.16
Мелкое воровство	1.65	1.24	1.51	1.20	0.14** **
Итого в среднем	2.88		2.26		0.62

Примечание. М - среднее; студенты, средний возраст которых в выборке -21,5 года, большей частью находятся на обеспечении родителей. Молодые люди в этом возрасте (тем более, учащиеся) приучены получать, а не отдавать. На данной возрастной фазе привычнее также ожидать помощи и заботы, а не самим оказывать помощь и проявлять заботу. Студенты пока свободны и от семейных обязательств. Словом, они думают больше о своих желаниях, удовольствиях и счастье, нежели о благополучии окружающих.

В социальном плане, конечно, высокий эгоизм студентов, предпринимателей и руководителей в корне отличаются. Эгоизм первых во многом безобиден и, надо надеяться, преходящ. Эгоизм же последних негативно влияет на жизнь других людей, ослабляет социальные узы, снижает кооперацию, сеет антагонизм и провоцирует конфликты.

К эгоизму в наименьшей степени предрасположены служащие, занятые в государственном секторе экономики, и пенсионеры. Здесь мы наблюдаем, вероятно, сравнительно большую нормативность и лояльность, уважение к интересам окружающих. Низкий диспозиционный эгоизм пенсионеров объясняется некоторым сужением у них жизненной перспективы, уменьшением острых желаний и стремлений.

Из данных табл. 1 также видно, что диспозиционный эгоизм в самом деле снижается с возрастом:

стр. 32

Таблица 3. Атрибуция личностных качеств окружающим респондентами с низкой и высокой степенью диспозиционного эгоизма (шкала 1 - 7)

Люди, которые меня окружают:	Высокий диспозиционный эгоизм (N = 190)		Низкий диспозиционный эгоизм (N=271)		Разность средних оценок $\Delta M = M1 - M2$
	M1	$\bar{b} 1$	M2	$\bar{b} 2$	
Оптимисты- пессимисты	4.74	1.24	4.27	1.31	0.47*
Состоятельные- бедные	4.14	1.23	3.55	1.06	0.59*
Удачливые- неудачники	4.40	1.21	3.97	0.92	0.43*
Трезвенники- пьяницы	5.18	1.42	5.30	1.52	-0.12

Трудолюбивые-ленивые	5.25	1.30	5.59	1.32	-0.34*
Грубые-вежливые	3.08	1.41	2.74	1.41	0.34***
Образованные-невежественные	5.53	1.26	5.44	1.33	0.09
Завистливые-независтливые	3.66	1.55	2.90	1.55	0.76*
Равнодушные-отзывчивые	3.07	1.43	2.65	1.47	0.42**
Мстительные-немстительные	3.35	1.60	2.55	1.52	0.80*
Ответственные-безответственные	5.05	1.41	5.03	1.44	0.02
Покорные-непокорные	3.56	1.13	3.76	1.12	- 0 20****
Практичные-непрактичные	4.88	1.33	4.73	1.28	0.15
Эгоисты-альтруисты	4.09	1.17	3.62	1.34	0.47*
Злые-добрые	3.29	1.43	2.82	1.40	0.47*
Порядочные-непорядочные	5.26	1.34	5.59	1.34	-0.33**
Предубежденные-объективные	3.61	1.23	3.29	1.19	0.32**
Терпеливые-раздражительные	4.45	1.31	4.60	1.35	-0.15
Совестливые-бессовестные	4.76	1.34	5.12	1.36	-0.36**
Черствые-сострадающие	3.38	1.35	2.91	1.40	0.47*
Агрессивные-миролюбивые	3.47	1.44	2.96	1.47	0.51*
Циничные-простодушные	3.78	1.18	3.36	1.23	0.42*
Неподкупные-продажные	4.44	1.39	4.95	1.39	-0.51*
Патриоты-непатриоты	4.42	1.48	4.58	1.48	-0.16
С чувством юмора-зануды	5.50	1.23	5.25	1.39	0.25***
В среднем для всех качеств	4.71		4.90		-0.19

* $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.05$; **** $p < 0.10$.

у респондентов до 30 лет - самая сильная предрасположенность к эгоистичным побуждениям, а у респондентов 50 лет и старше - самая низкая.

Предположение о большей предрасположенности "сильного пола" к эгоизму по сравнению со "слабым" не подтвердилось. Наоборот, женщины, кажется, склонны несколько больше проявлять эгоизм, нежели мужчины (различие средних значимо при $p < 0.10$). Не скрывается ли в этой предрасположенности женщин своеобразный защитный механизм? Так или иначе данный феномен подлежит дальнейшему изучению.

А пока внесем некоторые уточнения. До 19 лет юноши больше предрасположены к эгоистичным побуждениям, нежели девушки (средние соответственно 48.62 и 40,57 при $p < 0.05$). От 20 до 40 лет нет значимых различий в эгоизме между мужчинами и женщинами. С 40 лет диспозиционный эгоизм выше у женщин по сравнению с диспозиционным эгоизмом у мужчин. Отметим также, что женщины из среды рабочих, пенсионеров и руководителей проявляют несколько большую степень эгоизма, нежели мужчины из этих же социальных групп.

Поведенческие корреляты эгоизма. 26 видов поведения, приведенные в табл. 2, представляют собой либо примеры нарушения установленных законов (уклонение от уплаты за проезд в общественном транспорте, незаконное получение государственных

Таблица 4. Личностные корреляты диспозиционного эгоизма

Личностные черты	Высокий диспозиционный эгоизм (N=191)		Низкий диспозиционный эгоизм (N = 273)		Коэффициент корреляции Пирсона $\wedge M=M1-M2$
	M1	б 1	M2	б 2	
Оптимизм (шкала 8 -> 40)	26.82	4.80	24.70	4.57	0.20*
Надежда (шкала 8 -> 32)	23.15	4.07	21.73	3.96	0.15*
Локус контроля (шкала 1 -> 23)	10.03	4.26	10.12	3.67	-0.01
Вера в справедливый мир (шкала 3 -> 21)	12.91	4.07	11.66	4.10	0.14*
Самоуважение (шкала 4 -> 12)	10.26	1.46	9.97	1.36	0.10**
Мстительность (шкала 10 -> 70)	36.77	11.67	25.97	11.90	0.38*

* $p < 0.001$; ** $p < 0.01$.

пособий, покупка заведомо краденого, уклонение от уплаты налогов и др.), либо случаи нарушения норм традиционной морали (аборт, развод, ложь в корыстных целях и др.) (2). Отступление от норм в первом случае преследуется законом, а во втором - лишь осуждается общественностью в разной степени. Как свидетельствуют наши данные, у тех, для кого характерен высокий диспозиционный эгоизм, в большей мере приемлемы все упомянутые виды поведения по сравнению с теми, кто проявляет низкий диспозиционный эгоизм (среднее для 26 видов поведения соответственно 2.88 и 2.26). Причем, с точки зрения эгоистов, приемлемы и агрессивные формы поведения (драка, убийство при самообороне, месть за нанесенную обиду или ущерб, политическое убийство), и проявление алчности и нечестности (получение или дача взятки, утаивание найденных денег, уклонение от уплаты налогов и др.), и семейный разлад (развод, физическое наказание детей), и сексуальная неразборчивость (проституция, гомосексуализм, занятие несовершеннолетних сексом). Таким образом, для эгоистов никакие нормы морали и буква закона не являются преградой. Они склонны самовольно расширять границы дозволенного ради достижения своих целей.

"...Для того чтобы существовала мораль, общество, мир культуры, - писал Сартр, - необходимо, чтобы некоторые ценности принимались всерьез и считались существующими а priori. Необходимость быть честным, не лгать, не бить жену, иметь детей и т.д. и т.п. должна признаваться априорно" (6, с. 326-3 27). Эгоист как раз не признает априорных ценностей. Он склонен произвольно устанавливать правила в зависимости от собственной выгоды. Кроме того, эгоист пренебрегает долгом, покушается на права и свободу других людей. Вот почему эгоизм считается деструктивным, десолидаризирующим фактором.

Атрибуция личностных качеств окружающим. Известно, что индивидуальные различия в поведении описывают в терминах личностных черт. Считается, что существует определенная консистентность в поведении человека в самых разных ситуациях и в разное время. Именно такая последовательность поведения дает основание предполагать наличие стабильных личностных качеств. Поэтому мы ожидаем проявление тех или иных моральных, профессиональных и других качеств от конкретного человека. Больше того, ожидаем проявление как раз тех качеств, которые мы сами же приписываем окружающим нас людям. При этом характер ожидания, типы атрибуции зависят прежде всего от характера взаимоотношений и от личностных черт самого оценивающего (3). Если же эгоист, к примеру, пренебрегает чувствами и интересами другого лица, чтобы придать своему делу приоритет, то он, вероятно, не ожидает лояльности от этого лица, а наоборот, может видеть в нем источник опасности. В самом деле, как показывают наши данные (см. табл. 3), характер атрибуции личностных качеств окружающим людям эгоистами и неэгоистами в корне отличается. В целом, те, кто набрали высокие баллы по шкале эгоизма, приписывают своему окружению в среднем больше негативных моральных качеств, нежели набравшие по данной шкале низкие баллы (соответственно 4.71 и 4.90). По сравнению с неэгоистами респонденты, движимые исключительно личными интересами, чаще приписывают окружающим

2 Хардинг, Филипс и Фогарти классифицировали этот список, выделив три типа морали: 1) личная и сексуальная мораль, 2) мораль своекорыстия и 3) законная и незаконная мораль [14, с. II]. Хелман и де Мур разделили перечисленные виды поведения на два типа морали: 1) мораль терпимости и 2) гражданская мораль [15, с. 56-60].

3 Установлено, например, что наблюдатели чаще приписывают причины событий личностным диспозициям, тогда как само действующее лицо стремится приписывать причины ситуационным факторам (16).

стр. 34

Таблица 5. Средние величины изменений в жизни у респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционного эгоизма

Индикаторы изменений в жизни	Высокий диспозиционный эгоизм (N =191)		Низкий диспозиционный эгоизм (N =273)		Разность средних оценок $\Delta M = M1 - M2$
	M1	б 1	M2	б 2	
Изменение мнения о самом себе (о самой себе) (шкала 1 -> 4)	3.01	0.88	2.58	0.97	0.43*
Изменение в социальном положении (шкала 1 -> 4)	2.56	1.21	2.15	1.20	0.41*

Изменение в материальном положении (шкала 1 -> 4)	2.25	1.31	1.90	1.22	0.35**
Изменение во взаимоотношениях с окружающими (шкала 1 -> 6)	3.57	1.26	3.35	1.17	0.22****
Стала ли жизнь лучше или хуже? (шкала 1 -> 5)	2.99	1.08	2.65	0.98	0.34*
Удалось ли найти место в сегодняшней жизни? (шкала 1 -> 5)	3.08	0.89	2.90	0.93	0.18****

* $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.05$; **** $p < 0.10$.

людям предубежденность, агрессивность, злобу, завистливость, мстительность и эгоизм, т.е. целый набор деструктивных качеств. Неудивительно, что эгоисты чаще склонны к негативной атрибуции своему окружению также характеристик пренебрежительного отношения к другим людям (грубости, равнодушия, черствости и циничности). В то же время эгоисты приписывают и ряд позитивных качеств окружающим себя людям, правда, они в основном не морального, а скорее нейтрального свойства (большая образованность, большая состоятельность, удачливость, оптимистичность, чувство юмора). Другими словами, людей своего круга эгоисты воспринимают как более жизнерадостных, состоятельных и образованных.

В отличие от атрибуции эгоистов, неэгоисты приписывают своему окружению большую нормативность поведения (трудолюбие, трезвость, патриотичность), большую честность (неподкупность, порядочность и совесть) и конформность (покорность и терпеливость).

Личностные корреляты диспозиционного эгоизма. Самую тесную связь эгоизм обнаруживает с мстительностью личности ($R = 0.37$). Это говорит о нетерпимости эгоиста к пренебрежению или ущемлению собственных интересов и его готовности расчитаться с обидчиком. Впрочем, как мы видели выше, по сравнению с неэгоистами респонденты, склонные постоянно преследовать только собственные интересы, сами ожидают от окружающих мстительности. Такое ожидание, видимо, обязано пониманию эгоистами того, что использование аморальных или незаконных средств для достижения своих целей все-таки наказуемо.

Обнаружена, как и предполагалось, положительная и значимая корреляция шкалы эгоизма со шкалами оптимизма ($R = 0.20$) и надежды ($R = 0.13$). Общим между этими тремя шкалами является то, что все они связаны со стремлением человека к достижению чего-то позитивного для себя, с реализацией какой-то цели в жизни. И подобное стремление, видимо, не может обходиться у некоторых людей без использования незаконных или аморальных средств. Ведь употребление нелегальных методов достижения цели вызвано слабостью, неуверенностью личности в собственных возможностях, что подтверждается отсутствием корреляции между шкалой эгоизма и шкалой локуса контроля.

Чем больше линия поведения человека расходится с общепринятыми нормами, тем более он нуждается в каких-то защитных механизмах. Необходима рационализация

системы ценностей и конкретных поступков, чтобы поддерживать когнитивный баланс и снизить психологическое напряжение. Вот чем объясняется тесная и значимая связь эгоизма личности с ее "верой в справедливый мир", точнее, с ее "фундаментальной иллюзией".

Независимо от того, нарушает человек правила поведения в обществе или нет, он нуждается в принятии себя как личности. Однако это принятие себя может быть продиктовано и критериями подлинного достоинства личности, и внешней стороной достижения поставленных целей. Скорее последним объясняется значимая корреляция шкалы эгоизма со шкалой самоуважения ($R = 0.09$). Так или иначе, и эгоистичная личность пытается формировать положительный самообраз.

Изменения в жизни за последние 6 лет. Кризисные годы в той или иной степени внесли перемены в жизнь каждого россиянина. Какие же изменения произошли в жизни у эгоистичных и неэгоистичных респондентов в 1992-1997 г.г.?

Прежде всего отметим, что по сравнению с опрошенными, обладающими низким диспозиционным эгоизмом, те, кто наделен этим качеством в

стр. 35

Таблица 6. Уровень диспозиционного эгоизма в группах с крайней депривацией и с высоким уровнем благосостояния

Индикаторы благосостояния	Низкий диспозиционный эгоизм		Средний диспозиционный эгоизм		Высокий диспозиционный эгоизм		Итого
	%	N	%	N	%	N	
Испытывающие острую депривацию	55.0	93	23.1	39	21.9	38	100
Обладающие высоким уровнем благосостояния	10.3	3	37.9	11	51.7	15	100

Таблица 7. Средние величины стратегии совладания с экономической и социокультурной депривацией респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционного эгоизма

Стратегии совладания с экономической и социокультурной депривацией	Высокий диспозиционный эгоизм (N = 129)		Низкий диспозиционный эгоизм (N = 204)		Разность средних оценок $\Delta M = M1 - M2$
	M1	б 1	M2	б 2	
Стратегия отстраненного принятия ситуации 0	3.69	1.29	3.84	1.24	-0.15
Стратегия пассивной надежды 0	3.74	1.29	3.45	1.20	0.29**
Стратегия стойкости и самообладания 0	5.00	0.95	4.91	1.08	0.09
Стратегия	12.28	2.96	11.89	3.29	0.39

поиска социальной поддержки 0000					
Стратегия самовывживания 0	4.42	1.13	4.35	0.97	0.07
Стратегия личностной адаптации 0	3.65	1.29	3.34	1.20	0.31**
Рациональная когнитивная стратегия 000	8.58	1.98	8.03	1.97	0.55**
Рациональная поведенческая стратегия 00	5.49	1.86	5.20	1.72	0.29***
Стратегия позитивного мышления 0	3.76	1.23	4.07	1.34	-0.31**
Стратегия атрибуции вины на себя и на других 0	3.26	1.11	2.87	1.08	0.01
Стратегия избегания 0	3.33	1.06	3.30	0.92	0.03
Стратегия депривационной адаптации 0	3.89	0.92	3.93	0.99	-0.04
Стратегия смирения и бездействия 00	4.11	1.39	4.05	1.29	0.06
Стратегия бесплодного мечтания 0	4.45	1.38	4.04	1.32	0.41*

Примечание. Индексы: 0 2 - 6; 00 3 - 9; 000 4 - 12; 0000 8 - 24. * $p < 0.01$;** $p < 0.05$; *** $p < 0.20$.

высшей степени, чаще сообщали, что в положительную сторону изменились у них социальное и материальное положение. Надо сказать, что за эти годы у эгоистов и жизнь в целом стала лучше в отличие от неэгоистичных респондентов. Положительным результатом для тех, кто проявляет больший эгоизм, является и то, что им чаще удавалось находить себя в сегодняшних условиях. Итогом указанных позитивных перемен, очевидно, было улучшение мнения о самом себе у тех, кто имеет высокие баллы по шкале эгоизма. Как бы то ни было, готовность человека не останавливаться перед нарушением любых норм морали и закона, как видим, обеспечивала ему некоторое преимущество в эти кризисные годы. Недаром эгоисты чаще выбирали ответ "время, в котором мы сейчас живем, - это мое время" (25.3%) по сравнению с неэгоистами (10.3%) (различие значимо при $p < 0.001$).

Сравнивая жизненные перемены у тех, кто имеет высокие и низкие баллы по шкале эгоизма, надо иметь в виду, что эгоизм представляет собой антидепривационный принцип. Его смысл как раз заключается в устранении нехватки материальных благ и в большем обладании ими. Этот тезис подтверждается данными табл. 6. Среди тех, для кого

характерен высокий диспозиционный эгоизм, всего 21.9% испытывали острую материальную нужду, тогда как среди тех, кому свойственен низкий диспозиционный эгоизм, таких нуждающихся было 55.0% (различие значимо при $p < 0.001$). Хотя обладающих высоким уровнем благосостояния несколько больше среди эгоистов, нежели среди неэгоистов, данное различие значимо лишь на уровне $p < 0.20$.

Стратегия совладания с экономической и социокультурной депривацией. Рассмотрим теперь данные о том, как преодолевали эгоистичные и

стр. 36

Таблица 8. Средние величины оценки своей жизни у респондентов с низкой и высокой степенью диспозиционного эгоизма

Индикаторы субъективного благополучия	Высокий диспозиционный эгоизм (N=191)		Низкий диспозиционный эгоизм (N=273)		Разность средних оценок $\Delta = M1 - M2$
	M1	б 1	M2	б 2	
Настроение в последние дни (шкала 1 -> 6)	3.87	1.32	3.21	1.27	0.66*
Ощущение счастья (шкала 1 -> 4)	2.09	1.07	1.75	0.88	0.34*
Удовлетворенность жизнью (шкала 1 -> 5)	3.09	1.08	2.71	1.07	0.38*
Удовлетворенность социальным положением (шкала 1 -> 5)	2.98	1.16	2.73	1.17	0.25**
Удовлетворенность материальным положением (шкала 1 -> 5)	2.35	1.07	2.18	1.03	0.17***
Чувство усталости (шкала 1 -> 4)	2.75	0.81	2.82	0.79	-0.04
Чувство отвергнутости, ненужности, забытости (шкала 1 -> 5)	3.59	1.13	3.17	1.25	0.42*

* $p < 0.01$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.10$.

неэгоистичные личности материальные трудности (см. табл. 7).

Прежде всего отметим, что эгоисты в большей мере способны эффективно для себя выходить из затруднительного положения. С этой целью они чаще, чем неэгоистичные респонденты использовали рациональную когнитивную стратегию совладания с экономической и социокультурной депривацией. Такая стратегия включает анализ ситуации, разработку плана действий, сравнение своего положения с ситуацией других людей, анализ поведения других лиц в подобной ситуации. Все это подразумевает стратегию личностной адаптации, т.е. приобретения нового опыта и изменений в себе, которые помогли бы выбраться из конкретной ситуации. Правда, довольно сильная способность к когнитивной и личностной адаптации эгоистов, облегчаемая, очевидно, неразборчивостью в выборе средств, сопровождается весьма умеренной рациональной

поведенческой стратегией: средняя величина для эгоистов -5.49, для неэгоистов - 5.20, при $p < 0.20$. В то же время респонденты, проявляющие высокую предрасположенность к эгоизму, чаще прибегали к разным иррациональным, непродуктивным формам совладания с материальными трудностями: стратегия бесплодных мечтаний, стратегия пассивной надежды и атрибуции вины на себя и на других. Обследуемые же с более низкой степенью эгоизма, реже применяли такие стратегии.

Эгоизм и общая оценка жизни. Оценки жизни во многом обнаруживают эмоциональное состояние человека, вызываемое удачами и неудачами в самых разных сферах. С целью сравнения субъективного благополучия респондентов, имеющих высокие и низкие баллы по шкале эгоизма, мы использовали 7 индикаторов (см. табл. 8). Оказалось, что по 6-и критериям у эгоистов выше оценки субъективного благополучия, нежели у тех, кто менее склонен к эгоизму. Только в одном случае отсутствует статистически значимое различие. Респонденты, проявляющие высокий диспозиционный эгоизм, в большей мере довольны своим социальным и материальным положением и своей жизнью в целом. Они реже чувствуют себя отвергнутыми, забытыми или ненужными в нашем обществе. По сравнению с респондентами, которым свойствен низкий эгоизм, проявляющие эгоизм в высокой степени более счастливы и у них в общем хорошее настроение.

Таким образом, какими бы ни были способы реализации жизненных целей и стратегии совладания с трудностями, конечный положительный результат деятельности вызывает у эгоистов чувство значительного субъективного благополучия.

Объяснение причин эгоизма. Как же представители разных социальных групп объясняют причины пренебрежения интересами других людей, корни нечуткости, невнимательности к заботам окружающих, мотивов использования знакомых в своих корыстных целях? Для того, чтобы получить ответ, в анкету был включен вопрос: "Как вы думаете, в чем причина эгоизма людей?". Два фактора, пожалуй, являются основными: "плохое воспитание" (34.3%) и "природа человека" (30.8%). 11% опрошенных ссылаются на "жизненные трудности", как на причину эгоизма, 5.8% респондентов полагают, что эгоизм вызывается в свою очередь эгоистичным поведением других людей. Корни эгоизма в низком образовании видят 2.3% обследованных. Показательно, что 15.1% выборки затруднились дать определенный ответ. Заслуживающих внимания значимых различий между мнениями разных социальных групп не существует.

стр. 37

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги нашего исследования. Прежде всего заметим, что одним из серьезных последствий институциональных перемен в России, связанных с введением рыночных отношений, является изменение социальной мотивации граждан. Данные настоящего исследования показывают, что по сравнению с другими социальными группами служащие, занятые в частном секторе экономики, проявляют самую высокую степень эгоизма. Можно сказать, что появился социальный слой, ставящий собственную выгоду выше закона, морали, интересов других людей и т.п. Очевидно, что такая стратегия поведения является особенностью новых российских предпринимателей, хотя среди деловых людей имеются немало пытающихся работать в рамках закона и морали.

Второе, что следует отметить - это приемлемость, оправданность с точки зрения эгоистичных личностей различных видов поведения, которые выходят за рамки традиционной морали или прямо нарушают закон. Обнаруживается явная склонность эгоистов самовольно расширять границы дозволенного ради достижения своих целей.

Третий важный вывод касается атрибуции личностных качеств окружающим людям. Как раз приписываемые другим личностные качества определяют характер взаимоотношений и эффективность объединенных усилий. Если позитивные оценки свидетельствуют о лояльности, расположенности человека к конструктивному,

взаимопользованию сотрудничеству, то преобладание негативных оценок говорит о невозможности такого сотрудничества. Установлено, что те, кто проявляет высокий диспозиционный эгоизм, приписывают своему окружению в среднем больше негативных качеств. Эгоистам кажется, что окружающие люди агрессивны, завистливы, продажны, эгоистичны, циничны, пренебрежительно относятся к другим, не отличаются порядочностью и совестью. Вероятно, здесь и кроются отчасти истоки пренебрежительного (как бы взаимообратного) отношения к другим со стороны самих эгоистичных индивидов.

Четвертое, что нам хотелось бы выделить - это коренное отличие в субъективном благополучии у эгоистов и неэгоистов. Похоже, что в кризисные годы готовность эгоистов не останавливаться перед нарушением любых норм закона и правил морали обеспечивала им некоторое преимущество перед законопослушными гражданами. Выявлено, что у эгоистов произошло больше позитивных перемен в социальном и материальном положении, им кажется, что они нашли себя в сегодняшней весьма неопределенной жизни. Эгоисты способны измениться, чтобы преодолеть жизненные трудности. Хотя им присуще использование иррациональных, непродуктивных стратегий, в целом, они эффективно применяют рациональную когнитивную и поведенческую стратегии совладания с экономической и социокультурной депривациями. Несмотря на неразборчивость в средствах при достижении целей, эгоисты выше оценивают свое субъективное благополучие, нежели неэгоистичные индивиды.

Следует в заключение сказать, что изучение эгоистических наклонностей личности чрезвычайно важно не только ради лучшего понимания проблем личности, но также потому, что эгоизм влияет на других людей, их судьбы, благополучие, достоинство. В стремлении к достижению собственной выгоды в конце концов ничего аморального или криминального нет. Такой ориентации придерживается, к примеру, и индивидуалист, опирающийся исключительно на собственные ресурсы. Эгоист же увеличивает свою выгоду за счет ущемления интересов окружающих людей, за счет нарушения принятых норм закона и морали. Тем самым эгоист не только наносит ущерб другим людям, он разрушает нормативную жизнь, обесценивая значение таких универсальных и социально плодотворных категорий, как долг и справедливость, сострадательность и благотворительность, великодушие и щедрость, честность и порядочность и др. Неудержимый эгоизм, таким образом, социально вредоносен, хотя в сегодняшней российской реальности более "успешными" являются зачастую те, кто не останавливается перед нарушением норм закона и правил морали ради достижения поставленной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. СПб.: Типография Ю.А. Бокрама, 1863.
2. Муздыбаев К. Локус контроля в исследованиях массовой коммуникации // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: ТГУ, 1983. С. 222-225.
3. Муздыбаев К. Измерение надежды // Психол. журн. 1999. Т. 20. N4.
4. Петров Э.Ф. Эгоизм. Философско-этический очерк. М.: Наука, 1969.
5. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
6. Сартр Ж.П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
7. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1986.
8. Чанышев А.А. Эгоизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 787.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М.: Мысль, 1966. Соч. в 2-х томах. Т. 1. С. 77-788.

-
10. Blum LA. Egoism // Dictionnaire d'Etique et de Philosophy Morale / Sous dir. de M.Canto-Sperber. Paris: Press Universitaires de Frances, 1996. P. 476-482.
  11. Caporaël L.R., Dawes P.M., Orbell J.M., van de Kragt A.J.C. Selfishness examined: Cooperation in the Absence of egoistic incentives // Behavioral and Brain Sciences. 1989. V. 12. P. 683-739.
  12. Carufel A. The Allocation and Acquisition of Resources in Times of Scarcity // The Justice Motive in Social Behavior / Eds. Lerner M.J. and S.C. N.Y.: Plenum Press, 1981. P.317-341.
  13. Greenberg J. The Justice of Distributing Scarce and Abundant Resources // The Justice Motive in Social Behavior / Eds. Lerner M.J. and S.C. N.Y.: Plenum Press, 1981. P.289-316.
  14. Hording S., Phillips D., Fogarty M. Contrasting Values in Western Europe. Unity, Diversity and Change. L.: Macmillan, 1986.
  15. The Individualizing Society. Value Change in Europe and North America / Eds. Ester P., Halman L., de Moor A. Tilburg: Tilburg University Press, 1993.
  16. Jones E.E., Nisbett R.E. The Actor and the Observer: Divergent Perceptions of the Causes of Behavior//Attribution: Perceiving the Causes of behavior/Eds. Jones E.E. et al. Morristown, General Learning Press, 1972. P. 79-94.
  17. Kalin J. In Defense of Egoism // Morality and Rational Self-interest / Ed. Gauthier D.P. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970. P. 64-87.
  18. Lerner M.J. The Belief in a Just World. A Fundamental Delusion. N.Y.: Plenum Press, 1980.
  19. Nielsen K. Egoism in Ethics // Philosophy and Phenomenological Research. 1959. V. 19. P. 502-510.
  20. Rosenberg M. Self-Esteem Scale // Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. Robinson J.P., Shaver P.R. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972. P. 98- 101.
  21. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs. 1966. V. 80. P. 1-28.
  22. Rubin Z., Peplau LA. Who Believes in a Just World // J. of Soc. Issues. 1975. V. 31. P. 65-89.
  23. Sanders S.M. Egoism, Self and Others // The Personalist. 1978. Vol. 59. P. 295- 303.
  24. Staub E. The Roots of Evil. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
  25. Scheier M.F., Carver Ch.S. Optimism, Coping, and Health: Assessment and Implications of Generalized Outcome Expectancies // Health Psychology. 1985. V. 4. P. 219-247.
  26. Snyder C.R., Harris Ch., Anderson J.R., Holleran ShA., Irving L.M., Sigmon S.T., Yoshinobu L., Gibb J., Langelle Ch., Harney P. The Will and the Ways: Development and Validation of an Individual-Differences Measure of Hope // J. of Pers. and Soc. Psychology. 1991. V. 60. P.570-585.
  27. Struckless N., Goranson R. The Vengeance Scale: Development of a Measure of Attitude Toward Revenge // J. of Soc. Behav. and Pers. 1992. V. 7. P. 252.
  28. Vries S., Wilke HAM. Constrained Egoism and Resource Management Under Uncertainty // Social Dilemmas. Theoretical Issues and Research Findings / Eds. Liebrand W.B.D., Messick D.M., Wilke H.A.M. Oxford: Pergamon Press, 1992. P. 81-99.
- стр. 39

Реан А.А. Психологические проблемы акмеологии. Акмеология личности⁴

---

⁴ Реан А.А. Психологические проблемы акмеологии. Акмеология личности // Психологический журнал. 2000. №3. С. 89-95.

Автор: А.А.Реан - Член-корр. РАО, докт. психол. наук, проф., зав. кафедрой ф-та психологии СПбГУ, Санкт-Петербург

Рассматриваются теоретические основания новой области современного человекознания - акмеологии. В историко-научном и теоретическом аспектах анализируется место личностной проблематики в структуре акмеологии. Показывается, что акмеология личности является малоразработанной, самостоятельной областью внутри акмеологического направления наряду с такими более разработанными областями, как акмеология индивида и акмеология субъекта профессиональной деятельности. Перспективы акмеологии личности связываются с гуманистической парадигмой в широком смысле, которая в данном случае не ограничивается специфическими традиционными рамками "гуманистической психологии".

Ключевые слова, личность, акмеология, социализация, саморазвитие, ответственность, терпимость, автономность, позитивное мышление.

Акмеология личности - практически не разработанная область акмеологической науки. В трудах основателей акмеологии (Н.А. Рыбников, 1928; Б.Г. Ананьев, 1968) эта область оказывается не только не исследованной достаточно полно, но и почти не затронутой.

Действительно, в фундаментальной работе Ананьева, в которой акмеология впервые была так четко и конкретно прописана в схеме основных наук о человеке, в структуре современного человекознания [3], можно увидеть, что он связал акмеологию с индивидуальными особенностями человека. В трех специальных разделах этой работы рассматривается структура наук о человеке как индивиде (там же, гл. 1, раздел 5), личности (гл. 1, раздел 6) и субъекте деятельности (гл. 1, раздел 7). Причем Ананьев провел этот анализ очень глубоко, представив фундаментальные схемы-структуры системы наук о человеке во всех трех указанных выше аспектах. Внимательное их рассмотрение показывает следующее. Место акмеологии найдено и четко указано только в первом разделе. В схеме системы наук о человеке как индивиде акмеология явно присутствует и в таком порядке: эмбриология человека, морфология и физиология ребенка, педиатрия, педагогика, акмеология, геронтология [3, с. 46]. В следующих двух больших схемах системы наук о человеке как личности [там же, с. 50] и субъекте деятельности [с. 53], понятие "акмеология" уже не встречается. Хотя следует заметить, что эти схемы являются не менее фундаментальными, чем первая.

В связи с этим может даже сложиться впечатление, что по Ананьеву акмеология - наука о человеке как индивиде, достигшем периода расцвета, зрелости или акме. С формальной точки зрения это мнение является достаточно обоснованным. Однако необходимо отличать формальный и контекстно- смысловой подходы. Анализ работ Ананьева позволяет заключить, что он все- таки связывал акмеологию, ее предметную область как с индивидуальным уровнем анализа, так и с личностным, и особенно с субъектно-деятельностным уровнем изучения человека. Хотя формально действительно место акмеологии в системе наук о человеке указано в схеме наук о нем как индивиде. Более того, именно в этой области акмеологии еще при жизни Ананьева и при его непосредственном руководстве были проведены наиболее значительные исследования (Н.А. Грищенко-Ро-зе, Е.И. Степанова, Г.С. Сухобская, Е.Ф. Рыбалко и др.). Эта линия исследований продолжена и в настоящее время, а монографическое обобщение их результатов дано в новых фундаментальных работах [28, 32].

Несколько позднее, чем акмеологические исследования на уровне индивида, получил развитие акмеологический подход к исследованию проблем субъекта деятельности. В первую очередь здесь необходимо назвать комплексное лонгитюдинальное исследование взрослых как субъектов учебной деятельности, в котором вполне логично сомкнулись, образовав некий синтез, индивидуальный и субъективно-деятельностный уровни анализа человека [20]. Другим (также из числа первых)

исследованием по акмеологии субъекта профессиональной деятельности является значительное эмпирическое и теоретическое исследование феномена продуктивности научной и педагогической деятельности преподавателя высшей школы [10]. В настоящее время акмеология субъекта профессиональной деятельности является

88

наиболее интенсивно разрабатываемой областью акмеологической науки (К.А. Абульханова-Славская, 1995; Е.А. Климов, 1995; Н.В. Кузьмина, 1989,1990; А.А. Реан, 1990,1999; А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Г.И. Марасанов, Г.С. Михайлов 1996, 1998; А.К. Маркова, 1996; и др.), где центральными являются проблемы профессионализма и уровня деятельности, а также технологий их повышения [16, 25, 31]. Область акмеологии личности была разработана значительно менее тщательно и основательно, чем акмеология субъекта профессиональной деятельности, и уж тем более слабее, чем акмеология индивида. Обобщая все вышесказанное, мы определяем предмет акмеологии как изучение в процессуальном и результативном аспектах феномена зрелости или достижения человеком вершин как индивидом, личностью, субъектом деятельности и индивидуальностью.

Нельзя обойти молчанием вопрос о соотношении акмеологии и психологии. Он достаточно запутан, на него нет однозначного и общепринятого ответа. Исходя из данного выше определения предметной области акмеологии, следует, что акмеология одновременно и шире психологии (выходит за ее рамки) и уже психологии (является ее частью).

I. Акмеология действительно является только частью психологической науки, так как проблема зрелости человека (период "акме", в индивидуальном плане - период взрослости), хотя и является значительной, все-таки не охватывает все предметное поле психологии. Психология ведь изучает человека (1) в онтогенетическом плане на всех возрастных этапах: от младенчества до старости, (2) в личностном плане - не только социально зрелую личность (личностное "акме"), но и личность инфантильную, делинквентную, асоциальную и т.д., (3) в субъектно-деятельностном плане - не только вершины профессионализма (профессиональное "акме"), но и психологию профессиональной деятельности вообще, в целом, выявляя наиболее общие закономерности, в том числе связанные с достижением вершин профессионализма, а иногда и абстрагируясь от идеи уровней профессионального мастерства.

II. Акмеология действительно шире, чем психология, так как проблема зрелости человека (все равно в каком аспекте - сугубо возрастном, онтогенетическом, личностном, субъектно-деятельностном) - это проблема не только психологии, но и целого комплекса других наук о человеке: биологии, медицины, социологии, философии и т.д. Возможно, в этом плане акмеология подобна геронтологии, которая, несомненно, является комплексной научной дисциплиной. В связи с этим отмечу следующее. Внимательный взгляд на то место в ананьевской схеме наук о человеке

как индивиде, где определено место акмеологии [3, с. 46], не может не заметить там некоторой нелогичности. Мне этот перечень последовательности наук всегда казался в чем-то нестройным, как будто с неожиданно нарушенной, но прежде четкой логикой. И действительно, этот набор (эмбриология человека, морфология и физиология ребенка, педиатрия, педагогика, акмеология, геронтология) странным образом нарушает логический строй "детских" наук (физиология ребенка, педагогика, педиатрия); он диссонирует не только логически, но и фонетически, даже "на слух". Все встает на свои места - и логика, и даже фонетическая гармония (последнее, конечно, не столь существенно), когда комплекс означенных "детских" наук мы определим одним термином - педология. Можно полагать, что у Ананьева все так и было задумано, но в силу известных причин политико-идеологического характера (конечно, 1968 г. - это уже не 1936, но педология ведь не реабилитирована, а разгром ее так памятен) задуманное не было им явно реализовано. Я полагаю, что восстановление научной логики требует и даст

нам право внести коррективы в указанную схему наук о человеке как индивиде и впредь говорить о следующем перечне и последовательности наук: эмбриология, педология, акмеология, геронтология. Причем с современных позиций последние три - это науки не только об индивиде, но и комплексные науки о целостном человеке как индивиде, личности, субъекте деятельности и индивидуальности.

Проблематикой социальной зрелости личности занимаются педагогика, психология, социология, криминология и др. Может возникнуть вопрос, а почему в этом ряду стоит криминология? Ответ прост: любое явление в действительности желательно изучать с обеих сторон - модель желаемого (идеала) и модель нежелаемого (антиидеала). Понятно в связи в этом и то, что криминология вносит свой неопределимый вклад в решение проблемы, изучая особенности и создавая модель социально незрелой личности.

Проблема социальной зрелости личности является центральной для такой отрасли акмеологии, как акмеология личности. Как уже подчеркивалось, предмет акмеологии в целом - феномен зрелости человека, или процесс и результат достижения им вершин как индивида, личности, субъекта деятельности (в том числе и профессиональной) и индивидуальности. Правда, уже само определение объективных критериев зрелости человека представляет значительные трудности. Именно в связи с наличием таких трудностей, по мнению Ананьева [3, с. 71], в психологической литературе происходит замена понятия "зрелость" понятием "взрослость". Эта замена, как предполагается, позволяет избежать многих осложнений, которые считаются подчас непреодолимыми.

стр. 89

Однако в действительности она больше создает проблем, чем их разрешает. По крайней мере ясно, что даже на индивидуальном уровне понятия "зрелость" и "взрослость" не полностью синонимичны, еще более они расходятся, когда речь идет о взрослости и субъектно-деятельност-ной (профессиональной) зрелости. И уж, конечно, эти понятия не являются тождественными и описывают разную психологическую реальность, когда имеется в виду личностный уровень рассмотрения человека. Таким образом, ясно, что эта замена не равноценна и неприемлема, потому что исключает из поля научных исследований, из круга проблем современного человекознания проблему "зрелости" как таковую. Я останавливаюсь на этом еще и по той причине, что среди значительного круга специалистов сложилось устойчивое представление об акмеологии как о разделе возрастной психологии. Причем предполагается, что предмет акмеологии - именно "взрослость" как возрастное понятие, возрастная "взрослость" сама по себе, вне связи с понятием "зрелость". Это часто обосновывается ссылками на Ананьева, который сам активно обсуждал в своих работах проблему зрелости и пытался выделить объективные критерии зрелости человека, специфичные для различных уровней анализа. Зрелость человека как индивида он связывал с биологическими критериями, но уже умственная зрелость и критерии ее определения представлялись как исторические и социальные (связанные, например, с образованием). В еще более значительной степени эти же критерии определяют гражданскую зрелость, критерии трудовой зрелости "в большей мере связаны с учетом состояний физического и умственного развития" [3, с. 7]. Мне не хотелось бы здесь обсуждать, насколько удачны или неудачны предпринятые Ананьевым попытки выделения критериев зрелости человека как индивида, личности и субъекта деятельности. В данном случае моя цель - показать, что в его акмеологических представлениях проблема зрелости (именно зрелости, а не только лишь взрослости) занимала существенное место.

Итак, в рамках одной парадигмы проблема зрелости может рассматриваться на уровнях индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. В рамках другой системы психологических понятий, говоря о зрелости человека, можем иметь в виду интеллектуальную, эмоциональную и личностную зрелость. И в той, и в другой системе, как собственно и в любой иной парадигме, существует объективная реальность,

очерчиваемая понятием "личностная зрелость". Можно с достаточным основанием полагать, что наиболее сложным и менее исследованным из всех аспектов зрелости как раз и является личностная зрелость. Не будем пытаться давать исчерпывающей полноты модель социальной зрелости личности. Однако остановимся на четырех компонентах личностной зрелости. Думаю, эти компоненты нельзя рассматривать как "рядовые". То есть они не являются просто "четверкой" из возможного большого множества других компонентов. Можно полагать, что они базовые, фундаментальные, вокруг которых определенным образом и группируется множество других. Кроме того, с выделением этих компонентов выделяются и четыре проблемные области акмеологии личности. Такими компонентами являются: ответственность, терпимость, саморазвитие и интегративный компонент. Последний охватывает все предыдущие и одновременно присутствует в каждом из них. Это позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир. Остановимся на этих компонентах подробнее.

Ответственность - это то, что отличает социально не зрелую личность от средней нормы (не говоря уже об образцах зрелости). В настоящее время в психологии личности достаточно распространена концепция о двух типах ответственности, которая пришла из психологии каузальной атрибуции [44]). Ответственность первого типа - это тот случай, когда личность считает ответственной за все происходящее с ней в жизни саму себя (интернальный локус контроля, по Дж. Роттеру). "Я сам отвечаю за свои успехи и неудачи. От меня самого зависит моя жизнь и жизнь моей семьи. Я должен и могут это сделать". Вот жизненное кредо и постулаты такой личности. Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен считать ответственным за все происходящее с ним в жизни либо других людей, либо внешние, обстоятельства, ситуацию (экстернальный локус контроля). В качестве других людей, на которых возлагается ответственность как за неудачи, так и за успехи личности, выступают родители, учителя. А в будущем - коллеги, начальство, знакомые. Легко заметить, что на обыденном языке житейских понятий второй тип ответственности обозначается не иначе как безответственность. На сегодняшний день уже во многих исследованиях установлено, что интерналы (ответственность личности по первому типу) более уверены в себе, более спокойны и благожелательны, более социально популярны [19, 41]. Общее положение о более высокой благожелательности интерналов к другим интересно дополняют и конкретизируют данные о том, что подростки с внутренним локусом контроля более позитивно относятся к учителям, а также к представителям правоохранительных органов [40]. По данным К. Муздыбаева, существует положительная корреляция между интернальностью и наличием смысла жизни: чем больше субъект верит, что все в жизни зависит от его собственных усилий и способностей, тем в большей мере находит он в

стр. 90

жизни смысл и цели [19]. Исследования показывают, что экстерналов (ответственность второго типа, или "безответственность"), напротив, отличают повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость к другим, повышенная агрессивность, конформность, меньшая социальная популярность [19, 45].

По нашим данным, среди молодых делинквентов (правонарушителей) доля экстерналов составляет 84%, в то время как к интерналам относятся лишь 16% [22]. То есть абсолютное большинство из них не способны брать ответственность на себя, но проявляют тенденцию "взваливать" ее на других или на ситуацию, на сложившиеся обстоятельства. В другом исследовании (А.А. Реан, Д.Ю. Карандашев, 1994), где объектом изучения были молодые люди того же возраста, но уже с четкой просоциальной ориентацией, с позитивной шкалой ценностей, обнаружено совершенно иное распределение по типам контроля. Картинка "повторялась" с точностью до наоборот. В группе молодых людей с просоциальной ориентацией, проявляющих высокий уровень социальной зрелости, интерналами оказались 72%, а экстерналами лишь 4%. Таким

образом, обобщение данных различных экспериментальных исследований позволяет констатировать, что интернальность (или доминирующая тенденция личной ответственности) коррелирует с социальной зрелостью и просоциальным поведением. Экстернальность же корреляционно связана с недостаточной социальной зрелостью, а при определенных условиях является фактором риска асоциального поведения. Ответственность есть необходимая составляющая, атрибут зрелого поступка. Но в конце концов вся жизнь складывается из поступков, или даже "жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок" [4, с. 83]. Ближе всего, пожалуй, к этим представлениям о фундаментальном значении феномена ответственности для построения акмеологии личности находятся идеи гуманистической (в широком смысле) и экзистенциальной психологии. По Э. Фромму, например, забота, ответственность, уважение и знание - это совокупность качеств зрелого человека [39, с. 110]. В. Франкл также уделяет ответственности значительное место в своей концепции и утверждает, что духовность, свобода и ответственность - три основы, три экзистенциала человеческого существования [33, с. 93]. При этом очень важно то, что нельзя признать человека свободным, не признавая его в то же время и ответственным [там же, с. 115]. Ответственность создана с неповторимостью и своеобразием существования каждого индивида [35, с. 202], и на ответственный поступок способен лишь человек, который осознал эту свою единственность и неповторимость [4; 11, с. 65, 254]. И более того, именно в ответственности перед жизнью заключена сама сущность человеческого существования [36]. Я полагаю, что с ответственностью связана и сущность бытия зрелой личности, и успешность, и способы ее самоактуализации.

Социальная зрелость и ее составляющая - ответственность - формируются лишь в адекватной деятельности. Это напрямую связано с предоставлением личности свободы в принятии решений. Вопрос о мере свободы должен решаться с учетом возрастных и иных конкретных особенностей и обстоятельств. Но сам принцип остается неизменным. При этом верный тезис В. Франкла о том, что нельзя признать человека свободным, не признавая его в то же время и ответственным, нуждается в следующем обязательном дополнении обратного характера: нельзя признать человека ответственным, не признавая его в то же время и свободным. Формирование ответственности идет рука об руку с развитием автономности личности и обеспечением свободы принятия решений относительно самой себя. Когда мы хотим развить в личности ответственность, но при этом блокируем развитие и проявление автономности, а также свободы принятия решений, то что же мы делаем? Это все равно, что мы хотим научить человека плавать, но из-за опасений запрещаем ему входить в воду. К сожалению, такая практика является чрезвычайно распространенной. На вопрос "Поощряем ли мы самостоятельность и автономность в процессе воспитания и обучения?" скорее всего приходится отвечать "нет", чем "да". В семье это выражается в таком типе воспитания, как гиперопека. В школе та же гиперопека, причем не только в воспитании, но и в обучении. Поощрение инициативности, автономности в учебной деятельности, конечно, присутствует, но являются скорее исключением, чем правилом. Такая поведенческая позиция взрослых находит удобную и прочную опору в системе их социально-перцептивных стереотипов, в их представлениях об учащих как о неспособных к проявлению автономности, самостоятельности в деятельности [23]. Наши эмпирические исследования показывают к тому же, что дисциплинированность личности является для профессионалов в области воспитания и обучения несравненно более ценимой добродетелью, чем самостоятельность.

Терпимость - следующая важнейшая составляющая социальной зрелости личности. В структуре общего феномена терпимости мы выделяем два ее вида: сенсуальную и диспозиционную. Сенсуальная терпимость связана с устойчивостью к воздействию социальной среды, с ослаблением реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор за счет снижения чувствительности к его воздействию. Она, таким образом, связана с

классической (и даже психофизиологической) толерантностью, повышением порога чувствительности

стр. 91

к различным воздействиям социальной среды, в том числе воздействиям субъектов межличностного взаимодействия. Образно говоря, сенсуальная терпимость есть терпимость-черствость, терпимость-крепость, терпимость- стена. Говоря о терпимости как составляющей социальной зрелости личности, я имею ввиду, конечно, не эту терпимость, а диспозиционную, в основе которой - принципиально иной механизм, обеспечивающий терпимость личности при социальных взаимодействиях.

В данном случае речь идет о предрасположенности, готовности к определенной (терпимой) реакции личности на среду. За диспозиционной терпимостью стоят определенные установки личности, ее система отношений к действительности: к другим людям, их поведению, к себе, к воздействию других людей на себя, к жизни вообще. Примерами установок личности, обеспечивающих ее диспозиционную терпимость, являются, скажем, такие: все люди когда-нибудь ошибаются; каждый имеет право на свое мнение (или ироничное: где двое ученых, там три мнения); агрессия и раздражительность часто провоцируются особенной ситуацией, в которой оказался человек, а не являются его внутренней сущностью; человек имеет право на срыв; опаздывающий сам переживает еще больше, чем те, кто его ждет, и т.п. Принятие стратегии и позиции, известной под названием "альтруистический эгоизм", вероятнее всего, также приводит к существенному повышению терпимости личности. Несомненно, что и в данном случае надо говорить о диспозиционной, а не сенсуальной терпимости. Диспозиционная терпимость, образно говоря, есть терпимость-позиция, терпимость-установка, терпимость-мироощущение. Она вовсе не связана с психофизиологической толерантностью. При данном виде терпимости человек является терпимым, оставаясь чувствительным и эмпатийным - т.е. способным к сопереживанию и сочувствию. Носителем высокой диспозиционной терпимости вполне может быть высокочувствительная личность или эмотивный акцентуант. В диспозиционной терпимости личности сильно проявляется интегральная образующая, о которой говорилось выше, - позитивное отношение к миру, определяющее положительный взгляд на мир, позитивное видение действительности.

Однако с развитием такого компонента, как терпимость, в реальности все обстоит не так благополучно, как хотелось бы. Вот некоторые данные проведенных нами исследований. Выборку составили школьники обоего пола в возрасте 15-17 лет. Как оказалось, высокие показатели по параметру "спонтанная агрессия" имеют 53% обследованных, а достоверно низкие - только 9%. У остальных показатели на уровне средней нормы. Итак, 53% с высокой спонтанной агрессией. Но что такое здесь "спонтанная агрессия"? Это подсознательная радость, испытываемая личностью при наблюдении трудностей и трудных ситуаций у других. Такому человеку доставляет удовольствие "ткнуть носом" других в их ошибки. Это спонтанно возникающее, немотивированное желание испортить кому-то настроение, досадить, разозлить. Такому человеку нравится поставить в тупик другого своим вопросом или ответом. Высокие показатели по другому параметру - "реактивная агрессия" - имеют 47% обследованных, а низкие - только 4%. Но такая агрессия - это как раз проявление агрессивности при взаимодействии, при общении в качестве типичной реакции. Таких людей отличает недоверчивость. Обиды они, как правило, не прощают и долго их помнят. Характерными является яркая агрессивность при отстаивании своих интересов и вообще конфликтность.

Наконец, на все это накладываются высокие показатели по раздражительности: 56% - высокие значения, только 4% - низкие. А раздражительность - это эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, быстрая потеря самообладания. При этом резкую реакцию часто вызывают даже мелочи. Для таких людей характерна и поспешность в оценке людей. Приведенные данные наших исследований о высоком уровне и широкой

распространенности агрессивности в подростково-молодежной среде интересно дополняются результатами других исследований, прослеживающих динамику роста агрессивности. Показано, что только за последние три-четыре года уровень агрессивных проявлений у несовершеннолетних (учащихся обычных школ, училищ, техникумов) в среднем повысился в 1.5 раза, а наиболее высокие показатели агрессии имеют двенадцати-тринадцатилетние подростки [17]. Все это вместе взятое вряд ли позволяет говорить о сформированное? социальной терпимости личности. Или хотя бы о благоприятных тенденциях ее формирования. Больное нетерпимостью общество заражает этой болезнью свое молодое поколение. Опасность состоит в том, что у нового поколения болезнь может стать врожденной и массовой и превратиться из социальной патологии в социальную норму. Кстати, термин заражение я использую без всяких кавычек намеренно, так как механизмы подражания и психологического заражения - не метафоры, а объективно существующие психологические механизмы.

Саморазвитие. Потребность в саморазвитии, самоактуализации есть основополагающая составляющая зрелой личности. Идея саморазвития и самореализации является основной и чрезвычайно значимой для многих современных концепций о человеке [6,11,18,26,38,39, 42]. Скажем, она занимает ведущее место в гуманистической психологии, которая является одним из наиболее

стр. 92

мощных и интенсивно развивающихся направлений современной психологической науки и практики. Центральное место идее "самости" (самореализация, саморазвитие, самосовершенствование) отводится и в акмеологии личности.

Стремление к саморазвитию не есть фикс-идея о достижении абсолютного идеала. Идеальным быть трудно, да и вряд ли нужно. На уровне обыденного сознания можно согласиться с мыслью: трудно быть идеальным человеком, пожалуй, труднее только жить с идеальным человеком. Но постоянное стремление к саморазвитию -это нечто иное. Актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют огромную ценность сами по себе. Они являются показателем личностной зрелости и одновременно условием ее достижения. Кроме всего прочего, актуальная потребность в саморазвитии, самоактуализации есть источник долголетия человека. Причем долголетия активного, и не только физического, но и социального, личностного. С наличием выраженного стремления к саморазвитию связана и успешность человека как субъекта профессиональной деятельности, успешность достижения им профессионального "акме", а также и его профессиональное долголетие, что уже подтверждено экспериментальными данными.

Идея саморазвития и самоактуализации, несмотря на ее фундаментальное значение, но взятая "сама по себе", "в чистом виде", вне связи с феноменом самотрансценденции, является недостаточной для построения акмеологии личности. Концепция . акмеологии личности, психологии личностной зрелости должна базироваться на представлении о единстве самоактуализации и са-мотрансценденции и о действии в отношении них принципа дополнительности.

Феномен самотрансценденции человеческого существования занимает важное место как в гуманистической психологии (А. Маслоу и, особенно, В. Франкл), так и в экзистенциально-гуманистической философии (Ж.-П. Сартр). При этом самотрансценденцию связывают с выходом человека за пределы своего Я, с его направленностью на других людей, на дело, в целом на что-то иное, нежели он сам. Когда иногда говорят, что в гуманистической психологии с ее доминирующей направленностью на раскрытие потенциала человека, его самоактуализации, на достижение идентичности самому себе и самопринятия, потенциально заложен риск эгоцентризма, то, очевидно, забывают как раз об идее самотрансценденции. Правда, стоит заметить, что идея эта у разных представителей гуманистической психологии действительно занимает не

одинаковое место. Например, у К. Роджерса, ей не отводится столь значимая роль, как у В. Франкла или А. Маслоу. Пожалуй, первым из крупных представителей гуманистической психологии обратил внимание на опасность, которую таит для самой же этой психологии игнорирование феномена самотрансценденции, Франкл. Именно обстоятельство диспропорциональности, перекоса в соотношении идей самоактуализации и самотрансценденции он имел ввиду, когда спрашивал: "насколько гуманистична гуманистическая психология?" [34]).

Самотрансценденция означает для человека -находиться в отношении к чему-то, быть направленным на что-то иное, нежели он сам. В более категоричной форме эта мысль звучит в утверждении: "быть человеком - значит быть направленным не на себя, а на что-то иное" [37, с. 284]. Категоричное противопоставление самотрансценденции и самоактуализации как двух альтернатив, по-моему, нецелесообразно. Сила гуманистического подхода и перспективы его развития состоят в органичном соединении этих двух идей. С этими же связаны перспективы становления акмеологии личности. К сожалению, этой проблеме целостного объединения двух принципов уделено пока явно недостаточно внимания в самой гуманистической психологии. Однако понимание того, что это все-таки возможно, хотя и не всегда акцентировано, уже проявлялось: самоактуализация может быть осуществлена лучше всего через увлеченность значимой работой [43]); в служении делу или в любви к другому человек осуществляет сам себя [37, с. 29]). Утверждение собственной жизни, счастья, развития, свободы человека коренится в его способности любить; причем любовь неделима между "объектами" (другими) и собственным Я [38]. В конце концов, цель человеческого существования - одновременно собственное совершенство и счастье окружающих. В то время как обратное утверждение неприемлемо, поскольку формулирование в качестве цели "личного счастья" ведет к эгоцентризму, а стремление к "совершенствованию других" не может принести ничего, кроме неудовлетворенности [12,13].

Акмеология личности, кроме всего прочего, связана с такой областью современного человекознания, как социальная педагогика, которая, если искусственно не сужать ее границы, есть педагогика социального научения, введения личности в социум. Предметом ее, следовательно, является обеспечение адекватного протекания процесса социализации, социальной адаптации и ресоциализации личности в начальные периоды развития (детский, подростковый и юношеский возрасты).

Уже сравнение самих предметных областей акмеологии личности и социальной педагогики показывает, что они находятся в тесной связи. Обе дисциплины делают своим предметом

стр. 93

личность, процесс ее социализации. Акмеология анализирует процесс социализации с точки зрения решения вопроса о том, когда и при каких условиях социализация способствует и приводит к достижению личностью "акме", развитию ее социальной зрелости.

Важным является понимание и того, что социализация не есть антипод индивидуализации, что социализация не ведет к нивелированию личности, индивидуальности человека. Скорее наоборот, в процессе социализации и социальной адаптации человек обретает свою индивидуальность, но сложным и противоречивым образом. Мне близок подход Ананьева (если его не трактовать слишком прямолинейно), что социализация человека одновременно является и "индивидуализацией интеллекта, характерологических свойств и ценностных ориентации" [1; 2, с. б].

Однако акмеология личности, так же как и психология личности, не может остановиться лишь на этой констатации. Перспективы развития личностной проблематики связаны с поиском ответа на вопрос, как, каким образом происходит достижение личностью "акме", развитие ее социальной зрелости в процессе социализации и

онтогенеза вообще. Распространенная в психологии личности (и в науках о личности в целом) парадигма "от социального к индивидуальному", несомненно, имеет серьезные основания и глубокий смысл. Однако ее прямолинейное понимание и соответствующим образом понятое развитие лишает человека субъектного начала или, по крайней мере, делает такое начало незначимым. Построение на этой основе подлинной психологии личности, а тем более акмеологии личности, лишено всяких перспектив и попросту невозможно. Личность - не только социальный индивид, но и активный субъект социального развития и, что не менее важно, активный субъект саморазвития. Представляется продуктивной для акмеологии личности идея А.В. Брушлинского о том, что индивид изначально является социальным (а не когда-то потом им становится), а потому его развитие осуществляется (или может осуществляться?) в бесконечно многообразных направлениях, а не только от общественного к индивидуальному [6]. Дальнейшее становление этого подхода в психологии и акмеологии не предполагает, конечно, отказа от концепции развития личности в процессе социализации. В противном случае это была бы уже другая крайность. В действительности важно рассматривать личность в качестве активного субъекта социализации. Более того, даже процесс социальной адаптации личности следует рассматривать как активно-развивающий, а не только как активно-приспособительный.

Для акмеологии проблема социализации личности важна еще и потому, что процесс социализации не завершается по достижении человеком взрослости. Социализация личности, я полагаю, относится по типу к процессам "с неопределенным концом", хотя и с определенной целью. И продолжается этот процесс непрерывно на протяжении всего онтогенеза человека. Из этого следует, что социализация не только никогда не завершается, но и "никогда не бывает полной" [5, с. 224]. Наверное, кто-то может увидеть в этом основание для пессимизма и признаки фатальной обреченности на пути к достижению совершенства или абсолютного "акме". Мне же представляется, что здесь заложено больше позитивных тенденций и оптимистических начал. Ибо отмеченная незавершенность и неполнота развития могут быть проинтерпретированы как основания бесконечности и неограниченности саморазвития личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Выступление на обсуждении книги "Человек как предмет познания". Стенограмма // Художественное творчество. Л., 1983. С. 262-268.
2. Ананьев Б.Г. Проблемы комплексного изучения развития интеллекта и личности // Человек и общество. Ученые записки. Л., 1973. Вып. 13. С. 3-7.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985. М., 1986.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
6. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн. 1991. №6. С. 3-11.
7. Деркач А.А., Зызыкин В.Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. М., 1998.
8. Деркач А.А., Марасанов Г.И. Психолого-акмеологическое консультирование управленческих кадров. М., 1996.
9. Деркач А.А., Михайлов Г.С. Методология и стратегия акмеологического исследования. М., 1998.
10. Есарева З.Ф. Особенности деятельности преподавателя высшей школы. Л., 1974.
11. Зинченко В.П., Моргунов Б.Б. Человек развивающийся. М., 1994.
12. Икэда Д., Логунов А. Третий радужный мост. Поиск человека и мира. М., 1988.
13. Кант И. Метафизика нравов // Критика практического разума. СПб., 1995.
14. Кузьмина Н.В. Профессионализм деятельности преподавателя. М., 1989.

15. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя. М., 1990.
  16. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., 1993.
стр. 94
-
17. Курбатова Т.Н. Сравнительный анализ психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы психологической теории и практики. СПб., 1995. С. 119-124.
  18. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М., 1992. С. 108-117.
  19. Муздыбаев К. Психология ответственности. М., 1983.
  20. Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л., 1976.
  21. Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. М., 1972.
  22. Рван А.А. Лocus контроля делинквентной личности // Психол. журн. 1994. N 2. С. 52-56.
  23. Реан А.А. Психология познания педагогом личности учащихся. М., 1990.
  24. Реан А.А., Коломинский Я Л. Социальная педагогическая психология. СПб., 1999.
  25. Региональная акмеологическая служба в системе образования. СПб., 1995.
  26. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
  27. Розе Н.А. Психомоторика взрослого человека. Л., 1970.
  28. Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. Л., 1990.
  29. Рыбников Н.А. Автобиография // Вопр. психол. 1994. N 1. С. 11-16.
  30. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм // Избр. произведения. М., 1984. С. 433-469.
  31. Ситников А.П. Теоретические и прикладные основы акмеологического тренинга программно-целевой направленности: Дис.... докт. наук. М., 1995.
  32. Степанова Е.И. Психология взрослых - основа ак-меологии. СПб., 1995.
  33. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность // Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 93-129.
  34. Франкл В. Критика чистого "общения": насколько гуманистична "гуманистическая психология" // Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 321- 333.
  35. Франкл В. Общий экзистенциальный анализ // Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 157-283.
  36. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 118-126.
  37. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
  38. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
  39. Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.
  40. Heaven P. Locus of control and attitudes to authority among adolescents // Pers. and Individ. differ. 1988. N1.P. 181-183.
  41. Lipp L., Kolsol R., James W., Randall H. Denial of disability and internal control of reinforcement //J. of Consulting and Clinical Psychology. 1968. V. 32. P. 72-75.
  42. Maslow A. Motivation and personality. N.Y., 1954.
  43. Maslow A. Eupsychian Management: A Journal R. Ir-win, Homewood. Illinois. 1965. P. 136.
  44. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychol. Monographs. 1966. V. 80. P. 1-28.
  45. Tolor A., ReznikoffM. Relation between insight, repre-sion-sensitisation, internal-external control and death anxiety // J. of Abnormal Psychology. 1967. V. 72. P. 42630.

Нартова-Бочавер С.К. Понятие "психологическое пространство личности": обоснование и прикладное значение⁵

Нартова-Бочавер С.К. - *Кандидат психол. наук, доцент МПГУ, МО СУ и МГППУ, директор психологической консультации "Институт детства", Москва*

И именно появление чего-то или кого-то непредсказуемого внутри пространства, вполне привыкшего к своему содержимому, создает ощущение события.

И. Бродский

Обосновывается и предлагается использовать в различных областях психологии личности и психотерапевтической практики понятие "психологическое пространство личности". Рассматриваются предпосылки данного понятия из этологии и наиболее авторитетных течений психологии личности. Анализируются предварительные результаты использования нового подхода при изучении асоциального поведения, особенностей семейного взаимодействия, дистанции в браке. Изучаются некоторые закономерности онтогенеза психологического пространства в случае нормальной социализации и в особых условиях. Очерчиваются перспективы дальнейшего изучения психологического пространства личности.

Ключевые слова: психологическое пространство, депривация, суверенность, дистанция, границы, кризисы.

Цель данной статьи - обосновать введение понятия "психологическое пространство личности", раскрыть его содержание и обозначить перспективы ближайшего развития. Обсуждаемое понятие уже используется в различных областях научных исследований и психотерапевтической практики, поэтому остается его только валидизировать и операционализировать.

Валидизация состоит в том, чтобы продемонстрировать вариативность (репрезентативность) качества, которое обозначается понятием, соотнести его с другими конструктами, уже достаточно обоснованными, и очертить разрешающие способности. Операционализация предполагает создание метода и процедуры, которые могли бы привести к получению не только качественных, но и количественных характеристик для описания психологического пространства личности.

Понятие "психологическое пространство личности", отражая тенденцию современной психологии личности к сближению естественнонаучной и гуманитарной парадигм, номотетического и идиографического подходов, сочетает в себе качество и количество, поэтому может использоваться и для феноменологического описания, и для исчисления. В дальнейшем мы будем опираться иногда на данные исследований, а иногда - на результаты применения "case-method" в рамках нашей собственной консультативной практики.

В современной психологии топологические категории использовались для описания внутреннего мира человека практически с самого начала существования нашей науки, что обусловлено феноменологической природой субъективного, недоступной никакому иному описанию, кроме как через уподобление его объективному. Описывая субъективное бытие человека, говорят о жизненном мире (Ф. Е. Василюк), топологии субъекта (А. Ш. Тхостов), внешнем и внутреннем Я (А. Б. Орлов), факторе места и обособлении личности (В. С. Мухина), а также о категориях объективного существования человека - психологическом времени и пространстве [6, 17, 23, 24]. Такие понятия, как

---

⁵ Нартова-Бочавер С.К. Понятие "психологическое пространство личности": обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. №6. С. 27-36.

"пространство" (внутреннее, психосемантическое, социальное), "дистанция", "выше-ниже", "ближе-дальше", "границы", "барьеры", находят широкое применение в практической психологии [4, 10 - 12, 17, 18, 20, 21].

К формулированию и исследованию проблемы психологического пространства нас побудили наблюдения, накопленные в течение нескольких лет работы в консультативном центре НИИ детства Российского детского фонда. Не имея возможности собрать статистически достоверные

стр. 27

данные, мы замечали, что случаи агрессивного поведения, вандализма, домашнего и школьного воровства детей и подростков нередко наблюдались в ситуациях, когда потребность ребенка в личном жизненном пространстве оказывалась ущемленной (депривированной) с самого начала его жизни либо в результате стрессовых для него событий, например появления в семье отчима. И чем сильнее становилось вторжение взрослых в частную жизнь ребенка (чтение дневников, обобществление игрушек, непризнание личной собственности на вещи), тем более резкой была ответная реакция (воровство, бегство из дома и т.д.). Асоциальные тенденции детей, начавших свою жизнь в детском доме, очень устойчивы и не вполне корректируются даже в случае усыновления и перехода в семейный дом. Примечательно, что ментальное и физическое при этом как бы обладают способностью переходить друг в друга: мерой любви может быть количество подарков, а мерой уверенности в себе - площадь суверенной, недоступной контролю со стороны взрослых территории [18, 21].

Научные предпосылки понятия "психологическое пространство" имеют междисциплинарный характер. Данные этологии, психологии среды, психологии личности в рамках самых различных школ последовательно подводят нас к формулированию вопросов "Что такое личность?" и "Из чего состоит личность?" в пространственных категориях.

Территориальность, среда и поведение. Понятие территориальности было введено впервые в XVII веке английским исследователем Дж. Реем, изучавшим поведение соловья. В этологии, науке об инстинктивных основах поведения (которые не отменяются и у человека как биосоциального существа), многие виды активности объясняются понятием территориальности: вдобавок к тому что каждый вид располагается в определенном ареале, отдельные особи закрепляют за собой также "личные" участки территории, площадь которой достаточна для того, чтобы обеспечить себя пропитанием [1, 15, 23]. Внутри и вне личной территории особь ведет себя по-разному: наиболее напряженными во взаимодействии оказываются границы, где происходят сражения, которые "ведут к пространственному разрежению популяций, обеспечивая каждой особи обладание определенным объектом или территорией, необходимыми для воспроизведения вида. В результате предупреждается совместное пользование такими объектами, которое во многих случаях было бы губительным или по крайней мере менее эффективным" [23, с. 64]. Таким образом, границы отделяют индивидуальную жизнь особи (или частную жизнь, как это принято говорить о людях) от жизни видовой, общественной, причем это отделение эволюционно оправданно, обеспечивая безопасность нормальной жизнедеятельности живого существа.

Реальное или предполагаемое изменение границ индивидуальной территории служит сигналом для специфического поведения особи: либо защиты посредством агрессивно-оборонительного поведения, либо бегства до места большей безопасности. При этом зоной особой психологической напряженности является граница личной и чужой территории. По мнению К. Лоренца и Н. Тинбергена, эти инстинктивно закрепленные образцы поведения, сложившиеся в течение тысячелетий, продолжают функционировать и у человека, частично трансформировавшись в социальные инстинкты, а частично проявляясь в динамике внутреннего мира личности [15, 23].

Применительно к поведению человека понятие "личное пространство" было впервые использовано Р. Соммером, основоположником науки проксемики. Она изучает закономерности пространственного размещения и поведения людей в аспекте переживания ими субъективного комфорта, что достигается благодаря наличию у каждого невидимой пространственной "оболочки". Соммер, однако, рассматривал личное пространство преимущественно территориально и как стабильное образование [1, 27 - 29, 35].

Еще один подход к обсуждаемой нами проблеме предлагал Р. Баркер, на основе результатов структурированного наблюдения выдвинувший концепцию "места поведения", согласно которой дети поступают по-разному в различных условиях, но склонны вести себя идентично на одной и той же территории, несмотря на очевидные индивидуальные различия [1, 35]. Таким образом, территория как бы деиндивидуализирует человека, навязывая ему определенные паттерны поведения.

Перечисленные концепции и подходы подтверждают факт детерминации поведения территориальными и пространственными условиями, что отмечается и у животных, и у людей. Однако поскольку человек в своем бытии нуждается в материальных условиях существования так же, как и в духовных, то и переживание "свое-чужое" у него начинает относиться к социальным, философским, эстетическим предпочтениям настолько, что даже чистая идея может становиться предметом отторжения или защиты. То есть пространство человека расширяется [1, 8, 27].

Для того чтобы перейти к описанию личности в терминах пространства, остановимся на различии внешнего и внутреннего в жизнедеятельности человека, потому что именно на границах между внешним и внутренним миром происходят основные психологические события.

Топологические и эмпирические описания личности. Внутренний мир человека, по-видимому,
стр. 28

возник исторически с появлением сознания, которое и определило субъект-объектное противостояние: все, что может быть отражено, оказалось объектом, а поток сознания, направленный на объекты, стал принадлежностью и отличительным признаком субъекта, который обнаруживает себя лишь в месте столкновения с иным (объектом), т.е. опять же на границах своего бытия [14, 24, 25, 34]. Благодаря сознанию человек сумел выделить себя из среды как фигуру на ее фоне. Но не только сознание стало признаком внутреннего мира человека: от общего для племени коллективного бессознательного отделилось личное бессознательное как выражение того, что предпочтения (потребности, переживания) сообщества в целом и отдельных его членов могут не совпадать [25, 34]. На протяжении долгого времени несовпадение это было незначительным, и частная жизнь человека не сразу стала предметом изучения. По образному выражению Г. К. Честертона, если в античные времена весь город мог думать, как один человек, то современный *Homo sapiens* сам скорее напоминает город, объятый гражданской войной, что указывает на возрастающую значимость внутреннего мира и происходящих там событий для человека и общества [30].

Понятия внутреннего мира или пространства как вспомогательные использовались многими ведущими психологами прошлого. Привлекательность этих терминов понятна: они удобны, потому что содержат намек на территориальность, указывают на размерность внутреннего мира и его протяженность, т.е. дают возможность исчисления. Попытки операционально описать субъективное бытие человека предпринимались во многих авторитетных направлениях психологии личности. Одним из первых на смешанную природу личности указал У. Джемс. Он понимал "Я" как хозяина всех психических функций, общую сумму всего того, что человек может назвать своим: в структуру личности должны быть включены не только физические и душевные качества, но также

привычки и вкусы, принадлежащие ей предметы и люди, имеющие к ней отношение [7]. Рассматривая составляющие эмпирического "Я", Джемс разделил их на три класса: физическую личность, социальную личность и духовную личность, таким образом утвердив онтологическое равноправие фактов и феноменов.

Связь и взаимопревращения ментального и материального, внешнего и внутреннего в человеческой жизнедеятельности признавались психологами различных направлений. К. Г. Юнг рассматривал эти процессы в связи с проблемой синхронистичности и прорицания [25, 34]. Сосуществование в личности явлений различной природы отмечалось также А. Адлером, который в "индивидуальное жизненное пространство" человека включал не только объективно существующую окружающую среду и сознательное отношение к ее элементам, но и содержимое человеческого бессознательного [2]. А К. Левин, учитывая контекстуальность и подвижность явлений внутреннего мира, стремился определить жизненное пространство как систему всех реально существующих для человека фактов, причем существование заявляло о себе "демонстрируемым воздействием на индивида" [13]. Исследуя содержание жизненного пространства, он подчеркивал, что есть соблазн ограничиться чисто психологическими явлениями, подобными мотивам, когнитивным схемам, целям, и исключить физические и социальные события, не оказывающие на человека прямого воздействия. Но существуют события и процессы, которые обычно относятся к физическим, экономическим или правовым явлениям и тем не менее оказывают на индивида прямое влияние. Поэтому, заключал Левин, они также должны быть введены в жизненное пространство человека¹.

В рамках классического психоанализа идеи приближения к миру (вплоть до слияния с ним) и удаления от него (вплоть до отчуждения) являются сквозными: идентификация и сепарация рассматривались как диалектически связанные между собой механизмы развития личности, интроекция и проекция, также имеющие противоположные направления, - как основа социализации и развития Эго [11, 12, 31]. Эти динамические явления могут описываться на языке как чувств, так и аллегорий, на символическом языке предметов и вещей - "хорошей" или "плохой" материнской груди, принимаемых или отвергаемых частей собственного тела. По наблюдениям М. Кляйн и М. Малер, эмоциональная депривированность ребенка в раннем детстве может приводить к закреплению таких черт, как, например, жадность или аутистическая отчужденность, которые отражают тенденции к расширению или обороне границ психологического пространства.

И, хотя среда и физическое пространство могут быть одними и теми же для всех людей, живущих в них, психологическое пространство всегда уникально, потому что его основой является переживание "Я" и личная идентичность человека

---

¹ "Одна из основных характеристик теории поля в психологии, как я ее понимаю, - это требование, чтобы поле, которое влияет на индивида, было описано не на "объективном физикалистском" языке, но так, как оно существует для этого человека в это время... Описать ситуацию "объективно" в психологии на самом деле означает описать ситуацию как совокупность тех фактов, и только тех фактов, которые составляют поле индивида" [13, с. 83].

стр. 29

---

[33]. Психоанализ, усовершенствованный этологическим подходом, привел к возникновению Эго-психологии Э. Эриксона².

В отечественной психологии, восходящей к классическим работам Л. С. Выготского, также всегда утверждалось, что именно среда (как предметная, так и социальная) является источником психического развития человека, которое осуществляется в процессе интериоризации, присвоения внешнего и перевода его в содержание внутреннего мира [14, 31, 33]. Приращение внутреннего за счет внешнего и отторжение вовне своего в

форме поступков и продуктов деятельности (экстериоризация) - вся жизнедеятельность человека, в сущности, представляет собой постоянный пересмотр границ. Но, соглашаясь с тем, что основными механизмами развития личности выступают уподобление и присвоение (по своему содержанию они близки понятиям аккомодации и ассимиляции в системе Ж. Пиаже или идентификации и обособлению в психоанализе), российская психология, как справедливо отмечает Ю. В. Курбаткина [12], все же не уделяла достаточного внимания рассмотрению внутреннего мира человека как относительно суверенного и автономного, что было обусловлено в основном господством марксистской идеологии, понимающей личность как отражение общественных отношений.

Психологическое пространство личности и его свойства. Итак, психологическое пространство личности может быть определено как субъективно значимый фрагмент бытия, т.е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Психологическое пространство включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек отождествляет себя (территория, предметы, привязанности, установки). Они становятся значимыми для субъекта, когда приобретают личностный смысл, и поэтому границы психологического пространства охраняются физическими и психологическими средствами.

Измерения психологического пространства - это "контурные точки" описания личности во всей простоте или сложности ее устройства.

Близкими по содержанию понятиями являются идентичность (тождественность самому себе), эмпирическое Я (включает составные части личности), Я- концепция (представляет рефлексию бытия), самость (неосознаваемая сущностная основа личности). Используя математические образы, соотношение психологического пространства личности с идентичностью можно уподобить соотношению функции с ее пределом: это попытка с той или иной мерой точности приблизиться к тому, что не может быть достигнуто.

Пространство подвижно и зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека. Так, оно может расширяться при наличии "рыхлых" и неопределенных перспектив, что соответствует стадии жизненного поиска, оставаться стабильным в случае обретения ответа и стягиваться при возникновении сверхценной идеи, в состоянии влюбленности и т.п. Однако мы склонны рассматривать психологическое пространство скорее как устойчивую характеристику личности, чем как ее состояние. В пространстве можно выделить его объем, количество измерений, сохранность (устойчивость- подвижность границ). Оно развивается в онтогенезе и взаимодействует с другими качествами личности. Но наиболее важным, на наш взгляд, является прочность его границ, дающая человеку переживание суверенности собственного "Я", чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. Таким образом, не очень интересно, каким "метражом" исчисляется пространство, главное, чтобы оно было субъективно достаточным для человека [5].

Психологическое пространство, которое человек ощущает как свое, позволяет ему обособиться, отграничиться от мира предметов, социальных и психологических связей, представляющих фон, среду его жизнедеятельности. В зависимости от того, воспринимается ли окружающий мир как чуждый или родственный, строится и собственная деятельность человека в нем, принимая агрессивную либо кооперативную окраску. Границы пространства определяют отношение к малому и большому социуму - семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству. Восприятие социума как своего позволяет проявляться конструктивным, жизнетворческим тенденциям, проводящим человека через прозрачные для него социальные границы (благодаря чему, как отмечал Э. Эриксон, формируется "широкая идентичность", чувство общности с широким кругом людей) [33]. Если же социум ощущается как чужой, эти границы могут блокироваться, ограничивая поле самоактуализации личности возникновением

ксенофобии различного масштаба - от житейской агрессивности до нетерпимости к социально-этническим группам. Мера переживания своего и чужого, на наш взгляд, определяет способность

---

² "Определенные приемы психоаналитического рассуждения, приемы рассмотрения среды как "внешнего мира" или "объективного мира" не учитывают ее всеобъемлющей реальности. Немецкие этологи ввели термин "Umwelt", обозначающий не просто окружающую среду, но среду, существующую в человеке. И действительно, с точки зрения развития "прошлое" окружение всегда присутствует в нас; а поскольку мы живем в процессе постоянного превращения настоящего в "прошлое", мы никогда - даже в момент рождения - не сталкиваемся со средой - людьми, которые избежали воздействия какой-либо другой среды", - писал Э. Эриксон [33, с. 33].

стр. 30

личности к диалогу и совместному творчеству в любых сферах жизнедеятельности.

Итак, психологическое пространство личности обладает следующими свойствами ³.

1. Человек ощущает пространство как свое, присвоенное или созданное им самим, и поэтому представляющее ценность. 2. Человек имеет возможность контролировать и защищать все находящееся и возникающее внутри пространства, таким образом реализуя свое чувство авторства (то, что не поддается контролю, отторгается и становится объектом вне личного пространства субъекта). 3. Психологическое пространство существует естественно и не рефлексивируется без возникновения проблемных ситуаций, оно "прозрачно" и потому с трудом поддается позитивному описанию. 4. Важнейшей характеристикой психологического пространства является сохранность его границ.

Психологическое пространство личности можно соотнести с основными проявлениями психического: оно переживается субъектом как сохранное или нарушенное, что выражается в чувствах покоя или беспокойства; осознается вблизи своих границ и не осознается в тех областях, которые в последнее время не подвергались изменениям; выражается в поведении, направленном на объекты, значимые для внутреннего мира.

Нами условно выделены шесть измерений психологического пространства личности, которые отражают физические (территориальные и темпоральные), социальные и духовные аспекты человеческого бытия: это физическое тело, территория, личные вещи, привычки, друзья и вкусы. Психологическое пространство развивается в онтогенезе при появлении новых измерений и переносе своих границ в рамках уже существующих измерений.

Понятно, что человек открывает собственное тело раньше другой реальности и учится им пользоваться благодаря развитию сенсорики и моторики. Насилие над телом может выражаться во фрустрации базальных потребностей - в пище или комфорте; насильное кормление, неудобная поза, жестокое обращение - это внедрение в пространство человека. Следующее измерение, возникающее с развитием манипуляций, - мир предметов, которые не только функционально необходимы, но и обозначают потребности, склонности, предпочтения. Предметы и у взрослых являются текстом, иносказательным сообщением другим людям о себе. Вещи отражают меру самоуважения и духовной развитости субъекта (вспомним "вау-импульс" у В. Пелевина), и многие люди взаимодействуют между собой именно на языке вещей.

В физическом пространстве личная территория обычно начинает выделяться по мере развития локомоций, когда человек может перемещаться из одной комнаты в другую, самостоятельно открывать дверь, устанавливая таким образом границы. Привычки как временная форма владения пространством также являются предметом идентификации человека. В этологии в качестве гомолога привычек, по-видимому, может рассматриваться дневной и ночной образ жизни животных на одной и той же территории, благодаря чему они могут избежать соперничества и борьбы.

Близкие люди, отражая различные потребности человека, начинают включаться в пространство по мере разделения социального мира на "своих" и "чужих" и, по мнению И. С. Кона, также связаны с территориальным инстинктом: друг - это человек, живущий на той же территории, от которого не нужно защищаться, к которому можно безопасно для жизни повернуться спиной [9]. Наконец, вкусы и предпочтения отражают мировоззренческий аспект человеческого бытия, определяющий саму стратегию жизни, и потому также представляют для человека значимый объект.

Эти измерения выделены эмпирически; они проявляются наиболее часто, но прослеживаются не у всех людей, причем возможно их дополнение и какими-то другими измерениями. Они взаимобратимы: ведь вещи - это не только орудия деятельности, но и носители символического смысла, а круг знакомых может изменять территорию жизнедеятельности. Что касается сексуальных связей, то в истории культуры уже обращалось внимание на то, что во времена античности одинаково обозначались в языке "общее место" в рассуждениях и публичный дом, а отношения между мужчинами и женщинами также несли отпечаток имущественных связей, что закрепилось и в современной лексике ("отдаться" для женщины значит нечто потерять, а "овладеть" для мужчины - нечто приобрести) [26].

Можно ожидать, что сначала психологическое пространство обогащается за счет персонализации предметного мира и лишь затем - социального (это приводит к возникновению персонифицированных норм морали, которые также переживаются субъектом как "свои", внутренние). Чувство

---

³ М. Черноушек, рассматривая среду обитания как систему взаимодействий человека и мира, отмечал следующие характеристики среды. У среды отсутствуют твердо фиксированные рамки во времени и пространстве, она действует как единое целое. Она воздействует на все чувства сразу, предоставляя не только главную, но и второстепенную (периферийную) информацию, и потому содержит всегда больше сведений, чем субъект способен переработать. Среда воспринимается в связи с задачами и проблемами деятельности. И наконец, любая среда наряду с материальными особенностями обладает психологическими и символическими значениями [29]. Поскольку психологическое пространство личности образуется путем присвоения элементов среды, оно обладает во многом сходными качествами.

стр. 31

идентичности, естественно, не может быть сведено к этим измерениям, но в некотором приближении благодаря им оно может быть описано ⁴.

Методы изучения психологического пространства. Свойства психологического пространства приводят к появлению некоторых методических проблем его изучения. Если мы утверждаем, что оно прозрачно, то можно ли, и если да, то каким образом обнаружить его содержимое? Очевидно, что, имея смешанную природу, психологическое пространство не может изучаться методами, фиксирующими либо исключительно феноменологию (переживания субъекта), либо внешнюю активность субъекта. Следуя традиции этологического подхода к проблеме психологического пространства, мы руководствовались следующими рассуждениями: пространство проявляет себя в ответ на его искажение или нарушение, вызывая оборонительную активность субъекта; для того чтобы обнаружить защищаемую ценность, мы должны смоделировать возможность угрозы для нее.

Очевидно, что единого метода изучения психологического пространства, адекватного всем возрастным ступеням, существовать не может. Для респондентов, интеллектуально способных к работе со стандартизированными методами, мы считаем целесообразным использовать опросник, содержащий утверждения об ущемленности, депривированности того или иного измерения психологического пространства. На этапе

пилотажного исследования мы использовали предварительный вариант теста "Суверенность психологического пространства личности", включающий в окончательном варианте 29 утверждений, соответствующих 6 выделенным нами теоретически измерениям; выборка составляла в общей сложности 95 подростков г. Москвы⁵.

Содержание пунктов теста обсуждалось с экспертами, проверялось на дискриминативную силу. Приведем некоторые примеры утверждений теста: "Часто мне приходилось терпеть, когда родственники тискали и целовали меня" ("Тело"), "Я всегда имел возможность поиграть в доме в одиночестве, когда мне этого хотелось" ("Территория"), "В детстве я всегда был уверен, что без меня не трогают мои игрушки" ("Вещи"), "Когда я хотел пригласить домой друзей, обычно мне это разрешали" ("Друзья"), "Решение о том, как проводить каникулы, обычно принималось без меня" ("Привычки"), "Случалось так, что одежда, которую я был вынужден носить, мне не нравилась" ("Вкусы"). Теоретически общее количество баллов могло составить от 0 до 29, медиана распределения проходила через значение 19 баллов, и испытуемых, набравших меньшее количество, мы условно называли "депривированными", а тех, кто набрал больше баллов, - "суверенными".

Работа по эмпирической валидации метода подтвердила в тенденции обоснованность понятия: в группе детей, воспитываемых в приюте, депривированными оказались 8 из 11, а среди обычных школьников - 8 из 18.

Для того чтобы проследить, как развитие психологического пространства происходит в онтогенезе, в работе с детьми дошкольного возраста и их родителями мы использовали метод моделирования конфликтных ситуаций, суть которого состоит в выделении типичных для каждого возрастного периода конфликтов, их поводов (из-за чего), места (где) и эффекта (кто одержал победу). Если возникают типичные конфликты, которые не отмечались раньше, это может свидетельствовать о притязаниях ребенка на новую часть пространства. В течение некоторого времени конфликты, повторяясь, влекут за собой привыкание взрослых к новому возрастному статусу ребенка. И если в конфликте решение остается за ребенком, можно считать, что он отвоевал новую часть своего психологического пространства.

Следует отметить, что попытка изучения психологического пространства через изменение его границ, опирающаяся на такое качество пространства, как прозрачность, - не единственно возможная; так, О. Р. Валединская вполне успешно использовала другое качество, субъектность, и попыталась измерить обсуждаемое явление "изнутри". Рассматривая проблему переживания матерью эмансипации своего двухлетнего ребенка, в связи с чем и происходит реорганизация ее психологического пространства, она ввела следующие измерения пространства личности: территорию тела, территорию вещей, территорию дома, созависимость-ответственность и созависимость-вину [4, 5].

Предварительные результаты. К настоящему времени с применением описанных выше методов получены достаточно выразительные результаты пилотажных исследований психологического пространства личности в различных проблемных областях психологии.

Так, оказалось возможным установить реальную связь между характеристиками психологического пространства и особенностями личности. Согласно нашим предположениям, мироотношение человека (понимаемое нами как система уста-

---

⁴ Вспомним классическое упражнение из психосинтеза: "У меня есть тело, но я - это не мое тело; у меня есть эмоции, но я - это не мои эмоции; у меня есть разум, но я - это не мой разум. Я - центр чистого самосознания. Я - центр воли, способный владеть и управлять моим интеллектом, эмоциями, физическим телом и всеми моими психическими процессами. Я - это постоянное и неизменное "Я"".⁵ В описании практической части приводятся результаты, полученные студентами МОСУ и МПГУ О. Р. Валединской, Н. А. Венковой, О. В. Котовой, С. В. Котомкиной, Ю. В. Курбаткиной, Е. А. Матвийчук, К. Л.

Рыжер, И. В. Спиридоновой в рамках курсовых и дипломных работ, выполненных под руководством автора данной статьи.

стр. 32

новок на мир, характеризующаяся психологической дистанцией, агрессивностью-доброжелательностью, тождественностью (свои-чужие)) в значительной мере определяется тем, насколько защищенной была его собственная "территория" в раннем детстве - каков круг предметов, вещей, территории, закрепленных за ребенком в личное владение и охраняемых внутрисемейными правилами. Отсутствие или сужение личного пространства побуждает человека вести борьбу за его расширение, приводя, с одной стороны, к эффектам "коммунальной психики" и непризнанию психологической дистанции между собой и другими людьми, а с другой - к агрессивно-экспансионистскому поведению.

В практическом исследовании, проведенном при участии 29 детей в возрасте от 9 до 12 лет, И. В. Спиридонова выделила при помощи методики "Несуществующее животное" группы доброжелательных, индифферентных и негативных подростков. Ей удалось подтвердить наличие связи между суверенностью психологического пространства личности и доброжелательным отношением к миру (получено значение χ^2 , значимое на уровне $p < 0.01$).

В исследовании, осуществленном Е. А. Матвийчук, у 25 детей 9 - 10 лет изучалась связь суверенности психологического пространства, измеряемой при помощи уже упоминавшегося одноименного опросника, с чертами личности, определяемыми по опроснику Р. Кетелла [16]. Оказалось, что две (из 10) обследованные девочки имели низкие показатели суверенности, 8 - высокие. У 9 (из 15) опрошенных мальчиков отмечены низкие показатели и у 6 - высокие. Таким образом, можно считать, что мальчики обладают более высокой чувствительностью к фактам депривации (это вполне согласуется с данными дифференциальной психологии о более выраженной территориальности поведения мужчин по сравнению с женщинами). Кроме того, было обнаружено, что группы суверенных и депривированных детей характеризуются различными личностными особенностями. Депривированность у девочек сопровождается чрезмерной реакцией на внешние раздражители (*A*), усилением возбудимости и беспокойства (*D*), снижением настойчивости (*E*), интереса к участию в общих делах (*J*), несколько усиливает немотивированное беспокойство (*F*), суровость (*I*), робость (*H*) и состояние подавленности (*O*). У депривированных мальчиков явно выражено снижение эмоциональной стабильности (*C*), также усиливается робость (*H*) и напряженность (*Q4*), отмечается понижение твердости (*I*), но при этом состояние подавленности не усиливается. Показатели депривированных девочек тяготеют к крайним значениям, а мальчиков - к средним.

Таким образом, депривированные мальчики оказываются более социально адаптированными, а у депривированных девочек наблюдается снижение адаптированности; у мальчиков депривация психологического пространства способствует появлению некоторых фемининных черт, а у девочек - маскулинных. Эти выразительные результаты, вполне объяснимые в контексте психологии пола, необходимо учитывать и в педагогической практике.

Исследование, выполненное С. В. Котомкиной, было посвящено изучению особенностей психологического пространства у детей, живущих в семьях различной структуры - повторно-брачной или традиционной (в этой серии принял участие 41 ребенок в возрасте от 9 до 12 лет). Из 15 детей, живущих в повторнобрачных семьях, 11 попали в группу депривированных и только 4 - в группу суверенных, в то время как из 26 живущих в традиционных семьях детей было выявлено 20 суверенных и лишь 6 депривированных. Кроме того, было показано, что депривированность психологического пространства положительно связана с тревожностью, агрессивностью и низкой

самооценкой, т.е. его сохранность, по-видимому, может рассматриваться как одно из условий душевного здоровья и комфорта человека.

В работах, посвященных онтогенезу психологического пространства, чаще использовался метод моделирования конфликтных ситуаций. Так, Н. А. Венковой было обнаружено, что можно зафиксировать момент появления во внутреннем пространстве измерения "привычки" в возрасте 4 лет, потому что, хотя конфликты между детьми и родителями возникают и раньше, именно с этого возраста дети уже одерживают победу, таким образом фиксируя новые измененные границы психологического пространства, а поводы для конфликтов начинают изменяться.

Другая работа на выборке детей 6 - 7-летнего возраста была проведена О. В. Котовой, которая, сравнивая конфликтное поведение 10 единственных детей у родителей и 10 детей, имеющих братьев или сестер, показала, что существуют отличия и в "площади", и в размерности психологического пространства [10]. Единственные дети чаще воспринимают территорию вне дома (например, детский сад) как источник угрозы, в то время как неединственные обладают более широкой идентичностью. Хотя основным поводом для детей из обеих групп были имущественные недоразумения, единственные дети переживали их более болезненно, а в целом поводов для ссор у них имелось больше. Поэтому можно сказать, что дети, растущие вместе с братьями и сестрами, оказываются более социально взрослыми и защищенными.

Психологическое пространство может по-разному взаимодействовать с пространствами других

стр. 33

близких людей, быть частью пространства человека, доминирующего в диаде, частично пересекаться с ним или иметь несколько точек соприкосновения. Все эти варианты предполагают неоднозначное сочетание с субъективной удовлетворенностью браком, т. е. в рамках нашего подхода можно говорить о типах супружеского взаимодействия. Попытку изучения супружеских отношений с точки зрения психологической дистанции предприняла Ю. В. Курбаткина, на примере изучения 30 человек со стажем брака до 10 лет выделившая типичные для благополучного брака и дисфункциональных семей сочетания установок на приближение и удаление от партнера [12].

Исследование психологического пространства и его трансформаций открывает существенно новые возможности в изучении личностных кризисов различной природы. Проведя ретроспективный опрос 39 матерей московских дошкольников, О. Р. Валединская пыталась проверить гипотезу о том, что психологические пространства матери и ребенка, достигшего двухлетнего возраста, начинают разделяться [4, 5]. Она обнаружила интересные типологические закономерности: существуют группы матерей, стабильность психологического пространства которых сохраняется за счет уменьшения дистанции между ней и ребенком при укреплении прочных границ по отношению к другим членам семьи; таким образом мама самоактуализируется, поддерживая почти симбиотические отношения со своим ребенком и психологически не "отпуская" его при одновременном отдалении от других родственников. Существует и другая группа мам: они достигают стабильности психологического пространства, "отодвигая" ребенка от себя, придавая ему психологический статус, близкий статусу остальных домочадцев. Наконец, еще одна группа матерей примечательна тем, что свое отношение к ребенку они пересматривают более радикально, чем к другим членам семьи.

Эти неоднозначные результаты могут указывать на тенденции, которые наблюдаются при разрешении любых кризисов, связанных с физической, психологической или социальной сепарацией: в ситуациях развода, в случае создания детьми собственной семьи, при потере близких людей.

Перспективы изучения психологического пространства личности. Хотя приведенные выше результаты не всегда отвечали требованиям строгой достоверности, все же можно считать, что они представляют собой первые шаги для решения различных проблем психологии при помощи нового методического аппарата - понятия "психологическое пространство" и методик его изучения. В прикладной психологии также существуют остроактуальные вопросы, которые можно попытаться решить в рамках предлагаемого нами подхода.

Так, нам представляется возможным изучать и корректировать социально безразличное или асоциальное поведение человека в аспекте его обусловленности депривацией психологического пространства в детстве. Подобно тому как А. С. Макаренко применял "воспитание доверием", в рамках индивидуальной и групповой терапии можно во внутреннем плане воспроизводить и отреагировать ситуации детства, которые переживались как ущемление.

Пример 1. 30-летний А. В. работает научным сотрудником в научно-исследовательском институте гуманитарного профиля. Для своего возраста он весьма хорошо адаптирован: защитил кандидатскую диссертацию и пользуется уважением как профессионал. Личная жизнь у А. В., однако, практически отсутствует, а круг знакомых (даже не друзей) тоже весьма ограничен. А. В. провел детство в интернате, куда его определила мать (отца у него не было). В настоящее время он поддерживает отношения с матерью, дружелюбные, но также не близкие, по-видимому, не ощущая ответственности за ее благополучие. Типичным для социального поведения А. В. является следующий эпизод: заходя в расположенные поблизости лаборатории института, он безуспешно пытается "стрельнуть" сигарету, предпринимая последовательно несколько попыток. Убедившись в их безрезультатности, А. В. вздыхает и достает сигарету из собственного кармана, совершенно при этом не смущаясь. Данный эпизод свидетельствует о "прозрачности" границ предметного мира, которые в обычном случае являются жесткими, что, по-видимому представляет собой рецидив "коммунальной психики", свойственной обитателям детских домов, когда каждый предмет принадлежит всем, но не может быть личным. Слабая иерархия в присвоении вещных объектов моделирует аналогичное положение дел и в мире социальном, где близкие и дальние располагаются примерно на одинаковой социальной дистанции.

Очень конструктивным может быть также рассмотрение различных критических событий с точки зрения тех измерений пространства, которые при этом искажаются, и восстановления его структуры и границ.

Пример 2. 31-летняя А. С. пережила сочетанную психологическую травму: сначала смерть еще совсем не старой матери (с ней у А. С. были непростые отношения), а через два месяца после этого измену мужа, с которым они жили более десяти лет. Эти критические события повлекли за собой наряду с депрессией искажение социального пространства А. С., выражающееся в нежелании контактов, падении избирательности общения с элементами социофобии, т.е. увеличении дистанции по отношению к другим людям и неспособности ее гибко изменять в зависимости от эмоциональной близости человека. А. С, имея высокий служебный статус, обосновалась в отдельном кабинете, чтобы не находиться рядом с другими (хотя раньше с удовольствием устраивала служебные праздники, находя личный подход к своим сотрудникам: охотно подбирала для каждого индивидуальный подарок и не уступала этой обязанности никому из коллег), затем запретила беспокоить себя дома и ограничила круг людей, знающих номер мобильного телефона. Процесс освобождения от обременительных контактов пошел дальше: А. С, будучи администратором, вернула трудовые книжки всем фиктивным сотрудникам, включая родную сестру, единственного никогда не предававшего ее близкого человека, что сильно ухудшило жизненные обстоятельства последней. Психотерапевтическая работа с А. С. была направлена на усиление избирательности установления социальной дистанции, на различение потенциально опасных и безопасных

для нее контактов. Налаживание общения с близкими наряду с укреплением способности не допустить манипулирования со-

стр. 34

бой со стороны незначимых людей явилось важным шагом А. С. для обретения душевной гармонии.

Еще одно актуальное направление - это формирование новых социальных установок (таких как готовность к супружеству или родительству), которые также позволяют трансформировать индивидуальное психологическое пространство: можно предположить, что ригидная фиксация границ как защитная реакция на внедрение извне затрудняет добровольное допущение в свой мир других людей с новыми обязательствами перед ними. Оставаясь вне психологического пространства, в случае личностной незрелости субъекта формально близкие ему люди, однако, не включаются в зоны ответственности и контроля, которые распространяются на все "свое".

Изучать психологическое пространство можно и типологически, связывая такие его характеристики, как жесткость границ, размерность, преобладание измерений, с другими особенностями личности и психологического опыта. Наконец, с помощью пространственных категорий можно не только описывать зрелую личность, но и гармонизировать невротические варианты индивидуального развития.

Пример 3. 40-летний М. О., исследователь европейского уровня, страдает от падения профессиональной продуктивности, которое чревато потерей многих возможностей, открывающихся ему в данный момент. Работа, о которой идет речь, обладает для него весьма умеренной привлекательностью, но, не будучи главным делом его жизни, тем не менее, содержательно связана с тем, что интересует его больше; при этом она может быть условием выполнения стратегических профессиональных и личных планов М. О. По многим причинам нужно ее сделать, и М. О. это понимает, но заставить себя не может. В ходе работы над решением этой очень конкретной проблемы М. О. самостоятельно продуцирует следующий образ: он представляет себя находящимся в маленьком домике, а Работа находится на улице, за дверью крепко запертого дома, где он чувствует себя уверенным и защищенным. Следующий шаг работы над собой М. О. был ознаменован появлением нового образа: домик оказался обнесенным маленьким заборчиком, а Работа переместилась в палисадник и таким образом оказалась ближе к М. О., чем к другим людям, находящимся на улице, и ближе, чем она была раньше. То есть визуально-топологические перемещения сопровождали процесс усиления идентификации М. О. с задачей, которую ему предстояло решить и которую он постепенно принимал, устанавливая над ней личный контроль.

Выводы. Приведенные предварительные результаты исследований и отдельные случаи дают основание заключить, что понятие "психологическое пространство личности" обладает высокими эвристическими и психотерапевтическими возможностями и может быть использовано при решении теоретических и прикладных задач различного уровня сложности. Обнаружены гендерные различия психологического пространства, прослежена связь его депривированности-суверенности с различными чертами личности и особенностями самосознания человека. На примере процесса нормального взросления и переживания кризисных ситуаций показано развитие психологического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Ю. Т.* Психология среды: истоки и направления // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 130 - 131.
2. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
3. *Бубер М. Я и Ты.* М., 1993.
4. *Валединская О. Р.* Материнские возрастные кризисы: кризис "двухлетней мамы" // Сборник трудов студентов и аспирантов МОСУ. М., 2001. С. 20 - 25.

5. Валединская О. Р., Нартова-Бочавер С. К. Личное пространство человека и возможности его "измерения" // Психология зрелости и старения. М., 2002. Лето. С. 60 - 77.
6. Василюк Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
7. Джемс У. Психология. М., 1991.
8. Иванова Г. И. Принципы формирования архитектурной пространственной среды с учетом особенностей возрастного восприятия. М., 1993.
9. Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1987.
10. Котова О. В., Нартова-Бочавер С. К. Там, где трудно одному (Сила и слабость единственных и неединственных детей) // Наш малыш. 2003. N 3.
11. Кляйн М., Айзекс С, Райверс Д., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М., 2001.
12. Курбаткина Ю. В. Процесс сепарации и индивидуации с точки зрения традиции объектных отношений и Я-психологии // Психология и жизнь. М.: МОСУ, 2001. Вып. 2. С. 75 - 82.
13. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
14. Леонтьев Д. А. Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 1998. N 1. С. 108 - 124.
15. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М., 1994.
16. Матвийчук Е. А. Личное жизненное пространство мальчиков и девочек // Психология и жизнь. М.: МОСУ, 2000. Вып. 1. С. 14 - 20.
17. Мухина В С. Возрастная психология. М., 2000.
18. Нартова-Бочавер С. К., Малярова Н. В., Несмеянова М. И., Мухортова Е. А. Ребенок в карусели развода. М., 2001.
19. Нартова-Бочавер С. К. Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Стратегия дошкольного образования в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 280.
20. Нартова-Бочавер С. К. Понятие "психологическое пространство личности" и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. N 1. С. 35 - 42.
21. Нартова-Бочавер С. К., Кислица Г. К., Потапова А. В. 140 вопросов семейному психологу. М., 2002.
стр. 35
-
22. Орлов А. Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. N 2. С. 5 - 18.
23. Тинберген Н. Социальное поведение животных. М, 1993.
24. Тхостов А. Ш. Топология субъекта // Вестник МГУ. Сер 14 Психология. N 2. С. 3 - 13. N 3. С. 3 - 12.
25. Фон Франц М. - Л. Прорицание и синхрония. Психология значимого случая. СПб., 2002.
26. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности III. М., 1998.
27. Хейдметс М. Субъект, среда и граница между ними // Психология и архитектура / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, К). Круусвалла. Таллин, 1983. С. 61 - 63.
28. Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. Таллин, 1988. С. 7 - 15.
29. Черноушек М. Психология жизненной среды, М., 1989.
30. Честертон Г. К. Книга Иова // Мир Библии. 1993. N 1. С. 32 - 36.
31. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения "внешнего" и "внутреннего" в психологии // Психол. журн. 1993. Т. 14. N 5. С. 3 - 13.
32. Шоттер Дм. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как "феномен границы" // Вопросы психологии. 1996. N 6. С. 108 - 117.
33. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

34. Юнг К. Г. Синхроничность. М., 1997.
35. Barker R. Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior. Stanford, 1968.
стр. 36

Низовских Н.А. Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности⁶

Низовских Н.А. - *Кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Вятского государственного гуманитарного университета, Киров*

Современная экспериментальная психосемантика позволяет глубоко и детально исследовать личность в контексте проектирования и осуществления человеком себя в мире. Отличительная особенность психосемантического подхода заключается в том, что личность рассматривается здесь "как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов" [18, с. 6], а главной задачей выступает "реконструкция системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя" [там же, с. 5]. Как подчеркивает В. Ф. Петренко, в психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется "как одна из возможных "пристрастных" культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, <...> на идее множественности путей развития как отдельного индивида, так и общества, страны, всего человечества" [там же, с. 10].

В современном социуме человек все яснее осознает, что полнота жизни во многом зависит от эффективности собственной личности. В связи с этим не является случайным выдвижение психотехники личностного саморазвития в разряд приоритетных и самостоятельных научных направлений.

Л. С. Выготский писал о развитии как самодвижении, которое, в частности, "находит воплощение в теориях творческой эволюции, направляемой автономным, внутренним, жизненным порывом целеустремленно саморазвивающейся личности, волей к самоутверждению и самосовершенствованию" [3, с. 248]. А. Н. Леонтьев определял личность как то, что "человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь" [8, с. 224]. Идея о личности как субъекте собственного развития в настоящее время прочно утвердилась в науке [27, с. 223]: признается, что для развитой личности собственное развитие является высшей потребностью [12, с. 169]; саморазвитие понимается как фундаментальная способность человека "становиться и быть подлинным субъектом своей собственной жизни" [24, с. 146 - 147]; провозглашается, что посредством сознания человек может влиять на свою эволюцию и становится личностью постольку, поскольку участвует в собственном развитии [13, с. 171]. Проблема личностного саморазвития человека разносторонне представлена в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, В. Г. Маралова, А. Маслоу, Б. А. Мастерова, Р. Мэя, К. Роджерса, В. И. Слободчикова, В. Франкла, Г. А. Цукерман, И. И. Чесноковой и др. Вместе с тем сущность, феноменология и механизмы личностного саморазвития требуют дальнейшей разработки. В данной статье рассматриваются возможности психосемантического подхода к изучению личности как субъекта жизнедеятельности и саморазвития.

Опираясь на культурно-историческую концепцию и субъектно-деятельностный подход мы, определяем личностное саморазвитие как специфическую внутреннюю и

---

⁶ Низовских Н.А. Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности // Психологический журнал. 2005. №3. С. 25-37.

внешнюю деятельность человека по созданию нового в индивидуальном сознании, переживаниях и отношениях, осуществляемую в соответствии с жизненными задачами и с помощью социально-культурных средств. Психологическим "органом" личностного само-

---

Исследования проводятся при поддержке Министерства образования РФ: грант N 183 - 33 (раздел 06 02 281 216).

стр. 25

развития и жизнотворчества является сознание человека. О сознании как орудии личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия писал М. К. Мамардашвили [9]. Для реализации субъектности в процессах жизнедеятельности и саморазвития человек нуждается в системе жизненных ориентации и соответствующих психологических средствах.

Проблема жизненных ориентации - важнейшая в современных теориях личности. Нет ни одной культуры, подчеркивал Э. Фромм, в которой бы не существовала определенная система ориентации, как и нет индивидов, не обладающих таковой [25]. Система жизненных ориентации выступает как совокупность ценностей, интегрированных личностью применительно к собственной жизни.

Психологические средства организации жизнедеятельности и личностного саморазвития рассматриваются нами как социокультурные орудия и способы воздействия человека на самого себя с целью достижения желательных изменений. Как известно, Л. С. Выготский в качестве основного средства построения личности называл речь [4]. А. А. Леонтьев пишет о языке как ориентире человека при его деятельности [7, с. 282]. Личность "живет в языке", и в случаях жизненных затруднений М. К. Мамардашвили рекомендовал обращаться не к эмпирическим обстоятельствам, а к "идеологии" жизни [10, с. 93, 110].

Важнейшим психологическим средством личности являются ее "жизненные принципы". Ценность жизненных принципов провозглашали Апулей [1], И. Кант [5] и другие известные мыслители. С. Л. Рубинштейн полагал, что идеи, применяемые человеком в качестве принципов, надо особо учитывать в характеристике личности [23]. Особая значимость жизненных принципов определяется тем, что в них представлены важнейшие смысловые ориентации личности, ее жизненная философия, идеология. Психологическим субстратом жизненных принципов являются развернутые речевые высказывания. Это создает возможность использовать их в психосемантическом исследовании личности, поскольку именно развернутое высказывание, а не отдельное слово "обладает значением" (Л. Витгенштейн), является носителем идеи.

Сложность экспериментального изучения живой, целостной личности отмечалась в отечественной и зарубежной психологии. Уже несколько десятилетий назад критиковались искусственно культивируемая мода на большие выборки и недостаточная "солидность" исследований, проводимых на одном человеке [22]. Новые возможности в проведении такого рода исследований открыла техника репертуарных решеток Дж. Келли, основанная на созданной им теории личностных конструктов [6]. Успехи техники репертуарных решеток послужили аргументом в пользу представления о "возможности научного, индивидуально ориентированного, субъектного метода исследования личности, опирающегося на конкретные инструментальные средства" [там же, с. 156].

Глубину и собственно "личностное измерение" техника репертуарных решеток обрела в экспериментальной психосемантике В. Ф. Петренко, который, по мысли М. Коула, применил "американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л. С. Выготского" (цит. по [18, с. 5]). Психосемантика позволяет исследовать структуры индивидуального сознания, образованные системами значений языка, которые в своем содержательном наполнении являются "превращенной формой деятельности субъекта, познающего и преобразующего

мир" [18, с. 18]. Основным методом экспериментальной психосемантики является построение субъективных семантических пространств, процедуры которого описаны в работах В. Ф. Петренко [16, 18, 19], А. Г. Шмелева [28]. Как подчеркивает В. Ф. Петренко, психосемантическое исследование личности специфично, психолог "оказывается в ситуации, близкой к работе исследователя старинных текстов или исследователя других культур, требующих от него вхождения "изнутри" в культуру людей, мыслящих в другом коде" [19, с. 94 - 95]. Одним из наиболее "лично ориентированных" направлений в экспериментальной психосемантике является исследование мотивационной сферы человека [2], в частности, при помощи разработанного В. Ф. Петренко метода атрибуции мотивов. Принцип атрибуции был использован нами при создании под руководством В. Ф. Петренко психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным принципам личности [14].

МЕТОДИКА

Суть метода - построение семантических пространств на базе атрибуции жизненным принципам личности некоторых мотивов.

Процедура эксперимента: по множеству униполярных шкал, образованных ценностными суждениями (личными "жизненными принципами"), испытуемый оценивает множество мотивов, которые могут "оправдывать" содержащиеся в данных суждениях жизненные ориентиры. Формирование шкалы измерения состоит в формулировании испытуемым тридцати - тридцати пяти *собственных* жизненных принципов. Таким образом, перечень шкал-дескрипторов является "вызванным". В качестве "объектов" шкалирования выступают мотивы - "заданный" список (см. приложение). Перечень мотивов заимствован из

стр. 26

исследования В. Ф. Петренко [19] и несколько модифицирован нами. Эксперимент проводится в три этапа.

Первый этап эксперимента состоит из двух частей. *1 часть.* Испытуемому предлагается записать принципы своей жизни. Инструкция: "Каждый человек в своей жизни руководствуется определенными принципами (правилами). Эти "жизненные принципы" приходят к нам разными путями. Одни установки дают родители, близкие люди, учителя. Например, в детстве родители говорят: "Будь умницей!" или "Нельзя брать чужое". Другие принципы мы извлекаем из книг, телепередач, песен, стихов или формулируем сами, опираясь на жизненный опыт. Например, "Не позволяй душе лениться...", "Не верь мужчинам!". У каждого человека свой набор таких жизненных правил. Вам предстоит записать свои жизненные принципы. Не менее 30 - 35". (Отметим, что были испытуемые, список принципов которых составлял 11 - 25 суждений.) *2 часть:* Заполнение матрицы. Инструкция: "Перед Вами матрица. Строки ее отражают Ваши жизненные принципы, а столбцы - перечень мотивов. Нужно оценить, **насколько тот или иной** мотив является причиной Вашего следования в жизни каждому из принципов. При заполнении матрицы необходимо "отвечать" на вопрос: "Следую ли я данному жизненному принципу из-за "материальной заинтересованности", "по подражанию", по причине "бегства от одиночества..." и т.д.? И если да, то в какой степени?" Оценку производите в баллах от 0 до 5. Если мотив совсем не является причиной следования данному принципу - 0 баллов. 5 баллов соответствуют максимальной "задействованности" мотива. Вы можете дополнить данный перечень теми мотивами, которые значимы для вас, но отсутствуют в данном списке. Присвойте дополнительным мотивам номера, начиная с 51, и соответствующим образом заполните матрицу. Поскольку заполнение матрицы потребует достаточно много времени, можно проводить эту процедуру в два-три приема. Приписывая мотивы принципам, не думайте долго, полагайтесь на первое решение. Успеха Вам в самопознании и саморазвитии!".

Второй этап эксперимента - математическая обработка матриц. Полученные протоколы, представляющие собой матрицы индивидуальных данных /11 - 35/ x /50/, обрабатываются при помощи процедур факторного анализа, включающего поворот выделенных факторов методом варимакс. Далее осуществляется интерпретация выделенных факторов и построение семантических пространств ценностных факторов с расположенными в них мотивами и семантических пространств мотивационных факторов с расположенными в них жизненными принципами испытуемых. Обработка данных в исследовании 2002-2003 гг. проходила по программе SPSS (версия 10).

Третий этап эксперимента - обсуждение полученных результатов с испытуемыми, которые выступают на данном этапе как со-исследователи, поскольку им самим предлагается интерпретировать выделенные ценностные и мотивационные факторы, и только в случаях затруднений и в качестве примера можно использовать толкования экспериментатора. Позиция испытуемого при обсуждении признается решающей, поскольку только ему самому "ясны" все значения и смыслы не только собственных жизненных принципов, но и таких слов как "покой", "справедливость", "красота", которые входили в название мотивов. М. К. Мамардашвили, к примеру, говорил о различном понимании стремления человека к покою [11, с. 15]. Различия в толковании содержания понятий ярко обнаружили и в нашем исследовании. Так, слово "покой" одна испытуемая отождествляет с остановкой в развитии, а другая ассоциирует со смертью. Сказанное не уменьшает, а усиливает роль исследователя в интерпретации выделенных факторов.

Недостатки и достоинства метода. Основным недостатком метода является высокая степень рефлексивности при формировании шкалы измерения, которая в значительной степени сглаживается проективностью процедуры атрибуции и оценивания мотивов. При формировании шкалы измерения возможно влияние социальной желательности. Процедура эксперимента достаточно трудоемка как для испытуемого, так и для исследователя. К числу достоинств метода следует отнести то, что он в определенной степени преодолевает противостояние психобиографических методов и техник факторно-аналитического тестирования, поскольку экспериментальный инструментальный используется для анализа ценностей, извлеченных из контекста реальной жизни личности. Формирование шкал-дескрипторов самим испытуемым и релевантность заданных "объектов" снимают обычное для таких методик замечание о том, что испытуемому навязываются несвойственные ему линии дифференциации объектов. Процедура исследования воспринимается испытуемыми как нечто полезное и интересное, хотя и требующее некоторого усилия и напряжения. Поскольку методика не имеет заранее заготовленных "ярлыков", снимается страх диагноза.

Исследования с применением психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным принципам проводились в 1992 - 1993 и в 2002 - 2003 гг.

Целью исследований выступило реконструирование категориальных структур индивидуального сознания, образованных системами значений, которые лежат в основе жизненных ориен-

стр. 27

таций личности. При формировании *гипотезы* мы исходили из предположения о том, что представленные в жизненных принципах личности ориентации имеют упорядоченную внутреннюю структуру - глубинные системы значений, которые могут быть выявлены методами экспериментальной психосемантики. Главной *задачей* явилось построение семантических пространств, моделирующих те категориальные структуры индивидуального сознания, которые выступают опосредующим звеном в функционировании личности как субъекта жизнедеятельности и саморазвития.

Испытуемыми в эксперименте были психологи, педагоги, студенты, аспиранты, школьники. Их возраст - от 12 до 63 лет; все испытуемые женщины. Четверо из них

участвовали в исследовании дважды: в 1992 и в 2002 годах. Было собрано 36 индивидуальных протоколов. Результаты обследования одного из испытуемых представлены в данной статье.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ИСПЫТУЕМОЙ Н.

Психологические портреты испытуемой

1992 год. Н - 23 года, она студентка института, среднего роста, миловидная. Н умна, имеет широкий кругозор, в институте успевает отлично. Н талантлива во многих сферах, она общительна, обладает даром красноречия, быстро и легко устанавливает контакт с аудиторией, производит впечатление уверенного человека. С детства у нее масса увлечений: конный спорт, ушу, танцы и др. Она внимательна к своей внешности, стремится всегда выглядеть эффектно, но недовольна своей фигурой, ей кажется, что она "слишком пухлая". Н остро переживает неустроенность в личной жизни, жаждет близости с любимым человеком. Особенно ее мучают воспоминания о разрыве с первой любовью, когда любимый человек "просто ушел", ничего не объяснив. Особенность жизненной ситуации Н состоит в том, что несколько лет назад ее родители уехали в другую страну для работы по контракту, и она все эти годы живет со старшим братом, которого любит и на мнение которого ориентируется. С братом у нее сложились добрые, доверительные отношения, а вот в общении с матерью много непонимания: она хотела бы получать от матери больше ласки и нежности. Сама Н отличается тонкой душевной организацией, отзывчива, добра, тянется к людям старше себя, но поскольку она прямолинейна в своих суждениях, окружающие иногда воспринимают ее поведение как неучливое и высокомерное. Н отличается сложной душевной жизнью, по ее словам, ее "раздирают" внутренние противоречия, которые часто переходят в неприятие себя.

2002 год. Н - 33 года, она получила второе высшее образование, преподает в вузе, работает над диссертацией, у нее отдельная квартира. Путем систематических и разнообразных занятий она приобрела желательные формы, стала еще более миловидной, привлекательной, стильной; у нее широкий круг знакомых. Н стала больше понимать своих родителей, которые теперь живут в другом городе; отношения с мамой значительно улучшились. Личная жизнь Н отмечена несколькими важными и довольно продолжительными встречами, но постоянного спутника и друга, о котором она как и прежде мечтает, еще нет. По-прежнему Н чувствительна к сфере отношений с другими, несколько раз пережила тяжелые, почти депрессивные состояния, накладывающие отпечаток на ее физическое здоровье. В частности, ей довелось испытать "экстремальное похудение". Довольно часто ее мучают ночные кошмары. Уже несколько месяцев Н консультируется с психологом. Предложение вновь принять участие в исследовании она приняла сразу, но сказала, что ей "страшно", вероятно, обнаружится регресс, поскольку в ней "стало больше цинизма", но все-таки ей "очень интересно".

В результате обработки матриц сходства ценностных суждений (жизненных принципов Н) в 1992 г. выделено *десять* значимых ортогональных факторов, объясняющих соответственно 75.1% дисперсии; в 2002 г. - *восемь* значимых ортогональных факторов, объясняющих 75.7% дисперсии. Представим в таблицах и проанализируем эти ценностные факторы.

Как видно из табл. 1, первый ценностный фактор (Ф1) двадцатитрехлетней Н выражает ее отношение к себе и связан с сохранением индивидуальности, "самости", в нем ясно просматривается значение для Н ее внешних данных. Второй фактор (Ф2) также выражает отношение Н к себе: это ориентация на совершенствование себя и поддержание силы Я. В сравнении с первым данный фактор выглядит как более "маскулинный". Третий фактор (Ф3) выражает осторожность Н в отношениях с другими, в нем содержатся ограничения в самораскрытии и ориентация на сбор полезной информации. Четвертый фактор (Ф4) был интерпретирован как "моральность". Ориентации пятого фактора (Ф5), раскрывающие стремление Н быть подлинной и естественной в общении, приходят в

противоречие с шестым фактором (Ф6), который выражает запрет на "движение к..." другому: "не стремись завоевать...", "не навязывайся". С учетом принципа "не доверяй мужчинам" возникает почти непреодолимое препятствие в общении с противоположным полом. Ведь "если гора не идет к Магомету, то Магомет должен ид-
стр. 28

Таблица 1. Иерархии ценностных ориентации испытуемой Н в 1992 г. (Н - 23 года)

Название факторов с указанием нагрузки и вклада в общую дисперсию	Содержание факторов	Нагрузки ценностей по факторам
Фактор 1 "Самоидентификация" (4.35; 13.6%)	Береги свою индивидуальность.	-0.81
	Будь самостоятельной.	-0.75
	Развивай чувство вкуса.	-0.72
	Красивый макияж - естественный макияж.	-0.65
	Сохраняй спокойствие в любой обстановке.	-0.63
Фактор 2 "Самосовершенствование и сила Я" (2.68; 8.4%)	Хочешь чего-то добиться, работай и еще раз работай (над собой).	0.81
	Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.	0.74
Фактор 3 "Самосохранение" (2.59; 8.1%)	Поменьше рассказывай о себе.	-0.79
	Наблюдай, увидишь то, чего не видят другие.	-0.64
Фактор 4 "Моральность" (2.54; 7.9%)	Не будь неблагодарной.	0.72
	Будь честной.	0.67
Фактор 5 "Аутентичность" (2.51; 7.9%)	Общаясь, не гаси в себе лучшие порывы души.	0.88
	Слушай свой внутренний голос.	0.83
Фактор 6 "Самоограничения в общении" (2.30; 7.2%)	Не стремись завоевать кого-либо.	0.80
	Никому никогда не навязывайся.	0.79
	Не доверяй мужчинам.	0.63
Фактор 7 "Соблюдение правил этики и этикета" (2.03; 6.4%)	Прежде чем войти, постучи и получи разрешение.	-0.76
	Правила хорошего тона не роскошь, а необходимость.	-0.66
Фактор 8 "Независимость" (1.84; 5.8%)	Кому и что я обязана объяснять? Только самым близким.	0.85
Фактор 9 "Нравственность"	Иди к людям с добром.	0.78
	Не спеши осуждать кого бы то ни было.	0.67
Фактор 10 "Не пререкайся с начальством"	Не пререкайся с начальством.	-0.78

ти к горе", а для Н почти аксиоматично то, что она не должна идти к другому. Возможно, наблюдается ситуация, о которой пишет В. И. Олешкевич: "Единственный негативный опыт молодой женщины в отношениях с мужчиной может перенестись на всех мужчин, которые будут напоминать ей о травме" [15, с. 148]. *Комментарий* Н¹: "Да, это так. Это достаточно точно". Н сказала, что негативный опыт общения являлся не единственным. Был период в ее жизни, когда она была уверена, что "все мужчины одинаковы", что никому из них нельзя доверять, что в общении с ними все как-то банально, потребительски. Вероятно, в ее ориентациях проявился феномен недоверия между полами, который К. Хорни характеризовала как "обычный порядок вещей", детерминированный психологическими факторами, полагая, что недоверие значительно затрудняет общение между мужчинами и женщинами и должно преодолеваться [26]. Р. Мэй некоторую степень недоверия между людьми признавал необходимой [13].

Таким образом, жизненные ориентации двадцатитрехлетней Н, центрированные на себе и своих отношениях с другими, более всего отвечают задачам поддержания собственной идентичности и вхождения в социум.

Как видно из табл. 2, на первое место в ценностях тридцатитрехлетней Н выходит фактор (Ф1), отражающий ее потребность в близких людях, стремление к счастливой личной жизни. Некоторая проблемность обнаруживается в том, что в ряде суждений данного фактора присутствует своего рода "условность": "Близкие люди те, рядом с которыми чувствуешь себя спокойно и уверенно"; "При объединении мужчины и женщины обоим должно быть лучше..."; "Друг мне тот, кому все могу говорить". Жесткое "не доверяй мужчинам" двадцатитрехлетней Н трансформировалось в новую позицию "хорошей условности". Это свидетельствует о большей готовности Н к установлению продуктивных контактов с противоположным полом, хотя все еще возможны некоторые барьеры в общении. *Комментарий* Н: "У меня и сейчас есть эта настороженность. Я часто сталкивалась с тем, что многие вещи понимались другими не так, и когда я пыталась объяснить, получалось еще хуже. Я сталкивалась с этим... Начиная с каких-то родительских высказываний и заканчивая нюансами восприятия меня мужчинами. Те оценки, которые я слышала, были совершенно неверны, а люди были уверены в своих оценках, в своей правоте! А мне в своей внутренней реальности все понятно. Но сейчас я пришла к выводу, что "не надо все усложнять"". Обозначенная проблема - проблема выражения своего Я, о которой М. К. Мамардашвили говорил: "В области мысли можно испытывать не

¹ Здесь и далее будут приведены некоторые комментарии Н, сделанные в феврале 2004 г. при обсуждении материалов, подготовленных для данной статьи.
стр. 29

Таблица 2. Иерархии ценностных ориентации испытуемой Н в 2002 г. (Н - 33 года)

Название факторов с указанием нагрузки и вклада в общую дисперсию	Содержание факторов	Нагрузки ценностей по факторам
Фактор 1 "Хорошо, если есть близкий человек и связанная с ним личная жизнь" (6.38; 18.2%)	Близкие люди те, рядом с которыми чувствуешь себя спокойно и уверенно.	0.81
	При объединении мужчины и женщины обоим должно быть лучше. В противном случае нет смысла в этом союзе.	0.80
	Зачем нужна работа, которая мешает личной жизни.	0.75
	У моих детей должен быть хороший	0.74

	папа.	
	Слушай себя, доверяй своему чутью.	0.69
	В гостях хорошо, а дома лучше.	0.68
	Друг мне тот, кому все могу говорить.	0.61
Фактор 2 "Жить полной жизнью" (5.63; 16.1%)	Не становись рабом хороших манер, иногда это вредно.	0.82
	Информация лишней не бывает, сам не знаешь, где "выстрелит".	0.77
	Полнота жизни определяется полноценностью и качеством переживаний.	0.77
	Тренированное тело - хорошее украшение для женщины, живущей на одну зарплату.	0.69
	Жизнь как море - неизменна в своем непостоянстве.	0.65
	С собой будь честен, сделай милость.	0.60
	Тело - твой друг, не относись к нему как к врагу.	0.53
Фактор 3 "Относись к другому "по-человечески", но без иллюзий" (4.92; 14.1%)	Смотри на дела человека, а не цепляйся за слова его.	0.83
	Прощай без пафоса и ощущения своего великодушия.	0.72
	Не ври без явной необходимости, лучше скажи не всю правду.	0.68
	Относись к другому так, как тебе на самом деле хочется.	0.67
	Помогай другому, когда тебя попросят.	0.62
	Смотри, что мужчина может сделать и что реально делает - поймешь его отношение к тебе.	0.57
	Любая нестандартная ситуация в жизни - либо подарок, либо средство научиться тому, чего не знаешь.	0.56
	Уважай людей достойных - они этого заслуживают. Уважай тех, кто	0.55
	не достиг, но стремится - ибо в каждом есть что-то достойное уважения. Уважай и тех, кто уважения не достоин - ибо чего тебе стоит? Гнев - плохой советчик в трудных ситуациях.	0.54
	Ребенок должен быть любимым.	0.54
Фактор 4 "Тот, кто выполнил свое предназначение, уже не здесь. На все воля Божья" (2.33; 6.7%)	Тот, кто выполнил свое предназначение, уже не здесь.	0.84
	На все воля Божья.	0.69
Фактор 5 "Ответственность за выбор счастья" (2.03; 5.8%)	Вокруг тебя есть все для счастья, имей смелость это увидеть!	0.75
	Не все, что нам кажется хорошим, является таким на самом деле.	0.53

	Не все, что для нас кажется нам плохим, является на самом деле таковым.	
Фактор 6 "Быть рациональной, но не слишком" (1.80; 5.1%)	Рационализм - признак взрослости, главное, не состариться раньше времени.	0.83
Фактор 7 "Доброе слово" (1.75; 5.0%)	Доброе слово и кошке приятно.	0.85
Фактор 8 "Самодисциплина" (1.65; 4.7%)	Ленивый человек - не тот, кто ничего не делает, а тот, кто делает все, что угодно, кроме того, что необходимо делать в данный момент.	0.82

только радость, но и трагическую боль отсутствия, попадать в ситуацию, когда конкретный, налаженный механизм мира буквально вытесняет, давит своей глыбой несомненное для меня живое состояние. Казалось бы, мое "Я" для меня абсолютно очевидно, а ему нет места в реальности" [11, с. 17]. Можно предположить, что к настоящему времени Н "согласилась" принять это неполное соответствие "живых" внутренних переживаний внешним выражениям, равно как и неполное понимание других.

Второй ценностный фактор (Ф2) обнаруживает стремление Н быть свободной. В сравнении с ценностями десятилетней давности, где отчетливо была видна ориентация на нормы и правила этикета, здесь ясно проявляется желание Н сбросить груз неоправданных ограничений. Новыми являются суждения, выражающие отношение к жизни в целом и требование честности в отношениях с собой. Отношения к своему внешнему облику у Н все еще непростые. Суждение "тренированное тело - хорошее украшение для женщины, живущей на одну зарплату" звучит так, как будто тело должно быть ответчиком за эту "одну зарплату". Суждение "тело - твой друг, не относись к нему как к врагу" также обнаруживает работу Н в направлении принятия своего тела. *Комментарий Н:* она сказала, что вкладывала в них иной смысл: "Вот если у меня одна зарплата, то я могу украсить себя хотя бы тренированным телом, и еще при этом получить удовольствие, в отличие от других, которые этого не делают. <...> И еще

стр. 30

вот что: тридцать три - это кризис. И это способ держаться за что-то. Можно кинуться в депрессию, а можно собраться и идти в зал. Депрессия - это состояние, а тело-то у тебя всегда есть: иди и занимайся. Раньше это было усилие, как бы "ломание" тела (ушу и т.д.), на уровне преодоления: вот иди, делай то, что не можешь. А сейчас это перешло в иное. Не надо напрягаться!".

Отношение к другим людям тридцатитрехлетней Н представлено в третьем (Ф3) и седьмом (Ф7) факторах. Для нее важно (Ф3) понимать, прощать, не лгать, быть самой собой; помогать, когда попросят. Обратим внимание на то, что для Н важно не "*помогать, когда попросят*", а "*помогать, когда попросят*"; по ее словам у нее было много трудностей, связанных с тем, что она буквально бросалась на помощь даже в тех ситуациях, когда этого не требовалось. Здесь, вероятно, проявляется стремление к различению *намерения* благого и *реального* благого, о котором писал М. К. Мамардашвили [11]. Кроме того, для тридцатитрехлетней испытуемой важно быть реалистичной в оценках других, уважать их независимо от достижений, не гневаться в трудных ситуациях общения. Н нацелена учиться у нестандартных ситуаций или принимать их как подарок. Это более гибкие позиции по сравнению с конструктами десятилетней давности.

Четвертый ценностный фактор (Ф4) отражает душевное состояние Н после недавней смерти двух близких и значимых для нее людей, а также отношение Н к Богу и ее

представления о предназначении человека. При обсуждении выяснилось, что входящие в данный фактор ценности выражают отношение Ник своей "земной ситуации", связаны с ее размышлениями о собственном предназначении.

Фактор пятый (Ф5) выражает решимость Н "отвечать за выбор счастья" в своей жизни. "Возможность становится реальностью, когда ты действуешь" - так пояснила Н смысл данного конструкта. Эта установка стала для нее одной из самых важных, приведших к новому мировосприятию, новому состоянию души, к ощущению радости жизни. Следование данному принципу подготовило позитивные события в жизни уже тридцатичетырехлетней Н, о которых, по ее просьбе, не будем упоминать.

Новой явилась и ее установка в отношении к рациональности (Ф6). В суждении, которое задает содержание данного фактора, одновременно подчеркивается ориентация на рациональность как признак взрослости и, вместе с тем, ощущается некоторая самоирония - стремление Н "не переусердствовать" в отношении рациональности, чтобы "не состариться раньше времени".

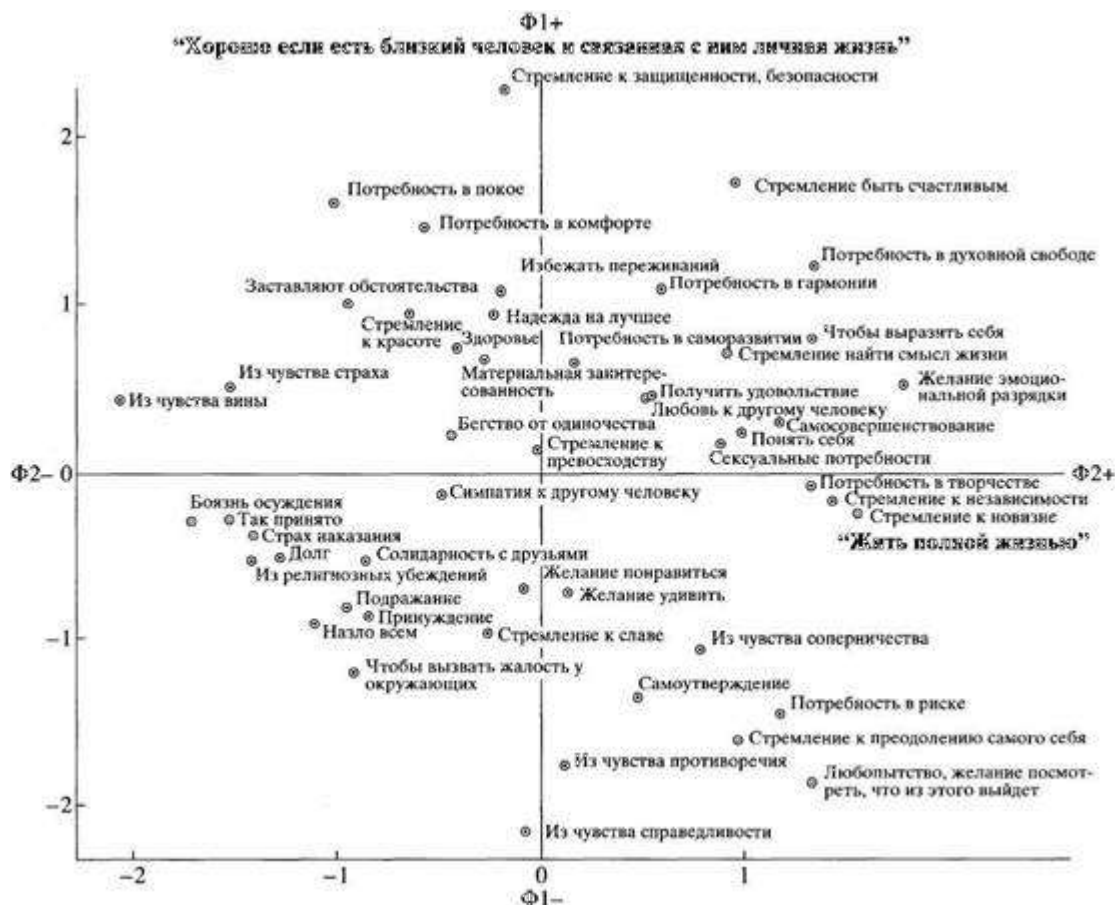
Седьмой ценностный фактор (Ф7) отражает ее стремление выражать доброе отношение к другому человеку словами. *Комментарий* Н: "Раньше я не считала нужным и не умела это делать, и даже сейчас мне это дается не так легко. Особенно в общении с теми, кто "из прошлого", кто не знает меня "уже другой". Но с новыми людьми получается все просто. Очень просто!". Восьмой фактор (Ф8) задает самодисциплинированность в сфере деятельности.

Отметим, что если в первом исследовании ориентации Н были представлены в двух сферах: *отношение к себе* (Ф1, Ф2, Ф5) и *отношение к другим* (Ф3, Ф4, Ф5, Ф6, Ф7, Ф8, Ф9, Ф10), то в ориентациях тридцатитрехлетней Н представлены пять сфер жизнедеятельности: *отношение к себе* (Ф1, Ф5, Ф6), *отношение к другим* (Ф1, Ф3, Ф4, Ф7), *отношение к жизни* (Ф2), *отношение к Богу* (Ф4), *отношение к деятельности* (Ф8).

Перейдем к рассмотрению семантических пространств. Учитывая объем статьи, ограничимся частью материалов, полученных в исследовании 2002 г.

Мы видим, что на положительном полюсе первого фактора (Ф1, рис. 1) высокие значения получили мотивы, большинство из которых можно отнести к группе достижения эмоционального благополучия и покоя. На другом полюсе данного фактора располагается мотив "из чувства справедливости". Вероятно, само желание иметь близкого человека представлялось Н "несправедливым" в отношении себя. *Комментарий* Н: "То, что открылось тогда в отношении справедливости, было для меня на уровне откровения. А сейчас стало так: у меня *есть* свои желанья". По второму фактору (Ф2, рис. 1) наибольшие значения получили мотивы самовыражения и творческого постижения себя и мира, сопряженные с потребностью в риске.

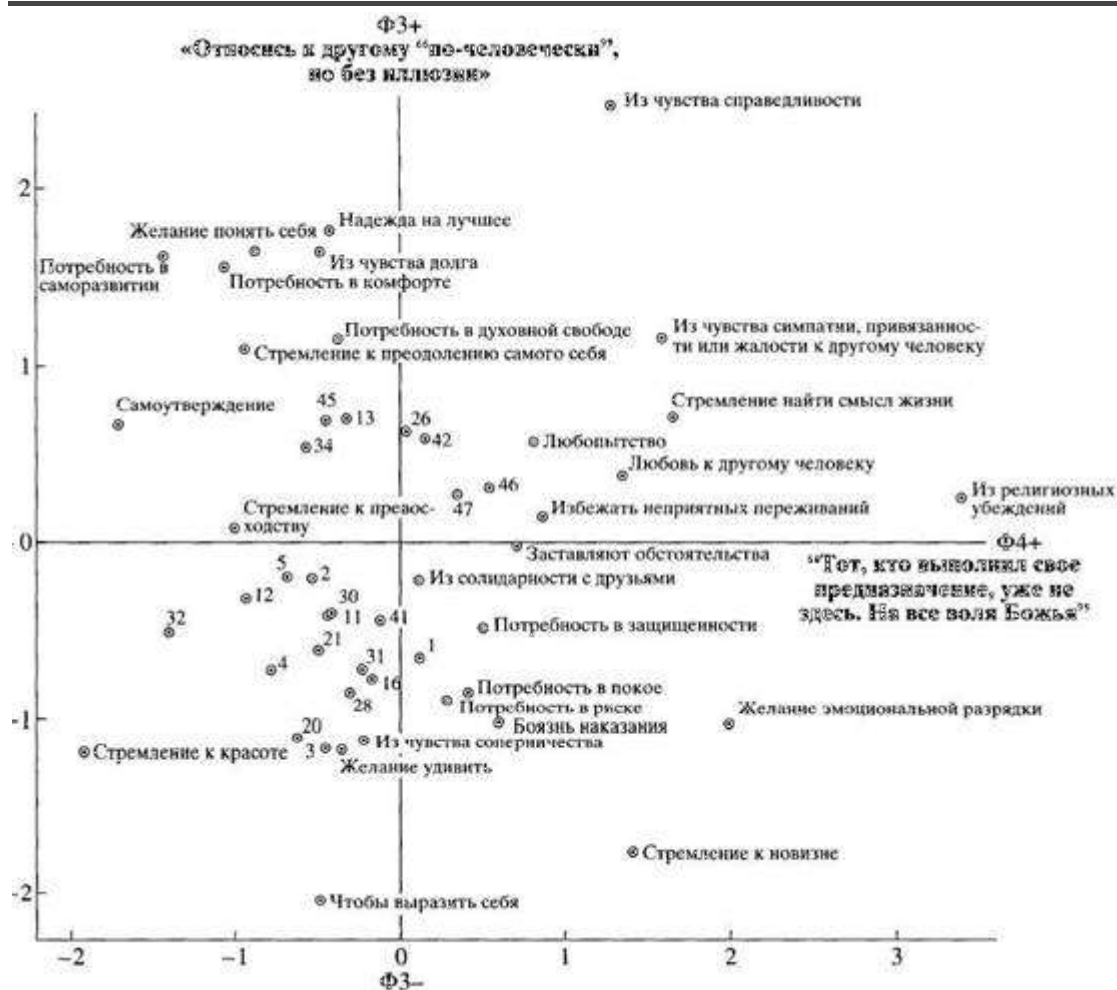
По третьему фактору (Ф3, рис. 2) наибольшее значение получил мотив "из чувства справедливости"; кроме того, "человеческое" отношение Н к другим подкрепляют чувства долга, симпатии, привязанности, а также желание понять себя, потребность в саморазвитии, стремление к преодолению, испытанию самого себя, потребность в комфорте и духовной свободе. *Комментарий* Н: "В кризисные годы это важно: относиться к другому по-человечески. Чтобы поддержать комфорт. То есть, если все плохо, сохраняй то, что имеешь, то, что можно сохранить через человеческие отношения". Мы видим здесь еще одну стратегию Н в преодолении возрастного и жизненного кризиса. Интересно, что на противоположном полюсе данного ценностного фактора (Ф3, рис. 2) оказался мотив "чтобы выразить себя", что может свидетельствовать об отсутствии у испытуемой стремления к обнаружению себя в отношениях. Желание понять и развить себя в сфере отношений без одновременного "выражения себя" пред-

Рис. 1. Размещение мотивов в семантическом пространстве ценностей ($\Phi 1$, $\Phi 2$) испытуемой Н.

ставляется затруднительным и едва ли возможно. *Комментарий Н:* "Получается, что "относись к другому по-человечески" - это только аспект вежливости, а сама я остаюсь внутри себя, ковыряюсь в себе, но закрыта для других...". Не подкрепляет данный ценностный фактор ($\Phi 3$) и мотив получения удовольствия. Не означает ли это, что в сфере отношений Н живет "по ту сторону принципа удовольствия"? *Комментарий Н:* она весело рассмеялась, прочитав данное предположение, и пояснила: "У меня долгий период жизни был таким: есть трудная работа, преодоление, все такое... А для удовольствия вообще ничего нету! Не дай бог, ты чего-нибудь "для удовольствия" затеешь. Это "нецелесообразно", уже "давно пора повзрослеть". Ну вот сейчас я кое-что и для удовольствия начала делать...". Четвертый ценностный фактор ($\Phi 4$) более всего подкреплен религиозными убеждениями Н, ее морально-нравственными чувствами, а также желанием эмоциональной разрядки, поиском смысла жизни и стремлением к новизне. Ценностно-мотивационные ориентации данного фактора в совокупности отражают духовно-нравственные искания Н.

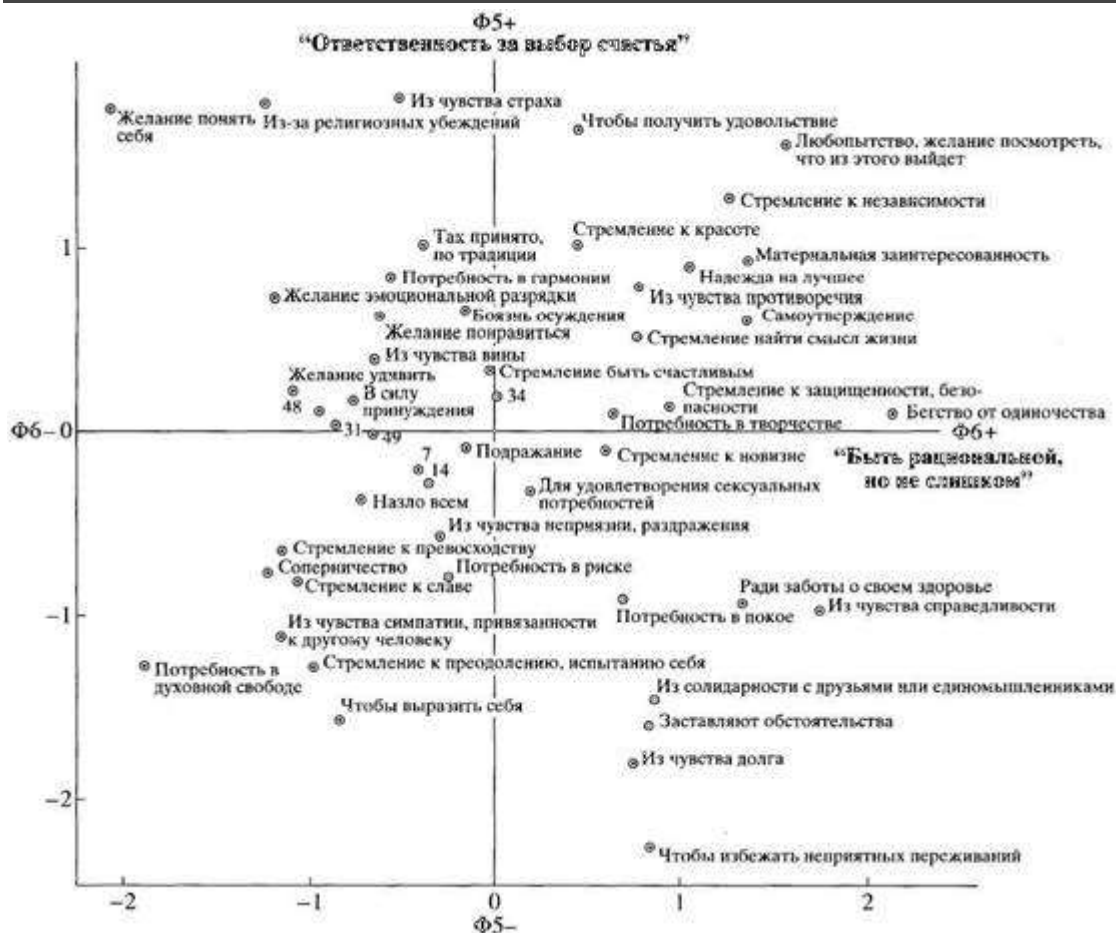
Как мы видим, более всего "ответственность за выбор счастья" ($\Phi 5$, рис. 3) подкрепляет мотив "из чувства страха", что может показаться довольно странным. Но стремление к преодолению страха заложено уже в формулировке жизненного принципа, задающего содержание данного фактора: "Вокруг тебя есть все для счастья, имей смелость это увидеть!" Можно предположить, что мотив страха "борется" с мотивами получения удовольствия и любопытства. *Комментарий Н:* "Вот у меня был мощный мотивчик! И хочется, и страшно. Страшно - вдруг не получится! А вдруг получится? Что дальше? Тоже страшно". Не соотносится с ориентацией "быть ответственной за выбор счастья" мотив справедливости. Получается, что быть счастливой для Н также "несправедливо", как и иметь близкого человека. Н выделила данный результат исследования как очень значимый,

Рис. 2. Размещение мотивов в семантическом пространстве ценностей (Ф3, Ф4) испытуемой Н.

и вот ее комментарий: "У меня долгое время была такая штука, (я надеюсь, сейчас она прошла), что я недостаточно хороша для того, чтобы меня кто-то выбрал. Чем человек этот виноват, что ему достанусь я со своими заморочками? На самом деле я хотела этого одной какой-то своей частью, и думала, что это "несправедливо" - другой. ..". Ориентации Н, выраженные в пятом (Ф5) и шестом (Ф6) ценностных факторах, объединяют мотивы любопытства и стремление к независимости. Испытуемая прокомментировала это как независимость от ограничивающих ее правил, прежних догматических норм.

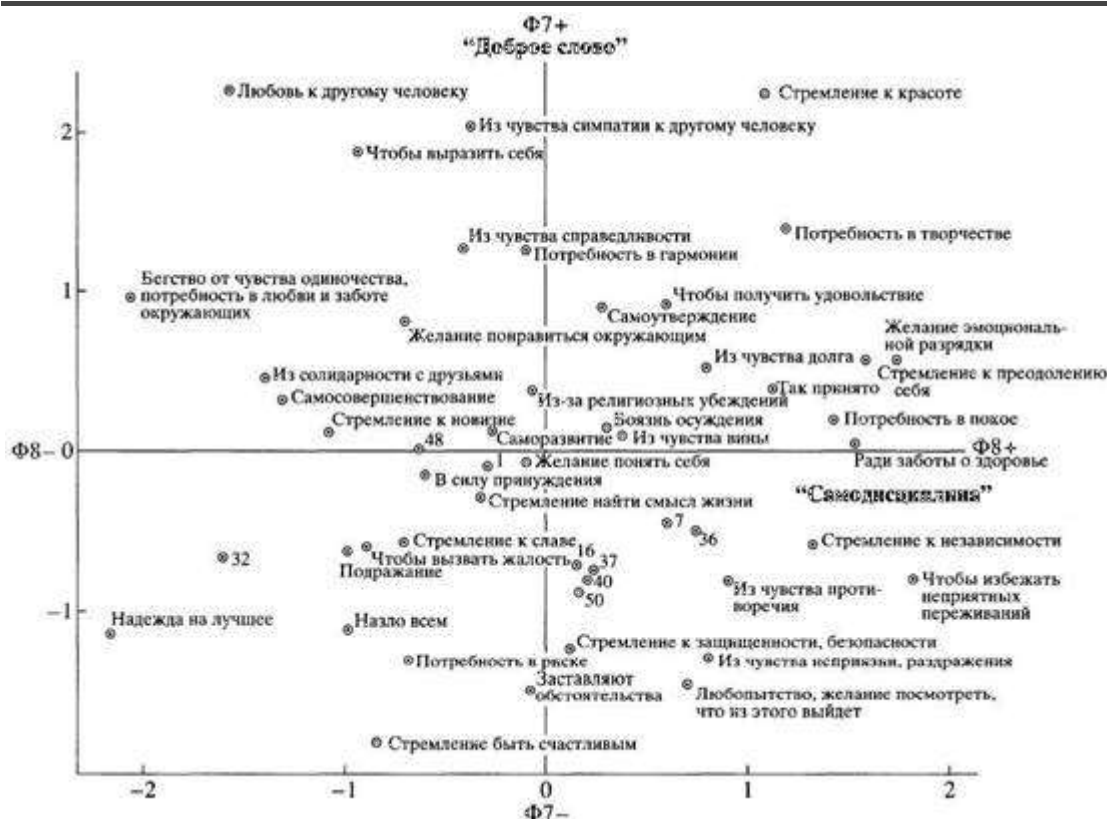
Анализ коннотативных значений мотивов, представленных точками внутри семантического пространства седьмого (Ф7) и восьмого (Ф8) ценностных факторов (рис. 4), показывает, что наиболее нагруженными по данным факторам являются мотивы: "стремление к красоте" и "потребность в творчестве". Высокие значения по фактору "Доброе слово" имеют мотивы любви и симпатии к другому человеку, а также мотивы "из чувства справедливости" и "потребность в гармонии". Все эти мотивы могут быть отнесены к группе высших потребностей. Можно высказать предположение, что Н развивается в направлении зрелости и полноты функционирования личности. Ценность доброго слова (Ф7) подкрепляется и мотивом "чтобы выразить себя", то есть по внутреннему ощущению Н, она *может* выразить себя в добром слове. Вероятно, речь идет о проявлении через слово внутренних феноменов, о которых писал М. К. Мамардашвили: "Предметам самим по себе вовсе несвойственно ничего из того, в чем он (человек. - Н. Н.) может реализовать и развить себя как человеческое существо, *a priori* имеющее в себе такие феномены, как совесть, добро, любовь и т.д." [11, с. 87].

Рис. 3. Размещение мотивов в семантическом пространстве ценностей (Ф5, Ф6) испытуемой Н.

Как уже было отмечено, математическая обработка матриц была организована таким образом, что процедуре факторизации подвергались не только ценностные суждения ("принципы жизни"), но и мотивы, которые испытуемые атрибутировали данным жизненным принципам. Не имея возможности в рамках статьи представить материалы, полученные при факторизации мотивов испытуемой, отметим, что в исследовании 1992 г. было выделено десять, а в исследовании 2002 г. - шестнадцать независимых мотивационных факторов. Обнаружилась относительная устойчивость мотивационного обеспечения жизнедеятельности Н. Так, главными побудителями жизненных устремлений двадцатитрехлетней Н, представленными в первом мотивационном факторе, выступали удовлетворение сексуальных потребностей и желание нравиться, связанные со стремлением к новизне, счастью, удовольствию; для тридцатитрехлетней Н главным мотиватором стало желание понять себя, связанное со стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию, а также потребностью в гармонии, комфорте и духовной свободе. Вторым по значимости и в 1992, и в 2002 г. стал мотивационный фактор, объединяющий "чувство соперничества" и "стремление к славе". В целом изменения в мотивационной сфере Н свидетельствуют о ее развитии в направлении зрелости.

Проведенное психосемантическое исследование позволяет утверждать, что Н - это саморазвивающаяся личность, стремящаяся к творческому постижению себя и мира, к выработке конструктивных отношений с другими и собой, к ответственной свободе самоосуществления. Участие в исследованиях с применением психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным принципам, по оценке испытуемой, стало одним из факторов достижения такого уровня внутренней согласованности, который позволил ей в на-

Рис. 4. Размещение мотивов в семантическом пространстве ценностей (Ф7, Ф8) испытуемой Н.

стоящее время с новой силой ощущать вкус и полноту жизни.

ВЫВОДЫ

1. Личностная организация жизнедеятельности и личностное саморазвитие человека осуществляются при помощи социокультурных по своей природе психологических средств, важнейшим среди которых являются жизненные принципы личности. Жизненные ориентации, представленные в жизненных принципах в форме развернутых речевых высказываний, имеют упорядоченные, хорошо структурированные системы значений. Психосемантический метод атрибуции мотивов жизненным принципам позволяет реконструировать категориальные структуры индивидуального сознания, отражающие глубинные системы значений жизненных ориентации личности.

2. Жизненные проблемы личности, ее внутренние конфликты могут программироваться "языком" ее жизненных установлений. Психосемантический метод атрибуции мотивов жизненным принципам позволяет выявить некоторые скрытые противоречия в ценностных и мотивационных ориентациях личности. Анализ матриц, заполняемых одним и тем же человеком через определенные промежутки времени, позволяет отслеживать личностные изменения человека в системе его собственных субъективных шкал.

3. Выявленные психосемантическим методом скрытые ценностно-мотивационные иерархии значимы для испытуемых как новые ориентиры в организации жизнедеятельности и саморазвития.

Таким образом, применение психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным ценностям представляется продуктивным в исследовании личности как субъекта жизнедеятельности и саморазвития. Данный метод может выступать в качестве психотехники личностного саморазвития.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список мотивов

1. Материальная заинтересованность. 2. Подражание. 3. Бегство от чувства одиночества, по-
стр. 35

ребность в любви и заботе окружающих. 4. Ради заботы о своем здоровье. 5. Боязнь осуждения со стороны окружающих. 6. Потребность в риске, желание получить острые ощущения. 7. Боязнь наказания, административных санкций. 8. Стремление к красоте. 9. Потребность в покое. 10. Самоутверждение, потребность быть лидером. 11. Потребность в творчестве. 12. Чтобы получить удовольствие. 13. Стремление к независимости. 14. Любовь к другому человеку. 15. Стремление к новизне, к новым впечатлениям. 16. Из-за чувства страха. 17. Из-за религиозных убеждений. 18. Желание эмоциональной разрядки, проявление импульсивности. 19. Любопытство, желание посмотреть, что из этого выйдет. 20. Желание понравиться окружающим. 21. Из чувства противоречия. 22. Из чувства справедливости. 23. Из чувства долга. 24. Стремление найти смысл жизни, поиск самого себя. 25. Заставляют обстоятельства. 26. Из чувства вины. 27. Стремление к защищенности, безопасности. 28. Стремление к славе. 29. Из чувства симпатии, привязанности или жалости к другому человеку. 30. В силу принуждения со стороны других людей. 31. Чтобы вызвать жалость у окружающих. 32. Для удовлетворения сексуальных потребностей. 33. Чтобы избежать неприятных переживаний. 34. Стремление к самосовершенствованию. 35. Из солидарности с друзьями или единомышленниками. 36. Из чувства соперничества. 37. Потребность в духовной свободе. 38. Надежда на лучшее. 39. Желание понять себя. 40. Желание удивить. 41. Всем назло. 42. Потребность в гармонии. 43. Стремление к преодолению, испытанию самого себя. 44. Чтобы выразить себя. 45. Из чувства неприязни, раздражения. 46. Стремление быть счастливым. 47. Так принято, по традиции. 48. Потребность в комфорте. 49. Потребность в саморазвитии. 50. Стремление к превосходству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апулей*. Апология или речь в защиту самого себя от обвинения в магии // *Метаморфозы*: в XI кн. Флориды. М., 1956. С. 7 - 97.
2. *Войскунский А. Е., Петренко В. Ф., Смылова О. В.* Мотивация хакеров: психосемантическое исследование // *Психол. журн.* 2003. N 1. С. 104 - 118.
3. *Выготский Л. С.* Вопросы детской (возрастной) психологии. Проблема возраста / *Собр. соч.*: В 6 т. М., 1984. С. 244 - 268. Т. 4.
4. *Выготский Л. С.* Педология подростка / *Собр. соч.*: В 6 т. М., 1984. С. 5 - 242. Т. 4.
5. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб: Наука, 1999.
6. *Келли Дж.* Теория личности. СПб: Речь, 2000.
7. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб: Лань, 2003.
8. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
9. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1992.
10. *Мамардашвили М. К.* Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000.
11. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
12. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
13. *Мэй Р.* Сила и невинность. М.: Смысл, 2001.
14. *Низовских Н. А.* Психосемантический анализ жизненных ориентации личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995.
15. *Олешкевич В. И.* История психотехники. М.: Академия, 2002.
16. *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
17. *Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // *Психол. журн.* 2002. N 3. С. 113 - 121.
18. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. Смоленск: СГУ, 1997.

19. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
20. *Петренко В. Ф.* Психосемантические исследования мотивации // Вопросы психологии. 1983. № 3.
21. *Петренко В. Ф., Собкин В. С., Нистратов А. А., Грачева А. В.* Психосемантический анализ зрительного восприятия персонажей фильма // Мотивационная регуляция поведения и деятельности личности. М., 1988.
22. *Похилько В. И., Федотова Е. О.* Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3.
23. *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
24. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М., 2000.
25. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
26. *Хорни К.* Женская психология. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1993.
27. *Чеснокова И. И.* О психологических основах самовоспитания // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 223 - 235.
28. *Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983. стр. 36

Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа⁷

Иванова Н. Л. - Доктор психол. наук, доцент кафедры психологии Ярославского государственного педагогического университета, Ярославль

Анализируются результаты эмпирического исследования структуры социальной идентичности. В психологии пока не существует эффективной модели, отражающей иерархичность компонентов данного вида идентичности и особенностей их содержания и функционирования. В исследовании сделана попытка преодоления этих трудностей на основе представлений о социальной идентичности как целостном образовании. Проводится анализ структурных компонентов социальной идентичности, основанных на взаимосвязи когнитивных и ценностно-мотивационных особенностей личности.

Ключевые слова: социальная идентичность, теория социальной идентичности, самоидентификация, система конструктов личности, ценности, мотивация.

В последнее время в отечественной и зарубежной психологии усилился интерес к проблеме социальной идентичности, что отражает реакцию науки на изменение социальных условий в обществе [1, 3, 6, 15 и др.]. Актуальность исследований в этой области обусловлена ситуацией в общественной и экономической жизни России, обострившей вопрос о механизмах построения социального мира, необходимость изучения сущности, психологической структуры и способов трансформации социальной идентичности в условиях нестабильности.

Социальная идентичность в определении А. Тэдшфела рассматривается как та часть индивидуальной Я-концепции, в которой заключение знаний индивида о его принадлежности к социальной группе или группам вместе с ценностными и эмоциональными ее проявлениями [27].

Социальная идентичность имеет сложную структуру, но вопрос о взаимовлиянии различных ее видов, иерархическом построении остается еще слабо изученным [13, 16]. Попытки создать упорядоченную модель идентичности показывают сложность и противоречивость этого вопроса [28, 30]. Существующие подходы не позволяют выйти за пределы эриксоновской классификации идентичности на личностную и социальную,

---

⁷ Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. №1. С. 52-60.

отойти от выделения видов социальной идентичности только по принципу их соответствия реальным группам (профессиональным, этническим, семейным и др.), операционализировать предложенную Дж. Тернером иерархическую модель идентичности [3, 13 и др.].

В современном мире благодаря развитию системы коммуникаций происходит заметное увеличение субъективной причастности к различным реальным и виртуальным группам [1, 3, 17]. Поэтому изучение соподчиненности и противоречий в структуре социальной идентичности личности приобретает особую значимость [5, 6, 13 и др.]. Это важно для построения социально-психологических прогнозов, развития психотерапевтической практики, повышения эффективности подготовки специалистов для работы в новых социально-экономических условиях.

Несмотря на большое количество исследований социальной идентичности, пока еще мало известно о соотношениях различных видов идентификационных характеристик, взаимосвязях когнитивных, мотивационных и смысловых компонентов идентичности, их изменения под влиянием различных социальных условий. Во многих работах вообще не рассматривается социальная идентичность как некоторая целостность, являющаяся предметом специального изучения, а для анализа выделяются только отдельные ее виды, прослеживаются их признаки, способы конструирования, зависимость от социального контекста. Поэтому мы считаем необходимым специально проанализировать структуру социальной идентичности.

Существует много трудностей, связанных с ее изучением [13]. При анализе процесса самоидентификации, как правило, предполагается, что исследователю известно о социальной принадлежности испытуемых, на основе которой происходит приписывание критериев отнесения себя к той или иной общности. Поэтому возможно расхождение исследовательских и субъективных критериев, что снижает достоверность результатов и приводит к необоснованности выводов.

стр. 52

К социальной идентичности часто обращаются, подразумевая социологический смысл этого понятия, а именно - выраженность у респондентов социальной отнесенности к гражданским, политическим, этническим и другим общностям, без учета психологических причин и последствий процесса самоидентификации [6]. Мы попытались включить данную проблематику в рамки психологического анализа, рассмотреть отдельные компоненты социальной идентичности комплексно, в сочетании с другими личностными характеристиками.

Начало экспериментального анализа структуры социальной идентичности связано с теорией социальной идентичности (Тэдшфел, Тернер). Основная его задача была направлена на изучение многочисленных видов групповых принадлежностей и поисков ответа на вопрос: влияет ли принадлежность индивида к нескольким группам на уровень внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дифференциации [27, 30].

Попытки структурировать разнообразные идентификационные характеристики делаются и в рамках других подходов. Например, структура социальной идентичности анализируется Дж. Мидом на основе соотношения отраженных точек зрения человека на свою социальную позицию и ее восприятия другими [5]; С. Струкером - через определение психологического веса интериоризированных ролей [26]; М. Ярумович - путем выделения черт идентичности, в которых человек описывает себя [24]; У. Дойз вслед за С. Московичи - через комплекс социальных представлений в структуре Я [21] и т.д.

Первым упорядочил различные виды идентичности Тернер, выдвинув гипотезу о существовании трех уровней самокатегоризации, которые рассматриваются им одновременно и в качестве уровней идентичности [28, 29]:

* суперординатный высший - определение себя как части широкой, подчиняющей практически все известные группы, общности;

* промежуточный (средний) - определение себя в терминах групповой принадлежности, например, профессиональной;

* субординатный, подчиненный - определение себя в индивидуальных, личностных качествах как уникального индивида.

В дальнейшем эта гипотеза проверялась в работах, которые в основном конкретизировали данные уровни [19, 20, 24 и др.].

В отечественной психологии экспериментальные исследования структуры идентичности проводились на примере профессиональной и этнической идентичности. Так, Т. Г. Стефаненко выделила следующие основные ее компоненты [13]: а) когнитивный (самоидентификация; понимание оснований этнической идентичности; определение содержания авто- и гетеростереотипов; представления о "дистанции" между своей и релевантными ей этническими группами); б) аффективный (чувство принадлежности к этнической общности; осознание внутригруппового фаворитизма, проявляющееся в этнических аттитюдах и направленности этнических стереотипов).

Теоретические разработки данной проблемы позволяют сказать, что социальная идентичность - сложно организованное образование: когнитивная ее составляющая взаимосвязана с мотивационными и ценностными особенностями личности (Тэдшфел, Эриксон, Фромм, Кул, Струкер, Брейкуэлл и др.).

В изучении мотивации идентификации мы придерживались устоявшихся в психологии положений и рассматривали ее как часть в более общей мотивационной структуре личности [10, 12]. Учитывая, что возможны различные виды и уровни идентификации, мы предположили, что они связаны с разными видами актуальных мотивов.

В социальной идентичности были выделены когнитивная (содержание), ценностная (смысловая) и мотивационная (побуждение) составляющие.

Опираясь на подход Тэдшфела [27], теорию личностных конструктов Келли [25], представления о сущности идентичности, развиваемые в социальной психологии [1, 2, 13], *социальную идентичность мы рассматриваем в качестве целостного динамического образования, выступающего как система ключевых социальных конструктов личности.* Она активно конструируется субъектом в процессе жизнедеятельности, в ходе социального взаимодействия и сравнения, является когнитивно-мотивационным основанием восприятия ценностей группы, а также определения допустимых границ поведения. Под конструированием, вслед за Г. М. Андреевой и Т. Г. Стефаненко, мы понимаем приведение информации о мире в систему, организацию этой информации в связанные структуры, способствующие постичь ее смысл.

Определение идентичности с опорой на понятие "социальный конструкт", по нашему мнению, наиболее полно подчеркивает ее природу, происхождение в ходе социального взаимодействия и опыта. Социальные конструкты - это способы истолкования мира, его конструирования, фокус пригодности которых сосредоточен на социальных общностях. Принципиальный вопрос теории Келли касается переосмысления Я, интерпретации человеческого языка. Конструкт определяется "как симультанная констатация сходства и различия" [25 с. 9].

В теории Келли конструкт - центральный смыслообразующий компонент личности, имею-

стр. 53

щий когнитивно-аффективную природу и влияющий на ценностно-смысловую сферу, мышление и поведение. В соответствии с этим структура социальной идентичности должна включать в себя когнитивные элементы субъективной схемы (знание принадлежности к социальным общностям), мотивационные и ценностные компоненты, в которых проявляется единство активизирующего, оценочного, смыслового и регулирующего функционального значения идентичности.

Поскольку конструкт - базовая единица анализа, то логично предположить, что социальная идентичность образуется целостной, внутренне взаимосвязанной системой конструктов, главная задача которой - помочь субъекту избежать противоречий в прогнозировании [25]. Система конструктов может иметь различные проявления в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта [4, И, 14, 25].

Такой подход, по нашему мнению, позволяет продвинуться в понимании структуры социальной идентичности, поскольку учитывает включение в нее компонентов, обеспечивающих сохранение определенности и ориентацию человека в новых социальных условиях, а именно подструктуры а) базовых конструктов в идентификации себя на индивидуальном, субъектном и личностном уровнях; б) характеристик идентичности (когнитивной, ценностно-мотивационной и аффективной). Кроме того, этот подход дает большие возможности в сочетании номотетического и идеографического инструментария в исследовании идентичности. Как известно, идеографические методы ориентированы на описание личности как уникального феномена, что предполагает объяснение сложного целого, номотетические методы ориентированы на изучение общих законов, справедливых для любого частного случая, поэтому основные структуры и процессы раскрываются с помощью экспериментальных процедур.

Цель исследования: выявление основных структурных компонентов социальной идентичности. Первый шаг в ее достижении - конкретизация и операционализация понятия социальной идентичности как системы социальных конструктов. Последующий - проверка гипотезы: действительно ли структура социальной идентичности - это система компонентов, которые представляют собой единство когнитивных и ценностно-мотивационных особенностей личности.

Задачи исследования: выявить ключевые социальные конструкты испытуемых; сопоставить индивидуальные системы конструктов и выделить группы для последующего сравнения степени выраженности когнитивных, мотивационных и смысловых компонентов; установить взаимосвязи между когнитивными и ценностно-мотивационными компонентами идентичности в выделенных для сравнения группах.

Этапы исследования: на первом - анализ системы конструктов личности, сопоставление выявленных конструктов и отбор испытуемых с различными базовыми конструктами (использовался метод сравнения крайних групп); на втором - сопоставление данных, полученных с помощью методики выявления конструктов, с идентификационными характеристиками, мотивационными и ценностно-смысловыми особенностями личности испытуемых.

МЕТОДИКА

Использовался комплекс методик. В качестве основной идеографической техники в исследовании применялся тест личностных конструктов Келли. Номотетические техники представлены в методиках, направленных на выявление особенностей мотивации, ценностей, идентичности испытуемых.

1. Тест Келли [25] направлен на анализ сложившейся системы конструктов личности. Модификации методики уже нашли применение в исследованиях идентичности [3, 6, 7, 12]. Мы использовали следующие процедуры.

Испытуемым предлагались различные категории для сравнения, которые в терминологии Келли называются элементами. По Келли, подбор элементов не столь важен для определения системы конструктов по сравнению с процедурой выявления конструктов, поскольку сравнение любых феноменов может дать возможность выявить конструктивную систему личности [25]. Тем не менее, он должен быть адекватен задаче исследования и отражать субъективную оценку, выступающую предметом анализа. Так как мы изучаем социальную идентичность, для нас важно рассмотрение в качестве элементов либо самих идентификационных характеристик, либо тех социальных реалий, которые служат основой формирования идентичности. Поэтому после предварительного пилотажного исследования мы остановились на варианте, более соответствующем

поставленным целям и задачам. Он позволяет проверить гипотезу о смысловой сущности стереотипического отношения к другим людям как представителям большой социальной общности, живущей в определенных конкретно-исторических условиях. В качестве списка элементов выбраны различные по широте идентификационные характеристики: 1. Студент. 2. Друг. 3. Иностранец. 4. Гражданин. 5. Коллега, 6. Мать. 7. Врач. 8. Сестра. 9. Человек. 10. Девушка. 11. Спортсмен. 12. Инженер. 13. Менеджер. 14. Счастливый человек. 15. Гость. 16. Родственник. 17. Свободный человек. 18. Жена. 19. Дочь. 20 Педагог.

Элементы для сравнения предъявлялись в виде триад. Согласно инструкции, испытуемые должны были выбрать два близких, по их мнению, элемента и сказать, чем они похожи и чем отличаются от третьего. В результате этого выявлялись субъективные признаки восприятия идентификационных характеристик. Процедура сравнения повторялась 10 раз. Общие качества фиксировались в таблице в графе "выявленные признаки", которые в дальнейшем подвергались статистической обработке.

Соподчиненность конструкторов определялась на основе кластерного анализа, который наиболее распространен при использовании теста личностных конструкторов [4,11,14]. Он включал определение уровня сходства-различия каждой пары признаков, выявление количества образовавшихся кластеров, а также содержания, на базе которого выделены данные кластеры. На их основе проводился анализ типов когнитивных решеток испытуемых.

стр. 54

При сопоставлении когнитивных решеток использовались различные критерии, чаще всего сложность (дифференцированность) или простота (не дифференцированность). Дополнительно учитывался преобладающий конструктор. Поэтому анализ решеток проводился путем сравнения двух видов кластерных деревьев: конструкторов (выявление ведущего конструктора) и элементов (выявление типа решетки).

2. Методика "Двадцать утверждений" [9] для определения идентификационных характеристик личности на основе самоописания. В отечественной литературе она часто называется как тест М. Куна "Кто Я?" и широко применяется в социально-психологических исследованиях идентичности [3, 5, 6, 12, 31, 32].

Испытуемому предлагается 20 раз ответить в письменной форме на вопрос "Кто я есть". Ответы анализируются в соответствии с выработанными критериями [6, 12, 18, 31, 32]. Мы классифицировали ответы по 20-ти показателям, выделенным в ходе предварительного анализа и в наибольшей степени удовлетворявшим поставленным целям и задачам исследования. Это: личностные качества; учебно-профессиональная ролевая позиция; семья; национальная, поло-ролевая и локальная идентичности; религия; гражданство; дружба; деятельность; общение; перспектива деятельности и общения; самооценка способности к деятельности и социальных навыков; субъективное и фактическое описание своих физических данных; переживаемое состояние в настоящий момент; собственность; глобальные, экзистенциальные характеристики.

Производился подсчет количества ответов испытуемых, относящихся к каждому показателю. На основе сопоставления количества ответов по каждому показателю проводилось выявление наиболее выраженных идентификационных характеристик.

3. Методика выявления ценностей. На основе опросника Н. В. Ключевой - В. И. Чиркова [8] составлен следующий список ценностей, которые ранжировались испытуемыми по порядку их субъективной значимости (1 - минимальная; 15 - максимальная): 1 - демократия в обществе; 2 - безопасность, защищенность жизни; 3 - общественная польза; 4 - лидерство; 5 - известность; 6 - автономия; 7 - материальное благополучие; 8 - развитие способностей; 9 - успех; 10 - здоровье; 11 - семейное благополучие; 12 - внешняя привлекательность; 13 - разнообразный отдых; 14 - общение; 15 - приобщение к культуре.

Проводилось сравнение ранговых мест ценностей у каждого испытуемого.

4. Маст-тест (А. Эллис). Методика, предложенная А. Эллисом [22] и опробированная П. Н. Ивановым и Е. Ф. Колобовой [8], позволяет провести диагностику индивидуальных представлений субъекта как совокупности "иррациональных" идей, сводящихся к тому, что человек непременно должен получить абсолютизированные требования к миру и себе. Поскольку Эллис предполагает, что иррациональные идеи определяют содержательную сторону направленности личности и составляют ядро жизненной активности, то данная методика используется для выявления ценностно-мотивационных особенностей личности, в частности, мотивации как побуждений, определяющих направленность ее активности.

Ведущие темы в ответах испытуемых сопоставлялись со следующим классификатором: 1 - профессиональный рост; 2 - забота о своем здоровье; 3 - общение; 4 - материальное благополучие; 5 - комфорт; 6 - поддержание моральных устоев; 7 - состояние внешней среды; 8 - общественная полезность; 9 - семья; 10 - автономия. Для снижения фактора субъективности интерпретация ответов производилась с привлечением не менее трех экспертов-психологов. Основным показателем были ведущие темы, которые выявлялись путем подсчета количества тем по каждому разделу классификатора. Результаты обрабатывались с помощью корреляционного анализа (критерий согласия Пирсона), общей статистики (пакет STATISTICA 5.0); достоверность значимости различий определялась при помощи F-критерия Фишера.

В исследовании приняли участие 177 студентов (возраст 19 - 20 лет, девушки - 131, юноши - 46).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Базовые конструкты.* В процессе анализа выделены следующие основные типы когнитивных решеток в зависимости от степени их дифференцированности:

Когнитивно сложная решетка состоит из нескольких кластеров, разделенных и в то же время взаимосвязанных между собой. Наблюдаются различные степени уровней связи кластеров, поэтому данный вариант решетки может характеризоваться как двумя-тремя согласованными кластерами, образующими определенную целостность, так и фрагментарными, изолированными, слабо связанными когнитивными компонентами (несколько кластеров), в которых проявляется различная степень дифференциации признаков. В литературе эти решетки получили название артикулированных и фрагментарных [11]. Когнитивно простая решетка - когнитивная структура, включающая в себя центральный кластер, построенный на основе прочных связей между элементами.

Анализ кластерных деревьев конструктов показал, что ответы испытуемых очень разнообразны. Все решетки располагаются в континууме от когнитивно простых до когнитивно сложных. Большинство ответов приходится на промежуточный тип (артикулированные решетки с несколькими, двумя-четырьмя кластерами, связанными между собой).

Выявлены следующие соотношения типов решеток в целом по выборке: когнитивно сложные - 85.4% (из них артикулированные - 79.5%, фрагментарные - 20.5%); когнитивно простые - 14.6%.

Различия в системах социальных конструктов испытуемых определялись в соответствии с типом когнитивных решеток и характером ведущих конструктов.

Выделено семь групп испытуемых, имеющих слабо дифференцированную решетку и достаточно явно выраженный ведущий конструкт. В процессе анализа из них отобраны три наиболее часто встречающиеся группы испытуемых (31 человек).

После сопоставления всех данных из общего числа испытуемых (177 человек) сформированы три группы, в которых проводилась дальнейшая работа: "базисная" (9 человек); "индивидуально-личностная" (12); "профессионально-деловая" (10). В дальнейшем для упрощения изложения эти группы будут обозначаться следующими сокращениями: "базисная" - БГ; "индивидуально-

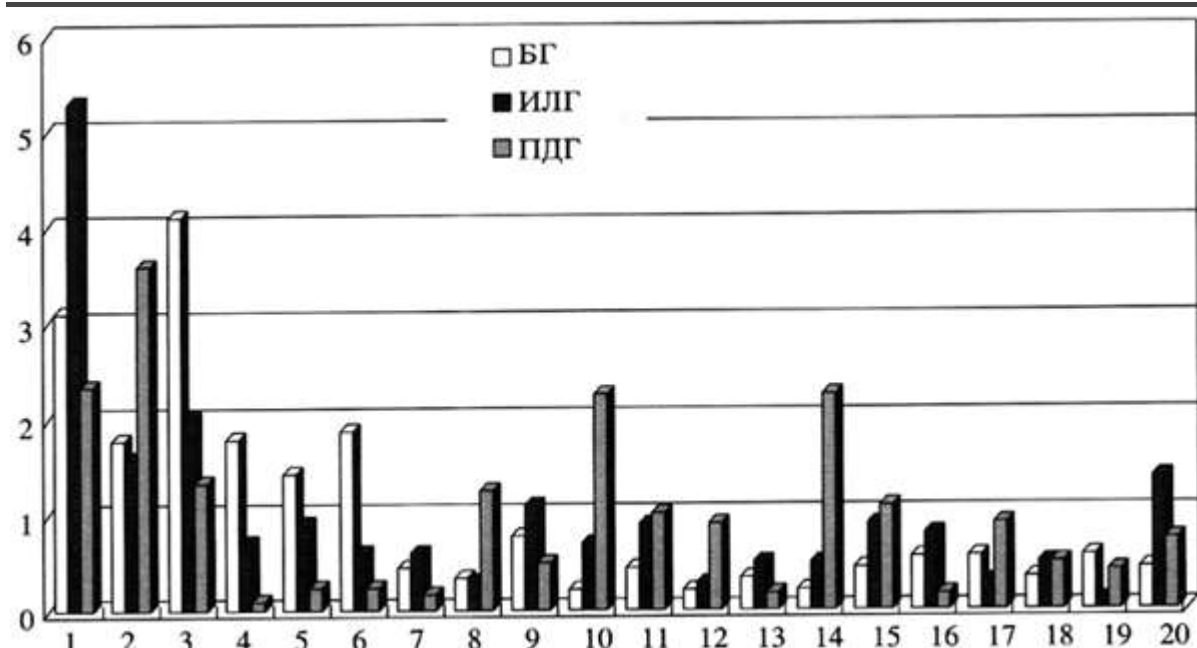

Рис. 1. Идентификационные характеристики в трех группах. По горизонтали - идентификационные характеристики: 1 - личностная; 2 - учебно-профессиональная позиция; 3 - семейная; 4 - этническая; 5 - поло-ролевая; 6 - локальная; 7 - религиозная; 8 - гражданская; 9 - дружба; 10 - деятельность; И - общение; 12 - перспектива деятельности; 13 - перспектива общения; 14 - самооценка деятельности; 15 - самооценка общения; 16 - субъективная внешность; 17 - физические данные; 18 - состояние; 19 - собственность; 20 - экзистенциальная. По вертикали даны средние значения степени выраженности показателей в группах: БГ - "базисная", ИЛГ - "индивидуально-личностная", ПДГ - "профессионально-деловая".

личностная" - ИЛГ; "профессионально-деловая" - ПДГ.

В первой группе в основе системы конструкторов преобладают признаки, близкие семейной, национальной, т.е. данной от рождения субкультуре, например, родственные отношения, внешнее сходство и т.д. Они связаны с отнесением себя к определенной группе, близкой испытуемому по признаку родства, психофизической природы (например, родственники, земляки, имеют общую историю, память и т.д.). Эту группу мы обозначили как "базисную".

Во второй - у испытуемых основными являются конструкторы, в которых выражены признаки культуры, взаимоотношений, общения. В них проявляется ориентация на признаки несколько иные по сравнению с национальной общностью, например, нравственные нормы, искусство, язык, традиции и т.д. Большое внимание уделяется культурным нормам, отношению с окружающими, духовному развитию и самосовершенствованию, личностному росту, культурному контексту общения. Социальные явления преломляются через призму принципов и требований человека. Группа получила название "индивидуально-личностная".

В третьей группе базовыми оказались конструкторы, больше применимые к профессиональной и деловой субкультуре (например, необходимость обучения, наличие карьерного роста). Их можно отнести к признакам динамичных социальных сообществ, которые человек при желании выбирает и меняет (место жительства, профессия, круг друзей и т.д.). Группа получила рабочее название "профессионально-деловая".

Каждая из трех систем истолкования имеет свой диапазон пригодности: "базисная" - по отношению к социальным явлениям, близким субъекту и появляющимся на ранних этапах социализации общности; "индивидуально-личностная" - по отношению к тем общностям, которые не имеют четкой физической или географической границы, но означают принятие определенных нравственных, культурных эталонов для оценки

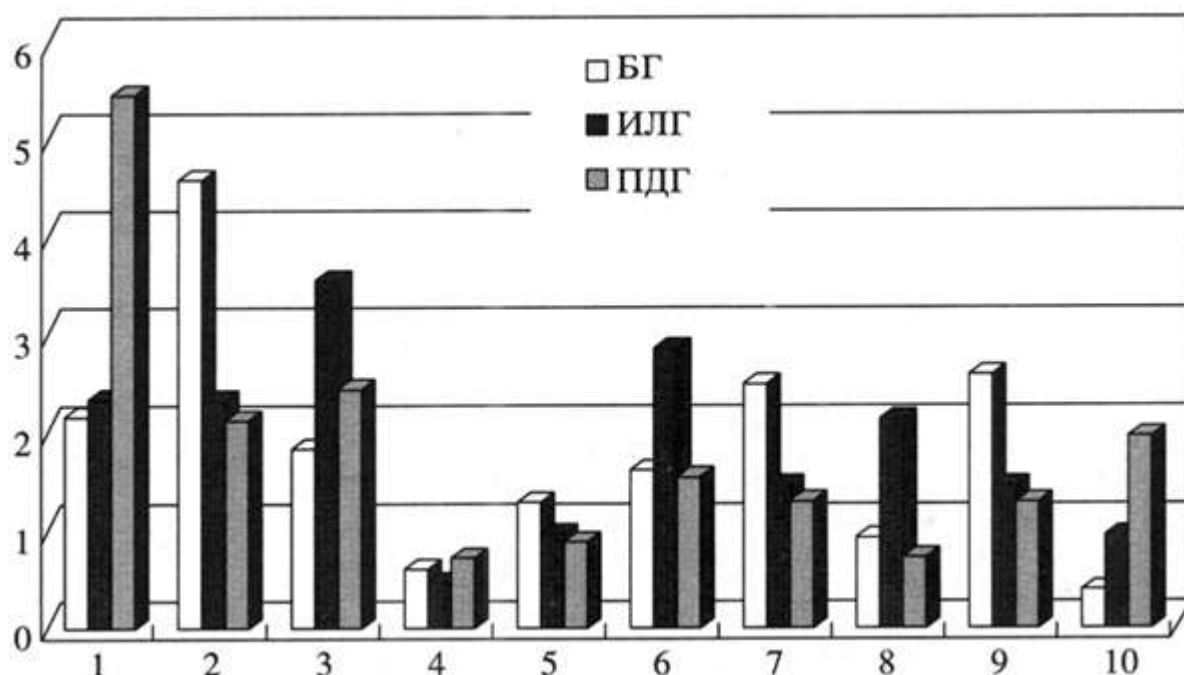

социальных процессов и явлений; "профессионально-деловая" - по отношению к социальным явлениям, которые становятся доступными субъекту на более поздних этапах социализации и связаны с профессионально-деловым миром.

2. *Идентификационные характеристики.* В трех выделенных для сравнения группах проводился анализ идентификационных характеристик. Результаты показали, что одни характеристики выражены примерно одинаково у всех испытуемых, другие - по-разному, т.е. сильно проявляются в одной группе, а слабо - в других (рис. 1).

Статистическая проверка полученных данных (F-критерий Фишера) выявила значимые позитивные различия между группами по ряду показателей. В первой группе значимо преобладают семейная (60.8), этническая (19.66), локальная (21.51), поло-ролевая (19.46) характеристики ($P = 0.05$). Во второй - идентификационные характеристики в целом очень близки первой, но значимо выше

стр. 56

Рис. 2. Выраженность ценностно-мотивационных компонентов в трех группах. По горизонтали - ведущие маст-темы: 1 - профессиональный рост; 2 - забота о своем здоровье; 3 - общение; 4 - материальное благополучие; 5 - комфорт; 6 - поддержание моральных устоев; 7 - состояние внешней среды; 8 - общественная полезность; 9 - семья; 10 - автономия. По вертикали даны средние значения степени выраженности показателей в группах: БГ - "базисная", ИЛГ - "индивидуально-личностная", ПДГ - "профессионально-деловая".

показатели личностной (23.65) и экзистенциальной (5.94) идентичности ($P = 0.05$). В третьей - более выражены характеристики, относящиеся к восприятию своей учебно-профессиональной позиции (29.01), к деятельности (18.99), самооценке деятельности (10.78), а также к гражданской идентичности (8.69) ($P = 0.05$).

Если сопоставить эти данные с существующими представлениями о видах идентичности (персональная, этническая, групповая, политическая, религиозная и др.), то можно отметить преобладание некоторых из них в каждой группе. Например, в БГ преобладает семейная идентичность, в ИЛГ - личностная, в ПДГ - профессиональная. Каждый индивид одновременно является членом различных социальных общностей, что отражается в его самосознании. Но, видимо, в какие-то периоды времени под влиянием определенных условий отдельные виды идентичности могут выступать на первый план и снижать значение для жизнедеятельности остальных видов. Предполагается, что данный процесс наблюдается в трех крайних группах, выбранных для сравнений.

3. *Ценностно-мотивационные особенности.* Сравнение данных, полученных с помощью Маст-теста, показало, что наблюдается ряд существенных различий выявленных показателей (рис. 2).

В первой группе значимо выше преобладают темы здоровья (9.90), семьи (5.16); во второй - общественной значимости (20.50) и смысла жизни (5.77), общения (4.98); в третьей - темы профессионального роста (24.16) и автономии (32.90).

Проведен анализ соотношения "маст-тем" со следующими жизненными мотивами: а) самозащиты - стремление чувствовать себя безопасно, стабильно; б) самоуважения - желание быть уважаемым в обществе; в) самореализации или саморазвития - стремление проявить себя в деятельности, реализовать свои способности и расширить свое профессиональное пространство -стремление к изучению зарубежного опыта. Можно сказать, что наиболее выраженными в трех группах оказались мотивы: БГ - самозащиты, ИЛГ - самоуважения, ПДГ - саморазвития.

Результаты сравнения жизненных ценностей испытуемых показали, что наблюдаются различия между группами по параметру ценностей (рис. 3).

Сравнение средних показателей выраженности ценностей в каждой группе показало, что испытуемые первой группы более важными считают ценности, связанные с безопасностью и защищенностью жизни (28.68); семейным благополучием (10.75); второй - ценности общения (33.67), полноценного приобщения к культуре (13.48); третьей - профессиональный рост (7.63), демократическое преобразование общества (5.82). В то же время для первой группы по сравнению с двумя другими менее значима автономия (11.24), социальное влияние (13.52). Для второй - в сравнении с двумя другими - менее значимы материальные блага (8.95) и здоровье (18.25). Значимость, различий проверялась по методике Фишера ($P = 0.05$).

Корреляционный анализ показал, что мотивация самозащиты сочетается со стремлением к семейному счастью, материальному благополучию, заботе о здоровье. Мотивация самоуважения - со стремлением к творчеству и поддержанию хороших отношений с окружающими; мотивация саморазвития - со стремлением к успеху в учебе и

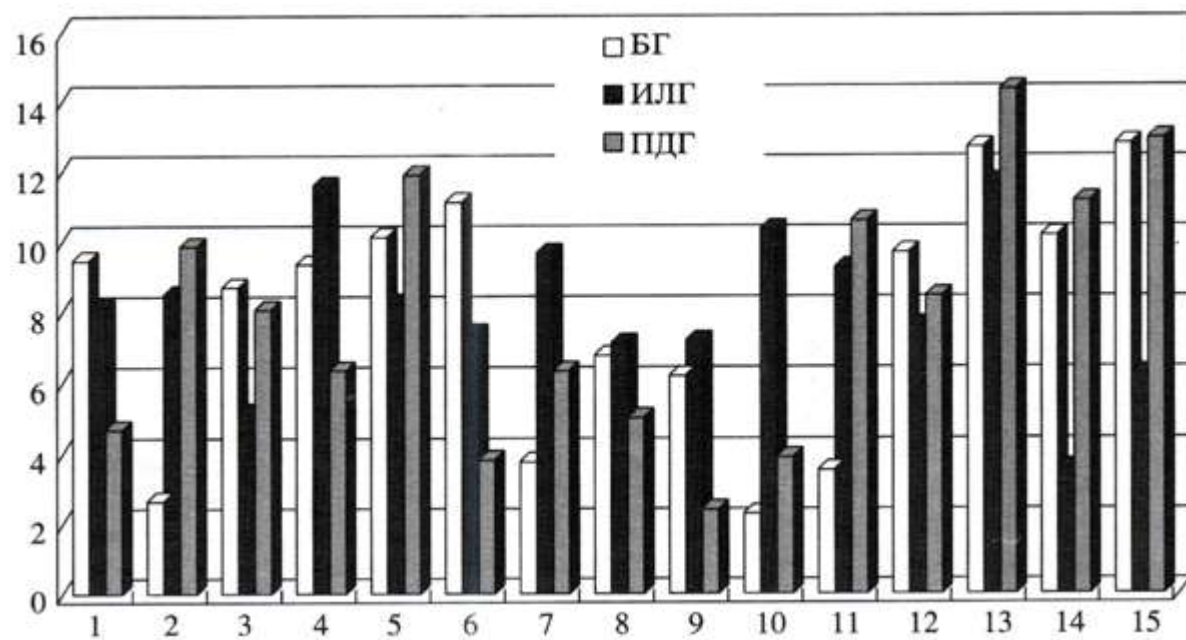

Рис. 3. Выраженность жизненных ценностей в трех группах. По горизонтали - ценности: 1 - демократия в обществе; 2 - безопасность, защищенность жизни; 3 - общественная польза; 4 - лидерство; 5 - известность; 6 - автономия; 7 -материальное благополучие; 8 - развитие своих способностей; 9 - успех; 10 - здоровье; 11 - семейное благополучие; 12 - внешняя

привлекательность; 13 - разнообразный отдых; 14 - общение; 15 - приобщение к культуре. По вертикали даны средние значения степени выраженности ценностей в группах: БГ - "базисная", ИЛГ - "индивидуально-личностная", ПДГ - "профессионально-деловая".

делах, независимости, автономии, расширению собственного профессионального сообщества.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ идентификационных и ценностно-мотивационных характеристик показал, что выделенные группы существенно отличаются друг от друга. Это позволяет сделать обоснованное допущение, что социальная идентичность представляет собой комплекс когнитивных и ценностно-мотивационных компонентов, которые по-разному проявляются у людей в зависимости от преобладающих социальных конструктов, т.е. способов толкования социальных реалий. В основе этого комплекса лежит система конструктов, имеющая специфические проявления на индивидуальном уровне.

Выявлены три основные группы испытуемых, имеющие разные конструктивные системы: базисную, индивидуально-личностную, профессионально-деловую.

В первой группе наблюдается преобладание идентификационных характеристик: семейных, этнических, локальных (связанных с местом проживания); больше выражены мотивация самозащиты и ценности безопасности жизни, материального и семейного благополучия.

Во второй - идентификационные характеристики в целом очень близки первой, но у них выше показатели личностной и глобальной (экзистенциальной) идентичности, мотивации самоуважения, ценности дружбы, общественной пользы, общения, приобщения к культуре.

В третьей - больше выражены: идентификационные характеристики, относящиеся к учебно-профессиональной позиции, участию в деятельности, самооценке способностей, мотивации саморазвития и ценностям, связанным с достижением автономности, к личностному и профессиональному росту.

В исследовании показано, что существуют различные виды социальной идентичности, в которых выражается комплексное представление человека о социальном мире и своей групповой принадлежности. По итогам исследования мы можем выделить три вида социальной идентичности: базисную, индивидуально-личностную, профессионально-деловую.

Развивая гипотезу Тернера, можно допустить, что эти компоненты образуют иерархическую последовательность социальных идентичностей: в основе - базисная идентичность, над ней - индивидуально-личностная, и далее - профессионально-деловая. Это значит, что профессиональная идентичность, которая относится к третьей группе, формируется на базе первых двух, что отчасти подтверждается данными: в условиях кризиса социальной идентичности наблюдается снижение уровня профессионально-деловой идентичности по сравнению с личностной.

Результаты исследования позволяют по-иному подойти к проблеме изучения мотивации, связанной с процессом идентификации. Начиная с Тэдшфела, психологи подчеркивают связь идентичности с чувством самоуважения. Потребность в позитивном самоуважении удовлетворяется в условиях усиления идентификационных процес-

стр. 58

сов через релевантное позитивное сравнение своей группы с чужими [16, 19, 23]. В рамках теории социальной идентичности (ТСИ) самоуважение рассматривается как основной мотив межгрупповой дискриминации, а следовательно как основная мотивация идентификации, которая действует на социальном и индивидуальном уровнях, приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию позитивно оценивать собственное членство в группе. Концепция самоуважения получила развитие в работах М. Хога и Д.

Абрамса. Согласно их гипотезе межгрупповая дискриминация возникает под влиянием желания достичь и увеличить позитивное самоуважение [23].

В ТСИ рассматриваются две модели категоризации, ответственные за социальную стабильность (социальные изменения) и самоуважение. М. Билинг предположил, что они представляют собой когнитивно-мотивационный конструкт [18]. В свое время Тернер подчеркивал, что контекстуальная последовательность различных социальных идентичностей может быть рассмотрена в связи с тем, насколько они пригодны в жизни, имеют значение для человека [29].

ВЫВОДЫ

Полученные результаты, а также существующие представления о функционировании конструктивных систем, подтверждают выдвинутую гипотезу и позволяют выделить как минимум три основных блока в структуре социальной идентичности:

а) "базисный", узко локализованный, обусловленный преимущественно ситуацией, данной человеку от рождения, который связан с мотивацией самозащиты и стремлением укрепить свои позиции на уровне национальной, региональной и семейной общности;

б) "индивидуально-личностный", который проявляется в мотивации самоуважения и направленности на овладение требованиями культуры как узкого, так и более широкого сообщества;

в) "профессионально-деловой", проявляющийся в мотивации самореализации и стремлении к расширению субъективного пространства, в анализе изменений, происходящих в обществе.

Будучи динамично взаимосвязанными и постоянно присутствующими в самосознании, эти компоненты актуализируются в соответствии с определенной мотивацией: первому соответствует мотивация самозащиты; второму - самоуважения, третьему - самореализации.

Социальная идентичность образует единый иерархический комплекс, в структуре которого представления личности о своем групповом членстве имеют специфическую связь с мотивационными и смысловыми ее характеристиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
2. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М., 2001.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
4. Иванова Н. Л. Качественный анализ: репертуарные личностные методики. Ярославль, 1999.
5. Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль, 2001.
6. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Формирование идентичности в российской провинции. М., 2001.
7. Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 54 - 82.
8. Ключева Н. В. Социально-психологическое обеспечение деятельности педагога (ценностно-рефлексивный подход): Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2000.
9. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180 - 188.
10. Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психол. журн. 1999. № 3. С. 48 - 58.
11. Леонов Н. И. Психология конфликтного поведения: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2002.
12. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

13. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности: Автореф. дисс. ...докт. психол. наук. М.: МГУ, 1999.
14. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
15. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Социальное самосознание. Самара, 2000. С. 589 - 602.
16. Augoustinos M., Walker I. Social cognition. London-New Delhi, 1995.
17. Benedict M. On Cyberspace and virtual reality // Man and Information technology. Stockholm, IVA., 1995.
18. Billing M. Social representation, objectification and anchoring: A theoretical analysis // Social behavior. 1985. N 3. P. 1 - 16.
19. Brown R.J., Turner J.C. The criss- cross categorization effect in intergroup discrimination // British J. of Social and Clinical Psychology. 1979. P. 371 - 383.
20. Chante L. Categorical race versus individuality belief as determinants of discrimination // Experimental Social Psychology. 1996. V. 32. P. 129 - 140.
21. Doise W. Social Representations in Personal Identity // Social Identity (international perspectives). London-New Delhi, 1998. P. 13 - 24.
стр. 59

-
22. Ellis A. Reaction and emotion in psychotherapy. Secaucus, N.J., 1962.
23. Hogg M., Abrams D. Social motivation, self-esteem and social identity // Social identity theory: Constructive and critical advances. Hemel Hempstead: Harvester Wheat-sheaf, 1990. P. 28 - 47.
24. Jarumovicz M. Self - We - Others schemata and social identifications // Social identity (International perspectives). London, 1998. P. 44 - 53.
25. Kelly G.A. The psychology of personal constructs. NY, 1995. v. 1,2.
26. Stryker S. Identity theory: Developments and extensions / Self and Identity. NY, 1986. P. 89 - 104.
27. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // British J. of Social and Clinical Psychology. 1979. P. 183 - 190.
28. Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge, 1981.
29. Turner J.C. A self-categorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization theory. Oxford, 1987. P. 42 - 67.
30. Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, 1982.
31. Yardley K. What do you mean "Who am I?": Exploring the Implications of a Self-Concept Measurement with Subjects / Self and Identity. Psychological Perspectives. Chichester, 1987. P. 211 - 231.
32. Zurcher L. The mutable self: A self concept for social change. Beverly Hills, 1977.
стр. 60

Чудновский В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности⁸

Чудновский В.Э. - Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ПИ РАО, Москва

Определяется психологическое содержание феномена смысложизненных ориентаций. Рассматривается вопрос о роли "личностного фундамента" в становлении и развитии смысложизненных ориентаций. Показано значение данного феномена в

---

⁸ Чудновский В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности // Психологический журнал. 2004. №6. С. 5-11.

отношении личности к своему будущему и построению жизненной перспективы. Обсуждаются варианты осмысления личностью своей судьбы в зависимости от соотношения двух ее составляющих: объективно-предопределенной и субъективно-преобразующей. Намечены некоторые виды психолого-педагогической поддержки развития смысложизненных ориентации у школьников.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, "личностный фундамент", жизненная перспектива, судьба, психолого-педагогическая поддержка.

В последние годы опубликован целый ряд работ, посвященных психологическому аспекту проблемы смысла жизни [6 - 8, 10, 11 и др.]. Вместе с тем явно недостаточно разработаны вопросы о смысле жизни как феномене, имеющем свои особенности возникновения и этапы развития, как психологическом образовании, существенно влияющем на мысли, чувства и поступки человека.

Примечательно, что в психологической литературе смысл жизни рассматривается в основном как нечто, к чему надо стремиться, найти и осмыслить. Резонно подчеркивается, что потеря смысла жизни - трагедия для человека, имеющая самые серьезные последствия, вплоть до суицида [11]. Но остается в тени тот факт, что одна из существенных характеристик данного феномена - *многозначность*. Обретение смысла жизни еще не гарантирует позитивного развития личности - смысложизненные ориентации могут становиться и механизмом усвоения, укоренения негативных, в том числе преступных, идей, чувств и поступков. Недостаточно разработан вопрос о воз-

стр. 5

растном аспекте проблемы, хотя в последние годы появились работы и по этой теме [3]. Преимущественно же смысложизненные ориентации рассматриваются вне данного аспекта. Упускается из вида, что их "созревание" происходит далеко не сразу: существуют определенные этапы их становления, закономерности, смены которых следует обстоятельно изучать.

Традиционно считалось, что проблема смысла жизни - сугубо теоретический вопрос, а также - предмет размышлений пожилых людей о прожитом и пережитом. Однако несомненна ее практическая значимость для познания особенностей формирования личности и выбора ею своего особого и неповторимого жизненного пути. В этой связи актуален вопрос о том, на каком этапе развития личности следует оказывать психолого-педагогическую поддержку этого процесса.

Естественно, что проблема смысла жизни значима для юношеского возраста, когда сама реальная действительность ставит человека перед необходимостью выбора дальнейшего жизненного пути. Однако есть основания полагать, что процесс формирования и преобразования смысло-жизненных ориентации является "сквозным" - он как бы "прочерчивает" всю жизнь человека от рождения до глубокой старости, вступая в сложные взаимодействия с возрастными особенностями и средовыми факторами. По-видимому, это одно из проявлений более общей тенденции - соотношения индивидуальных и возрастных особенностей. Так, например, индивидуальные, в частности типологические, особенности нервной системы могут как бы "складываться" или "вычитаться" из особенностей ее возрастного развития [13].

Поскольку смысложизненные ориентации возникают не на пустом месте - их "созревание" подготавливается всем ходом предыдущего личностного развития, - целесообразно выделить и рассмотреть подготовительный период их становления. Обозначим его как период появления "личностного фундамента" смысложизненных ориентации. Последний существенно обуславливает не только время и темп их развития, но и - самое главное - содержание и выбор жизненного пути формирующейся личности.

Употребляя понятие "личностный фундамент", мы имеем в виду определенную совокупность личностных свойств, взаимодействие которых создает основу, благоприятную психологическую почву для возникновения и развития смысложизненных

ориентации. Эти личностные свойства обычно рассматриваются сами по себе, и важно связать изучение и психолого-педагогическую поддержку их развития с процессом становления смысложизненных ориентации. К этим свойствам относятся, прежде всего, *способности* человека. Способности и личность находятся в тесной взаимосвязи: развивающиеся способности существенно воздействуют на формирование личности. А наиболее эффективной формой психолого-педагогической поддержки развития способностей является *личностный подход* к данному процессу. Это означает, что наибольшего эффекта можно добиться, воздействуя на способности через личность, т. е. путем создания такого уровня ее сформированности, при котором она сама управляет процессом развития собственных способностей. Большое значение при этом имеет учет и использование в воспитании сензитивных периодов - наиболее благоприятных внутренних условий для развития различных способностей. В раннем детстве - это развитие речи; в дошкольном возрасте - познавательная потребность, стремление осмыслить причинные связи окружающего мира (возраст "почемучек"), а также эстетические способности; у младших школьников - способность "вбирать" в себя внешние признаки предметов и явлений и запоминать их без особого труда [4]; у подростков - способность к межличностному общению. Важны для развития интеллектуальных способностей и приемы, которые помогают ученику занять активную позицию по отношению к усваиваемым знаниям.

Как показывают исследования, наиболее труднодостижимой задачей является выработка у учащихся позиции, при которой они осознанно формируют у себя учебно-познавательную мотивацию: ориентируются не только на знания, но и на *способ их добыwania* [6]. Такие приемы, раскрывая способности школьника, создают благоприятную психологическую почву и для становления смысложизненных ориентации.

Существенной составляющей общеличного развития является выработка *склонности к труду*, которая должна начинаться с раннего детства и продолжаться, усложняясь и изменяя формы развития, в течение всей жизни человека. Это впоследствии создаст оптимальные условия для становления реалистических, адекватных собственным возможностям и наличным обстоятельствам смысложизненных ориентации в противоположность строительству "воздушных замков", что ведет к разочарованию, неудовлетворенности жизнью, а иногда и к трагическим последствиям.

Необходимое условие общеличного развития - выработка *адекватного отношения к успехам и неудачам*. Недопустимо "головокружение от успехов": отношение к успеху должно быть лишь как к необходимой ступени, ведущей к новому, более высокому результату, а к неудачам - как сигналу и стимулу для все более активной деятельности по их преодолению без "пораженческих настроений", вызывающих неуверенность в своих возможностях, разочарование и пессимизм,

стр. 6

разрушающих жизненную перспективу. Это - условие позитивного становления личности, удовлетворенности жизнью, обретения ее смысла.

В психологической литературе достаточно много опубликовано исследований, посвященных общению с окружающими людьми, но явно мало внимания уделяется проблеме *общения с самим собой*: умению посмотреть на себя со стороны, построить "автодиалог", регулировать свое настроение, знать собственные достоинства и опираться на них, а, работая над устранением или нейтрализацией своих недостатков, использовать самовнушение, автостимуляцию. Все эти значимые условия общеличного развития не стали еще в должной мере предметом исследований.

Речь идет о воспитании самых обычных "традиционных" для психологии и педагогики свойств личности. Но если воспитатель (в широком смысле этого слова) будет осознавать и учитывать, что эти свойства обладают как бы "двойным" потенциалом - они значимы не только сами по себе, но и как составляющие того фундамента, на котором

возникает психологический механизм смысла существования, главной цели жизни подрастающего и взрослеющего человека, - это, несомненно, увеличит эффективность воспитательного процесса.

* * *

Уже с дошкольного возраста можно начинать работу по психолого-педагогической поддержке становления смысложизненных ориентации. В это время возникают и активно развиваются их *предпосылки*. Так, Н. С. Лейтесом было показано, что раннее развитие способностей у ребенка может предопределять всю его дальнейшую жизнь, становление и реализацию самой главной жизненной цели [4]. Такие предпосылки могут реализовываться как в условиях семейного воспитания, так и в детском саду.

В школе появляются новые возможности дальнейшего становления "личностного фундамента" и непосредственного поиска смысла жизни. Важным моментом психолого-педагогической поддержки в этом направлении является *воспитание у школьников адекватного отношения к собственной судьбе*.

Развитие смысложизненных ориентации - одна из наиболее фундаментальных проблем человеческого существования. Она органически связана с проблемой судьбы человека - благополучия и эффективности его жизни и деятельности, морального и эмоционального удовлетворения ими. Между тем, современная школа, давая своим воспитанникам, широкий круг знаний - от строения инфузории-туфельки до устройства Вселенной и элементов высшей математики, - ничтожно мало помогает учащимся выработать адекватное отношение к собственной судьбе, что существенно снижает эффективность и практическую значимость процесса образования.

В программах средней, да и высшей школы, особенно в педагогических вузах, должно быть найдено учебное время для получения элементарных знаний о проблемах человеческой судьбы. Одна из составляющих адекватного отношения к собственной судьбе у человека - его способность "выстраивать" *перспективу своей жизни*, обращаясь к своему будущему, овладевая им. Именно на этой основе возникает и формируется стремление к поиску смысла жизни. Важно иметь в виду основные факторы, от которых зависит формирование жизненной перспективы.

Одним из них являются *возрастные особенности восприятия настоящего, прошедшего и будущего времени*.

Маленький ребенок - существо, живущее настоящим, он находится под влиянием того "поля восприятия", которое предстает перед ним в данный момент. Проходит время и постепенно возникает и совершенствуется способность "выходить" в собственное прошлое и будущее. Влияние будущего на весь уклад жизни и поведение ребенка приобретает особую значимость в старшем школьном возрасте. Ожидание будущего окрашивает всю настоящую жизнь старшеклассника. С одной стороны, он еще живет ею, но вместе с тем уже приблизился к тому моменту, когда все большей реальностью становится жизнь за ее пределами. Л. И. Божович очень точно сформулировала различие между подростком и юношей по этому показателю, подчеркнув, что подросток относится к завтрашнему дню с позиций сегодняшнего, юноша - к сегодняшнему дню с позиции завтрашнего [2]. Эта возрастная особенность, являясь благоприятной психологической почвой для формирования жизненной перспективы, недостаточно используется в повседневной работе школы.

Своеобразие жизненной перспективы зависит не только от возрастных особенностей восприятия настоящего, прошедшего и будущего времени. Само *содержание* представлений о будущем существенно изменяется с возрастом. Мы сопоставили представления о будущем учащихся разного возраста (2, 6 - 9-е классы). Оказалось, что для младших школьников характерны либо фантастические, мало связанные с ситуацией сегодняшнего дня, либо, наоборот, совершенно конкретные желания (научиться хорошо рисовать, писать, решать задачи, вышивать и т. д.). В представлениях о будущем подростков отражены различные политические и

международные проблемы, желание побывать в космосе, побыстрее закончить школу. Вместе с тем, в их сочинениях мало фигурирует собственная личность: лишь не-
стр. 7

многие ставят задачу самосовершенствования. Существенный сдвиг происходит у старшеклассников. Они размышляют о себе, своих достоинствах и недостатках, о том, хватит ли у них сил и способностей, чтобы добиться своей цели, их волнуют проблемы нравственности, долга, совести.

Такова *общевозрастная тенденция* в развитии представлений школьников о собственном будущем. Однако в характере жизненной перспективы учащихся имеются большие *индивидуальные различия*, которые подчас перекрывают проявления возрастных особенностей. Так, у старшеклассников наряду с серьезными, интересными размышлениями нередко встречаются и схематические, бедные по содержанию модели будущего, больше похожие на представления подростков и даже младших школьников. Происходит как бы остановка в развитии, "застывание" этих представлений.

С. Л. Рубинштейн писал о двух способах существования человека и двух отношениях его к жизни. Первый - человек поглощен непосредственными связями, он весь "внутри жизни": родители, друзья, подруги, затем - семья. Человеку присуще в этом случае отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Второй способ существования связан с появлением *рефлексии*. "Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. С этого момента собственно и встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и упущенное..." [9, с. 351, 352].

Чрезвычайно важна специальная работа со старшеклассниками, помогающая им перейти ко "второму способу существования", представить собственную жизнь не в виде какого-то туманного, бесконечного будущего, а более конкретно, наглядно, "осязаемо", как некоторое целостное и конечное "пространство". Желательно обсудить с ними кардинальные вопросы человеческого бытия: как проживет человек жизнь, что успеет сделать, полностью ли раскроются его потенциальные возможности, не погибнет ли его дарование под тяжелым прессом жизненных невзгод и неблагоприятных обстоятельств? Оценивая прожитую жизнь, можно, конечно, сослаться на превратности судьбы, на невезение. И все же один из главных вопросов человеческого бытия: если развитие личности происходит в определенном "временном пространстве", то может ли человек активно воздействовать на него, способен ли хотя бы в известных пределах стать хозяином своей жизни?

Следует обратить внимание старшеклассников на *конечность* "жизненного пространства": каждый оторванный листок календаря символизирует сегодняшний день, ушедший *навсегда*.

Неразвитость представлений о будущем объясняется рядом причин. Одна из основных - излишняя опека со стороны взрослых. Непонимание того, что будущее школьника начинается сегодня, а если еще больше заострить этот вопрос - оно "начинается вчера". Помощь в формировании временной перспективы собственной жизни может практиковаться в разных формах. Это могут быть специальные сочинения, например, "Каким я буду через 5, 10, 20 лет" на уроках литературы; в связи с изучением исторического материала можно обсудить судьбу литературных героев, писателей, исторических деятелей. Большие возможности в этом отношении представляют уроки этики, психологии, основ философии, работа по профессиональной ориентации учащихся. Можно предложить провести классное собрание на тему: "Может ли человек стать "хозяином" своей судьбы?" с участием родителей или дедушки, бабушки одного из учеников, которые расскажут о своей жизни, поделятся опытом воздействия на "временное пространство" жизни человека.

Следующий, связанный с проблемой судьбы вопрос, который следует обсудить с учащимися, это вопрос о *еепредопределенности*, предзаданности, как бы "прочерченности" в будущем. Обратим внимание на различные подходы к его пониманию. С одной стороны, взгляд на судьбу как на нечто фатальное, роковым образом предопределяющее жизнь человека, с другой - полностью противоположный. Желательно показать, что и феномен судьбы подчиняется диалектическому закону единства противоположностей, а обе крайние точки зрения страдают односторонностью, как ни привлекательна позиция, утверждающая, будто человек полностью (или почти) "хозяин" своей судьбы, - она уязвима и ограничена. Уход от проблемы предопределенности лишь уменьшает шансы человека в "построении" своей судьбы: проблема остается "темной", непознанной, и это сковывает свободу человека, лишает возможности принимать решения со знанием дела.

Целесообразно обсудить с учащимися различные варианты "построения" судьбы человека. В зависимости от особенностей соотношения двух составляющих - *объективно-предопределенной* (ОП), т. е. независимой или мало зависящей от действий и намерений человека, и *субъективно-преобразующей* (СП), т. е. обусловленной его намерениями, действиями, поступками, можно выделить следующие варианты данного соотношения:

1. Преимущественная "благосклонность" к человеку предопределяющего фактора судьбы (ОП +). Реальностью является тот факт, что объ-

стр. 8

ективные обстоятельства могут складываться в его жизни более или менее благоприятно.

2. Преимущественно негативное влияние на судьбу человека объективно-предопределяющих факторов, т. е. объективные обстоятельства, складываются так, что существенно затрудняют и усложняют жизнь (ОП -).

3. Положительное воздействие объективно-предопределяющих факторов дополняется адекватной субъективно-преобразующей деятельностью человека [ОП + СП (+)].

4. Субъективно-преобразующая деятельность человека усиливает негативное воздействие объективно-предопределяющих факторов [СП + ОП (-)].

5. Субъективно-преобразующая деятельность человека уменьшает негативное влияние объективно-предопределяющих факторов [ОП - СП (+)].

6. Преимущественно негативное влияние субъективно-преобразующей деятельности человека на свою собственную судьбу (СП -), т. е. человек сам ухудшает качество своей жизни своими намерениями и поступками.

Обобщая материал о жизненной перспективе, можно выделить различные варианты жизненного пути человека.

Вариант первый. Быстрый взлет. Яркое проявление способностей, большие успехи в определенном виде деятельности (или нескольких). Большие ожидания. Восхищение перед нарождающимся талантом со стороны окружающих. Но проходит время, талант блекнет, успехи становятся все менее яркими и заметными, развитие как бы затормаживается. Ожидания не оправдываются.

Вариант второй. Вначале бессмысленная растрата времени, очень медленное продвижение вперед, иногда отставание от нормальных темпов развития. Затем постепенное выравнивание, компенсация упущенного, ускоренное продвижение, а в некоторых случаях - громадный скачок вперед, расцвет ранее дремавших потенциальных возможностей, большие успехи в профессиональной деятельности (по такому варианту складывались судьбы А. Эйнштейна, М. Булгакова, Ч. Дарвина и др.).

Вариант третий. К сожалению, нередко встречающийся: растрата времени на протяжении всей жизни. Подчиненность устоявшемуся образу жизни, неспособность выйти за его рамки и противопоставить обстоятельствам свою активную волю.

Вариант четвертый. Оптимальное использование всего "жизненного пространства". Расцвет дарования, напряженная, всепоглощающая и чрезвычайно продуктивная деятельность. Оценивая ее результаты, мы порой с трудом можем представить себе, что все это было сделано в рамках одной человеческой жизни, иногда весьма короткой даже по обычным человеческим меркам: 37 лет жизни Пушкина, 27 лет - Лермонтова, 25 лет - Добролюбова. И таких примеров множество в истории человечества.

Привлечение внимания школьника к этим "жизненным вариантам" будет способствовать созданию у него целостного конкретного представления о собственном будущем, на которое можно активно воздействовать, "выстраивая" его, продвигаясь к намеченной цели и видеть в этом смысл своего существования.

Известен расхожий стереотип: школа готовит к будущей жизни. Конечно, это верно, но до тех пор, пока мы не абсолютизируем эту правильную мысль, ибо школьник не только готовится к будущей жизни, но и живет настоящей. И его сегодняшняя жизнь не менее (а в чем-то и более) значима, чем будущая. Последняя существенно определяется характером сегодняшней жизни школьника. И нет лучшего способа подготовки его к будущей жизни, чем перенести "кусочек будущего" в настоящее.

Проиллюстрируем этот момент постановкой процесса обучения предметам математического цикла в одной из московских школ¹. Методическое объединение математиков нацеливает учителей на то, чтобы показать школьникам связь тех трудовых и умственных навыков, которые вырабатываются в процессе занятий математикой, с навыками, необходимыми в различных профессиях. Стратегическая задача в данном случае - добиться, чтобы учащиеся не смотрели на математику лишь как на средство поступления в институт, а понимали ее значимость в будущей профессии. Резонно считая, что важную роль в профориентации учащихся играет непосредственное общение с представителями различных профессий, учителя организовали цикл выступлений родителей перед выпускниками школы с рассказами о своей профессии.

Перед учащимися выступили заведующий вычислительным центром, преподаватели математики и студенты пединститута. В математическом кабинете был оборудован специальный стенд "Твоя будущая профессия", содержащий материалы о различных учебных заведениях технического профиля, варианты заданий для школьных олимпиад. Поражает продуманность, богатство технических средств и наглядных пособий математического кабинета. Переступая его порог, попадаешь в "мир математики". Его убранство способствует созданию особой "математической" атмосферы, которая поддерживается всем ходом урока. Так, один из учителей (выпускник этой школы) Л. И. Злавич стремится показать красоту,

---

¹ Школа-гимназия N 67 Юго-западного округа Москвы.
стр. 9

эстетику, заложенные в логических построениях точных наук, и этим формирует у учащихся интерес к естественно-математическим дисциплинам не только у "прирожденных математиков", но и у школьников с гуманитарными наклонностями. Его урок - это не "сухая математика", а постоянное обращение к жизненной практике. "Математическая" атмосфера выходит за пределы класса. Проведение такого мероприятия, как, например, "математическая неделя", включающая олимпиады по математике в ее начале, настраивала школьников на "математический лад". Далее проводится "турнир смекалистых" в виде соревнования между классами - это "математические бои" по типу КВН. Неделю завершает математический вечер. Подавляющее большинство выпускников школы выдерживает конкурс и поступает в самые престижные вузы, но это не самое главное. Важно то, что математика становится не просто учебным предметом, - она соединяет сегодняшнего школьника с его будущей жизнью. Одна из важнейших задач школы - сформировать у учащихся убеждение в том,

что их собственная судьба "выстраивается" не только под влиянием внешних обстоятельств, но существенно зависит от их собственной активности, и что школа и получение дальнейшего образования могут помочь им существенно увеличить "вклад" субъективно-преобразующей деятельности в судьбу каждого из них.

* * *

Помощь учащимся в становлении и развитии смысложизненных ориентации - чрезвычайно важный (может быть, самый необходимый) аспект работы учителя, требующий специального психологического образования. Между тем в педвузах (как и в учебных пособиях по психологии) эта проблема игнорируется. Существенный недостаток вузовского педагогического образования, на мой взгляд, - односторонность подготовки будущего учителя. Главная цель педвузов - сделать из нынешнего студента *преподавателя* определенной учебной дисциплины - литературы, истории, физики и т. д., хорошо знающего свой предмет, умеющего правильно его изложить, адекватно оценить ответ ученика. Этому посвящены программы и планы вуза, сетка лекционных и семинарских занятий, на эти темы пишутся курсовые и дипломные работы. Но чрезвычайно мало уделяется внимания подготовке *учителя-воспитателя*, еще меньше - *личностному становлению* будущего учителя. Важно, чтобы учитель не только обучал своему предмету, но и был нравственным образцом, воздействовал на своих воспитанников собственной личностью. Однако неудовлетворительная психологическая подготовка будущего учителя в вузе не создает оптимальных условий для личностного совершенствования будущих учителей и развития у них способностей воспитателя.

Неудивительно, что во время педпрактики в последний год обучения выпускник, хорошо зная *содержание* учебного предмета, порою не умеет организовать внимание и дисциплину во время урока, установить контакт с учащимися, сделать урок интересным и привлекательным для них, учесть индивидуальные особенности учеников. Есть случаи, когда именно после активной педпрактики часть выпускников отказывается от намерения работать в школе.

Чрезвычайно значимым аспектом психологической подготовки будущего учителя является становление у него смысложизненных ориентации. Между тем, проведенное нашими аспирантами анкетирование показало, что около половины опрошенных молодых учителей до момента заполнения анкеты не задумывались о смысле собственной жизни.

Все вышесказанное убеждает в том, что необходимо существенно улучшить психологическую подготовку будущего учителя. Прежде всего - нужна *система* такой подготовки, охватывающая все годы обучения и завершающаяся обобщающим курсом, подытоживающим полученные знания, и государственным экзаменом по общей, возрастной и педагогической психологии. В этом курсе достойное место должна занять проблема смысложизненных ориентации личности как высшего психологического механизма ее становления. Высшего именно потому, что дает человеку наиболее далекую ориентацию поведения и деятельности, охватывающую всю его жизнь как нечто целостное, а не сумму отдельных возрастных ступеней, и служит нитью Ариадны, помогающей преодолевать трудности и жизненные невзгоды.

Добиться того, чтобы педагогическое образование стало средством не только получения профессии, но и обретения смысла жизни, ощущения ее полноты и удовлетворенности ею - важнейшая задача сегодняшнего дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескина Р. М., Чудновский В. Э. Воспоминания о будущей школе. М., 1993.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
3. Вайзер Г. А. Смысл жизни и двойной кризис в жизни человека // Психол. журн. 1998. N 5. С. 3 - 14.
4. Лейтес Н. С. Об умственной одаренности. М., 1971.
5. Маркова А. К. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М., 1983.
6. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972.

7. Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: Материалы I - II симпозиумов ПИ РАО / Под ред. В. Э. Чудновского, А. А. Бодалева, Н. Л. Карповой. М., 1997.

8. Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III - V симпозиумов ПИ РАО / Под ред. В. Э. Чудновского и др. М., 2001.

9. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.

10. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: Материалы VIII - X симпозиумов ПИ РАО: в 3 т. / Под ред. А. А. Бодалева, В. Э. Чудновского и др. М., 2004.

11. Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI - VII симпозиумов ПИ РАО / Под ред. В. Э. Чудновского и др. М. - Самара, 2002.

12. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

13. *Чудновский В. Э.* О возрастном подходе к типологическим особенностям // Вопросы психологии. 1963. N 1. С. 23 - 34.

стр. 11

Леви Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности⁹

Т. С. Леви, *Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и акмеологии, Московский гуманитарный университет, Москва*

Данная статья посвящена психологической границе как телесному феномену: его вычленению, выявлению закономерностей его нормального развития и оптимального функционирования, а также его роли в развитии личности. Определяя психологическую границу как телесный феномен, мы подчеркиваем его принадлежность к пространству телесности как специфическому предметному полю психологических исследований. Человеческая телесность является результатом процесса онтогенетического, личностного развития, в широком смысле - исторического развития, выражает культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа. Если "тело" означает прежде всего физический объект, не несущий субъектности, духовности, то "телесность" есть одухотворенное тело, проявляющееся в живом движении [22].

Необходимость моделирования качеств оптимальной границы и построения пространственно-телесной модели оптимального функционирования и развития личности возникает в связи с особым значением психологической границы для развития личности. Жизненный путь может быть рассмотрен как процесс формирования человеком собственной психологической границы, позволяющей осуществлять осознанную избирательную интериоризацию и аутентичное самовыражение (экстериоризацию).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА КАК ТЕЛЕСНЫЙ ФЕНОМЕН

В философской, психологической и психотерапевтической литературе можно встретить разную терминологию, обозначающую данный феномен: граница жизни и граница Я-чувства (В. А. Подорога), контактная граница (Ф. Перлз), энергетическая граница (Л. Марчер), граница Я, внутренняя граница (А. Ш. Тхостов) и др. Несмотря на разнообразие обозначений, речь идет об одном и том же явлении, которое мы будем называть - психологическая граница.

К. Ясперс пишет: "Любая жизнь проявляет себя как постоянный обмен между внутренним миром и окружающим миром" [29, с. 37]. Этот обмен осуществляется на границе жизненного образования.

⁹ Леви Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности // Психологический журнал. 2008. №1. С. 23-33.

Телесность предполагает наличие особой границы, которая, с одной стороны, защищает нашу психику от разрушающих внешних воздействий, а с другой - пропускает необходимые для нас энергии. Она обеспечивает нам возможность выражать *Себя* в окружающем Мире и, вместе с тем, сдерживать определенную внутреннюю энергию.

Поднимая вопрос о том, где проходит эта граница и что она из себя представляет, В. А. Подорога пишет: "Эта граница - вибрирующая, постоянно меняющая свою линию напряжения, консистенцию, толщину, активность двух сред, совпадающих в ней (Внешнего и Внутреннего), - и есть промежуток жизни, который мы не в силах покинуть пока живем; нечто, что всегда *между*, - может быть интервал, пауза, непреодолимая преграда, охранительный вал, а может быть и дыра, разрез - и, тем не менее, только здесь мы обретаем полноценное чувство жизни" [20, с. 51].

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант N 07-06-000-76).
стр. 23

Речь идет о психологической границе, которая не совпадает с границей физического тела, очерченной кожей. В. А. Подорога подчеркивает, что следует различать границу организма и границу жизни. По его мнению, граница жизни (в нашей терминологии "психологическая граница") "является *виртуальной ... границей*, изменяющей в каждое последующее мгновение предыдущий образ нашего тела, и мы даже не всегда "схватываем" эти мгновенные изменения; порой эта граница смещается столь далеко за предписанные организмом пределы, что не в силах вернуться к исходной физиологической границе, - то напротив сжимается, напоподобие шагреновой кожи, ускользает от себя в глубины Внутреннего" [20, с. 51].

В психотерапии понятие "граница" является широкоиспользуемым. В гештальттерапии принято говорить о контактной границе, без осознания которой невозможен подлинный контакт между двумя индивидами. Опыт переживания границы концептуализируется в виде "линии, обода или мембраны", разграничивающих *Я* и не-*Я*. Установить границы - это значит определить или установить рамки контакта или отношений между собой и окружающим миром.

В некоторых направлениях телесно-ориентированной терапии принято различать виды границ. Так в бодинамике различают физические границы, связанные с ощущением кожи и личные, энергетические границы, развивающиеся в результате сепарации ребенка от родителей в процессе онтогенеза.

Психологическая граница формируется в процессе осознания своего собственного внутреннего пространства и его отстаивания, преодоления симбиотических отношений. Такое преодоление означает обретение права на самоопределение, свободу, но, вместе с тем, и ответственность за себя.

Рассматривая историю возникновения психологической границы в онтогенезе В. А. Подорога пишет: "Ребенок и мать - находятся под одним (материнским) покровом... Все ощущения, связанные с формированием психического Эго ребенка определяются самым ближайшим к нему Другим. Этот Другой всегда будет его второй кожей, которой ему всегда будет недоставать. И эта вторая кожа не только являет собой нечто вроде панцирной защиты, но и может оказаться самым опасным врагом первой". И далее "...всякая попытка реконструкции психического Эго определяется учетом взаимодействия первой и второй кожи и без последней, собственно, никакое психическое Эго не в силах ни сформироваться, ни проявить себя. Именно вторая кожа открывает этот, не всегда безопасный путь в мир других тел, к телу Другого, но вторичным ходом - путь к своему телу" [20, с. 47 - 48].

Психическое развитие есть, по сути, выстраивание "второй кожи" и формирование пространства между первой и второй кожей, т.е. психологической границы. Это

пространство есть часть телесности человека, компонент его "внешнего тела", используя терминологию М. М. Бахтина.

Адекватное и дифференцированное восприятие человеком границы физического тела, способствует переживанию "Я есть" и является фундаментом самоидентичности. Осознание и оптимизация психологической границы обеспечивают переживание "Ямогу" и являются основой активности человека. Если граница физического тела остается после смерти человека, то психологическая граница - "граница жизни" - исчезает вместе с самой жизнью, т.к. она есть функция жизни. Граница физического тела существует субстанционально. Психологическая граница имеет не субстанциональную, а энергийную природу: те или иные ее характеристики возникают как временное сочетание сил для решения задачи осуществления конкретного взаимодействия человека с *Миром*. Психологическая граница проявляется в активности человека, в его действиях. Она существует не субстанционально, но вместе с тем актуально, и, следовательно, является виртуальным образованием², не морфологическим, а функциональным органом.

Идея функциональных органов разрабатывалась А. А. Ухтомским. Многие знают Ухтомского, прежде всего, как физиолога. Однако, как подчеркивает В. П. Зинченко целью его исследований "стало познание анатомии и физиологии человеческого духа, духовного организма - не тела, не мозга, а души и духа; может быть, точнее, не только тела, не только мозга, а их вместе с духовным организмом" [12, с. 82].

По мнению А. А. Ухтомского, именно функциональные органы в своей совокупности образуют духовный организм человека.

Согласно Ухтомскому, функциональный орган это не морфологическое, а энергийное образование - сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. В. П. Зинченко подчеркивает, что "важнейшая черта функциональных органов состоит в том, что они существуют виртуально и наблюдаемы, да и то лишь частично, в исполнении, т.е. в активности, в том числе и

---

² В связи с разночтением термина "виртуальность" важно пояснить, что "категория "виртуальности" вводится через оппозицию субстанциональности и потенциальности: виртуальный объект существует, хотя и не субстанционально, но реально; и в то же время - не потенциально, а актуально" (А. А. Грицанов, Д. В. Галкин, И. Д. Карпенко. Новейший философский словарь).

стр. 24

в активном покое, в действии, в поступке" [13, с. 658].

Таким образом, психологическая граница является виртуально-энергийным образованием, функциональным органом, в понимании А. А. Ухтомского.

ПОНЯТИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

Варианты нашего опыта соприкосновения с миром формируют различные психологические границы, которые, как показывает практика, очень часто далеки от оптимальных. Несформированность и нарушение функционирования границы (ее неспособность становиться непроницаемой, растворяться и др.) связаны с образованием отрицательных моторных установок, возникших в результате психологической травматизации. Поскольку идеальных родителей не бывает и социокультурная среда во многих случаях способствует формированию отрицательных моторных установок, для большинства взрослых людей, в той или иной степени, свойственно сужение диапазона возможных изменений психологической границы. Однако психологическая граница развивается и изменяется на протяжении всей нашей жизни. Качество границ есть выражение внутреннего, энергетического и соответственно психического состояния человека. Процесс достижения оптимальной границы означает скорее вектор движения к возможному, более совершенному Я. *Оптимальная граница способна в зависимости от состояния Мира и нашего собственного желания менять свои*

характеристики (плотность, проницаемость, толщину, форму и т.п.), тем самым обеспечивая взаимодействие человека адекватное его возможностям, мотивам и ценностям. Оптимальная психологическая граница представляет собой выстроенный в процессе жизненного пути усилиями самого человека функциональный орган.

Динамическая архитектоника индивидуальных психологических границ уникальна, но, тем не менее, нам необходимо выделить крайние варианты, которые могли бы служить отправными точками для индивидуального анализа и ориентирами для развивающей работы.

Разработка диагностических методик и изучение границ в психологии только начинается. Интерес представляет исследование А. Ш. Тхостова и Д. А. Бесковой, которые на основе сравнения образа границ здоровых и больных людей показали, что оптимальной является "сформированная, отчетливая, устойчивая, гибкая граница, хорошо защищающая и достаточно восприимчивая" [4, с. 144].

В телесно-ориентированной терапии в рамках различных направлений (биосинтеза, бодинамики, танцевально-двигательной терапии и др.) накоплен разнообразный арсенал техник изучения психологических границ с помощью телесного движения. Телесно-ориентированные методы позволяют проводить целенаправленное наблюдение за телесными движениями людей в специально организованных ситуациях, моделирующих межличностное и аутовзаимодействие, и опираться при анализе на данные самоотчетов участников, характеризующие их ощущения и переживания в процессе выполнения движений.

На основании данных, полученных в результате применения телесно-ориентированных техник, можно выделить некоторые (крайние по степени выраженности) характеристики оптимальной границы³, которая может быть:

1) спокойно-нейтральной в случае аналогичного состояния *Мира*;

2) активно не впускающей, непроницаемой для внешних воздействий, если эти воздействия оцениваются как вредные. В этом случае, человек может сказать "нет", оттолкнуть, сдерживать напор. Такое преобразование границы возможно, если человек имеет внутреннее право⁴ на независимость;

3) полностью проницаемой и позволить *Я* "слиться" с *Миром*. Такое "растворение" границы возможно, если человек уверен в себе и испытывает доверие к другому. Способность к растворению границы, разотождествлению, является необходимым условием резонансного взаимодействия, когда человек отождествляется, идентифицируется с другим;

4) активно вбирающей, втягивающей, если человек имеет внутреннее право на удовлетворение своих потребностей. Тогда он в состоянии попросить о помощи, открыто заявить о своей потребности, активно стремиться к ее удовлетворению;

5) активно отдающей, если у человека есть внутреннее право выражать себя;

6) активно сдерживающей, контейнирующей внутреннюю энергию, если это адекватно состоянию *Мира*.

Таким образом, психологическая граница выражает состояния *Я*, характеризующиеся, прежде, всего уровнем активности и вектором движения от себя либо к *Себе*. Оптимальная граница со-

---

³ Представленная типология - попытка систематизировать эмпирические данные, полученные мной в результате многолетней консультативной работы, а также опыта ведения личностно-развивающих групп телесно-ориентированными методами.

⁴ Внутреннее право - позволение, дается человеком самому себе, в отличие от внешнего права, получаемого от других. Человек может иметь внешнее право, но при этом не иметь внутреннего.

Возможные состояния оптимальной психологической границы в зависимости от потребностей, установок и состояния *Я*, а также состояния *Мира*

№	Потребности, переживания <i>Я</i>	Позитивные установки	Состояние <i>Я</i>	Психологическая граница	Состояние <i>Мира</i>
1	Потребность в покое, состоянии "здесь и теперь"	Могу быть в контакте с <i>Миром</i> и чувствовать себя спокойно	Спокойное	Нейтральная (в меру проницаема). Потенциально содержит в себе все другие характеристики границы	Спокойное
2	Непринятие воздействия <i>Мира</i> , потребности в защите, независимости	Могу сказать "нет"	Активное, вектор движения направлен против внешних воздействий, сдерживает активность <i>Мира</i>	Непроницаемая, что достигается путем увеличения ее плотности, изменения размеров, перетекаемости и др.	Активное, вектор движения энергии направлен в пространство <i>Я</i>
3	Принятие воздействия <i>Мира</i> , потребности в эмоциональном насыщении, присоединении к иному	Могу сказать "да"	Пассивное, вбирающее воздействие <i>Мира</i>	Полностью проницаемая, иногда растворенная	Активное, вектор движения энергии направлен в пространство <i>Я</i>
4	Потребность в помощи, эмоциональном насыщении	Могу попросить "дай"	Активное, вектор движения направлен из пространства <i>Мира</i> к Себе	Проницаемая и втягивающая	Пассивное или активное, но вектор движения направлен не в пространство <i>Я</i>
5	Потребность в самовыражении	Могу выразить себя	Активное, вектор движения направлен в пространство <i>Мира</i>	Проницаемая или частично проницаемая, позволяющая энергии выходить в пространство <i>Мира</i>	Пассивное или активное
6	Потребность в сдерживании собственных чувств	Могу сдерживать себя	Активное, вектор движения направлен к Себе	Непроницаемая	Пассивное или активное

ответствует установкам, не противоречащим потребностям и переживаниям *Я*. Такие установки мы будем называть позитивными личностными установками, так как они

способствуют гибкому и адекватному взаимодействию человека с *Миром*, создают условия для того, чтобы "быть самим собой".

Варианты изменений оптимальной психологической границы в зависимости от потребностей, установок и состояния *Я*, а также состояния *Мира* представлены в таблице.

Для адекватного взаимодействия человека с окружающим *Миром* важно владение всем спектром вариантов изменения границы. Ни один из вариантов не может быть априори правильным или не правильным. Он может быть интерпретирован лишь в контексте жизненной ситуации человека, логики его внутреннего развития. Однако базовым вариантом границы, позволяющим ей быть гибкой и адекватной, является способность удерживать ее в нейтральном состоянии, что соответствует переживанию спокойствия и уверенности в себе. Б. Д. Эльконин пишет: "Необходимо отказаться от одного неверного допущения, гласящего, что образ строится вследствие напряжения нужды. Как раз наоборот - нечто может быть видимо лишь в период отстранения от нужды и снятия ее напряжения" [25, с. 69]. Снятие напряжения необходимо для того, чтобы увидеть что-то новое, в том числе и разнообразие возможностей собственного поведения. Именно спокойное состояние позволяет человеку быть максимально чувствительным к *Себе* и к *Миру*.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА И ЖИВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Функциональные органы - это новообразования, которые возникают в активности индивида, взаимодействующего со средой [12].

Если граница физического тела начинает осознаваться благодаря прикосновениям *Мира*, то психологическая граница формируется, прежде всего, в результате нашей собственной активности, собственных усилий. Психологическая граница возникает и развивается в результате осуществления человеком движений и действий и, вместе с тем, благодаря им она проявляется. В. П. Зинченко пишет, что особую роль в формировании функциональных органов играет "живое движение". Если механическое движение есть перемещение тела в пространстве, то "живое движение" - "преодоление пространства, претерпевание такого преодоления, очерчивание и построение собственного пространства" [13, с. 661]. Движение воплощает и формирует взаимодействия между *Я* и *Миром*, оно воздействует, с од-

стр. 26

ной стороны на *Мир*, с другой - на *Я*. "Необходимым моментом совершения действия, - пишет Д. Б. Эльконин, - является то, что его объектом оказывается не только внешний мир, но и сам действующий... Рука действующего ладонью упирается в предмет, а плечом - в само его тело. И чем сильнее действует ладонь, тем сильнее и плечо. Действие занимает место посредника между "объектом" и "действующим" [27, с. 156 - 158]. Акт действия, по утверждению Эльконина, есть всегда претерпевание действующего, "то есть всегда и необходимо, преднамеренно или нет, но его действие собой и поэтому с собой" [28, с. 382]. Действие, располагаясь на границе между внутренним и внешним мирами, составляет ткань психологической границы. Характеристики действия (сила, направленность и другие) репрезентируют состояние границы.

Осознание человеком особенностей собственных границ и их оптимизация возможны в процессе практической личностно-развивающей работы, осуществляемой с помощью телесно-ориентированных методов, основанных на телесном движении. Как было сказано выше, характеристики границ выражают психическое состояние человека. Мы не можем непосредственно воздействовать на психическое состояние - нам нужен посредник. Таким посредником может являться живое движение, соединяющее в себе психологическую сущность и материальную форму. Рефлексия движений, используемых человеком в процессе моделируемых ситуаций, помогает ему осознать специфику собственных психологических границ, отрицательные установки, лежащие в основе

невозможности осуществления движений, адекватных внутренним потребностям. На этой основе возможно переосмысление своего поведения и жизненных ситуаций. Кроме того, с помощью совершения специальных движений возможно накопление позитивного опыта функционирования границы. Задача развивающей работы, направленной на оптимизацию границ состоит (также как в работах по восстановлению движений А. В. Запорожца) в преодолении отрицательных моторных установок: *от не имею право сказать "нет" - к имею право, от не могу проявить теплые чувства - к могу...* и т.д. Иными словами, **имею право и** могу быть самим собой. Их преодоление ведет к изменению "внутренней картины движения" и, как следствие, к изменению реального взаимодействия.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К СЕБЕ И МИРУ КАК УСЛОВИЕ ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Формирование оптимальной в данный момент и для данной ситуации границы предполагает соотнесение информации о состоянии внутреннего и внешнего пространств. Для формирования оптимальной границы необходима двоякая чувствительность: внутренняя, со стороны внутреннего тела, и внешняя, возникающая в процессе соприкосновения с *Миром*. Рассмотрим более подробно психологический смысл и условия возникновения чувствительности к *Себе* и к *Миру*.

Чувствительность к Себе предполагает умение концентрироваться внутри собственного тела, погружаться во внутреннее пространство.

М. Бахтин, выделяя внутреннее и внешнее тела, полагал, что "внутреннее тело - мое тело как момент моего самосознания - представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира" [1, с. 59].

Значение чувствительности к *Себе* для развития человека трудно переоценить. Подавление чувственного начала формирует усеченное самосознание. Самоощущение, самочувствование, является основой самосознания, формирует его "бытийный слой" (В. П. Зинченко). "Чувство собственной активности" (М. М. Бахтин), ощущения своего действия лежат в основе субъектности, самоорганизации поведения. Ведь истинно произвольное поведение есть следование осознанному выбору, сделанному на основе прислушивания к *Себе*, чувствования *Себя* (и, безусловно, *Другого*). На основе экспериментальных исследований А. В. Запорожцем и М. И. Лисиной было доказано, что для формирования произвольного движения необходима ощущаемость движения изнутри. А. В. Запорожец пишет: "предпосылкой перехода реакций из произвольных в произвольноуправляемые является превращение их из неоощущаемых в ощущаемые..." [9, с. 71].

Жизнь - это процесс постоянных изменений, требующий переосмысления. Спонтанно возникающее есть неоспоримая реальность внутренней жизни, которая должна быть учтена при дальнейшем осознанном выборе. "Воспитание волевой личности - утверждает Ю. Б. Гиппенрейтер - возможно только при постоянном уважении к спонтанной активности человека" [5, с. 23]. От взрослого человека требуется внимание к собственной спонтанной активности, выражающей внутренний процесс. Необходимо, как пишет А. А. Ухтомский: "*постоянное бодрственное прислушивание* (курсив мой. - Т. Л.) к тому, что

стр. 27

желается в нашем духе, как он живет, болеет, понимается и растет" (цит. по: [12, с. 82]).

Самоощущение возможно при реализации ряда условий, преимущественно связанных с обособлением от окружающего мира.

Первое состоит в необходимости сфокусироваться на внутренней картине движения, перевести внимание от видимого, внешне наблюдаемого движения к его ощущению

изнутри, "переключиться с внешнего свидетеля на внутреннего свидетеля". Видимое движение всегда осуществляется для *Другого*, оценивается с точки зрения *Другого* (красиво-некрасиво, правильно-неправильно и т.п.). *Этот Другой*, его критерии оценки, позиция, подразумеваются в случае видимого движения, поэтому оно осознанно или неосознанно программируется извне. Требуется значительное усилие, чтобы полностью сконцентрироваться на движении изнутри. Однако только в этом случае возможно распознать истинно свое движение, свой "внутренний голос", "организмический сигнал" (А. Менегетти), "естественный организменный оценивающий процесс" (К. Роджерс).

Второе условие, связанное с предыдущим, заключается в необходимости отстраниться от рациональных, сделанных ранее выборов, возникших на основе нашего прошлого опыта или опыта других людей (во многих случаях искусственно привнесенных), и довериться внутренней спонтанности, "мудрости тела", открыться своему внутреннему опыту "здесь и теперь". Ролло Мей пишет: "Когда два с половиной десятилетия назад я был болен туберкулезом, то обнаружил, ...что прислушивание к своему телу имеет решающее значение в моем лечении. Когда я мог чувствовать свое тело, "слышать", что я устал и нуждаюсь в отдыхе, или же что мое тело достаточно крепкое, чтобы увеличить упражнения, мне становилось лучше. А когда я находил, что осознание тела заблокировано... мне становилось хуже... Осознание своего тела иногда приходит спонтанно, но вовсе не обязательно именно так. "Воля - это слушание", - утверждает Пфандерс, это утверждение вызывает в памяти "прислушивание" к телу. В нашем обществе, для того, чтобы прислушаться к своему телу, часто требуется значительное усилие - усилие постоянной "открытости" по отношению к любым сигналам своего тела" [18, с. 259 - 260].

Третье условие состоит в готовности встретиться со спонтанно возникающим, а значит с тем, что невозможно знать заранее, проконтролировать, не допустить. Осознание своих потребностей и истинных чувств может вызвать болезненные переживания и, порой, требуется мужество для встречи с самим собой.

Прислушивание предполагает тишину и немыслимо в спешке. Оно весьма затруднительно в суетливости нашей жизни и ее зашумленности, однако является необходимым условием нашего самоосуществления. Навык прислушивания и осмысления того, что открылось, развивается через различные телесные техники. Одним из наиболее эффективных путей его развития является практика спонтанного, аутентичного движения, используемая в танцевально-двигательной, инициальной и арт-терапии.

Внутренняя картина аутентичного движения представляет собой спонтанное ощущаемое движение, как бы "вырастающее" из глубины внутреннего пространства человека и выражающее его истинные чувства и потребности.

Аутентичное движение способствует преодолению сверхконтроля, который подавляет нашу способность чувствовать, забирая на эти цели колоссальное количество внутренней энергии, что приводит к отсутствию спонтанности, радости, непосредственности самовыражения и восприятия.

Удивительную способность прислушиваться, чувствовать и доверять собственному внутреннему голосу проявлял выдающийся коллекционер Сергей Щукин. "Живя среди картин, часами рассматривая каждое новое полотно, Щукин словно проникал в них, а они в него" - пишут биографы А. Демская и Н. Семенова [8, с. 89]. По воспоминаниям дочери Щукина Екатерины лучшим советчиком отца "было его собственное состояние: необъяснимое возбуждение, которое он испытывал, впервые видя полотно. *Ощущая знакомое чувство нервной дрожи* (курсив мой. - Т. Л.), Щукин брал картину не раздумывая" [8, с. 94]. Способность при выборе картин ориентироваться не на внешние социально принятые мнения, не на собственные рациональные и привычные штампы (часто сначала картины необычные по стилю казались Щукину совершенно неприемлемыми для глаз и головы), а на внутреннее, эмоциональное, спонтанно

возникающее отношение (переживание) позволило С. Щукину быть чувствительным к миру и открыть имена многих замечательных художников.

Данный пример демонстрирует глубокую связь между чувствительностью к *Себе* и чувствительностью к *Миру*.

Чувствительность к Миру (Другому) является необходимым условием его понимания. Чтобы понять конкретного человека, по словам А. Адлера, "мы должны быть способны видеть его глазами и слышать его ушами" [21, с. 16]. Хочется добавить: чувствовать так, как он чувствует. По мнению П. Флоренского, "познание есть реальное выхождение познающего из себя или что то же, - реальное вхождение познаваемого в познающего - реальное единение познающего и познаваемого" (цит. по: [10, с. 37]).

стр. 28

Возникает вопрос о том, как этого достичь, как можно развить эту способность, ведь для понимания конкретного человека недостаточно обладать знаниями о типологиях личности. "Каждый человек, индивидуально существующий перед нами, *есть новый, вполне исключительный случай!* Никем он не может быть заменен, он совершенно единственное "лицо"", - пишет А. А. Ухтомский (цит. по: [12, с. 88]).

Для того чтобы человек мог понять *Другого*, он должен быть определенным образом настроен, психологически готов. Такая психологическая готовность возможна при наличии, по крайней мере, двух условий.

Первое условие состоит в необходимости иметь развитые органы чувств, развитую способность чувствовать, быть восприимчивым к новому. "Восприимчивость субъекта, способность его подвергаться воздействию предметов необходимо предшествует всякому созерцанию этих объектов..." - пишет И. Кант [14, с. 133].

Чтобы быть готовым воспринимать *новое*, необходимо, выражаясь словами Б. Ш. Раджниша, "выработать глаза, выработать уши, создать сердце, чтобы чувствовать". "Как может появиться солнце, если вы слепы? Солнце может появиться, но вы не заметите его, - пишет Раджниш. - Хотя у вас есть глаза, они не видят красоты мира. Цветы будут цвести, но не для вас. И звезды будут являть невероятную красоту неба, но не для вас... Если в вашем сердце нет любви вы не найдете любимого... только любовь находит любимого. Глаза находят красоту мира. И уши находят музыку и мелодии. Настоящий искатель ... озабочен лишь тем, чтобы создать ученика в самом себе" [23, с. 9].

Второе условие состоит в том, что для понимания другого человека необходима, по выражению А. А. Ухтомского, "доминанта на лицо *Другого*". Она возможна тогда, когда "самоутверждение перестает стоять заслонкою между людьми". Чтобы познать нечто отличное от самого себя необходимо преодолеть нарциссизм, успокоиться по поводу собственного *Я*. Тот, кто идентифицируется, должен быть "пуст", освобожден от *Себя*, разотождествлен. Ведь, как гласит восточная мудрость, "если чаша наполнена, в нее уже нельзя ничего добавить".

Выполнение одного и другого условия возможно в результате освоения человеком внутреннего пространства, его дифференцированности и осознанного принятия. "Характер восприятия внешнего пространства является функцией развития внутреннего пространства", - пишет Д. В. Михалевский [17, с. 144]. Если эти два условия соблюдены, то становится возможным вхождение в резонанс с внутренним миром *Другого*, его чувствование, т.е. "бытие на одной с ним волне".

Идентификации с *Другим* способствуют телесные метафоры, которые, также как и художественные метафоры, способны передать ощущения, переживания и глубинные личностные смыслы человека. Через прочувствование, понимание телесных метафор, выражающихся в динамике (движения, танец, ритуальные действия) и статике (позы), становится возможным идентификация с внутренним миром *Другого*. В различных практиках для идентификации используются средства, определяемые разнообразными терминами, но имеющие общую суть. Так в нейролингвистическом программировании

употребляется термин "подстройка", означающий изменение характеристик *Своего* невербального поведения в соответствии с поведением *Другого*. Подстроиться - значит начать дышать, двигаться, звучать и т.п. так, как *Другой*. В биосинтезе Д. Боаделлы разработан метод "соматического резонанса", который предполагает идентификацию, через дублирование телесной формы *Другого* с последующей концентрацией внимания на собственных ощущениях и психоэмоциональном самочувствии в "форме *Другого*" [2]. Опыт в использовании данного метода дает возможность понять психологическое состояние, особенности переживания, специфику внутреличных конфликтов другого человека. В системе Станиславского актеру для идентификации предлагается почувствовать себя своим персонажем, начать двигаться как он, представить себя в его теле и т.п. Механизм идентификации включает в себя восприятие чувственной конкретики телесности того, с кем идентифицируются.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕЛЕСНАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В пространственно-телесной парадигме чувствительность к *Себе* и чувствительность к *Миру* рассматриваются в качестве двух противоположным образом направленных движений, последовательно сменяющих друг друга: движения к *Себе* (в *Себя*), в свое внутреннее телесное пространство и движения к *Миру*, во внешнее пространство .

Движения к *Миру* и движения к *Себе* должны постоянно сменять друг друга, обеспечивая почти одновременную двоякую чувствительность. В. А. Подорога пишет: "Живое всегда обнаруживает себя ... благодаря поверхности контакта с ему внешним и внутренним одновременно" [20, с. 48.] Интересно, что разные уровни движения имеют сходное строение. Фундаментальные данные, полученные в экспериментальных исследо-

---

⁵ Термин "пространственная парадигма" введен Д. В. Михалевским [17].
стр. 29

ваниях Н. Д. Гордеевой, показывают, что телесные микродвижения обладают двумя формами чувствительности: к ситуации и к самому себе. В процессе движения эти формы чувствительности постоянно сменяют друг друга [6, с. 6]. Аналогичным образом осуществляются макродвижения. А. Лоуэн пишет о том, что "человек направляет свою энергию или на себя, или на внешний мир. Здоровый человек может чередовать эти два направления легко и быстро таким образом, что почти одновременно он осознает и свое тело, и окружающий мир" [16, с. 47].

Двунаправленная чувствительность, с одной стороны, является необходимым условием адекватного функционирования границы, а с другой стороны - гибкость границы обеспечивает возможность чувствительности. Чувствительность к *Миру* и чувствительность к *Себе*, как вдох и выдох, бессмысленны друг без друга и вместе составляют единый цикл и единицу развития.

Чувствительность к Себе обеспечивается психическими процессами: обособлением и концентрацией в Себе; чувствительность к Другому - разотождествлением и идентификацией.

В. С. Мухина рассматривает идентификацию и обособление в качестве единого механизма, определяющего развитие и бытие личности, который позволяет, по выражению Н. И. Непомнящей, "быть собой и другим" [19, с. 68]. Однако, на мой взгляд, обособление, прежде всего, означает способность "*не быть Другим*", что, безусловно, является первым шагом, необходимым условием движения к *Себе*, погружения во внутреннее пространство. Под *обособлением* мы будем понимать движение от *Мира* к *Себе* без привнесения его воздействий в себя (в отличие от интериоризации). Обособление позволяет *сконцентрироваться на Себе*, почувствовать *Себя*, свою внутреннюю силу. Познание своего внутреннего мира, воссоединение со своей внутренней энергией, создают условия для разотождествления. *Разотождествление* есть отстранение

от *Себя*, движение от себя к *Миру* без привнесения *Себя* (в отличие от экстериоризации). Чем больше вы свободны от тревоги по поводу *Себя*, тем больше вы способны к разотождествлению, а следовательно, к смене позиций и пониманию *Другого*. Вы не боитесь "потерять" *Себя*, потому что уверены, что вы есть. Разотождествление, в свою очередь, является необходимым условием для *идентификации*. Осознание иных позиций дает возможность посмотреть на мир как бы не из себя, а с различных сторон мира на мир, где *Я* является его частью. Идентифицируясь с *Другим* и в его лице с новыми личностными смыслами и позициями, человек воспринимает нечто, что может быть интериоризировано, привнесено во внутреннее или отвергнуто.

Таким образом, можно проследить следующую цепочку: *обособление - концентрация внутри себя - разотождествление - идентификация*. Вышеперечисленные процессы связаны между собой отношениями обусловливания, т.е. сформированность одного процесса является необходимым условием осуществления другого.

При оптимальном функционировании возможно свободное, т.е. беспрепятственное движение от *Себя* к *Миру* и в обратном направлении (открытость системы); относительно равноправное освоение-осознание внутреннего и внешнего пространств (функционирование в соответствии с собой и с учетом ситуации). На этой основе становятся возможными *избирательность и аутентичность "собственно обменных" процессов, определяющих взаимодействие внутренних и внешних форм: интериоризации и экстериоризации (самовыражения), знаменующих развитие личности*. Внешние и внутренние формы, как пишет В. П. Зинченко, - "не только взаимодействуют одна с другой, но и взаимопределяют друг друга, связаны отношениями взаимного порождения. *Внешнее рождается внутри, а внутреннее рождается вовне*" [11, с. 388].

Модель оптимального функционирования и развития личности, представляющая по форме лемнискату (геометрический символ бесконечности) представлена на рисунке.

Застревание на какой-либо составляющей вышеописанного цикла неизменно ведет к деформации функционирования личности, невозможности развития. Рассмотрим шесть вариантов деформации в соответствии с шестью звеньями цикла.

1. Произошло обособление - не происходит погружение в *Себя*. Если обособление не приводит к движению в *Себя*, оно ведет либо в идентификацию, либо в депрессию.

2. Произошло погружение в *Себя* - не происходит разотождествления. Данный процесс ведет к отрыву от реальности, полностью неадекватному по отношению к ней поведению.

3. Произошло разотождествление - не начинается идентификация. В этом случае может наблюдаться либо вновь погружение в *Себя*, либо депрессия.

4. Произошла идентификация - не наступает обособления. В этом случае мы имеем дело с сильной зависимостью.

5. Начался процесс самовыражения, но он блокируется на психологической границе, что вызывает проблемы самовыражения.

6. Начался процесс интериоризации, но он блокируется на психологической границе, что вызывает проблемы принятия.

стр. 30

Пространственно-телесная модель оптимального функционирования и развития личности (лемниската развития).

Можно выделить внешние и внутренние факторы, влияющие на деформацию вышеописанного цикла.

Основными внешними факторами являются воспитание и обучение, которые, прежде всего, ориентируют нас на чувствительность к ситуации, движение к *Миру*. В практике воспитания и обучения слишком много внимания уделяется развитию

произвольности поведения, под которой понимается способность действовать в соответствии с образцом, по инструкции. Вместе с тем, нас не учат чувствительности к Себе. В результате возникает внутриличностная властная иерархия, в которой рациональное превалирует над чувственным. И как следствие - усеченное восприятие собственной телесности, игнорирование сенсорных возможностей, подавление чувств. А если мы не в состоянии слышать Себя, может ли родиться свободное действие, выражающее нашу сущность, а не запрограммированное извне? Можно ли говорить о нашем собственном свободном жизненном выборе? Очевидно, что ответы на эти вопросы будут отрицательными⁶.

Можно предположить, что наряду с внешними факторами существует внутренняя предрасположенность к более легкому движению к *Миру* или к *Себе* и сужению диапазона вариантов изменения границы. Внутренняя предрасположенность связана, прежде всего, с психофизиологическими, темпераментальными особенностями. Одной из таких особенностей является интровертированность-экстравертированность. Экстраверту легче находиться в пространстве *Мира*, чем в собственном пространстве. Его лемниската (см. рисунок) будет иметь крен в пространство *Мира*. Лемниката интроверта будет иметь крен в пространство *Я*. В процессе развития этот крен может увеличиваться или уменьшаться, а также может практически сглаживаться в отдельные стабильные периоды жизни, но движение к *Себе* всегда остается для интроверта более естественным и менее трудоемким, чем движение к *Миру*.

В процессе развития происходит увеличение внутреннего и внешнего пространств, что обеспечивается постепенной оптимизацией границы. Расширение пространств ведет к улучшению понимания Себя в Мире, увеличению жизненности и создает условия для воплощения сущностного в реальности мира. Процесс развития можно сравнить с движением человека при ходьбе. Для того чтобы двигаться вперед, мы делаем движения то правой, то левой ногой, перемещая тело то вправо, то влево. При этом мы каждый раз как бы падаем, но успеваем подставить другую ногу.

Если представить развитие графически во времени жизненного пути, то получится волна определенной амплитуды. Одна лемниката как бы переходит в следующую. *Развитие есть увеличение амплитуды волны в одну и в другую сторону относительно точки отсчета, границы между*

---

⁶ Влияние культурно-исторических традиций на динамику чувствительности к Себе в онтогенезе, развитие внешней и внутренней (истинной) произвольности рассмотрено нами более подробно в статье "Психология телесности в ракурсе личностного развития" [15].

стр. 31

Я и Миром, на которой, собственно, и осуществляется наша жизнь. Увеличение амплитуды в одну из сторон является необходимым условием для развития, но не самим развитием. Систематическое увеличение амплитуды только в одну сторону ведет к заболеваниям, дезадаптации и т.п. Известны случаи, когда в результате практики медитаций, наряду с существенным углублением и расширением самопознания, человек испытывает страх перед Миром, боится выйти на улицу, чувствует себя дискомфортно в обществе людей.

Последовательная смена движений, поддерживающая относительный баланс Внутреннего и Внешнего, обязательна, т.к. существенное его нарушение ведет к искажениям и остановке развития. Вместе с тем, "неравенство внешней и внутренней форм... выступает источником идей, чувств, действий, в конце концов, источником и движущей силой развития" [3, с. 152].

"Жизнь - это асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживаемая более или менее в равновесии лишь при постоянном движении", - пишет А. А. Ухтомский (цит. по: [10, с. 24]).

Личностно-развивающая работа, основанная на телесном движении, строится в соответствии с пространственно-телесной моделью оптимального функционирования и развития личности и включает следующие задачи:

1. Развитие способностей к обособлению и концентрации внутри *Себя*, обеспечивающих чувствительность к *Себе*.
2. Развитие способностей к разотождествлению и идентификации, обеспечивающих чувствительность к *Миру*.
3. Развитие способности к почти одновременному осознанию внутреннего и внешнего пространств.
4. Развитие гибкости и адекватности психологической границы.
5. Развитие (на основе вышеперечисленного) способности к аутентичному самовыражению и избирательной интериоризации.

Телесная работа помогает преодолеть деформации, возникшие в результате действия внешних факторов, и осознать неравенство внешней и внутренней форм как источник развития. Она раскрывает человеку переживание "подлинности своей жизни". В процессе телесной работы, благодаря изменениям во внутренней картине движений, преодолению отрицательных моторных установок, оптимизируются "обменные" психические процессы: развиваются способности к идентификации, обособлению, концентрации в *Себе*, разотождествлению, самовыражению. Возможность чувствовать и *Себя*, и ситуацию почти одновременно, "держать в себе и *Себя*, и *Мир*", дает возможность решать задачи саморегуляции, самоорганизации и саморазвития. Оптимизация "обменных" процессов и расширение внутреннего и внешнего пространств помогают "преодолеть социализацию", зависимость от внешнего пространства, осознать свою "самость" и обрести силы, чтобы быть самим собой.

ВЫВОДЫ

1. Психологическая граница, в отличие от границы тела, является не морфологическим, а функциональным, виртуально-энергетическим образованием. Психологическая граница возникает, развивается и проявляется в результате осуществления человеком движений и действий.

2. Оптимальная граница способна в зависимости от состояния мира и нашего собственного желания менять свои характеристики, обеспечивая взаимодействие человека с миром, адекватное его возможностям, мотивам и ценностям. Оптимальная психологическая граница представляет собой выстроенный в процессе жизненного пути усилиями самого человека функциональный орган. Задача развивающей работы, направленной на оптимизацию границ, состоит в преодолении отрицательных моторных установок, изменении "внутренней картины движения".

3. Формирование оптимальной в данный момент, для данной ситуации границы предполагает соотнесение информации о состоянии внутреннего и внешнего пространств. Для формирования оптимальной границы необходима двоякая чувствительность: внутренняя, со стороны внутреннего тела (чувствительность к *Себе*), и внешняя, возникающая в процессе соприкосновения с *Миром* (чувствительность к *Миру*). Чувствительность к *Себе* обеспечивается психическими процессами обособления и концентрации в *Себе*, чувствительность к *Миру* (*Другому*) - разотождествления и идентификации.

4. При оптимальном функционировании возможно свободное, т.е. беспрепятственное, движение от *Себя* к *Миру* и в обратном направлении (открытость системы); относительно равномерное освоение-осознание внутреннего и внешнего пространств (функционирование в соответствии с собой и с учетом ситуации). На этой основе становятся возможными избирательность и аутентичность "собственно обменных"

процессов, определяющих взаимодействие внутренних и внешних форм: интериоризации и экстерииоризации (самовыражения), знаменующих развитие личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. стр. 32

---

2. *Боаделла Д.* Формативный процесс и организующее поле. Бюллетень АТОП. 2003. N 3.
3. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2003.
4. *Бескова Д. А., Тхостов А. Ш.* Телесность как пространственная структура // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Ред. -сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2004. С. 133 - 148.
5. *Гиппенрейтер Ю. Б.* О природе человеческой воли // Психол. журн. Т. 26. N 3. 2005. С. 15 - 24.
6. *Гордеева Н. Д.* Микроструктура внутренней формы действия // Вопросы психологии. 2000. N 6. С. 100 - 111.
7. *Гордеева Н. Д., Зинченко В. П.* Рефлексивное управление как условие осуществления движений и построения целесообразного действия. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. N 6. С. 26 - 41.
8. *Демская А., Семенова Н.* У Щукина на Знаменке... М., 1993.
9. *Запорожец А. В.* Психология действия. М., 2000.
10. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
11. *Зинченко В. П.* Психологические основы педагогики. М., 2002.
12. *Зинченко В. П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (к 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. N 4. С. 79 - 97.
13. *Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Послесловие к кн. Риты Л. Аткинсон, Ричарда С. Аткинсон и др. Введение в психологию. М., 2003. С. 649 - 662.
14. *Кант И.* Критика чистого разума. Минск, 1998.
15. *Леви Т. С.* Психология телесности в ракурсе личностного развития // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Ред. -сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2004. С. 288 - 309.
16. *Лоуэн А.* Терапия, которая работает с телом. СПб., 2000.
17. *Михалевский Д. В.* Неизвестная античность. Великий миф о великой трагедии. СПб., 2005.
18. *Мэй Р.* Любовь и воля. М., 1997.
19. *Непомнящая Н. Н.* Целостно-личностный подход к человеку // Развитие личности. 2002. N 4. С. 61 - 82.
20. *Подорога В.* Феноменология тела. М., 1995.
21. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. СПб., 2003.
22. Психология телесности между душой и телом / Ред. -сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2005.
23. *Раджниш Б. Ш.* Совершенный мастер. Челябинск, 1994.
24. *Тхостов А. Ш.* Топология субъекта // Вестник МГУ. Психология. 1994. N 1, 2.
25. *Ухтомский А. А.* Доминанта души. СПб., 1996.
26. *Хоружий С. С.* О старом и новом. СПб., 2000.
27. *Эльконин Б. Д.* Введение в психологию развития. М., 1994.
28. *Эльконин Б. Д.* Самоощущение. Опосредствование. Становление действия // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Ред. -сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М., 2004. С. 379 - 391.
29. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.

стр. 33

Самоактуализация, по А. Маслоу, - это "полное применение талантов, способностей, потенциалов и т. д." [5]. Это постоянный процесс, при котором способности индивида применяются полностью, творчески и радостно [7]. Вместе с тем, самоактуализация - это движущая сила развития личности, мотив человеческой деятельности. Теория самоактуализации стала активно разрабатываться в США в середине XX в. группой ученых, в которую входили Г. Олпорт, Г. Мюррей, Г. Мерфи, Дж. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, К. Гольдштейн, Ш. Бюлер, О. Хаксли, Д. Бьюдженталь. В их работах были сформулированы пять основных постулатов гуманистической психологии.

Тетенев Сергей Александрович - аспирант кафедры общей психологии и психологии развития социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета. E-mail: serg-set@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна - доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета. E-mail: Evm777@pisem.net

стр. 229

- Человек есть *целостное* существо; и он сам, и его внутренний мир не могут быть объяснены исключительно в результате научного изучения его органов, рефлексов, физиологических и функциональных систем и т. д.

- Человеческое бытие разворачивается в *социокультурной* среде, в контексте человеческих отношений; следовательно, поведение человека и его психосфера не могут быть поняты и объяснены с помощью теорий, в которых не принимается в расчет межличностный и социокультурный аспекты развития.

- Человек обладает способностью к самосознанию и самопознанию, свойствами *субъекта*; следовательно, он не может быть понят психологией, не учитывающей в своей методологии эти факторы.

- Человек не является пассивным наблюдателем процесса своего существования, он *творит* свой собственный опыт и обладает правом выбора.

- Человек интенционален, он обращен в будущее, в его жизни есть цель, ценности и смысл [5; 8 - 9].

Наиболее известной и теоретически разработанной принято считать теорию самоактуализации А. Маслоу. Концепцию А. Маслоу можно трактовать как теорию мотивов, где самоактуализация выступает как врожденная потребность человека. В этом отношении взгляды А. Маслоу идентичны взглядам К. Гольдштейна и К. Роджерса.

Потребность в *самоактуализации* опредмечивается и превращается в мотив человеческой деятельности и всего человеческого существования в том случае, если удовлетворены другие, базовые потребности: физиологические; потребность в безопасности; потребности в принадлежности; потребность в уважении. Потребности выстроены иерархически, причем актуализация высших потребностей зависит от удовлетворения базовых. То есть тенденции самоактуализации предшествует тенденция самосохранения, выживания. Данные тенденции, однако, не подавляют друг друга, поскольку потребности не удовлетворяются по принципу "все или ничего". Потребности частично совпадают, и человек одновременно может быть мотивирован на двух и более уровнях потребностей [6]. Таким образом, человек, не вполне удовлетворивший базовые потребности, может быть мотивирован на удовлетворение потребности в самоактуализации.

---

¹⁰ Тетенев С.А., Морозова И. С. Факторы самоактуализации личности // Философия образования. 2010. №2. С. 228-233.

Вместе с тем, степень удовлетворения той или иной потребности исключительно субъективна, и, как следствие, не может считаться фактором самоактуализации. Между тем сам А. Маслоу, описывая самоактуализированную личность, выделяет ряд характерных черт, таких как более эффективное восприятие реальности, принятие себя, других и природы, независимость и автономия и т. д. Наличие типичных черт самоактуализированной личности позволяет предположить и наличие некоего набора факторов, способствующих самоактуализации.

Несмотря на различные подходы к пониманию личности, большинство авторов склонны рассматривать личность как единство двух противоположностей: индивидуального (субъектного) и социального. Самоактуализация, как высший уровень развития личности и мотив человеческой

стр. 230

деятельности, также должна рассматриваться с точки зрения взаимодействия факторов социализации и индивидуации. Кроме того, в соответствии с отечественной теорией деятельности, в качестве фактора развития личности необходимо рассматривать деятельность как активное и сознательное взаимодействие человека со средой, направленное на достижение сознательно поставленной цели, поскольку развитие личности вне деятельности не происходит, и только в деятельности человек может реализовать свои потенции, то есть самоактуализироваться.

Выделив в качестве факторов самоактуализации субъектность, социальность и деятельность, можно предположить, что человек может достичь высшей формы развития собственной личности - самоактуализации, лишь достигнув определенного качественного уровня развития каждого из перечисленных факторов. Очевидно также, что и деятельность, и субъектность, и социальность личности проходят в процессе развития ряд стадий, после преодоления которых становится возможным достижение самоактуализации. И наоборот - если хотя бы одна стадия не пройдена, не реализована (либо реализована не в полной мере), дальнейшее развитие личности (и, как следствие, достижение самоактуализации) невозможно.

Субъектность личности начинается с выделения себя в качестве субъекта. Затем, на основе внешних оценок (воздействие социума), начинает формироваться самооценка личности. Разрозненные самооценки, объединяясь в систему, создают целостное представление о самом себе - образ "Я". При осмыслении своего "Я", своей роли и значимости среди других формируется самосознание. Затем личность, сознавая свои достоинства и недостатки, свои отличия от других, учится принимать самого себя как ценность - формируется самопринятие. И наконец, начинает формироваться самость (термин К. Г. Юнга) - глубинный центр и выражение психологической целостности отдельного индивида, выступающий как принцип объединения сознательной и бессознательной составляющих психики.

Одновременно с субъектностью в онтогенетическом развитии появляется социальность. Социальность начинается с признания как активного действующего субъекта другого человека; дальнейшие ее стадии - самоутверждение; социальная адаптация, социальное самоопределение и самоэффективность; самодостаточность.

Деятельность, возникая как нецеленаправленные манипуляции, также качественно преобразуется в онтогенезе - последовательно появляется саморегуляция деятельности, самоконтроль, самоорганизация, самореализация в деятельности и, наконец, саморазвитие - как особый вид деятельности, направленной на целенаправленное изменение самого себя.

Факторы субъектности, социальности и деятельности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Можно предположить, что эти факторы являются определяющими в развитии личности и оказывают непосредственное влияние на уровень самоактуализации.

Можно сделать вывод о том, что для формирования такой черты самоактуализированной личности, как самоуважение, необходимо положительное отношение личности к себе, склонность осознавать себя как носителя социально желательных характеристик, адекватно высокая самооценка.

стр. 231

В меньшей степени на самоуважение влияют волевые характеристики личности, уверенность в себе, независимость и склонность полагаться на себя в трудных жизненных ситуациях, а также экстравертированность и активная жизненная позиция. Высокая самооценка и активная жизненная позиция также влияют на уровень принятия агрессии как черту самоактуализированной личности. Обратная корреляция показателей принятия агрессии и неприятия себя говорит о том, что неприятие себя, склонность видеть в себе социально нежелательные, негативные характеристики, отрицательное отношение к самому себе снижает уровень принятия агрессии. Иными словами, неприятие себя указывает на неспособность принимать в себе агрессивные тенденции, что, в свою очередь, делает невозможным достижение самоактуализации как высшего уровня развития личности. Эмоциональная комфортность, связанная с субъективно достаточным удовлетворением текущих потребностей, напротив, позволяет безболезненно принимать в себе раздражение, гнев и агрессивность как нормальные эмоциональные реакции, не нарушающие общего положительного эмоционального фона.

На формирование таких черт самоактуализированной личности, как самодостаточность и независимость от внешних (социальных) влияний собственных ценностей, суждений и действий, влияет высокий показатель интернальности личности, внутренний локус контроля. Кроме того, независимость и самодостаточность личности требует высокого уровня социальной адаптации, интеграции человека в общество и умения выстраивать продуктивные взаимоотношения с окружающими и соблюдать социальные нормы. Действительно, социум позволяет личности проявлять самостоятельность, независимость в суждениях и взглядах только в том случае, если личность, ее убеждения и поступки не противоречат социальным нормам, не ставят под угрозу существование социума и не оказывают деструктивного влияния на других людей. Этот вывод подтверждается наличием обратных значимых корреляций фактора поддержки с уровнем социальной дезадаптации и неприятия других. Также прослеживается обратная корреляция между фактором поддержки и показателями внешнего контроля и ведомости. То есть для формирования самодостаточности и независимости как показателя самоактуализации человек должен уметь адаптироваться в социуме, понимать и принимать других людей, уметь брать на себя ответственность за свои поступки, не требуя внешнего контроля, а также быть готовым не подчиняться социуму, не быть ведомым.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что целенаправленно управляя процессом развития субъектности, социальности и деятельности, создавая условия для качественных преобразований этих трех факторов, возможно влиять на формирование отдельных черт самоактуализированной личности, способствуя процессу самоактуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вахромов Е. Е.** Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. - М.: Междунар. пед. акад., 2001. - 322 с.

2. **Гуссерль Э.** Картизианские размышления. - СПб., 1996. - 612 с.

стр. 232

---

3. **Мадди С.** Теории личности: сравнительный анализ / пер. с англ. И. Авидон, А. Батустин, П. Румянцева. - СПб. : Речь, 2002. - 488 с.

4. **Марцинковская Т. Д.** История психологии. - М., 2001. - 432 с.

5. **Маслоу А.** Дальние пределы человеческой психики. - М., 1997. - 648 с.
6. **Маслоу А.** Мотивация и личность // Мастера психологии. -2-е изд. - СПб.: Питер, 2003. - 352 с.
7. **Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии** / под ред. Д. А Леонтьева, В. Г. Шур. - М.: Смысл, 1997. - 532 с.
8. **Холл К. С., Линдсей Г.** Теории личности. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 286 с.
9. **Хьелл Л., Зиглер Д.** Теории личности. - СПб.: Питер-Пресс, 1997. - 316 с.
стр. 233

Соловьева О.Б. Проблемы самосознания личности¹¹

"Интерес к учению, - писал В. А. Сухомлинский, - появляется только тогда, когда есть вдохновение, рождающееся от успеха." [1]. В этой фразе названы два главных условия, которые открывают дверь к успеху: интерес и вдохновение.

Организуя учебный процесс, каждый педагог ищет свои приемы и средства. Мы залог успеха видим в создании атмосферы сотрудничества, сотворчества между учителем и учениками, что помогает в решении одной из основных (и самых сложных) задач учителя словесности - становления творческой личности ученика.

Деятельность педагога непосредственно направлена на личность, на ее развитие, в первую очередь - на развитие творческого мышления, с его пластичностью, подвижностью и оригинальностью. Для творческого мышления не составляет труда перейти от одного аспекта проблемы к другому, не ограничиваясь одной единственной точкой зрения. Творческое мышление порождает неожиданные, непривычные решения.

Академик Г. Д. Глейзер рассматривает образование как процесс духовного, интеллектуального и физического развития человека. К элементам этого развития он причисляет учебный процесс как процесс преподавания и передачи знаний, воспитание как процесс социализации личности и просвещение как процесс приобщения к культуре. Автор говорит о важной роли науки, техники и технологии в развитии человечества, подчеркивая, что эту роль люди могут выполнить только в том случае, если они служат гуманным целям.

Творчество представляет собой важную цель в образовании, поскольку нужно создать личность, которую характеризуют следующие черты: стремление к самореализации, преданность своему делу, самобытность, независимость в вынесении суждений, уверенность в себе, инициативность, критичность, новаторство.

Формирования творческой и самобытной личности невозможно достичь, если использовать модель, базирующуюся на преподавании активным учителем пассивному ученику. В обучении фронтального типа трудно активизировать мысли учеников, поскольку они находятся в положении рецептора. Вследствие этого все школьные реформаторы исходят из того, что ученик в учебном процессе должен стать активным.

В. В. Давыдов считал, что нельзя говорить об активности учеников, если им даются знания в готовом виде, а от них требуют, чтобы эти знания запоминались и усваивались. Традиционные учебники и методики направляют нас к такому устаревшему виду обучения. Можно запоминать и усваивать знания и без мыслительной деятельности. Однако учение, где нет социальной трансформации материала, не должно быть характеристикой учебной работы. Ученый полагал, что должны устанавливаться и изучаться связи внутренней сущности и внешних особенностей материала. Только в творческом обучении могут рассматриваться эти связи. Таким образом, ученики будут заинтересованы в установлении этих связей, если у них воспитывать потребность творческой переработки учебного материала. Настоящий преподаватель будет требовать

---

¹¹ Соловьева О.Б. Проблемы самосознания личности // Философия образования. 2008. №1. С. 150-155.

от ученика экспериментирования в ходе овладения материалом, поскольку без этого нет мыслительной деятельности и интеллектуального развития.

стр. 151

Если обучение - не доминирующий абсолют, а составная часть программы воспитания творческой личности, тогда не произойдет подмены творческого, личностного - формальным. Из всех бытующих ныне "ориентации" профориентация на человека - в себе и в другом - должна стать основной, ведущей. Не столько отметки и успеваемость, сколько духовное развитие ребенка должно стать результатом работы учителя. А с духовным развитием придет и успеваемость .

Негативное отношение к обучению будет исключено, если *каждый* ученик *получит* право на свой *путь*, свой *темп* и свой *потенциал* развития. В решении этой достаточно сложной и емкой проблемы помогут заинтересованное обращение преподавателя к личности ученика, психологическая интуиция, знания по психологии (необходимо учитывать не только особенности возрастной психологии, но и личностные, индивидуальные). Такая школа станет школой успеха для всех - в отличие от традиционной, которая ориентирована на средне успевающего ученика. В школе, где "героем урока станет не лучший, а каждый", в полной мере реализуется принцип педагогической деятельности: "совместная деятельность учителя и ученика - на творческой основе, духовном равенстве и межличностном общении" (Е. Н. Ильин) [3]. Общаться - через знания и давать знания - через общение станет потребностью. На каждом этапе и в каждом аспекте урока, решая основную - учебную задачу, необходимо учитывать, с одной стороны, насущные потребности ученика, с другой - насущные проблемы образования. Да, знание - сила, но лишь тогда, когда в нем прорастает человек, состоявшийся и защищенный не только самим знанием, но и знанием самого себя. Литература среди других учебных предметов имеет особое значение. Урок литературы - урок становления личности, так как дает огромные возможности для сотворчества учителя, писателя и ученика. Работу с книгой и работу с учеником реализуют два метода: художественный анализ художественного произведения и общение с учеником как личностью, духовно равной учителю. Литература - тот предмет, где каждый по-своему прав, даже если в чем-то ошибается. Лишь бы думал, читал, высказывался. Почувствовали, насколько содержание оформлено, а форма содержательна - и дальше: к жизненной основе художественного творения, к нравственному опыту, заключенному в нем.

Русская литература, ориентированная на проблемы самосознания личности, анализ нравственных начал в природе человека, в своих сюжетах дает великолепный материал для размышлений о природе человеческих чувств и поступков, о системе индивидуальных и общественных ценностей. Поэтому на уроках литературы мы формулируем вопросы как проблемные, тем самым исключая возможность подготовки методом "зазубривания" тех или иных моментов, связанных с историей русской литературы. Все, что требуется от старшеклассников, - это дать самостоятельную трактовку тех или иных сюжетных линий. Таким образом, каждый получает возможность высказаться, продемонстрировать свои творческие способности в интерпретации тех или иных проблем.

Хорошо известно, что большинство детей не имеет развитого творческого воображения, поэтому их читательские интересы неуклонно снижа-

стр. 152

ются. Понимание, восприятие текста предполагают творческое умение интерпретировать авторскую позицию, умение создавать свой текст, адекватный оригиналу. Развитие творческих умений всегда сопровождается сильными эмоциями, которые выступают как необходимое условие совершенствования этих умений. Постоянный анализ авторской позиции и стиля развивает у старшеклассников

необходимое языковое чутье и вырабатывает приемы творческой деятельности, что предопределяет изменения в духовном мире личности.

Литература, будучи видом искусства, "поучает, развлекает" [4]. Через эстетическое воздействие и наслаждение, получаемые человеком в процессе художественного творчества и восприятия искусства, осуществляется и его воспитательное влияние, и информирование, и познание, и передача опыта, и анализ состояния мира. Вся эта сумма проблем неизбежно подводит исследователя к вопросу о природе человека.

Искусство формирует строй чувств и мыслей людей. Воспитательное значение других форм общественного сознания носит частный характер: мораль формирует нравственные нормы, политика - политические взгляды, философия - мировоззрение, наука готовит из человека специалиста, то искусство воздействует комплексно - на ум и сердце, и вся духовная сфера подвластна его влиянию. Искусство формирует целостную личность.

Воспитание иногда понимается как пассивное восприятие индивидом внешнего воздействия. При этом не учитываются барьеры внутренних установок личности. Можно, конечно, влиять на установки, цели и основания личности. Но такое влияние идет не через воздействие на внутреннюю структуру человека, а лишь через взаимодействие с ней. Воспитание есть всегда и самовоспитание, то есть процесс, контролируемый и корректируемый сознанием и волей человека, процесс, не только извне идущий, но и вовнутрь направляемый самой личностью.

Воздействие искусства ничего общего не имеет с дидактическим нравоучительством. Искусство воздействует на личность через эстетический идеал, который проявляется и в положительных, и в отрицательных образах.

Перефразируя А. С. Пушкина, можно сказать, что литература как вид искусства "сокращает нам опыты быстротекущей жизни": она позволяет пережить многие чужие жизни как свою и обогатиться опытом других людей, присвоить его, сделать его фактом своей жизни, элементом своей биографии. В этом - источник воздействия литературы на формирование целостной личности.

Искусство втягивает свою аудиторию в выработку идей и заставляет воспринимающего присваивать художественные идеи в личностной форме. Отсюда вытекает инвариантность и множественность художественной идеи: одна и та же художественная идея может пониматься по-разному. В науке только уровень присвоения идей различен. В искусстве же различны и уровень, и содержание присвоения: реципиент проецирует социально-исторический опыт, заключенный в художественном произведении, на свой индивидуальный; в результате возникает его личное отношение к действительности и поднятым проблемам. Художник заставляет

стр. 153

публику приобщиться к его жизненному опыту, обогащенному знанием опыта других людей.

Художественное общение - передача смысловой информации, художественной ценности от автора к читателю. При этом характер и результат художественного общения зависят и от того, что автор запечатлел в художественном тексте, и от того, что "дает" тексту культурно-рецептивная подготовленность и активность воспринимающего. Структура художественного произведения обладает пластичностью и как бы поворачивается и перестраивается по отношению к читателям в зависимости от их установки.

Художественный текст может иметь множество прочтений. Но его многозначность не бесконечна, а имеет свои пределы. Это - амплитуда колебаний вокруг "оси" смысла. Хотя восприятие художественного текста вариативно, он содержит инвариант этих прочтений и дает устойчивую программу художественного восприятия, обусловленную его объективным содержанием, закрепленными в нем ценностными ориентирами и

художественной концепцией. Читатель, воспринимая художественный текст, вовлекается в сотворчество, рождаящее дополнительный смысл, свое толкование.

Сложность интерпретации произведения объясняется тем, что за художественным текстом стоят и реальность породившей текст эпохи, и реальность эпохи, современной читателю, и личность автора, и то, что он хотел сказать, и смысл темных мест, сокрытых от прямого понимания.

Произведение, оставаясь самим собой, исторически меняется, вступая во взаимодействие с новым жизненным и художественным опытом и обретая новые смысловые и ценностные параметры. Каждым поколением оно прочитывается по-новому. Различные прочтения художественного текста обусловлены тем, что его восприятие протекает по принципу общения, диалога автора и читателя.

Произведение - структура, пробуждающая активность читателя. В действительности, любой художественный текст непременно вызовет у нас какие-то переживания, мысли, согласие, отрицание, недоумение, восторг - и все это уже форма интерпретации. Какой-то ассоциативный ряд, включающий в себя непосредственно нами испытанное и передуманное, обязательно для нас выстроится - читаем ли мы, допустим, лирику Ф. Тютчева, или пытаемся постичь тайны романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита".

Произведение обращается к воспринимающему его человеку, вступает с ним в личный контакт и взаимодействует с его неповторимым личным опытом. Поэтому у каждого читателя создается свой образ Наташи Ростовской и своя концепция "Войны и мира". В известном смысле, сколько зрителей, столько и Гамлетов. Есть Гамлет в исполнении Смоктуновского, Высоцкого. И все же Гамлет один - Гамлет Шекспира. Он - инвариант, а его исполнители и реципиенты лишь варьируют художественную информацию, заключенную в этом образе. При этом границы раскрытия "веера" интерпретаций обусловлены самим художественным смыслом [4].

Многообразие восприятий возникает благодаря "встрече" произведения с разными эпохами, разными личностями с неповторимым жизненным опытом.

стр. 154

Текст и читатель "идут друг другу навстречу", взаимно обогащая друг друга. Глубинным смысловым содержанием произведения является личность автора, требующая вступления в диалог и предлагающая язык этого диалога - определенным образом организованную художественную форму.

Художественная форма произведения оперирует общезначимыми приемами. Внимательное чтение всегда приводит к открытию того или иного приема, с помощью которого автором акцентируются важные стороны смысла. Вот этот прием и должен стать в центре внимания учителя и учеников на уроке. Такой подход к тексту акцентирует эстетическую сторону его восприятия. Произведение предстает читателю в первую очередь как художественный феномен, смысловая сторона которого открывается через понимание конструкции. И лишь как служебные в этом эстетическом анализе мыслятся и рассматриваются собственно литературоведческие категории, необходимость которых предстает тем очевиднее.

Итак, можно утверждать, что для становления, развития творческой личности на уроках литературы следует:

- 1) учитывать особенности возрастной психологии учеников (личностные, типологические особенности);

- 2) создавать атмосферу сотрудничества, совместной деятельности учителя и ученика на творческой основе; то есть необходимо овладеть материалом в условиях эксперимента, результаты которого анализируются самими учениками с помощью учителя;

- 3) анализируя художественное произведение, поступки героев, взгляды, идеи автора, следует организовывать учебный процесс в направлении переживаний, ощущения

учащимися сути литературного произведения, формирования не внешней, а непосредственной мотивации, то есть связанной с самим текстом и личностью школьников.

Произведения искусства могут многому научить, указать пути к совершенствованию личности. Именно поэтому столь важно в раннем юношеском возрасте учить человека воспринимать прекрасные произведения искусства. При наличии такого понимания художественное произведение станет для старшеклассников источником самопознания и творческой самореализации личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Сухомлинский, В. А.** О воспитании / В. А. Сухомлинский. - М., 1975. - 271 с.
2. **Ильин, Е. Н.** Герой нашего урока / Е. Н. Ильин. - М. : Педагогика, 1991. - 288 с.
3. **Борев, Ю. Б.** Эстетика : учеб. пособие / Ю. Б. Борев. - М. : Политиздат, 1988. - 512 с.
4. **Корниенко, Н. А.** Эмоциональные механизмы нравственного формирования личности / Н. А. Корниенко. - Новосибирск : Сиб. кадр, центр, 1993. - 248 с. стр. 155

РАЗДЕЛ 2. ЛИЧНОСТЬ И ВНЕШНИЙ МИР

Балацкий Е. В. Экономическая теория эволюции личности¹²

В отличие от эволюционного учения, которое является сегодня самостоятельным и мощным научным направлением, вопрос об эволюции личности на протяжении жизни конкретного индивидуума до сих пор проработан слабо. Между тем этот вопрос чрезвычайно важен. Некоторые ученые считают, что человечество вступает в состояние так называемой сингулярности, когда внешнее развитие прекращается, уходя в развитие внутреннее¹. Высказывается также мнение, согласно которому биологическое развитие человека давно закончилось и перешло в развитие исключительно ментальное². Но что означает "внутреннее развитие" общества и личности? Что можно ожидать от качественно нового состояния? Попытаемся ответить на эти вопросы, обрисовав теорию эволюции личности и опираясь на нетрадиционные для учения об эволюции экономические принципы и категории.

Три инстинкта и трехсекторная модель человеческой ментальности

Наличие у человека трех базовых инстинктов можно считать общепризнанным. Первый - *инстинкт самосохранения* предполагает сохранение жизни отдельного индивидуума. Второй - *инстинкт воспроизводства*, или инстинкт продолжения рода, предполагает самосохранение биологического вида или социальной группы. Как правило, по поводу этих двух инстинктов особых споров не возникает. В наличии третьего инстинкта мало кто сомневается, однако интерпретируется он по-разному. Так, с точки зрения американского психолога А. Маслоу, существует потребность в самоактуализации личности³; сродни этому понятию категории самовыражения и самореализации. В некоторых работах речь идет об инстинкте развития как стремлении к усложнению внутренней организации человека⁴. Однако мы полагаем, что правомернее говорить об *инстинкте свободы*, подразумеваемом не физическое сохранение индивидуальности, а сохранение ее глубинного содержания.

Балацкий Евгений Всеволодович - доктор экономических наук, профессор Государственного университета управления. В журнале "Человек" опубликовал статью "Проблема рациональности в экономической теории". 1997. N 2.

¹ Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. N 2.

² Вотяков А. А. Теоретическая биология. М.: София, 1999.

³ Маслоу А. Мотивация и личность.

3-е изд. СПб.: Питер, 2008.

⁴ Третий инстинкт (<http://instinct3.narod.ru>).

стр. 38

Такая трактовка третьего инстинкта не нова. Например, немецкий философ Р. Штайнер считал своим главным произведением "Философию свободы", где развивал идею освобождения в личности ее волевого начала⁵. Индийский мыслитель-гуманист С. Вивекананда утверждал, что каждый атом стремится к свободе, которая проявляется у человека на высшем уровне и лежит в основе всех йогических практик⁶. Более того, по его мнению, в конечной точке эволюции человек как личность уступает место человеку как принципу. Освобождение от страданий - главный постулат буддизма⁷. Практически все философские учения и теории так или иначе приходят к идее трансформации личности путем ее освобождения от бытовых связей и слияния с окружающим миром.

---

¹² Балацкий Е. В. Экономическая теория эволюции личности // Человек. 2009. №5. С. 38-49.

Особого комментария заслуживает вопрос о соотношении свободы и развития. Не противоречат ли данные целевые установки друг другу? И какая интенция первична, а какая - вторична?

На наш взгляд, эти понятия сопрягаются друг с другом как цель и метод, как вектор и инструмент эволюции. Само по себе развитие личности не может быть внутренней интенцией, оно не имеет никакого смысла и, следовательно, нерационально. Зачем развиваться и усложняться? Первично именно стремление к свободе, достижение которой сопряжено с сильными положительными переживаниями и ощущением счастья. Счастье - это временное состояние, когда человеку уже ничего не нужно, когда у него избыток витальных ресурсов. Именно в таком состоянии и достигается независимость от внешних обстоятельств, ибо уже все достигнуто. Из сказанного вытекает, что стремление к свободе появляется только в результате внутреннего развития, когда человек становится поистине самодостаточным. Подобное достижение предполагает ментальную эволюцию и внутреннее усложнение личности.

Теперь несколько слов о соотношении трех инстинктов. Какой из них самый сильный и самый важный? Казалось бы, чем "ниже" и проще инстинкт, тем он важнее и сильнее. Однако поскольку каждый инстинкт довольно четко связан с соответствующим ментальным слоем: инстинкт самосохранения - с подсознанием, инстинкт воспроизводства - с обыденным сознанием, инстинкт свободы - со сверхсознанием⁸, действует более сложное правило "борьбы" инстинктов: *какой ментальный слой у человека активнее, такой инстинкт у него и доминирует*. Если человек ведет относительно автономное и примитивное существование на уровне биологической особи, то главным импульсом его жизни является первый инстинкт; если он достиг высокой степени социальной интеграции, им управляет в основном второй инстинкт; если же выходит на высокий уровень интеллектуального развития и творческих возможностей, то главную роль в его жизни начинает играть третий инстинкт.

---

⁵ Штайнер Р. Очерк тайноведения. Мистика на заре духовной жизни нового времени. Философия свободы. М.: Издательство АСТ; Terra Fantastica, 2000.

⁶ Вивекананда С. Четыре йоги. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1993.

⁷ Кэрритерс М. Будда: краткое введение. М.: Астрель; АСТ. 2007.

⁸ Балацкий Е. В. Кросс-контурные связи в человеческой психике // Вестник РАН. 2007. N12; Балацкий Е. В. Витальные ресурсы и контуры сознания // Вестник РАН. 2008. N6.

стр. 39

Сформулированное правило доминирования инстинктов базируется на так называемой квантовой психологии, разработанной Р. Уилсоном⁹: в зависимости от ситуации и ментального "настроения" человека у него активизируются те или иные зоны сознания и соответствующие им инстинкты. Рокировка инстинктов хорошо просматривается даже в животном мире. Например, инстинкт самосохранения отступает перед инстинктом размножения и у некоторых насекомых, и у некоторых млекопитающих. Для человека же ситуация, когда родитель готов отдать жизнь за своего ребенка, достаточно типична, что служит прямым доказательством большей силы второго инстинкта по сравнению с первым. История человечества знает множество примеров, когда выдающиеся люди сознательно отказывались не только от семьи, но и от собственной жизни ради реализации своих замыслов и отстаивания идей. Здесь мы подходим к точке переключения, в которой сугубо биологические потребности подавляются потребностями, имеющими социальную природу, и чем выше инстинкт, тем значительнее роль социального начала.

По мере интеллектуального и духовного взросления значение третьего инстинкта возрастает. Диалектика инстинктов довольно проста: от ограниченности (личности) через

расширенное (общественное) к неограниченному (духовному¹⁰). Можно это перефразировать и так: от раздробленности к единству. На физическом уровне все инстинктивные интенции заложены в человека уже на клеточном уровне. Так, Д. Чопра тонко подметил свойства клетки человеческого организма, которые впоследствии проявляются на самых высоких стадиях развития личности. Наличие высоких, "благородных" свойств у клетки организма и у интеллектуально развитого человека лишней раз вскрывает фрактальную природу мира. Иными словами, здесь мы опять-таки наблюдаем стыковку биологических и социальных начал в эволюции индивидуума.

Витальные ресурсы и их роль в эволюции личности

Согласно теории витальных ресурсов, человек и общество имеют четыре вида таковых: деньги, энергия, знание и время¹². При этом модель поведения человека выглядит довольно просто: совокупность целей и стремление минимизировать отклонение фактического результата от целевого; функции, связывающие результаты деятельности с витальными ресурсами; ограничения на витальные ресурсы. Отдельным элементом модели является динамика витальных ресурсов, зависящая от результатов деятельности. Тем самым модель отражает прямые и обратные связи.

Остановимся на общих вопросах, связанных с ролью витальных ресурсов. По определению они всегда ограничены. Соответственно достичь любых целей в условиях нехватки ресурсов невозможно. Рассогласование между желаемым (целью) и фактическим положением дел приводит к дискомфорту индивидуума-

---

⁹ Уилсон Р. А. Квантовая психология. М.: София, 2005.

¹⁰ Под духовным понимается сверхсознательное состояние, которое представляет собой особое интуитивное постижение реальности. Оговоримся, что никакого налета мистичности здесь не предполагается.

¹¹ Чопра Д. Книга тайн: Как познать тайные сферы жизни. М.: София, 2007.

¹² Балацкий Е. В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. 2007. N 2; Балацкий Е. В. Ментальные контуры, стратификация общества и цивилизационные волны // Вестник РАН. 2008. N 8; Балацкий Е. В. Рынок витальных ресурсов и его свойства // Общество и экономика. 2008. N8. стр. 40

ма. Согласование целей и реальных результатов может трактоваться как счастье, а сильное рассогласование - как несчастье. Жизненная траектория формируется за счет манипулирования субъектом своими витальными ресурсами. Он может накапливать и расходовать их; может использовать для достижения целей с высокой эффективностью или с низкой. Здесь важно, что с одним и тем же объемом витальных ресурсов человек способен достигать разных результатов из-за разной эффективности своей деятельности. И чем выше экономическая эффективность использования его витальных ресурсов, тем ближе он к своим целям и тем более комфортной является его внутренняя жизнь.

В этом пункте мы приходим, пожалуй, к главному моменту нашей схемы - к экономической трактовке эволюции. Движение к цели должно сопровождаться ростом эффективности витальных ресурсов. Приближение к цели характеризует эволюционный дрейф жизни индивидуума. Отсюда следует основополагающий вывод: *эволюция - это всегда рост эффективности*, в противном случае личность деградирует. Переосмысливая реальность, человек растет интеллектуально и приобретает особые навыки, которые позволяют ему лучше овладеть своими витальными ресурсами.

В принципе экономическая составляющая человеческой личности гораздо шире, чем описанная нами. В частности, просматривается явная аналогия между личностью и институтами, что позволяет рассмотреть следующую трехзвенную схему¹³: *уровень адекватности (эффективность целеполагания)*, заключающийся в правильно поставленных целях, которые покрывают истинные потребности индивида; *волевая*

эффективность, состоящая в уровне достижения достигнутых целей; *организационная эффективность*, показывающая уровень затрат витальных ресурсов, необходимых для достижения фактических результатов. Такая трактовка еще больше акцентирует внимание на правильном использовании экономических ресурсов. Стоит допустить "прокол" хотя бы на одной из трех стадий принятия решений, и эволюционное движение замедляется.

Экономическая интерпретация эволюции делает абсолютно прозрачным такое эволюционное свойство, как рост независимости от окружающей среды. Действительно, чем эффективней человек оперирует имеющимися у него ресурсами, тем меньше ему их нужно и тем меньше он зависит от них.

Насколько нам известно, экономическая трактовка при анализе широкого спектра эволюционных процессов не использовалась, за исключением собственно экономических систем. Между тем аспект эффективности явственно прослеживается во всех витках биосоциальной эволюции.

Особого комментария заслуживает вопрос об эволюционном потенциале каждого отдельного витального ресурса. Здесь необходимо отметить следующее. С эволюционной точки зрения *деньги являются замыкающим витальным ресурсом*, ибо

---

¹³ Балацкий Е. В. Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // Общество и экономика. 2007. N5 - 6.
стр. 41

они в жизни человека возникают позже других ресурсов, он способен их заработать только по достижении некоторой биосоциальной и профессиональной зрелости. Однако как только эта стадия освоена, иерархия витальных ресурсов меняется, и деньги становятся низовым ресурсом, после которого идут энергия, знания и время в порядке возрастания значимости и сложности. Для дальнейшего развития личности важна именно такая расстановка ценностей.

Скользящее равновесие как способ эволюции личности

Серьезная методологическая проблема касается соотношения собственно эволюции и равновесия. Дело в том, что равновесие почти всегда трактуется как некое желательное состояние, но развиваться могут только те системы, которые находятся далеко от равновесия. Тогда возникает другой вопрос: всегда ли эволюция - это болезненный и дискомфортный процесс?

На наш взгляд, концепции квантового равновесия и прерывистого равновесия во многом примиряют два глобальных явления: эволюцию и равновесие. К сожалению, ни теория квантового равновесия Дж.Г. Симпсона, ни теория прерывистого равновесия Н. Эдриджа и С. Гулда¹⁴ не подходят напрямую к проблеме развития личности. Можно воспользоваться неким компромиссом, назовем его *концепцией скользящего равновесия*. В соответствии с ней развитие личности можно представить следующим образом. Стремление к поставленным целям - это стремление к равновесию, ибо их достижение приводит к некоей самореализации и временной успокоенности. До тех пор, пока цели не достигнуты, человек находится в состоянии неудовлетворенности (неравновесии) и продвигается вперед по мере роста эффективности своих витальных ресурсов. Как только цели достигнуты, источник развития иссякает, и включается механизм целеполагания, благодаря которому формируется новая система целей и устремлений. По сути дела, человек все время находится в неравновесии и, стремясь к равновесию, вынужден развиваться. Достижение целей запускает новый виток (переустановка целей), а потом цикл повторяется. Можно сказать, что человек лишь ненадолго задерживается в состоянии равновесия, после чего идет к следующему равновесию. Таким образом, *эволюцию личности можно представить как движение (или скольжение) от равновесия к равновесию*.

Каждый их трех инстинктов конкретизируется субъектом в наборе целевых установок. Если основные цели для низшего инстинкта достигаются, то начинают формироваться цели, характерные для более высокого инстинкта. Если же процесс целеполагания по каким-либо причинам блокирован или крайне неэффективен, то эволюция личности прекращается. В этом состоит главная опасность устойчивого равновесия.

---

¹⁴ Юнкер Т., Хоссфельд У. Открытие эволюции: Революционная теория и ее история. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.

стр. 42

Еще один вопрос касается необратимости эволюции личности. Почему не происходит возврата к старой системе ценностей и целей? Здесь огромную роль играет *эффект гистерезиса*. Если, двигаясь к новой системе целей, человек сталкивается с большими трудностями, вернуться к старой системе целей для него довольно сложно. Ситуация в социальных системах меняется очень быстро, а сами события в них принципиально контекстные, поэтому, чтобы поставить перед собой прежние цели, надо приложить усилий порой не меньше, чем для достижения новых.

Эволюция как усечение целей и связей

Как же происходят эволюционные сдвиги в архитектонике личности?

Как уже отмечалось, глубинным проявлением эволюции служит рост эффективности. Чтобы понять действие этого механизма, надо проанализировать деятельность человека с точки зрения его целей и системы связей.

По мере взросления человек вступает в новые отношения и во все более сложные социальные системы. Потребности его постоянно растут, система ценностей расширяется, что порождает рост числа целей и социальных связей. Если отталкиваться от представления Т. Лири и Р. Уилсона о существовании гоминидных и постгоминидных контуров сознания, то можно утверждать, что на стадии гоминидных контуров число целей и связей человека увеличивается. Каково их соотношение?

Удовлетворение целей требует витальных ресурсов. Добывая их, человек строит разнообразные социальные связи, которые и позволяют ему получить искомые ресурсы. Однако *любая связь является двусторонней и многофакторной*. Ее установление и поддержание требует от субъекта витальных ресурсов, но эта же связь может дать ему какие-то другие витальные ресурсы. Например, наличие нескольких друзей требует времени и сил для того, чтобы встречаться с ними, но взамен дает некую информацию и эмоции, полученные в ходе общения. Иными словами, связь предполагает как затраты, так и результаты, поэтому связи надо выстраивать таким образом, чтобы их эффективность была максимально высокой. То есть, речь идет опять-таки о чисто экономической интерпретации процесса. Однако вычислить эффективность в данном случае невозможно, поскольку речь идет об обмене качественно несопоставимыми витальными ресурсами, для которых не существует единой (объективной) шкалы приведения к единому знаменателю. Цена каждого витального ресурса для каждого индивидуума сугубо субъективна, что, тем не менее, не отрицает факта наличия той или иной эффективности связей.

Под последней мы подразумеваем организационную эффективность, которая является промежуточным, а не конечным итогом деятельности человека. Полученные витальные ресурсы используются для достижения поставленных целей, что приво-

стр. 43

дит к формированию определенной величины волевой эффективности. Таким образом, витальные ресурсы, полученные посредством той или иной системы связей, "навешиваются" на субъективные цели и дают итоговую эффективность всей деятельности. Мы видим, что цели требуют ресурсов и, следовательно, в стремлении к

высокой волевой эффективности надо минимизировать их число. Благодаря локализации витальных ресурсов на ограниченном векторе целей можно достичь лучшего результата. Для полноты картины в целевой функции нашей модели должен стоять еще коэффициент, учитывающий степень соответствия целей потребностям человека; со временем и те и другие могут меняться. Данный коэффициент учитывает эффективность целеполагания и позволяет получить окончательный результат. Эффективность целеполагания также зависит от наделенности человека витальными ресурсами; более подробно этот эффект обсуждать не имеет смысла.

Итак, выстраивается следующая цепочка: по мере "вращения" индивидуума в социальную среду его цели множатся, это требует витальных ресурсов, которые требуют новых связей, а те, в свою очередь, также требуют витальных ресурсов. На вершине гоминидного ментального пространства человек оказывается в состоянии своеобразного экономического кризиса: он многого хочет, но у него не хватает витальных ресурсов, чтобы этого достичь. Результат - низкая удовлетворенность жизнью. Как правило, с этого момента начинается новый виток существования - собственно эволюция. Каков ее механизм?

В общих чертах он состоит в переосмыслении потребностей, ценностей и целей, отбрасывании ненужных и бессмысленных. Фактически эволюция понимается как "чистка" пространства целей субъекта. Одновременно пересматриваются все связи и среди них выделяются *функциональные* (важные для достижения поставленных целей) и *второстепенные* (не имеющие большого значения). Чтобы повысить свою эффективность, субъект должен отбросить все второстепенные связи и работать только с функциональными, стараясь перестроить их таким образом, чтобы они стали максимально эффективными. Такой алгоритм приводит к тому, что окружающий мир поглощает все меньше витальных ресурсов человека, а дает их ему все больше. Целей и связей становится все меньше, но сами они приобретают все большую *стратегичность* и *глобальность*. Именно *стратегичность целей и глобальность связей указывает на построение новой, более развитой личности*. При этом малое число целей и связей автоматически означает меньшую зависимость человека от внешней среды: меньше возмущающих воздействий извне и меньше утечка витальных ресурсов вовне. В этом и заключается смысл эволюции.

Начавшийся активный процесс усечения целей и связей с одновременным ростом их эффективности (стратегичности и глобальности) свидетельствует о переходе индивидуума к постгоми-

стр. 44

нидной стадии развития. Продвижение по этому пути, как правило, приводит к появлению новых ментальных возможностей.

Несмотря на необычность такой экономической интерпретации эволюции личности, она вполне соответствует бытовым наблюдениям и интуитивному пониманию процесса. Например, вполне очевидно, что пять-шесть целей достичь гораздо легче, чем 50 - 60. Понятно и то, что гораздо выгоднее обсуждать с двумя-тремя умными друзьями ключевые вопросы бытия, нежели беседовать о погоде с двумя-тремя десятками малознакомых людей.

Важно подчеркнуть, что на гоминидной стадии развития человека число целей и связей растет. Это снабжает его *информинами*¹⁵ и приводит к тотальному дефициту витальных ресурсов, создавая стимул к дальнейшей эволюции. На постгоминидной стадии идет обратный процесс преодоления проблем, накопленных на предыдущем этапе. Если на гоминидной стадии реализуются первые два инстинкта (сохранение и воспроизводство), то на постгоминидной - третий инстинкт (свобода).

Практически все духовные и религиозные традиции предполагают именно такой путь. В предельной форме он находит выражение в действиях пророков. Например, когда

Соломон уходил в горы, Будда - в рощу, а Христос - в пустыню, они "обрубали" все социальные связи, "подавляли" все бытовые желания и цели и освобождались от внешних обстоятельств. По тому же сценарию протекает жизнь монахов в отрезанных от мира монастырях. В данном случае речь идет о религиозных технологиях достижения личной свободы или, конкретнее, о свободе от деструктивных целей и связей.

Социальные системы, культура и свобода

В реальной жизни человек всегда погружен в многочисленные и разнообразные социальные системы, которые задают свои правила игры и диктуют свои нормы поведения. Но как же тогда обеспечить себе свободу? И не является ли она иллюзией?

Попытаемся ответить на эти вопросы. С самого рождения человек оказывается в определенной системе отношений - семье. Уже на этом этапе в ребенка закладывают установки, которыми он будет руководствоваться в дальнейшей жизни. Те или иные стереотипы мышления и поведения "закачиваются" в него и в школе, и в вузе, и на работе. По определению Л. Харрисона, "культура - это совокупность ценностей, представлений и установок, разделяемых членами общества"¹⁶. Однако любой человек принадлежит той или иной культуре и становится носителем ее ментальных и поведенческих шаблонов. Более того, на ранних этапах развития они "впечатываются" в человека даже вопреки его желанию. Подобные эффекты приобретают форму вспомогательных импринтов и надолго сохраняются в органике субъекта, участвуя в дальнейшем целеоб-

---

¹⁵ Балацкий Е. В. Витальные ресурсы.

¹⁶ Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство. 2008. С. 20.

стр. 45

разовании¹⁷. В этом смысле человек изначально несвободен или, по крайней мере, весьма ограничен в своей свободе. Впоследствии в процессе переосмысления реальности негативные импринты изживаются и открывают путь к освобождению от навязанных ментальных штампов. Здесь мы наблюдаем эволюцию как специфический процесс от тотальной несвободы ребенка к свободе в буддийском понимании.

Импринтинг позволяет лучше понять роль случайности и закономерности в эволюции личности. Так, все исходные импринты, включая множество разнообразных вспомогательных, во многом случайны и придают неопределенность первоначальному эволюционному импульсу. Попадание в ту или иную систему тоже во многом случайно, но начиная с некоторого момента индивидуум осознает потребность в реализации третьего инстинкта и всю свою жизнь перестраивает в соответствии с этой потребностью. Именно тогда начинаются вполне детерминированные действия по обеспечению эволюции собственной личности. При этом трудно заранее сказать, какие именно импринты будут способствовать дальнейшей эволюционной траектории; то или иное их проявление зависит от конкретных ситуаций. Здесь мы сталкиваемся с интересным проявлением правила избыточного разнообразия, сформулированного А. П. Назаретяном¹⁸.

Процесс эволюции может быть представлен как переход от одной социальной системы к другой. Входит человек в систему с уже имеющимися установками и целями, которые взаимодействуют с установками и целями системы. Если индивидуальные и системные цели совпадают, то человек интегрируется в систему и ему в ней комфортно. При рассогласовании целей интеграции не происходит, и возникает конфликт между личностью и системой с последующим выходом из нее. Возможен и третий вариант, когда цели системы и индивида адаптируются друг к другу - либо система "прогибает" под себя человека, и он деградирует, либо человек реформирует систему. *Эволюционная линия просматривается только тогда, когда личность перерастает систему (организацию)*. Даже если система развивалась, и человек был вовлечен в орбиту этого

процесса, рано или поздно исходный импульс все равно иссякнет, и человек вступит с системой в конфликт, ибо ему нужно идти дальше, а система уже закончила свое движение вверх. В такие моменты он должен либо начать поиски другой, более совершенной социальной системы, либо вступать в борьбу с прежней системой в надежде перестроить ее в соответствии со своими представлениями.

Что значит "перерасти систему"?

В наших категориях это означает, что цели личности являются более стратегичными и масштабными, чем цели системы. Соответственно человеку необходимы более глобальные и эффективные связи, чем те, которые ему может обеспечить система. С возникновением такой ситуации и рождается конфликт,

---

¹⁷ Балацкий Е. В. Вспомогательные импринты и поведение человека // Вестник РАН. 2007. №10.

¹⁸ Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 23. стр. 46

который заканчивается либо прогрессивной реорганизацией системы под натиском субъекта, либо поиском новой системы. В противном случае развитие личности резко затормаживается и может закончиться деградацией. Таким образом, *личность эволюционирует посредством преодоления конфликта между субъектом и системой*. При этом данный процесс возможен только при направленном перемещении по социальным системам - в сторону усечения целей и связей. Иными словами, каждая последующая система должна быть более прогрессивной, чем предыдущая. Если этого не происходит, начинается *диссипация витальных ресурсов*.

Восхождение человека по системам, в конечном счете, приводит к построению им такого социального микромира, для которого характерна локализация витальных ресурсов на небольшом числе целей, поддерживаемых ограниченным числом глобальных связей. Отсюда вытекает важный вывод: в процессе эволюции личности *локализуется множество целей и связей при глобализации каждого элемента из этого множества*. То есть, чем меньше целей, тем больше витальных ресурсов идет на их достижение. Со связями дело обстоит аналогичным образом: чем их меньше, тем больше витальных ресурсов по ним циркулирует.

Эволюция личности в терминах теории систем позволяет дать еще одну интерпретацию конечной точки процесса, которую по устоявшейся традиции можно назвать сингулярностью. Фактически *конечная цель эволюции - это свобода от всех систем*. "Сингулярная личность" представляет собой систему, которая на ментальном уровне вмещает в себя весь мир, интериоризирует его. Соответственно такой субъект уже не нуждается ни в каких системах и является абсолютно самодостаточным.

Проблема гармонии витальных ресурсов

Четыре витальных ресурса человека довольно жестко иерархизированы по степени важности и ценности. Предположим, что человек в качестве цели выбрал материальное обогащение и больше его ничего не интересует, более того, он преуспел на этом поприще. Но, во-первых, поставленная цель затрагивает только самого человека и не учитывает весь остальной мир, а потому не является по-настоящему масштабной. Во-вторых, система связей, соответствующая этой цели, будет почти наверняка выстроена таким образом, что высшие витальные ресурсы - знания и время - будут игнорироваться, и человек останется без знаний и свободного времени. А такая ментально ограниченная личность не может обладать высокой организационной эффективностью из-за слишком сильной вовлеченности денежного ресурса и отсутствия витальных ресурсов высокого уровня.

Цель человека, озабоченного богатством, соответствует первому инстинкту, тогда как эволюция предполагает пере-

---

смотр целей в пользу тех, которые соответствуют более высоким инстинктам. Поэтому тот, кто достиг материального благополучия, может рассматриваться как эволюционный субъект в рамках именно первого инстинкта - не более.

Еще одна закономерность эволюции состоит в постепенном уменьшении значения витальных ресурсов более низкого уровня при росте значимости высокоуровневых ресурсов. Например, жажда богатства на определенном этапе противоречит жажде власти, удовлетворить которую можно при большей умеренности в отношении денег. Соответственно и личная сила человека иногда не позволяет перейти к систематическому познанию. Этим ресурсам посвящены интересные работы, в которых энергия и информация рассматриваются в качестве антиподов¹⁹: усиление одного происходит при ослаблении другого. Таким образом, акцентированное внимание на витальном ресурсе низкого уровня блокирует получение витального ресурса более высокого уровня, а это препятствует самоактуализации личности и достижению свободы. Без гармоничного выстраивания всей пирамиды витальных ресурсов успешно пройти эволюцию практически невозможно.

Эволюция личности, время и ускорение

Говоря об эволюции, нельзя пройти мимо проблемы ее ускорения. В рамках нашей теории трактовка временных эффектов выглядит следующим образом. Ход эволюции личности проявляется в том, что она все эффективнее использует свои витальные ресурсы. На высшем уровне эффективность распространяется на ресурс личного времени, отпущенного каждому человеку. Это означает, что любые действия, включая осмысление каких-либо явлений, происходят гораздо быстрее. Речь идет фактически о повышении скорости ментальных процессов, протекающих в голове человека. Это подводит к активно используемому понятию темпорального интеллекта, которое базируется на дифференциации объективного и субъективного времени с соответствующими им понятиями Хроноса и Кайроса²⁰.

Сильные различия между людьми в темпоральном интеллекте приводят либо к сложностям, либо к невозможности их взаимодействия и общения. Тем самым эффективность времени ставит эволюционный барьер между людьми и разделяет их на разные эволюционные группы.

В принципе скорость ментальных процессов может оказаться какой угодно высокой. По всей видимости, данное явление наблюдается при просветлении человека, когда он воспринимает и осознает всю мировую информацию. Как и любую сингулярность это состояние невозможно описать в рациональных терминах²¹. В обыденной жизни темпоральный интеллект вполне хорошо идентифицируется. Например, как показали эксперименты психологов по распознаванию эмоций на видеозаписи

---

¹⁹ Новая теория информации (www.eme.ru/main2.htm).

²⁰ Клеменс Дж., Далримпл С. Власть над временем. М.: Издательство "Добрая книга", 2007.

²¹ Рамачарака. Религии и тайные учения Востока. М.: Издательство Эксмо, 2005. С. 39.

с быстро мелькающими портретами лиц, у тибетских монахов, практикующих уединенную медитацию, результаты гораздо лучше, чем у полицейских, адвокатов, психиатров, таможенников, судей и даже агентов секретной службы²². Духовная практика в качестве одного из следствий приводит к увеличению скорости ментальных процессов. Иными словами, эволюция личности и в этом отношении уходит как бы вглубь, а не вовне, хотя и внешние проявления также могут быть заметны.

Ускорение мыслительных процессов связано с *концентрацией витальных ресурсов*. Например, когда человек перерабатывает большие объемы информации, его личное время становится более насыщенным и эффективным. Если он концентрирует свои витальные ресурсы на ограниченном числе целей, то его внутренние переживания становятся также более плотными и насыщенными, динамичность восприятия возрастает, что эквивалентно субъективному ускорению индивидуальной эволюции. Техника сосредоточения при медитации направлена именно на инициирование этого эффекта.

В принципе можно говорить о некоторой аналогии в ускорении социально-биологической эволюции и ментальной эволюции личности. Особенно ярко эта аналогия прослеживается в точках сингулярности. Что же касается сингулярности в эволюции личности, отождествляемой нами с просветлением, то ее сложно выразить словами. По всей видимости, речь здесь может идти о постулате буддийской философии: нельзя в конечных терминах выразить бесконечное понятие²³. Масштаб понятий может быть положен в разделение ментальности человека: *подсознание имеет дело с размытыми понятиями, бытовое сознание - с относительно четкими и конечными, сверхсознание - с бесконечными*. Именно поэтому сингулярную личность, вместившую в себя всю Вселенную, трудно охарактеризовать в рациональных терминах.

* * *

Рассмотренная экономическая концепция эволюции личности не идеальна; в ней много неформализуемых либо плохо формализуемых моментов. Наверное, можно найти контрпримеры, которые плохо вписываются в данную схему. Кроме того, есть множество нюансов на разных стадиях эволюции, которые не учитываются такой агрегированной схемой. Тем не менее она обладает неким интегративным свойством, которое позволяет рассматривать ее как некое *связующее звено между "длинными" эволюционными траекториями, характерными для планетарной системы и мирового социума, и короткой эволюционной траекторией, характерной для одной человеческой жизни*. Представляется, что без понимания *механизма вложенности эволюционных механизмов* многие глобальные проблемы развития понять невозможно. Автор надеется, что предложенная им теория станет предметом обсуждения и это позволит уточнить и расширить выдвинутые положения.

---

²² Гоулман Д. Деструктивные эмоции. ООО "Попурри", 2005.

²³ Говинда А. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб.: Издательство "Андреев и сыновья", 1993.

стр. 49

Адамьянц Т. З. Коммуникативные навыки личности¹³

Одно из условий существования и трансформаций человеческой цивилизации - информационная среда. Особенно сильно и непосредственно ее воздействие стало ощущаться в последние десятилетия. Люди давно выработали критерии и методы оценки влияния среды *природной*, а в последние десятилетия и *техногенной*. Ситуация же с прямым воздействием *информационной* среды менее очевидна и потому не вызывает острого социального беспокойства. Но это - та же экология со своими сложными законами и очевидной способностью влиять на все стороны нашей жизни.

Но можно ли хоть сколько-нибудь объективно измерить влияние информационной среды и ее конкретных компонентов на социально значимые процессы в обществе - например, на рост неоправданных страхов и тревожности, агрессивности, изменение традиционного национального менталитета? Новые *технологии социальной диагностики*

---

¹³ Адамьянц Т. З. Коммуникативные навыки личности // Человек. 2006. №5. С. 65-67.

коммуникативного пространства предоставляют такие возможности. Соответствующие методики позволяют получить представление о социально значимых результатах взаимовлияний между человеком и информационной средой с учетом настоящих и будущих социальных последствий. Иными словами, - о том, *что* именно происходит или может произойти в результате "встречи" конкретных групп аудитории с тем или иным фильмом или мультфильмом, телепрограммой или компьютерной игрой, книгой или эстрадной песней, и т.д. При этом делается это на уровне научно обоснованных количественных параметров и формализованных показателей.

Конечно, делать выводы о влиянии на аудиторию того или иного произведения, исходя исключительно из "набора" его содержательных элементов, - это вчерашний и даже позавчерашний день. Сцены насилия, например, есть и в советских фильмах о войне, и в современных информационных телепрограммах, и в мультфильмах, которые смотрят дети. Различны коммуникативные намерения авторов, или та *равнодействующая мотивов и целей* (употребляется также термин "интенциональность"). Разумеется, "намерения" нас здесь интересуют не с точки зрения психологии автора сообщения и, разумеется, не как элемент "состава преступления", доказательство наличия "преступного умысла" при осуществлении того или иного вредного, по нашим оценкам, коммуникационного акта. Просто намерения эти практически всегда с большим или меньшим успехом - в за-

---

Адамьянц Тамара Завеновна - доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. В журнале публикуется впервые.
стр. 65

висимости от искусства коммуникатора - реализуются на другом конце канала, у потребителя. И тем самым становятся *объективным* элементом информационной среды. Более существенным, чем даже "объективное содержание" сообщения.

Выявлять коммуникативные намерения авторов сообщения и их "реализацию" в конкретной аудитории позволяют разработанные в Институте социологии РАН комплексные междисциплинарные технологии. Они были разработаны создателем семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации Тамарой Моисеевной Дридзе (1930 - 2000)¹. Технологии эти позволяют с достаточно высокой точностью "высветить" ту самую равнодействующую мотивов и целей (интенциональность) любого сообщения, будь то книга, телепрограмма, мультфильм или устное выступление, причем даже в тех случаях, когда автор старается свои истинные цели и мотивы, скрыть, завуалировать (типичная ситуация при попытках манипулирования) или когда он, напротив, сам не отдает себе отчет в своих намерениях (все художественное творчество, как известно, интуитивно). Иными словами, новые технологии позволяют достаточно точно определить, какой процент аудитории и как именно воспринимает то или иное произведение и, соответственно, каким будет его социальное последствие. Например, заранее представить себе, какая часть школьников *поймет*, что в мультфильме сплошные "приколы", а какая - *не поймет* и начнет подражать главным героям, отличающимся и впрямь довольно странным поведением. Реальностью стала и принципиально новая дифференциация (различение) аудитории - по коммуникативным навыкам (в научной литературе употребляются также термины "группы сознания", "социоментальные группы"). Путем специальных исследовательских процедур можно просчитать реальные пропорции в социуме людей, различающихся своими коммуникативными навыками при "встрече" с теми или иными произведениями, жанрами, способами общения и т.д.

В нашу задачу здесь не входит развернутое описание самих технологий: это потребовало бы слишком много места, да их основы уже были изложены достаточно подробно. Упомянулось о них и на страницах "Человека"². Здесь же хотелось бы рассказать о результатах некоторых конкретных исследований с применением этих

технологий. Они помогают лучше представить себе информационную среду, в которой живут современные россияне, прежде всего дети.

Так, среди школьников Москвы (исследование проводилось в 2003 - 2004 годов, опрошено более 600 школьников всех возрастов), пересказывавших по просьбе интервьюера свои любимые сказки, а также недавно прочитанные книги - причем те книги, которые им *понравились*, - уровень понимания, который можно назвать *адекватным*, обнаружили всего 18,2 %. Среди "взрослой" аудитории общественно-политических и информационных материалов СМИ *адекватное понимание* мотивов и целей коммуникатора вот уже на протяжении нескольких десятилетий стабильно обнаруживают от 13 до 18% испытуемых, в зависимости от формы организации и подачи конкретного материала...

Следует добавить, что уровень развития *коммуникативных навыков*, как оказалось, не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от рода деятельности, ни от места жительства, ни даже (казалось бы, странно!) от уровня образования.

---

¹ См., например: Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. Кн. 1. М., 2000. С. 5 - 42.

² Дридзе Т. М. Эко-антропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. №2. С. 95 - 97. Впоследствии журнал также обращался к этой теме. См.: Гримак Л. А., Кордобовский О. С. Навязчивая притягательность СМИ // Человек. 2002. № 4; Авдеева Н. Н., Фоминых Н. А. Влияние телевизионной рекламы на детей и подростков // Человек. 2003. №1.

стр. 66

При этом с уровнем развития его коммуникативных навыков соотносятся практически все характеристики, определяющие *представления человека об окружающем мире и о своем месте в нем* (так называемые "*картины мира*" или "*образы мира*"). Так, люди с развитыми коммуникативными навыками оказались более дружелюбны, более толерантны по отношению к представителям другой национальности, другого вероисповедания и т.д. Именно эта немногочисленная группа легко распознает любые манипулятивные приемы и способна критически отнестись как "*прикольности*", так и к необычным, зачастую противоречащим нормам общепринятой морали, авторским фантазиям и вымыслам. Остальная же часть аудитории в большей или меньшей степени поддается манипулятивным технологиям, и, как правило, готова слепо подражать главным героям бестселлеров, мультфильмов и кинофильмов, компьютерных игр, популярным эстрадным певцам, телезвездам, публичным личностям и т.д. Для них суггестивное воздействие образов оказывается сильнее общепринятых норм морали и влияния школы, семьи, религии, не говоря уже о классическом искусстве.

У пяти процентов школьников "*картины мира*" оказались абсолютно негативными: эти дети недружелюбны по отношению к сверстникам *другой национальности* или *другого вероисповедания*; окружающий мир кажется им *плохим, злым, неласковым, недружелюбным*; в предложенных игровых ситуациях они из раза в раз выбирают *роль агрессивных персонажей*, например, тигра Шерхана из сказки про Маугли, киллера из компьютерной игры и т.д.; в реальной жизни они, по собственному признанию, *часто дерутся*, причем это занятие им *нравится*; главным движущим мотивом в драках оказывается сам факт противостояния, неважно с какой целью и на чьей стороне. В своей взрослой жизни они могут стать потенциальными инициаторами асоциальных явлений. В настоящее же время это обычные дети из обычных семей большого и в целом благополучного города.

Еще у 13,6% школьников "картины мира" также вызывают тревогу. Более чем у 30% школьников отмечаются смешанные реакции по перечисленным выше параметрам³.

Эти результаты свидетельствуют об актуальности задачи объективной оценки всех компонентов информационной среды. Нужны такие данные и общественным и экспертным советам, которые сейчас создаются при различных властных, общественных и профессиональных структурах. В настоящее время, как показывают наши исследования, даже среди специально отобранных экспертов мнения и рекомендации по одному и тому же вопросу часто расходятся до полной противоположности.

В утешение нужно сказать, что *коммуникативные навыки*, то есть умение человека понимать *другого*, как оказалось, поддаются совершенствованию. Уникальные обучающие методики, развивающие *коммуникативные навыки* личности, разработаны и успешно апробированы в рамках нашей отечественной науки. Позитивные сдвиги после занятий по развитию таких навыков зафиксированы не только у студентов вузов, но даже у школьников младших классов. И если мы сможем перевести научные эксперименты на широкие рельсы повседневного обучения в школах и вузах, удастся смягчить еще одну реальную угрозу человеку.

---

³ См. Дети и проблемы толерантности / Отв. ред. Т. З. Адамьянц, 2003; Адамьянц Т. З. Диалог как основа толерантности. М., 2005. стр. 67

Лукашенко Д. В. Механизм адаптации личности социальной средой¹⁴

Д.В. Лукашенко, к. психол. н., старший преподаватель

Военная академия РВСН, E-mail: dim-mail-ru@mail.ru

Задача развития личности на фоне довольно сложных социально-экономических преобразований в первую очередь предполагает создание условий для успешной адаптации молодых людей, закончивших вузы, в совершенно новую для них среду профессиональной деятельности. Можно отметить, что эта среда предъявляет достаточно жесткие требования к личности молодого человека. Причем не только самой спецификой деятельности, но и непростой ситуацией, складывающейся в обществе в силу экономической и социальной нестабильности.

Адаптация к социальной среде - достаточно сложное явление. Для понимания этого процесса необходимо помнить, что личность - целостная "система". Процесс адаптации наступает только тогда, когда происходит отклонение от значений, которые личность имела в состоянии адаптированности, и возвращаются к этому состоянию не прямо, а лишь впоследствии, когда адаптируется в этих новых условиях.

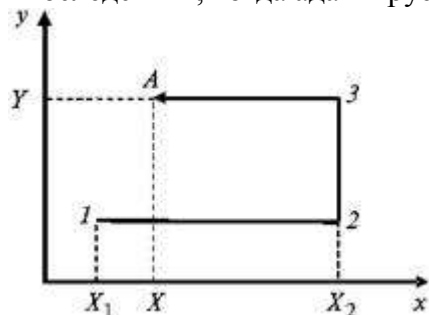

Рис. 1. Упрощенный процесс адаптации личности
Момент адаптированности

---

¹⁴ Лукашенко Д. В. Механизм адаптации личности социальной средой // Alma mater. 2011. № 9. С. 47-51.

Как представляется, опираясь на исследования У. Р. Эшби [1], можно предположить, что адаптированность A личность приобретает, когда переменные x и y имеют значения X и Y (рис. 1).

Для большей наглядности процесс адаптации личности сведен всего лишь в одну линию взаимодействия с социальной средой. Личность попадает в новые условия и перемещается в точку I , с которой мы и будем рассматривать процесс адаптации.

Запускается механизм адаптации, который задействует адаптивный потенциал. В точке I личность формирует гештальт той среды, в которой находится в данный момент. На основе индивидуального опыта задействуется адаптивная стратегия, пока репрезентативная точка движется по направлению к 2 , переменная y почти не изменяется. Но переменная x , имевшая вначале величину X_1 , движется к величине X и проходит через нее к X_2 . Когда x сохраняет почти постоянную величину, происходит формирование новой адаптивной модели, которая необходима личности именно в этих изменившихся условиях. Эта адаптивная модель формируется на основе уже имеющихся моделей с учетом индивидуальных свойств личности, пока репрезентативная точка не достигнет 3 . Данная адаптивная модель используется индивидом в процессе взаимодействия с социальной средой, адаптивная же стратегия - только для ее создания. Поэтому y перестает изменяться, а x изменяется по направлению к своей равновесной величине X и достигает ее. Значит, личность достигла адаптированности в новых условиях, и никаких дальнейших изменений не происходит.

Конечно, это обобщенный и идеальный процесс адаптации. Мы рассмотрели его с точки зрения адаптивного потенциала как одного из элементов системы, которую представляет личность. Но все-таки личность, т.к. она является системой, стремится возвратиться в состояние адаптированности и будет находиться в нем до тех пор, пока каж-

стр. 47

дый элемент "системы" находится в этом состоянии при условиях, заданных ей другими элементами. Следовательно, изменение внешних воздействий ведет к какому-либо изменению адаптированности личности, т.е. приводит к процессу адаптации.

Внешняя среда у нас также является системным образованием, будь то коллектив, социум, окружающая среда. Мы останавливаемся только на социальном взаимодействии. Внешняя среда воздействует на личность через адаптивный потенциал (он тоже система), поэтому и процесс адаптации личности необходимо рассматривать как взаимодействие двух систем. В процессе взаимодействия обе системы оказывают воздействие друг на друга.

При попадании в новую среду формируется гештальт этой среды. Это происходит на основе того, что личность изучает всю информацию, которая состоит в определении, осознании структурных требований элементов социальной среды и в действиях, которые соответствуют этим требованиям. Информация поступает личности в процессе взаимодействия с социальной средой, причем личность одновременно "работает" над каждым параметром взаимодействия по отдельности и лишь потом, собирая все воедино, сопоставляет воспринимаемые и проанализированные параметры. На их основе формирует гештальт взаимодействия.

Адаптивные стратегии

В процессе взаимодействия с новой средой личность способна на разнообразные адаптивные стратегии, одни из которых "ошибочны", другие - "правильные". За счет чего происходит дополнение гештальта этого взаимодействия, показано на рис. 2.

Мы исходим из того, что личность, основываясь на результатах взаимодействия, формирует гештальт-параметры, воздействующие на адаптивный потенциал, который, в свою очередь, на основе "правильной" адаптивной стратегии и уже имеющихся

адаптивных моделей, формирует новую модель, удовлетворяющую требованиям именно данной среды.

Необходимо отметить: случается так, что параметры, оказывающие наиболее сильное влияние, воспринимаются личностью как безобидные, а незначительные параметры, напротив, как очень важные. В результате каждая личность, находясь в одних и тех же условиях, формирует именно свои, характерные только для нее адаптивные модели в зависимости от индивидуальных особенностей. Поскольку первичное действие этих параметров состоит в изменении взаимодействия личности (и только вторичные эффекты затрагивают среду), очевидно, они непосредственно воздействуют на индивида (но не на саму среду). Таким образом, число возможных значений этих параметров должно быть, по меньшей мере, равно числу различных форм взаимодействия, которые возможны для личности в данных условиях.

В то же время необходимо учитывать состояние личности в процессе адаптации, выраженное через интегративный критерий, реализующий себя через частные критерии (эмоциональный, волевой и поведенческий) и представляющий из себя существенные переменные. На существенные переменные в процессе адаптации к новым условиям влияет среда, адаптивный потенциал личности или то и другое вместе.

Мы исходим из того, что личность с самого начала имеет сформированные в онтогенезе адаптивные модели и использует в процессе адаптации к новой среде различные адаптивные стратегии. Поэтому сформированная адаптивная модель непосредственно зависит от стратегий, а также от того, как последние влияли на существенные переменные. В свою очередь, существенные переменные влияют на то, какая адаптивная модель будет сформирована у личности в этих условиях.

Из этого следует, что личность в процессе адаптации имеет выход в среду и две цепи обратной связи.

Цепи обратной связи

Первая цепь дает личности информацию об окружающей среде через параметры. Вторая цепь, проходя через существенные переменные, дает информацию о том, выходят ли существенные переменные из нормальных пределов и какое оказывают воздействие на параметры. Первая обратная связь играет роль внутри адаптивной стратегии, как она будет применяться; вторая определяет на основе индивидуального опыта, какая именно адаптивная стратегия должна быть применена в данных условиях.

Когда существенные переменные находятся вне своих нормальных пределов (т. е. адаптивная модель для данных условий не сформирована), личность не может быть адаптирована, т.к. параметры должны перейти к какому-то другому состоянию. В свою очередь, когда все существенные переменные находятся внутри своих нормальных пределов, любое состояние параметров должно приводить личность к адаптированности (т.е. параметры должны находиться в безразличном равновесии).

стр. 48

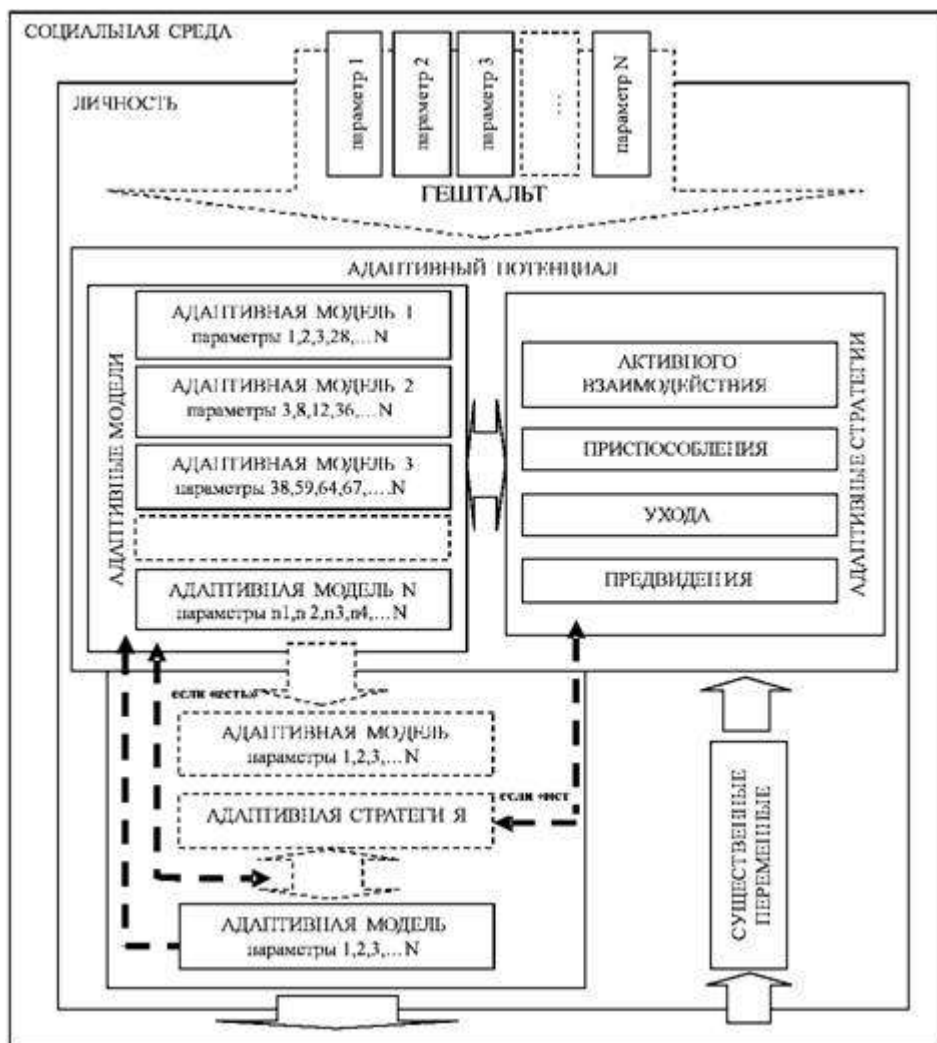

Рис. 2. Структура взаимодействия адаптивного потенциала с социальной средой

Необходимо отметить особенность адаптивного потенциала, связанную со ступенчатой функцией, которая заключается в том, что адаптивная модель постоянна, когда личность адаптирована к одним условиям, а с изменением социальной среды меняется и адаптивная модель, которая будет характерна именно для данных условий и приведет ее в состояние адаптированности (рис. 3).

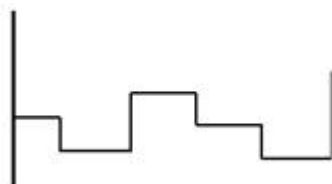

Рис. 3. Зависимость адаптивных моделей от ступенчатой функции
стр. 49

Это же справедливо и когда личность перемещается от известной среды к неизвестной. Если личность попадает в новые условия, адаптивный потенциал задействует адаптивные стратегии, т.к. выводится из состояния адаптированности. Формируется гештальт, и адаптивная стратегия формирует адаптивную модель.

Но в процессе взаимодействия с новой средой личность применяет адаптивные стратегии, одни из которых "ошибочны", а другие "правильные". Этот процесс на основе "правильной" адаптивной стратегии формирует адаптивную модель для данных условий и, будучи обусловлен ступенчатым механизмом адаптивного потенциала, приводит личность в состояние адаптированности с новыми параметрами.

Механизм адапционного потенциала

Основываясь на исследованиях У. Р. Эшби [1], график адаптивных стратегий и адаптивных моделей в процессе адаптации личности к новым условиям в обобщенном виде может быть представлен в поле производных x и y от времени (рис. 4).

При объединении этих двух полей получаем то, что они образуют совокупную систему, которая может быть представлена, как на рис. 5.

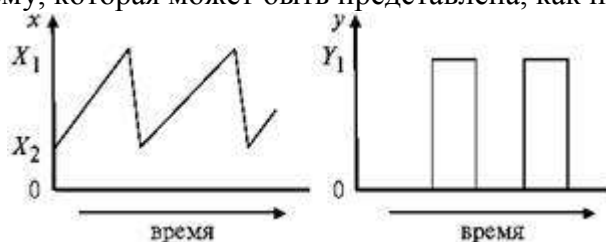

Рис. 4. График адаптивной стратегии и модели в процессе адаптации

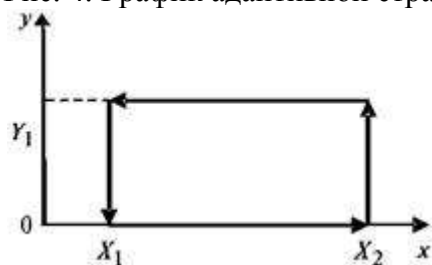

Рис. 5. Поле совмещения

Здесь наглядно виден механизм адаптивного потенциала в процессе формирования адаптивных моделей по средствам адаптивных стратегий. Переменная y ведет себя приблизительно как ступенчатая функция. Когда она равна 0, критическое состояние будет $x = X_2, y = 0$, т.к. наступление этого состояния ведет к скачку от 0 к Y . Когда она равна Y , критическое состояние будет $x = X_1, y = Y$, т.к. это состояние ведет к скачку от Y к 0.

На основе взаимодействия между адаптивным потенциалом и социальной средой будут применяться те или иные адаптивные стратегии, на основе которых сформируются адаптивные модели, соответствующие этим условиям. Степень взаимного перекрытия двух адаптивных моделей для каждого условия тоже будет зависеть от того, насколько близки значения параметра данных сред и используемые адаптивные стратегии, применяемые для их формирования. В частности, если одна и та же адаптивная стратегия применяется для формирования несколько адаптивных моделей, близких данным параметрам, и происходит *непосредственный* переход от одной модели к другой, это позволит быстрее прийти к адаптированности в данных условиях, способствуя извлечению пользы из повторяющихся ситуаций.

Напротив, когда значения параметров в двух взаимодействиях сближаются, степень перекрытия двух адаптивных моделей возрастает. Сильное перекрытие моделей означает, что вторая модель может разрушить первую, т.е. приводит к тому, что новая адаптивная модель *замещает* уже имеющуюся. Нарушение прежних приобретенных реакций в результате новых процессов научения хорошо известно в психологии.

В том случае, когда параметры среды сильно различаются между собой или применяются адаптивные модели, сформированные противоположными адаптивными стратегиями (например, происходит переход с адаптивной модели агрессивной стратегии на модель стратегии приспособления), процесс активации имеющейся адаптивной модели для этих условий может иметь достаточно длительный период. Кроме того, при взаимодействии имеющейся модели с социальной средой может быть остаточное воздействие предшествующей модели.

В то же время отсутствие необходимой адаптивной модели для данных конкретных параметров взаимодействия (невозможность применить адаптивную стратегию или

неправильно сформированный гештальт) может привести личность в состояние аффекта (из-за невозможности взаимодействия в данной среде, направленного на достижение состояния адаптивности). Сама личность воспринимает эти параметры как мощные фрустраторы, и невозможность сформировать адаптивную модель для данных условий приводит ее в аффективное состояние, что в свою очередь может повлечь "зацепление" с одним из параметров взаимодей-

стр. 50

ствия (особенно если они личностно значимы) и привести к формированию аффективного комплекса. Этот параметр в последующем будет подсознательно учитываться личностью как аффективный. Это при формировании гештальта нового взаимодействия приведет к тому, что личность, формируя новую адаптивную модель взаимодействия с социальной средой, будет бессознательно формировать внутреннюю адаптивную модель, на основе которой уже будет формироваться внешняя, что в свою очередь приведет к аккумуляции аффекта.

Цели адаптации

Личность может сохранить как образы конкретных адаптивных моделей для тех или иных параметров взаимодействий, так и образы моделей различной степени обобщенности для различных условий взаимодействия с социальной средой. Основываясь на этом, можно выделить *уровни обобщенности адаптивных моделей*, которые сохраняются у личности, для того или иного взаимодействия с социальной средой.

Обобщенный - типичные адаптивные модели, применяемые личностью в процессе взаимодействия с социальной средой. Этот уровень отражает *характер* самой личности, про которую можно сказать: "Он(а) (или я) всегда поступает(ю) так-то".

Частично обобщенный - адаптивные модели, характерные для определенных "групп" взаимодействия личности с социальной средой. Данный уровень тоже частично отражает характер личности, но применительно к группам определенных ситуаций. На этом уровне о личности можно сказать: "В таких-то ситуациях он(а) (или я) поступает(ю) так-то".

Единично обобщенный - конкретные адаптивные модели, которые связаны с конкретными параметрами взаимодействия в (социальной) среде.

В процессе применения той или иной адаптивной стратегии личность преследует свои определенные цели, т.е. достижение адаптированности, суть которой - в потребностях самой личности. Подобные модели предполагают вероятностный прогноз того, что может случиться в тех или иных ситуациях.

В то же время существуют такие переменные, выход за пределы которых не несет в себе непосредственной опасности или, наоборот, связан с приближением какой-нибудь действительно серьезной угрозы для личности или даже гибели. Человек интуитивно избегает подобных ситуаций как потенциально опасных. Поэтому может произойти варьирование цели адаптации. Изменение цели важно и в тех случаях, когда второстепенная цель, необходима для достижения главной цели, т.е. адаптированности личности в новых условиях.

Заключение

Мы рассмотрели взаимодействие адаптивного потенциала и социальной среды через взаимодействие адаптивных стратегий и моделей. Из этого можно заключить, что ступенчатый механизм адаптивного потенциала должен делиться на отдельные адаптивные модели, которые характерны именно для конкретных условий среды. Но при этом между ними должна существовать связь, на основе которой в дальнейшем строятся новые адаптивные модели, характерные для других условий.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что адаптивный потенциал - это психологическое свойство индивида, формирующееся у него в онтогенезе под воздействием внешней (социальной) среды и индивидуально-психологических свойств, которое проявляется в процессе адаптации к различным параметрам среды для

достижения состояния адаптированности. Исходя из изложенных позиций, полагаем, что адаптивная модель - это индивидуальное сочетание особенностей личности (гештальтов), приобретенных в процессе взаимодействия с внешней средой и проявляющихся в условно-рефлекторном состоянии, обусловленном постоянством повторения при воздействии точно таких же параметров среды.

Таким образом, для обеспечения необходимой гибкости взаимодействия с социальной средой после окончания вуза формируемые адаптивные модели и стратегии, составляющие содержание адаптивного потенциала молодого человека, должны соответствовать требованиям тех ситуаций, в которые он включается в процессе профессиональной деятельности (или может быть включен в будущем). Эффективное взаимодействие с внешней (социальной) средой зависит от способности личности как применить адаптивную стратегию, характерную данным параметрам, так и их умелого использования в конкретных условиях.

Литература

1. Эшби У. Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. - М.: Мир, 1964. - 411 с.
2. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо, 2010. - 368 с.
стр. 51

Каганович А.А. Проблемы взаимоотношений личности и коллектива¹⁵

Философский аспект взаимоотношений личности и коллектива тесно связан с историей становления личности в коллективе. Справедливо будет заметить, что на этапе первобытности человеческий индивид не являлся личностью, поскольку не осознавал своих характерологических особенностей, отличавших его от окружающего мира.

В эпоху рабовладения мы тоже не можем говорить об отдельной человеческой личности. По утверждению выдающегося философа А. Ф. Лосева, отчужденный характер общественных отношений, при котором раб является "телом без головы", а рабовладелец - "головой без тела", тоже не способствовал осознанию своей личностной самостоятельности [5, с. 97]. Именно на этой почве произрастали многочисленные гражданские доблести греков и римлян - личность по-прежнему не воспринималась обществом как самостоятельная общественная единица.

В строгом научном смысле о таком понятии, как личность, мы имеем право говорить лишь с наступлением Средневековья, когда отдельный человек стал самостоятельной производственной единицей в поле или в мастерской. Наступил этап развития индивидуальности. Но для понимания и восприятия человека как личности потребовалась эпоха Возрождения, которая суммировала индивидуалистическое сознание самостоятельного производителя и духовные представления, возникшие на почве христианской морали и подкрепленные античной традицией [1, с. 6].

С этого времени в истории педагогики начинается сложный диалектический процесс взаимодействия коллектива и личности, при котором акценты то смещаются на индивидуальное воспитание и образование - для того чтобы получить "идеальную личность" (Руссо), то на коллективное воспитание - чтобы сформировать "нового человека" коммунистического общества.

Остается открытым вопрос, почему человек так упорно ищет коллектив, в котором чувствует себя комфортно, даже невзирая на то, что зачастую ему приходится поступиться интересами собственной личности. Ответ на этот вопрос неоднократно пытались дать философы, психологи и педагоги. На наш взгляд, лучше всего это удалось

---

¹⁵ Каганович А.А. Проблемы взаимоотношений личности и коллектива // Философия образования 2007. № ". С. 302-307.

американскому психоаналитику Э. Фромму: "Человек вырван из изначального единства с природой, которое характерно для животного существования. Обладая одновременно разумом и воображением, он осознает свое одиночество и отделенность, свое бессилие и незнание, случайность своего рождения и смерти. Он не смог бы находиться перед лицом такого состояния бытия ни секунды, если бы не был способен находить новые связи со своими ближними, взамен старых, определяемых инстинктами <...> Необходимость единства с другими живыми существами, связанность с ними - насущная потребность, от нее зависит психическое здоровье человека <...> есть несколько способов, которыми это единство может быть найдено и достигнуто. Человек может попытаться достичь единства с миром путем подчинения человеку, группе, учреждению, Богу. На этом пути он преодолевает отделенность своего индивидуального существования, становясь частью кого-то или чего-то большего, чем он сам, и ощущает идентичность в своей связи с той силой, которой он подчинился. Или <...> человек может попытаться объе-

стр. 302

динить себя с миром путем обретения власти над ним, делая других частью себя" [2, с. 85].

Такой тип взаимодействия личности и коллектива Фромм называет симбиотическим. Ученый утверждает, что именно такой тип взаимодействия был наиболее присущ человеку на разных этапах развития общества. "В развитии человеческого рода степень осознания человеком себя как отдельного "Я" зависит от степени, в которой он отделился от клана, и от степени развитости процесса его индивидуализации. Член примитивного клана мог бы выразить свое чувство идентичности формулой "Я - это Мы", он еще не постиг себя как "индивидуума", существующего отдельно от группы. В средневековом мире индивид идентифицировался со своей социальной ролью в феодальной иерархии. Крестьянин не был человеком, который случайно оказался крестьянином, а феодал - человеком, который случайно оказался феодалом. Он был либо крестьянином, либо феодалом, и это чувство неизменности позиции было неотъемлемой частью его чувства идентичности. Когда рухнула феодальная система, его чувство идентичности было поколеблено, и встал острый вопрос: "кто Я?" [2, с. 11].

Политическое и экономическое освобождение человека, избавление от авторитарного давления давали надежду, что он сможет ощутить свое "Я" как центр и активный субъект своих способностей. Как показывает проведенный научный анализ, лишь немногие пришли к новому Переживанию "Я". Для большинства же индивидуализм оказался лишь фасадом, за которым скрывалась неудача в обретении индивидуального чувства идентичности. Вместо доиндивидуалистической клановой идентичности формируется новая, "стадная" идентификация, в которой чувство идентичности основывается на чувстве неоспоримой принадлежности к толпе [5, с. 22].

Мы приводим столь обширную цитату только для того, чтобы определить основную философскую предпосылку оптимального взаимодействия личности и коллектива. Коллектив может способствовать саморазвитию личности ровно в той мере, в какой осознают себя личностями его члены. Чувство продуктивной общности, а не иллюзия конформной защищенности - вот идеал отношений, которых каждая личность должна ждать от коллектива, к которой должна стремиться, продуцировать их собственной деятельностью в обществе.

Обозначив философские аспекты, связанные со становлением личности и коллектива, кратко проанализируем историю педагогики в контексте формирования личности в ученическом коллективе.

В первобытный период воспитание стало переходить в ранг особой деятельности, являясь частью повседневной борьбы человека за выживание. От того, как оно было организовано, порой зависело не просто благосостояние, а жизнь того или иного члена общины. Такие обстоятельства заставляли ответственно подходить к его реализации и

побуждали выбирать самые эффективные и целесообразные его формы. Специфической чертой в этот период было групповое начало в воспитании. Первобытное воспитание готовило всех детей одинаково к повседневной жизни. Критериями отбора в ту или иную ученическую группу являлся пол и возраст. Такая коллективная традиция воспитания и формирования ученических коллективов на исходе первобытно-общинного периода привела к появлению своеобразных "молодежных клубов" для детей и подростков. Это были прототипы школ, организованные для воспитания общественного человека, обучения его определенным трудовым навыкам и умениям.

Характер деятельности, состав воспитанников и наставников в "протошколах" постепенно менялись. В условиях матриархата до 7 - 8 лет мальчики и девочки воспитывались совместно под руководством женщин, а в более старшем возрасте - раздельно.

стр. 303

При патриархально-родовом строе из-за того, что воспитание мальчиков полностью перешло к старейшинам и жрецам, "протошколы" становятся раздельными, а значит, и ученические коллективы в этот период независимо от возраста учащихся стали формироваться по половому признаку. По мере имущественного расслоения общины появляются отдельные "протошколы" для бедных и для состоятельных членов общины, что привело к формированию коллектива на основании имущественного критерия.

Таким образом, основы формирования личности в так называемых "протошколах" или других ученических коллективах при патриархально-родовом строе претерпели существенные изменения. Следует отметить, что любые изменения в формировании личности сказывались на особенностях развития всего коллектива, в частности, на изменениях внутри него, причем коллективы формировались без использования насильственных методов.

Из-за роста влияния патриархальной семьи, развития индивидуальной производственной деятельности (рост числа ремесленников) коллективные формы обучения стали менее распространенными. Во времена Киевской Руси обучение носило индивидуальный характер, и в исторических источниках мы практически не встречаем упоминания об ученических коллективах. После образования Московского государства кардинальных изменений не произошло. Но в данный период обращает на себя внимание место обучения молодого поколения: им оказалась семья. По нашему мнению, семья является коллективом, обучение и формирование личности в котором протекает по всем законам ученического коллектива.

В последующий период каких-либо изменений в формах обучения не происходило, так как по-прежнему оставалась в центре внимания не столько личность, сколько передача индивидууму социальных функций, которые он должен будет выполнять в своей жизни. Формы передачи этой функции были, по преимуществу, индивидуальными.

Значительный вклад в создание системы современного ученического коллектива внес Я. А. Коменский. Разработанная им классно-урочная система постепенно вытеснила индивидуальную систему воспитания. В первой половине XVIII в. произошли значительные изменения в российской системе образования. Заимствовался западный опыт, внедрялись коллективные формы обучения, причем единой политики в этом отношении не было. Поэтому появилось множество учебных заведений, в которых применялись разные подходы к формированию личности в коллективе.

Ростки реформы образования к концу XVIII - началу XIX вв. возли, и на территории Российской империи окончательно утвердилась классно-урочная система обучения. Это нововведение стало переломным моментом для организации образовательного процесса в ученическом коллективе. Следует заметить, что Россия в данной области лишь следовала за Западом.

Во второй половине XIX в. на Западе групповая форма организации воспитания в школе получает широкое распространение и теоретическое обоснование. Именно в этот период ставится знак равенства между групповой и коллективной формой организации воспитания. Благодаря научным изысканиям К. Маркса и Ф. Энгельса данный термин получает широкое распространение: "только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода" [6, с. 22].

По мнению ряда видных ученых, уже в этот период воспитание в духе коллективизма становится ведущим принципом педагогики, а формирование лич-

стр. 304

ности в коллективе - целью воспитательной работы. Средством и формой достижения этой цели также провозглашается коллектив.

Такие коренные изменения в странах Запады не могли не повлиять и на Россию; наиболее активно отечественная педагогика развивалась во второй половине XIX в. К сожалению, педагогический аспект проблемы формирования личности в коллективе изучался недостаточно. Причиной, по-видимому, было преобладание в образованной системе консервативных сил и все та же российская неповоротливость. Как показывает проведенное историко-педагогическое исследование, в указанный период основное внимание уделялось ученическому коллективу и его образованию. Всех волновал состав коллектива', для его однородности применялось разделение школ по сословному и материальному принципу.

Пришедшие с Запады идеи о том, что школа должна строиться на общественной основе, помогли организовать обучение детей из народа. Вместе с этими идеями пришло понимание того, что всеобщее образование необходимо не только отдельной личности, но и обществу. Следствием этого стало появление ученических коллективов, состоящих из детей малоимущих родителей, которые освобождались от оплаты за их обучение. Яркий пример - школа, организованная Л. Н. Толстым в Ясной Поляне (1859 г.). Педагогическая деятельность в указанном учебном заведении, несомненно, стала определенным вкладом в изучение личностной проблематики. Следует упомянуть о К. Д. Ушинском, изучавшим вопросы формирования личности в коллективе. Он писал о необходимости единства обучения и воспитания для формирования гуманной личности и о том, что "педагог должен не учить, а помогать учиться" [3, с. 61]; таким образом, ученый признавал за коллективом ведущую роль в формировании личности.

Принципиально важным в российской педагогике конца XIX - начале XX вв. было направление, изучавшее философские основания образования, воспитания и развития личности, в том числе и в коллективе (Н. Бердяев, В. Вахтеров, И. Вессель, С. Гессен, В. Зеньковский, Н. Лосский, В. Розанов, С. Франк). Хотя философское осмысление образования и воспитания личности в коллективе не было свободно от влияния позитивизма и прагматизма, российская педагогическая мысль достигла новейших научных достижений в этом направлении. Характерна в этом плане деятельность В. П. Вахтерова: развивая концепцию эволюционной педагогики, он сравнивал образование с развертыванием исторического процесса. П. Ф. Каптерев понимал педагогический процесс как "один поток развития личности, который состоит из саморазвития и самоусовершенствования" [4, с. 99].

В педагогике нашли выражение и принципы русской религиозно-философской антропологии. Речь идет о концепции богочеловечества, автор которой - В. Соловьев - важнейшее значение в выполнении божественной миссии человека придавал образованию. Н. А. Бердяев рассматривал человека как точку пересечения двух миров - божественного и органического. "Любимцем Божиим" выступает человек у В. В. Розанова. Именно просвещение "пробуждает, развертывает крылья души, возвышает

человека к осознанию своего я и своего места в жизни, приобщает к высшим ценностям" [1, с. 78].

В контексте рассматриваемой темы нельзя не остановиться на экспериментальной педагогике К. Н. Вентцеля, С. Т. Шацкого, Н. В. Чехова. Эти ученые-педагоги внесли значительный вклад в изучение проблемы взаимоотношений личности и коллектива. К. Н. Вентцель предлагал организацию таких учебно-воспитательных учреждений, где ребенку была бы предоставлена полная свобода самостоятельного развития в коллективе, не ограниченная какими-либо планами и программами (вплоть до того, что функции педагогов предполага-

стр. 305

лось поручать родителям). Отвергая авторитарное воспитание, Вентцель стремился к созданию такой педагогической системы, в которой ребенок и воспитатель образовывали бы маленькое сообщество. Широко известны труды С. Т. Шацкого, посвященные проблемам школьного ученического коллектива. Значительным достижением С. Т. Шацкого в вопросе формирования личности в коллективе стала реализация единства педагогов и детей в учебном учреждении, а также преодоление между ними "смыслового барьера".

20 - 30-е гг. XX в. ознаменовались новыми теоретическими и практическими достижениями педагогики в вопросах взаимосвязи коллектива и личности. Особое место в педагогической науке указанного периода занимает творчество А. С. Макаренко. Воспитательная система А. С. Макаренко ставила целью установление правильных отношений между подрастающим человеком и обществом, создание благоприятной окружающей педагогической среды. Макаренко не только смог педагогически целесообразно организовать жизнь детей, но и открыл основную форму такой организации - воспитательный коллектив. Коллективизм, добропорядочность, нравственность - вот ключевые основы педагогической системы А. С. Макаренко. Практический опыт и результаты его деятельности способствовали лучшему пониманию проблемы формирования личности в коллективе.

Заметный след в изучении историко-философского аспекта проблемы формирования личности в отечественной педагогической науке оставил П. П. Блонский. Теоретический фундамент педагогики Блонского - философские основания, данные биологии, генетики, физиологии, социологии, статистические сведения о ребенке. "Воспитание есть преднамеренное, организованное, длительное воздействие на ребенка", - говорил Блонский [2, с. 101]. "Школьный класс - сложная система, выполняющая общественные функции через общественное мнение, настроение коллектива, играющие ведущую роль в усвоении социальных ценностей и норм; то есть данный коллектив является формирующим по отношению к отдельной личности" [2, с. 65].

В. А. Сухомлинский, вся научно-педагогическая деятельность которого проходила среди детей, писал в своей книге "Методика воспитания коллектива": "Богатство отношений между учениками и педагогами, между учениками, между педагогами, общность, многообразие переплетающихся интересов воспитателей и воспитанников, общее удовлетворение духовных потребностей, взаимное обогащение и постоянная передача духовных богатств - вот неперенные черты настоящего коллектива" [2, с. 95]. В. А. Сухомлинский в созданной им оригинальной целостной педагогической системе, основывающейся на антропологическом подходе, гармонизации гуманистически ориентированных форм, методов и средств педагогической деятельности, признавал формирование личности ребенка в коллективе высшей целью воспитания и образования.

Новые политические и социально-экономические условия, в которых оказалась Россия сегодня, актуализировали проблему формирования личности молодого человека. К сфере воспитания оказались причастны не только школа и семья, но и все общество [4, с. 76].

Значительным вкладом в осмысление и обоснование концепции отечественного воспитания стали последние разработки эффективных воспитательных моделей, построенных на фундаментальных идеях свободы личности, демократии и гражданственности, которые проводились в ГосНИИ семьи и воспитания Российской академии образования.

Согласно современной трактовке, основной целью социализации личности и ученического коллектива является формирование гражданственности как интегрированного качества, которое включает "в себя внутреннюю свободу,
стр. 306

чувство собственного достоинства, любовь к Родине, уважение к государственной власти, гармоничное проявление патриотических чувств и культуру межнационального общения" [3, с. 65].

Основными элементами гражданственности является нравственная и правовая культура. Общечеловеческие моральные ценности, по утверждению многих ученых, представляют собой базис нравственной культуры личности; "правовая культура выступает в качестве субъективной основы и предпосылки существования правового государства, для которого характерна высокая степень востребованности гражданских качеств людей" [2, с. 56]. Исходя из данных положений, определяется цель формирования личности: формирование в человеке нравственных идеалов общества, чувство любви к Родине, стремление к миру, потребность в труде на благо общества. При этом нельзя забывать, что личность формируется начиная с раннего возраста, используя при этом опыт, приобретенный в семье, школе, социальной среде, и далее - на протяжении всей жизни.

Формирование личности связано с сознанием: "сознание человека, с ответственностью выполняющего свой гражданский долг и понимающего, что от его действий зависит не только собственная жизнь, но и судьба близких людей, народа и государства, определяет его социальное поведение и является существенным условием развития демократического общества" [6, с. 26]. Таким образом, процесс формирования личности в коллективе ведет к тому, что человек ощущает себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным в обществе.

Особого внимания заслуживает утверждение академика РАО Г. Н. Филонова о том, что без комплексного общенационального программирования процесса формирования и развития личности "трудно разрешаются проблемы нездорового прагматизма, стяжательства и другие деструктивные тенденции, тормозящие нравственное оздоровление общества" [цит. по: 2, с. 34].

Накопленный отечественной педагогической наукой опыт по формированию личности и ее взаимоотношений с коллективом сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно в контексте историко-философской проблематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Барг, М. А.** Эпохи и идеи / М. А. Барг. - М.: Мысль, 1987. - 159 с.
2. **Григорович, Л. А.** Педагогика и психология: учеб. пособие / Л. А. Григорович. - М.: Гардарики, 2001. - 345 с.
3. **Каптерев, П. Ф.** История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. - СПб.: Алетейя, 2004. - 456 с.
4. **Лосев, А. Ф.** История античной философии / А. Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1989. - 230 с.
5. **Подласый, И. П.** Педагогика. Новый курс / И. П. Подласый. - М., 2000. - 190 с.
6. **Рубинштейн, С. Л.** Очерки по педагогике / С. Л. Рубинштейн. - М., 1985. - 220 с.
стр. 307

Над проблемой формирования мотивации индивида настойчиво работают методисты, психологи, преподаватели; ее исследовали в своих трудах такие авторы, как И. Т. Беспалько [1], Л. И. Божович [2], Л. С. Выготский [3], П. Я. Гальперин [4] и др. Такой интерес не случаен: ведь мотивация, то есть устойчивый познавательный интерес учащихся, является одним из центральных критериев эффективности учебного процесса. Мотивация представляет собой сплав движущих сил развития в виде потребностей, интересов, влечений, целей, идеалов. Она - стержень личности, к которому стягиваются такие ее свойства, как профессиональная направленность, ценностные ориентации, установки, социальные ожидания, притязания, эмоции, волевые свойства личности.

Существует несколько методологических принципов исследования мотивации личности; мы полагаем, что только диалектико-материалистический подход (вкуче с детерминистским) дает возможность рассматривать в диалектическом единстве всеобщие и индивидуальные формы социального бытия, не исключая их качественного своеобразия и позволяя "учитывать определенную детерминированность деятельности человека, роль природно обусловленных свойств индивида, энергетику и динамику мотивации, ее субъективную сторону" [6]. В то же время, диалектико-материалистический принцип дает возможность рассматривать личность человека как индивидуальную форму общественного бытия.

Понимание личности, обладающей какой-либо мотивацией, позволяет рассматривать социальное не только как нечто внешнее по отношению к человеку, но и как нечто внутреннее. От социальных условий и отношений, социальной деятельности зависит, какие мотивы станут доминирующими, определяет черты личности, ее способность регулировать и контролировать свои разнообразные потребности и интересы, перестраивать свою мотивационную сферу [4, с. 15].

Следовательно, индивидуальное и социальное - это две формы общественного бытия, это существование "одного в другом". Именно поэтому решение проблемы мотивации возможно лишь при опоре на диалектико-материалистическую методологию. Другие методологические подходы приводили (и неминуемо приводят) к сложным неразрешимым противоречиям.

Наряду с принципом диалектико-материалистической детерминации, при анализе социальной и природной обусловленности мотивации необходимо использовать и принцип структурности. Он позволяет рассматривать влияние общих социальных закономерностей на поведение человека и его мотивацию

стр. 280

не непосредственно, а через социальные подструктуры, каковыми являются классы, разнообразные общественные группы, институты. Структурность рассматривает мотивационную сферу и сам мотив как определенную систему взаимосвязанных компонентов. Мотив имеет сложное внутреннее строение и определенную закономерную организацию, поэтому важно выяснить его активизирующие и регулирующие механизмы [5].

Другим важнейшим принципом изучения мотивации человека является принцип связи сознания и деятельности. Сознание характеризуется мощной регулирующей функцией. На основе отражения действительности оно регулирует общественные взаимосвязи людей, отношения с окружающим миром. Возможность регуляции появляется в связи с отражением в сознании закономерных связей между различными сторонами объективной действительности в виде знаний, а также в связи с наличием у

---

¹⁶ Порватов А.А. Философский аспект мотивации личности // Философия образования. 2007. №2. С. 280-284.

индивида характерной черты - целеполагания, которая, по сути, и является своеобразным механизмом регуляции.

Через целеполагание настоящее как момент деятельности связывается с будущим. Поэтому уже выбор целей и средств их достижения выполняет регулирующую функцию в поведении человека. Сам человек в осознанной форме ставит перед собой задачу, достижение которой является целью его деятельности. В желаниях человека выражаются его потребности и его интересы. И те, и другие в структуре деятельности отражаются как ее мотивы. Мотивы выступают как стимулы, реальные двигатели человеческих действий, как мощнейшие регуляторы его поведения. То есть принцип связи сознания и поступков достаточно четко определяет место мотива в структуре деятельности, выявляет его основные функции. Этот принцип позволяет мотивы рассматривать в единстве с целью. Соединяя цель с инициатором, мы тем самым раскрываем сущность целеполагания.

Психическая система "мотив - цель" представляет собой качественно новое образование, значительно отличающееся и от мотива, и от цели в отдельности. Это образование представляет собой мотивацию как направленный побудитель и регулятор поведения и деятельности. Мотивация - это не механическое соединение цели с мотивом, это результат процессов, инициируемых потребностями, влечениями, желаниями, стремлениями. Это качественное образование воплощает в себе и энергетические свойства, и регулятивные. При наличии мотивации человек осознает мотив и прилагает волевые усилия к достижению цели.

Общественно-историческая практика развивается на основе опыта всего человечества. Именно поэтому современная практика является результатом всемирной истории, выражающей бесконечно разнообразные взаимоотношения людей с природой и друг с другом в процессе различных видов их деятельности.

Всякая деятельность людей, как специфическая человеческая форма их активного отношения к окружающему миру, направляется определенной целью. Не всегда эта цель может быть отчетливо выражена, тем не менее она имеет место. Деятельности, ни на что не направленной и никакой целью не обусловленной, не может быть. Цель - это как бы идеальный проект деятельности, мысленное предвосхищение ее результата. Она вытекает из объективных условий и предполагает наличие этих условий. Что же побуждает людей к целесообразным действиям? Любая цель отражает объективную потребность людей. Другими словами, это реальная нужда человека в чем-либо, это то, чего ему недостает. Именно поэтому потребность и выступает внутренним побудителем деятельности людей, основой их поведения и мышления. Конечно, не всегда человек может осознавать, что ему необходимо.

стр. 281

Человеческие потребности динамичны. Как только удовлетворяется одна из них, ее место занимает другая (зачастую уже более высокого уровня). Потребности людей, как и цели их деятельности, определяются условиями жизни, реальными отношениями общества, отражая его уровень развития, и, соответственно, его возможности. Человеческие потребности многообразны, как многообразны условия и обстоятельства, в которых осуществляется жизнедеятельность людей. Что касается теории социальной мотивации, то здесь необходимо выделить положение, связанное с системой человеческих потребностей как с главным источником активности личности. Американский ученый А. Маслоу считает, что всем людям свойственна некоторая система базовых (основных) потребностей. В последних он выделяет несколько уровней, в том числе изначально-социальный. Нужно заметить, что социальное им антропологизируется. Не общество определяет развитие личности, а личность является первичным определяющим фактором по отношению к обществу. А. Маслоу считает, что человек может раскрыться только посредством самоактуализации, понимаемой как изначально мотивационная основа для становления индивидуальности в человеке. Иерархическая система потребностей,

согласно А. Маслоу, направлена на реализацию изначальной человеческой мотивационной силы, то есть самоактуализации. Эта иерархия потребностей выглядит следующим образом: физиологические нужды - голод, жажда; потребности в безопасности и самосохранении; потребности в любви и привязанности; оценочные потребности; потребности творчестве и самоактуализации; потребности в познании и эстетике.

По мнению А. Маслоу, только самые высокие потребности могут принести человеку истинное удовольствие, которое он получает в процессе творческого самовыражения. Это созидательная деятельность, которая не восполняет что-то, а создает новое в человеке и проявляется как экспрессия, рост и развитие личности. На базе потребности в самореализации складывается особый тип мотивации, позволяющий развить в человеке совокупность определенных личностных свойств [8].

Теория А. Маслоу справедливо подверглась критике за ее абстрактность, аморфность, оторванность от реальных общественных отношений. В реальных социальных условиях у каждого конкретного человека не наблюдается такого последовательного ряда в удовлетворении всех потребностей.

Анализ различных теорий, разрабатываемых в зарубежной психологии, показал, что мотивация нередко рассматривается в качестве общего термина для обозначения того, что организм действует, детерминирован его собственной природой или внутренней структурой, что существует тенденция всего живого проявлять активность избирательным, организованным путем. Однако в таком общем толковании мотивации много неопределенности, неконкретности, в нем не отражаются даже те функции, которые предусмотрены в многочисленных фрейдистских, бихевиористских и других теориях.

В современной педагогической науке те воздействия извне, которые вызывают определенную ответную активность человека, называют стимуляцией. Она является важным и существенным компонентом процесса изучения. В учебном процессе стимуляция познавательной активности осуществляется преподавателем посредством различных способов. В качестве стимула может выступать любое явление, предмет, слово - все то, что можно использовать для целенаправленного побуждения человека, например, к какому-нибудь действию, состоянию, активности и т. п. Все стимулы используются сознательно и намеренно, заранее предполагая наличие ответной реакции. Именно в этом стимул отличается от раздражителя внешнего мира. Если к стимулу прибегают наме-

стр. 282

ренным образом, то ответная реакция на его воздействие не всегда может осознаваться.

Для понимания сути стимулов важно отметить еще одну особенность. В педагогической практике стимулы могут использоваться для достижения следующих целей: во-первых, для усиления интереса к выполняемой деятельности; во-вторых, для запуска готовых программ действия (стимул выступает в качестве внешнего толчка); в-третьих, для получения адекватной реакции на воздействие раздражителя. В этом случае человеку не обязательно осознавать воздействие стимула, поскольку реакция на него носит характер безусловного рефлекса. Во всех других случаях, чтобы стимулы могли вызвать ту или иную форму активности, они должны отразиться в сознании человека. В процессе отражения участвуют обобщение, абстрагирование, выделение причинных, целевых, ценностных и других отношений.

Отвечая на вопрос, что такое стимул, можно сказать, что это средство целенаправленного побуждения, вызывающее у человека потребность в деятельности или выступающее в роли первопричины, внешнего толчка различных форм поведения.

Следовательно, стимул - это не психическое явление, это раздражитель, сигнал, орудие, намеренно и сознательно используемые для усиления активности человека, для возбуждения его деятельности. Для стимулирования человека чаще всего применяются

именно общественно значимые раздражители, которые имеют общественно ценное содержание; в их числе - различные знаки, слова, значения и другие сигналы. Чтобы эти стимулы могли стать побудителями или причиной действия, они должны быть осмыслены, что в значительной мере зависит от опыта мыслительной деятельности человека.

Таким образом, стимулы играют роль рычагов воздействия, вызывающих проявление определенных мотивов. В качестве стимулов могут выступать отдельные предметы, действия других людей, обещания и многое другое, что предлагается человеку в компенсацию за его деятельность.

Процесс использования различных стимулов для мотивирования людей называется стимулированием. Оно принципиально отличается от мотивирования. Суть этого отличия состоит в том, что стимулирование - это одно из средств, с помощью которого может осуществляться мотивирование. При этом чем выше уровень развития отношений в организации, тем реже в качестве средств управления людьми применяется стимулирование.

Мотивацию условно можно назвать "внутренней", если мотивы порождает сам человек, сталкиваясь с задачей. Примером таких мотиваций может быть стремление к завершению работы, познанию, страх, желание побороться и т. п. Мотивацию условно можно назвать "внешней", если мотивы деятельности по решению задачи вызываются воздействием субъекта извне (оплата за работу, распоряжения, правила поведения и т. п.) [5]. В действительности не существует четкого разграничения "внутренней" и "внешней" мотиваций.

Стадии развития процесса мотивации: возникновение потребностей; поиск путей для решения проблемы; определение полей; осуществление действия; вознаграждение за выполнение действий; устранение потребности.

Общая концепция мотивации выглядит следующим образом: индивид, осознав задачи и вознаграждение за их решение, соотносит эту информацию со своими потребностями и возможностями. Тем самым он настраивает себя на определенное поведение, вырабатывает стратегию и осуществляет действия, приводящие к результату, обладающему определенными качественными и количественными характеристиками.

стр. 283

Существует достаточно большое количество теорий мотивации, которые могут быть разбиты на две группы. Первую составляют теории, концентрирующиеся на выявлении и анализе факторов мотивации, вторую - основанные на взаимодействии различных мотивов, на том, как инициируется и направляется поведение человека. Человек выбирает ту альтернативу, где будет выше мотивация. Таким образом, человек должен знать, что от его усилий зависят результаты его труда и что из результатов вытекают определенные последствия, а также то, что эти последствия имеют для него ценность.

Проведенные в последнее время исследования показывают, что начинается новый этап в изучении мотивации. Проблемы мотивации, мотивированности личности невозможно решить быстро. Педагоги должны держать эти проблемы в поле внимания, так как предстоит еще многое сделать в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Беспалько, И. Т.** О некоторых вопросах психологической интерпретации факторов в факторном анализе / И. Т. Беспалько // Психологический журнал. - 1987. - Т. 8. - № 3. - С. 23 - 25.
2. **Божович, Л. И.** Проблемы развития мотивационной сферы ребенка / Л. И. Божович // Изучение мотивации детей и подростков. - М.: Педагогика, 1972. - С. 5 - 10.
3. **Выготский, Л. С.** Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. - М.: Просвещение, 1956.

4. **Гальперин, П. Я.** Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Исследование мышления в советской психологии. - М.: Изд-во МГУ, 1996.

4. **Ильин, Е. П.** Мотивация и мотивы: учеб. пособие / Е. П. Ильин. - СПб.: Питер, 2004. - 509 с.

5. **Леонтьев, В. Г.** Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В. Г. Леонтьев. - Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2002. - 264 с.

6. **Маркова, А. К.** Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, А. Б. Орлова. - М.: Просвещение, 1990. - 40 с.

7. **Маслоу, А.** Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. - СПб.: Питер, 2003. - 352 с.

стр. 284

Киенко Е.В., Морозова И. С. Профессиональные аспекты самореализации личности¹⁷

Киенко Елена Витальевна - Центр психолого-медико-социального сопровождения "Дар", соискатель кафедры общей психологии и психологии развития ГОУ ВПО "Кемеровский государственный университет". E-mail: granatak@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии и психологии развития ГОУ ВПО "Кемеровский государственный университет". E-mail: ishmorozova@ya.ru

стр. 247

На современном этапе развития общества особенно актуальной является ориентация на самореализацию и самоактуализацию личности [1, с. 39]. Потребность в саморазвитии, самореализации - естественное и основополагающее свойство зрелой личности.

Самореализация представляет собой постоянный процесс раскрытия возможностей личности, предполагающий применение способностей, разума и работу над тем, что действительно важно для индивида и к чему он стремится [2].

Самореализация - осуществление возможностей развития "Я". Близким к данному термину является понятие "самоактуализация", которое, как правило, упоминается со ссылкой на теорию А. Маслоу [2] (отметим, что термин "самоактуализация" был введен К. Гольдштейном для обозначения восстановления способностей личности после перенесенного ранения; позже ученый определяет ее как универсальный принцип жизни, не соотносимый с органами и клетками).

А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл рассматривают самоактуализацию и самореализацию как синонимы, отражающие стремление к раскрытию собственного потенциала [3].

Однако необходимо упомянуть и о другом подходе, концентрированном на дифференциации рассматриваемых терминов. Так, вслед за Е. Е. Вахромовым можно обратиться к "Оксфордскому словарю современного английского языка для студентов", в котором приводятся следующие значения корней, составляющих слово "самоактуализация" (*the self-actualization*): "*the self*" (то, как личность видит свой потенциал) и "*actualization*" (осуществление на практике) [3]. Самоактуализация, таким образом, предполагает наличие у человека самости (человеческого потенциала), которая нуждается в актуализации (раскрытии, осуществлении) путем определенного вида работы над собой в процессе общественно значимой деятельности. Вместе с тем

---

¹⁷ Киенко Е.В., Морозова И. С. Профессиональные аспекты самореализации личности // Философия образования. 2011. №2. С. 247-253.

реализация (*realization*) - осуществление ранее составленного плана - имеет оттенок "овеществления".

Таким образом, Вахромов констатирует, что самореализация предполагает работу во внутреннем плане в большей степени, чем самоактуализация, последняя же ассоциируется с деятельностью во внешнем плане. Однако такова трактовка понятий в английском языке. В русском языке слово "актуальность" скорее указывает на внутренний план (актуальная проблема, статья), а "реализация" (производственных планов, товаров) - на внешний план деятельности, имеющий вещественный результат [3].

Л. А. Коростылёва, анализируя данные понятия, также указывает, что самоактуализация связана скорей с субъективным, внутренним аспектом
стр. 248

существования личности; в то время как самореализация в большей степени отражает процесс проявления личности во внешнем плане [4].

Термин "самореализация" также близок понятию "самоосуществление". Однако данные понятия дифференцировать значительно проще. Так, Коростылева на основе анализа статей в зарубежных философских и психологических словарях делает вывод, что самоосуществление в большей степени указывает на результат самореализации [4].

Если обратиться к философскому осмыслению понятия самореализации, можно обнаружить немалое количество подходов к его интерпретации. Однако согласимся с Л. А. Царёвой, по мнению которой, основным в трактовке исследуемого феномена является представление о сущностных силах человека. Кроме того, имеет смысл вслед за Л. А. Коростылёвой обратиться к докторской диссертации по социальной психологии Г. К. Чернявской, в которой самореализация личности понимается с позиции нравственных принципов (как единство самоутверждения и отрицания) [4].

Неотъемлемой частью человеческой жизни является трудовая деятельность, выступающая средством удовлетворения не только материальных потребностей человека, но и потребностей более высокого уровня, связанных, в частности, с самореализацией личности. Выбирая будущую профессию, человек, как правило, соизмеряет ее специфику с собственными интересами и возможностями. Целью любой профессиональной деятельности является максимальное самоосуществление. Для этого необходимы определенные психологические условия. Таким образом, изучение возможности и условий самореализации в профессии необходимо для инициирования процесса раскрытия потенциала личности, актуализации собственного "Я" в трудовой деятельности и жизни вообще, что, в свою очередь, будет способствовать минимизации текучести кадров, имеющей важное экономическое и социальное значение.

Скажем несколько слов об исследованиях, посвященных изучению условий самореализации личности.

Р. А. Зобов и В. Н. Келасьев выявили две группы факторов, оказывающих влияние на самореализацию: зависящие (ценностные ориентиры, готовность к самостроительству, гибкость мышления, воля) и не зависящие от человека (социальная ситуация, уровень жизни, материальная обеспеченность, влияние на человека средств массовой информации, состояние экологической среды) [5].

Л. А. Коростылёва в качестве основных психологических детерминант самореализации выделяет мотивационно-смысловые и личностно-ситуационные [4].

По мнению С. Л. Братченко и М. Р. Мироновой самореализация личности зависит от характера взаимоотношений с двумя силами: внешним и внутренним миром. Причем в соответствии с исходной позицией веры в природу человека актуализирующее, созидательное начало признается в первую очередь за организмом, внутренним миром, в котором изначально заложен мощный потенциал, "главная движущая сила жизни" и развития человека - стремление к росту, раскрытию своих способностей и усилению возможностей, к большей эффективности, зрелости и конструктив-

---

ности. Поэтому для личности исходными, определяющими являются отношения с самим собой [6].

По предположению М. А. Петровской, в качестве условия самореализации может выступать творчески преобразовательная деятельность субъекта, так как она является способом его структурной перестройки и повышения уровня его духовной организации [7].

А. Маслоу подчеркивает важную роль в процессе самоактуализации личности наличие таких характеристик, как позитивные эмоции, воля (необходима для того, чтобы развивать способности и достигать трудных, требующих длительной работы целей), холистическое мышление (предполагает концентрацию внимания на отношениях и целом более, чем на отдельных частях). Кроме того, чтобы создать условия для развития и самореализации личности, необходимо понять, что способности, органы, организм в целом требуют функционирования, самовыражения и применения по назначению [8]. А. Маслоу выделил базовые характеристики самоактуализирующихся людей, в частности: более эффективное восприятие реальности; принятие себя, других и природы; непосредственность, простота и естественность; центрированность на проблеме; потребность в уединении; независимость от культуры и окружения; свежесть восприятия; вершинные (пиковые) переживания; общественный интерес; глубокие межличностные отношения; демократичный характер; разграничение средств и целей; философское чувство юмора; креативность; сопротивление окультуриванию [9].

По мысли А. К. Марковой, значимым фактором личностного саморазвития выступает профессионализация. Именно профессия - источник существования и средство личностной самореализации человека [10]. Данная мысль близка нашим исследовательским интересам. Выявление возможностей и психологических условий самореализации в профессии имеет важное значение как для конкретной личности, так и для общества в целом.

Приведенные выше исследования указывают на то, что ученые, как правило, склонны изучать феномен самореализации в целом, безотносительно к конкретной сфере деятельности или взаимодействия человека. Однако такого рода обобщения нередко уводят в сторону от практической значимости подобных исследований. Концентрация на профессиональной сфере позволяет более полно осмыслить феномен самореализации человека и использовать полученные результаты в практических целях.

Нередко самореализацию личности в профессиональной деятельности подменяют понятиями эффективности и успешности. Это не совсем верно, так как самоактуализирующийся человек способен достигать некоего "трансцендентального" уровня профессиональной успешности (качественно более высокого), в отличие от того работника, которого можно считать успешным по всем необходимым формальным признакам.

Анализируя любую профессиональную деятельность, можно выделить еще один немаловажный параметр, который способен оказать влияние на возможность самореализации человека в профессии, - удовлетворенность трудом, что вполне закономерно, так как данный компонент предполагает возможность удовлетворения в деятельности всех видов потребностей, в том числе и высших, связанных с раскрытием потенциала личности.

В 2007 - 2009 гг. нами было проведено исследование самореализации в профессии продавца.

Отметим, что торговля является одной из самых востребованных и важных сфер трудовой деятельности в современном мире. В условиях жесткой конкуренции от

деятельности отдельного продавца может зависеть успех всего предприятия. На первый план выходит клиент-центрированный подход как стремление продавца оказать помощь покупателям и умение принимать себя и их такими, какие они есть, что является одной из характеристик самоактуализирующихся людей. Однако по-прежнему в нашем обществе происходит отождествление понятий "продавец" и "торгаш" и соответственно принято считать, что данная профессия не может способствовать актуализации собственного личностного потенциала.

Мы предположили, что самореализация личности в профессии продавца возможна и определяется высоким уровнем развития следующих психологических компонентов: удовлетворенности трудом (положительного отношения к работе); коммуникативных (общительности), мыслительных и эмоционально-волевых (эмоциональной устойчивости и уверенности в себе) профессионально важных качеств; доминирования профессиональной направленности на клиента; профессиональной успешности. Выбор возможных психологических условий самореализации не случаен, ему предшествовал глубокий психологический анализ профессиональной деятельности продавца, который позволил понять ее специфику и определить области приложения потенциала работников, теоретическую модель самореализации в профессии, которая неизбежно должна включать некие универсальные деятельностные характеристики (удовлетворенность трудом и профессиональная успешность, о чем говорилось выше), а также специфические (важные для данной профессии или конкретной трудовой деятельности).

Для установления психологических условий самореализации в профессии продавца к участию в исследовании были привлечены представители торговых организаций (книготорговая сеть и магазины, специализирующиеся на товарах для ремонта) г. Новокузнецка в возрасте от 19 до 47 лет. Общее количество участников - 71 человек.

Обозначим основные выводы, полученные в ходе исследования. Во-первых, были выявлены достаточно высокие уровни самореализации личности продавцов, что может свидетельствовать о возможности данного процесса в изучаемой профессии, стремлении работников к актуализации своего личностного потенциала. Кроме того, обнаружен более высокий показатель самоактуализации у продавцов в сравнении с медицинскими работниками, что может указывать на более благоприятные возможности для раскрытия личностного потенциала работников в сфере торговли по сравнению с медициной. Более всего продавцы склонны принимать ценности самоактуализирующейся личности, причем отмечена независимость их ценностей от окружающих, гибкость во взаимодействии с другими людьми, способность быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, умение ценить свои положительные качества и принимать себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков.

стр. 251

Во-вторых, удовлетворенность трудом отчасти может выступать психологическим условием самореализации личности продавца: имеют место значимые взаимосвязи между отдельными компонентами самореализации и показателями удовлетворенности трудом работников. Общий уровень удовлетворенности трудом положительно связан с синергией (способностью работников к целостному восприятию мира и людей) и принятием ценностей самоактуализирующейся личности.

В-третьих, важными психологическими условиями самореализации личности продавца являются коммуникативные (общительность, социальная смелость, доминантность (как стремление к независимости и самостоятельности в принятии решений) и экспрессивность (как жизнерадостность и искренность)) и эмоционально-волевые качества (высокий уровень эмоциональной стабильности и низкие показатели напряженности и тревожности). Действительно, по мысли Маслоу, самоактуализирующуюся личность отличают эмоциональная зрелость, психическое здоровье (отсутствие невроза). Кроме того, более высокий уровень самореализации

личности может быть обусловлен более низкой нормативностью поведения. То есть продавец с выраженным стремлением к спонтанности и независимости от строгих норм и правил будет ориентирован на актуализацию собственного личностного потенциала.

В-четвертых, к психологическим условиям самореализации личности продавца можно отнести профессиональную направленность: важное значение для принятия ценностей самоактуализирующейся личности имеет ориентация на клиента.

В-пятых, выявлена положительная связь профессиональной успешности продавцов с самореализацией, что свидетельствует о важной роли данного условия в реализации потенциала личности в трудовой деятельности. Особую значимость приобретает грамотное взаимодействие с покупателями. Действительно, умение эффективно общаться с клиентами, стремление оказать помощь в выборе товара (на основе актуальных потребностей) - залог самосовершенствования в изучаемой трудовой деятельности. Вероятно, достигая высокого уровня профессиональной успешности, работники получают возможность актуализировать собственный потенциал как в деятельности, так и за ее пределами.

Таким образом, на основе результатов проведенного исследования можно констатировать, что самореализация в профессии (в данном случае в профессии продавца) возможна и определяется рядом психологических условий, воздействуя на которые, в свою очередь, можно способствовать повышению уровня самореализации личности работников. Представленные выше основные выводы, раскрывающие собственно профессиональные аспекты самореализации личности, могут служить серьезным основанием для продолжения научно-исследовательской деятельности в данном направлении.

Итак, нами были актуализированы психологические и философские подходы к осмыслению феномена реализации личностью своего "Я", проиллюстрирован вариант исследования возможности и психологических условий самореализации личности в профессии. Безусловно, необходимо расширение представлений о данном феномене, а также разработка моде-

стр. 252

ли профессиональной самореализации личности, что имеет важное теоретическое и практическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Языкова И. Н.** Генезис, эволюция и функционирование непрерывного образования // Философия образования. - 2006. - № 2. - С. 39 - 46.
2. **Маслоу А. Г.** Мотивация и личность. - СПб.: Евразия. - 1999. - 478 с.
3. **Вахромов Е. Е.** Понятие "самоактуализация" в психологии. - М.: Московский педагогический университет. - 2000. - 298 с.
4. **Коростылёва Л. А.** Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. - СПб.: Речь. - 2005. - 222 с.
5. **Коростылёва Л. А.** Проблемы самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности. - СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та. 1997. - С. 3 - 19.
6. **Братченко С. Л., Миронова М. Р.** Личностный рост и его критерии // Психологические проблемы самореализации личности. - СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та, 1997. - С. 38 - 46.
7. **Петровская М. А.** Динамика потребностей самоактуализирующейся личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Иркутск, 2007. - 22 с.
8. **Маслоу А. Г.** На подступах к психологии бытия // Психология развития и самоактуализации: основные допущения. - Киев: Ваклер, 2003. - 410 с.
9. **Хьелл Л., Зиглер Д.** Теории личности. - СПб.: Питер, 2006. - 607 с.

10. **Симакова Т. А.** Психолого-акмеологическая характеристика профессионализма личности. - М., 2005. - [Электронный ресурс]. - URL: http://psy.tsu.ru/data/pdf/4_25.pdf
стр. 253

Киселев Н.Н. Информационный фактор развития личности¹⁸

Благодаря информационному фактору, который в жизни человеческой цивилизации играет одну из ведущих ролей, мир человека связан в единую информационную систему. Сложность феномена информации обусловливается многообразием ее проявлений в действительности. Обще-

---

Киселев Николай Николаевич - кандидат социологических наук, доцент, проректор по воспитательной работе Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: kiselev_nikolay@mail.ru

стр. 31

ственная ценность информации с каждым годом возрастает. Установлено, что информация является важнейшим ресурсом человечества, причем при употреблении количество ее не сокращается, а наоборот, увеличивается. Каждое явление общественной жизни, все процессы, протекающие в малых группах, становление и развитие личности осуществляются благодаря движению информации. Результаты передачи информации, их понимание и принятие в значительной степени определяются особенностями значений, которые субъект и объект воздействия приписывают структурным элементам и самим сообщениям. Понимание сообщения возможно лишь при достаточном совпадении значений.

Необходимость социолого-философского осмысления информационного подхода очевидна, поскольку понятия и методы теории информации присутствуют в самых различных науках о живой и неживой природе, обществе и познании, технике; кроме того, продолжается активизация информационных процессов. Понятие информации достаточно давно существует в культуре и традиционно трактуется как сведения о фактическом состоянии дел. В этом смысле слово "информация" употреблялось в юриспруденции еще в начале XIX столетия [1, с. 47].

Теория информации вошла в науку в 1940-х гг, как важнейшее обобщение вероятностных концепций. В 1964 г. издана книга Г. Кастлера "Возникновение биологической организации". Это была одна из первых работ такого направления, где обсуждался вопрос о возникновении информации. Согласно Кастлеру, информация - это запомненный выбор из набора возможных состояний. Данный подход к информации позволяет утверждать, что возникновение информации можно рассматривать как процесс организации, и что, соответственно, может происходить самоорганизация информации [2].

В целом понятие информации в науке не ограничивается одним определением. Размышления и споры в науке о сущности информации в период становления теории информации сформировали две основных концепции сущности информации: информация - форма отражения, связанная с самоуправляемыми системами; информация - сторона отражения, которая может передаваться, объективироваться.

Одна из этих концепций, атрибутивистская, трактует информацию как неотъемлемое внутреннее свойство любого материального объекта. К этой же концепции можно отнести

---

¹⁸ Киселев Н.Н. Информационный фактор развития личности // Философия образования. 2011. №5. С. 31-40.

понимание информации как меры разнообразия: природа информации заключается в разнообразии, а количество информации выражает количество разнообразия [3, с. 63].

Поскольку данные определения обладают большой смысловой близостью с определениями других понятий, возникает необходимость искать признаки, характерные только для информации. Эти поиски отразились в другой, функционально-кибернетической, концепции информации, где определяющим ее свойством признается неразрывная взаимосвязь с управлением и функционированием самоорганизующихся систем. Данная концепция утверждает, что информация не существует в неживой природе, а является функциональным свойством кибернетических систем, она возникла вместе с жизнью и характеризует социум. Эту концепцию отражает, в частности, следующая мысль: информация есть такое воспроизведе-

стр. 32

дение одной системой структуры другой, при котором она функционально выделяется и включается отражающей системой в процессы управления, жизнедеятельности и практики [4, с. 32].

Если исходить из данной функционально-кибернетической концепции, то информационный критерий развития означает качественный скачок, понимаемый как переход от неинформационных систем к информационным, которым присущи процессы саморегуляции и управления, то есть переход от неживой природы к зарождению жизни. Таким образом, развитие рассматривается как переход от неживой (неинформационной) к живой (информационной) системе [5].

Информационный критерий развития также предполагает обнаружение постепенного и неуклонного обогащения и оптимизации информационного содержания, потенциала информационных возможностей. Только непрерывное совершенствование информационных возможностей может способствовать прогрессивному развитию.

К критериям развивающихся систем Э. П. Семенюк относит "объем информации, на базе которого осуществляется развитие (информационное содержание, информационное обогащение, повышение информационных возможностей в самоуправлении и т. п.)" [3, с. 55]. Функционально-кибернетическая концепция представляется этому автору более аргументированной. Отдавая ей предпочтение и учитывая еще ряд аспектов, Э. П. Семенюк предлагает следующее определение информации: "информация - это отличная от вещественно-энергетических факторов сторона отражения, воспринимаемая материальными системами со степенью организации, достаточно высокой для ее хранения, переработки и дальнейшего использования в целях управления, и выражающаяся в упорядоченных сведениях о степени вероятности того или иного события из возможного разнообразия событий определенного вида" [3, с. 17].

Данное определение выделяет основные, наиболее специфичные черты информации. Мы разделяем точку зрения А. Д. Урсула, считающего, что монополизация какой-либо одной трактовки информации опасна, ибо может не дать возможности анализа в контексте других научных подходов [см.: 5]. Обсуждение двух основных концепций информации дает возможность взаимообогащения и формирования более глубоких представлений о сущности предмета анализа.

Информация предполагает динамику отражения, изменения и передачи. Уже с самого рождения индивид попадает в сложную инфосреду, которая начинает оказывать влияние на его социопсихическое развитие. Кроме того, ребенок изначально является носителем заложенной в нем наследственной информации. Личность есть система, и приобретаемая ею информация способствует, с одной стороны, сохранению системы, с другой - выступает источником совершенствования личности, ее самопрограммирования, саморазвития. Успех "самопрограммирования" во многом зависит от содержания поступающей информации. Однако полной и абсолютной определенности при подготовке, принятии решений нет и быть не может. Общественные процессы настолько

подвижны, ситуации настолько быстро меняются, что любая информация не дает исчерпывающего знания о данной ситуации и никакой прошлый опыт не способен однозначно

стр. 33

обеспечить решение новой задачи. Скорость преобразований и скорость социальной мобильности играет сегодня роль нового социального капитала, а основывается это все во многом на владении и освоении информацией, снятие инфонеопределенности [6].

Согласно В. Г. Афанасьеву, поскольку диапазон информационного обеспечения решения может колебаться от почти полного отсутствия до почти исчерпывающего, то велик и диапазон неопределенности: от почти однозначного до практически бесконечного количества альтернатив [7, с. 159].

Возникновение инфонеопределенности (социальной) вызывает у личности напряжение, побуждающее ее к активности, которая, в свою очередь, изменяет личность, развивает ее. В этой ситуации инфокритерий развития означает качественный скачок, переход от неинформационных систем к информационным, где на основе простых функциональных связей неорганических систем возникают информационные обратные связи, процессы саморегуляции и управления [8, с. 259]. Далее предполагается оптимизация и обогащение инфопотенциала. Саму личность с этой точки зрения можно определить как сложнейшее устройство, регулирующее инфообмен индивида со средой. При этом развитие личности можно рассматривать как процесс повышения эффективности обработки информации.

Однако не все виды информации равнозначны для развития личности. Формирование и развитие личности идет под влиянием двух существенных видов информации: наследственной и приобретаемой. Наследственная информация включает в себя нечто переданное через гены и врожденное (определяемое условиями внутриутробного развития), являясь информацией генотипа. Установлено, что для передачи наследственной информации природа использует в основе вероятностную логику [9, с. 6]. Если в искусственных инфосистемах основой является формальная, то есть двузначная логика, предполагающая только крайние значения: "да" или "нет", то осуществляемые в живых организмах процессы, реализующиеся на основе вероятностной логики, способны находить промежуточные между крайними значениями ответы и обеспечивать тем самым более гибкое функционирование биологических систем [10, с. 5].

Использование понятия информации в биологии нашло отражение в теории генетической информации. К ней относится идея, согласно которой при трансляции наследственных генотипов происходит передача биологически полезной информации из поколения в поколение, то есть происходит постепенное накопление ценной информации в процессе эволюции [5, с. 91].

Понятие информации используется в молекулярной генетике. Отправной точкой послужило открытие двух нуклеиновых кислот - ДНК и РНК. В результате ряда исследований была открыта частица информосома в цитоплазме клетки, которая стабильна и служит для сохранения генетической информации в цитоплазме [5, с. 92].

В аспекте обсуждения наследственной информации интересной представляется мысль К Э. Шэннона о том, что информация служит мерой "неожиданности" обнаружения какой-либо новой "буквы" (гена) в последовательности, то есть самая богатая информация содержится в случай-

стр. 34

ной последовательности: прочтение 99 символов случайной последовательности ничем не облегчает предсказание следующего символа [см.: 11, с. 18].

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в знаменитом примере с обезьяной, печатающей на пишущей машинке, придуманном французским математиком Э. Борелем

[см.: 12, с. 93]. Обезьяна, случайным образом ударяющая по клавишам пишущей машинки, создавала бы "тексты" с максимальным содержанием информации (по Шэннону). Большинство напечатанных обезьяной текстов - совершеннейшая абракадабра, напроць лишняя какого бы то ни было смысла. Разумеется, поскольку самые неправдоподобные события все же возможны, если подождать достаточно долго, обезьяна может когда-либо напечатать одну из трагедий Шекспира. Но у кого хватит терпения читать все "тексты", напечатанные борелевской обезьяной, в поисках "крупницы разума"?

Согласно теории информации К. Шэннона, основное свойство последней состоит в способности снимать неопределенность ситуации, то есть мера снятой неопределенности - это и есть мера количества информации в сообщении. Информация, представляющая знание, может не только снимать неопределенность. Чаще оказывается обратное: полученное через информацию знание позволяет адресату увидеть новые возможности в старой ситуации и, тем самым, увеличить степень неопределенности и бремя лежащего на нем выбора [см.: 1, с. 15].

Данное определение информации не дает представления о том, каковы были исходные биомолекулы, сыгравшие особую роль в эволюции жизни, все определяется случайностью. Основываясь на таком подходе, нельзя бы было предугадать, что же создаст природа из человеческих клеток в следующий раз. Однако рождение людей определяется наличием постоянством вероятностной логики.

Итак, первый "кирпичик" фундамента личности передается по наследству, закладывается при рождении и определяется понятием "темперамент" (то есть свойствами нервной системы). В психологии темперамент рассматривается как "характеристика индивида со стороны его динамических особенностей: интенсивности, скорости, темпа, ритма психических процессов и состояний" [13].

Темперамент как таковой не определяет содержательную сторону личности (мотивации, ценностные ориентации, мировоззрение). Однако свойства темперамента могут как благоприятствовать, так и противодействовать формированию определенных черт личности. Если исходить из формулы "характер человека = темперамент + воспитание и среда", то темперамент вполне может модифицировать значение факторов среды и воспитательных воздействий, от которых в решающей степени зависит формирование личности. Наряду с наследственной информацией, на развитие индивида влияет другой вид информации - информации фенотипа, приобретаемой в процессе жизни человека и являющейся основой для самопрограммирования. Приобретаемая информация дает возможность человеку познать внешний мир, воздействовать на него, а затем и преобразовывать.

Однако все это реализуется в зависимости от содержания и меры усвоения приобретаемой информации. Информацию, которая лучше всего усваивается и используется для выработки алгоритма дальнейшей пере-

стр. 35

работки информации, мы определяем как "установочную информацию". Именно такая установочная информация "программирует" личность. Чаще всего это бывает информация, полученная из ближайшего окружения. Наиболее значимую роль в становлении личности играет именно не биологическая, а социальная информация, которую В. З. Коган определяет как "качественно высший и самый сложный вид информации. Он чрезвычайно динамичен, постоянно движется, отдельные сообщения о тех или иных сведениях сливаются в единый поток, имеющий сложную структуру" [14, с. 23].

Размышления о том, почему одна информация усваивается, а другая - нет, приводят к проблеме выбора "жизненных сценариев" человека [15, с. 17].

Идея "жизненных сценариев", согласно которой в жизни каждой личности драматические события, выбранные роли, первоначально определяются заложенным

социально обусловленным сценарием, высказана Э. Берном. Личностный сценарий имеет поразительное сходство с театральным сценарием. И тот, и другой предполагают список исполнителей, сюжеты, действия и темы. Информационно-психологический сценарий - это некий план жизненного пути, который предписывает, каким образом личность должна прожить свою жизнь. Чаще всего это драма проживается личностью неосознанно. Установочная информация усваивается ребенком с момента рождения, и тут начинается запись сценария. Ребенок ощущает отношение к себе со стороны окружающих (любовь - нелюбовь), взаимоотношения родителей и т. д. По мере роста индивид приучается играть различные социальные роли героев, жертв, злодеев, спасителей, попадает в ролевые конфликты, ищет выходы из них. Кроме того, он неосознанно ищет тех, кто сыграет дополнительные роли. Вырастая, человек исполняет свой сценарий в контексте того социального окружения, в котором живет. Информационная жизнь каждого конкретного индивида включает в себя инфосценарий семьи, инфосценарий общества. Взаимодействие данных сценариев с личностным в результате дает своеобразие и неповторимость каждой конкретной жизни. Что же представляют собой названные сценарии?

Сценарий личности начинает закладываться в семье, которая находится в конкретном обществе, в конкретной культуре. Следовательно, личностный сценарий определяется семейным, а на него, в свою очередь, влияет культурный сценарий. Семейный сценарий предполагает наличие определенной модели, которая содержит установленные традиции и ожидания для каждого члена семьи. Данная модель передается из поколения в поколение. Однако некоторые семьи могут намеренно избавляться от традиционных сценариев старшего поколения, тем более если этого требует культурный сценарий. Возникновение новых сценариев, когда старые ожидания и традиции отброшены или их дальнейшее продолжение становится невозможным, может быть как болезненным, так и нет. Восприниматься такое изменение может как улучшение или как ухудшение.

Установочная информация для членов семьи определяется фразами: "у нас в семье всегда...", "в нашей семье обычно..." и т. п. Член семьи, который не осуществляет ожидаемый сценарий, может отвергаться семьей или восприниматься ею как "белая ворона". Семейные сценарии несут ряд предписаний (установочных информационных) для членов семьи. Отсюда и

стр. 36

берет начало сценарий личности. Установочную информацию типа: "ты хороший и умный" или "ты дурной и глупый" получают чаще всего в семье. И если семья закладывает в индивида положительную установочную информацию по поводу него, то неуспешность в дальнейшей жизни преодолевается личностью достаточно легко. В целом одни семейные сценарии способствуют успеху личности, другие - неудаче. Личностный сценарий начинает записываться у человека с первых дней рождения, с восприятия невербальной информации. Ребенок ощущает, как его держат (с любовью или нет), как к нему относятся, и отсюда формируется его самооценочность, то есть принятие себя. Высокая самооценочность определяется ощущениями "я любим, я нужен, я ценен", низкая самооценочность - противоположными. Здесь и начинается выработка теории личности о себе, то есть ее Я-концепция. Ребенок, который получает отрицательную информацию по поводу себя, усваивает деструктивный сценарий. Положительная информация формирует позитивный сценарий. Таким образом, субъективно-объектное инфовзаимодействие формирует определенную направленность личности.

Но на этом "работа" инфосценария не заканчивается. Если личность усвоила деструктивный сценарий, то у нее возникает потребность в новой, повышающей личностную самооценочность информации, которая поможет ей либо улучшить сценарий, либо сформировать контрсценарий. С этой точки зрения, можно различить два вида информации: установочную и инновационную. Причем первая обычно направлена на

сохранение сложившихся личностных структур, а вторая - на их развитие. Хотя в подобной ситуации значительно сильнее "эффект первичности", по определению Д. Майерса, обозначающий более выраженное воздействие полученной ранее информации при прочих равных условиях. В этом случае определяющую роль может сыграть степень развитости инфопотребности личности [см.: 15]. Индивид, не получающий положительной информации относительно себя в семье, стремится найти такую информацию в обществе, в ближайшем социальном окружении вне семьи. Таким образом, большее влияние начинают оказывать культурные сценарии, которые отражают специфику информационного развития отдельных общностей, народов, стран. Инфокультурные сценарии аккумулируют то, что обычно понимают под национальным характером. Тема сценария повторяется из поколения в поколение. Она может содержать сюжеты завоеваний (римляне), может включать в себя страдания, гонения и лишения и т. п. Инфокультурный сценарий может также определять содержание ролей, предназначенных мужчинам и женщинам. М. Мид описывала одно племя в Новой Гвинее, в котором мужчинам предписано быть пассивными, а женщинам - решительными, активными. Мужчина должен быть "хранителем очага", заботливым отцом, женщина же - энергичной и сильной добытчицей. Заметим, что в большинстве других культур подобная смена позиций вряд ли вызвала бы положительную оценку. На основе сценария формируется установочная информация, которая в крайнем проявлении отражается в определенных (хотя и не всегда адекватных) стереотипах, установках по отношению к нации. Здесь речь идет о так называемом "социальном стереотипе", под которым

стр. 37

чивый образ, представление о каких-либо явлениях или людях, свойственное представителям той или иной социальной группы, этноса. Распространенные этнические стереотипы проявляются, например, в представлениях о чопорности англичан, легкомысленности французов, эксцентричности итальянцев, педантичности немцев и т. д.

Специфика инфокультурных сценариев реализуется в поведении людей, в личностных сценариях. Однако если одни люди принимают сценарий своей культуры, то другие - нет. Если жизненный сценарий личности соответствует ожиданиям ее культуры, то она получает признание и одобрение. Если же личный сценарий не соответствует общественному, этническому сценарию, то личность не может достичь успеха, она обречена на неодобрение или даже санкции социума. Но при этом история полна примеров, когда люди смогли независимо мыслить, имея отличный от общей культуры инфосценарий, и в то же время развивать данную культуру. Речь идет о новой информации, генерируемой личностью и ориентированной на инноватику, в то время как установочная информация сохраняет добытое и хорошо усвоенное, являясь консервативным началом. Инфогенез относится, на наш взгляд, к сфере "сверхсознания", к той области, где господствуют неосознаваемые инфопроцессы, лежащие в основе творчества, интуиции, мыслительного "инсайта" (озарения). Затем следует этап, переводящий аккумулированную неосознанную новую информацию в сферу сознания.

Как считает П. В. Симонов [см.: 13], функционирование сверхсознания, порождающего новую, ранее не существующую информацию, осуществляется путем рекомбинации следов, полученных извне впечатлений, не контролируемых осознанным волевым усилием. На "суд сознания" подаются только результаты этой деятельности. К сфере сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества - порождение гипотез, догадок, творческих озарений. Если подсознание защищает сознание от излишней работы и информационно-психических перегрузок (от "информационного невроза"), то неосознаваемость творческой интуиции есть защита от сверхактивности сознания, от чрезмерного давления ранее накопленного опыта. Не будь этой защиты, здравый смысл, очевидность непосредственного наблюдаемого, догматизм прочно

усвоенных норм душили бы "гадкого утенка" смелой гипотезы, оригинального замысла в момент его зарождения, не дав ему превратиться в "прекрасного лебедя" будущих открытий. Вот почему за дискурсивным мышлением оставлены важнейшие функции формулировки проблемы и постановки ее перед познающим умом.

Таким образом, можно допустить, что личность, генерирующая новую созидующую информацию, выступает в роли сверхсознания данного общества. Кроме того, информационный фактор сам по себе способствует развитию созидającego самосознания. Для этого, как считает Л. П. Гримак [см.: 14], сознание должно развивать такие функции, как программирование созидающей деятельности, выработка решений, их реализация с учетом существенных внешних условий. На каждом жизненном этапе, опираясь на внутренние возможности (темперамент и пр.) и внешние условия, либо осозная, либо интуитивно осваивая то и другое,

стр. 38

индивид определяет для себя конкретные цели или жизненные перспективы. Намеченные задачи заставляют вырабатывать решения и осуществлять их, что, в свою очередь, развивает личность, поскольку осуществление (или неосуществление) данных задач неизбежно приводит к необходимости обозначения новых целей. В этом случае необходима новая информация, переосмысление освоенной, чтобы выработать следующие жизненные перспективы. В ситуации социальной неопределенности появляется состояние тревоги и стресса. Чтобы понизить эту неопределенность, необходимо освоить новую социальную среду, что требует определенных изменений личностного потенциала. Необходимо новое осмысление ситуации, освоение новых умений и навыков, новых действий. Следовательно, накапливаемая информация, увеличение инфобазы формирует ситуацию инфонеопределенности, что, в свою очередь, заставляет личность изменяться, чтобы редуцировать эту неопределенность к определенности, стимулирует инфопотребность личности.

Инфопотребность активизирует такую деятельность, которая включает в себя производство, переработку, хранение, передачу, восприятие и использование знания, которое уже выработано, осознано и переведено в знаковую форму. Информационная потребность отличается от познавательной "по характеру деятельности, направленной на ее удовлетворение, по предмету самой потребности и по функции в социальной системе" [16, с. 88].

Таким образом, познавательная потребность активизирует стремление индивида познавать окружающий мир, а инфопотребность стимулирует у него необходимость осваивать информацию об этом мире, которая, в свою очередь, стимулирует движение человека вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенюк Э. П. Развитие информационного пространства и прогресс общества // НТИ. - 1997. - N1. - Сер. 1. - С. 3 - 12.
2. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. - М.: Мир, 1967. - 90 с.
3. Семенюк Э. П. Информационный подход к познанию действительности. - Киев: Наукова думка, 1988. - 240 с.
4. Коллектив. Личность. Общение: слов. / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. - Л.: Лениздат, 1987. - 144 с.
5. Сачков Ю. В. Информация и вероятность // Вопросы философии. - 1971. - N6. - С. 45 - 54.
6. Кравченко С. А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы / Социологические исследования. - 2010. - N10 (318). - С. 14 - 25.
7. Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Социальная информация (некоторые методологические аспекты) // Вопросы философии. - 1974. - N4. - С. 61 - 74.
8. Гиндев П. Философия и социальное познание. - М.: Прогресс, 1977. - 365 с.

9. **Берг А. И.** Информация и кибернетика. - М.: Сов. радио, 1967. - 410 с.
10. **Психология:** слов. / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.
11. **Шрейдер Ю. А.** Информация и знание: сб. тр. ВНИИ системных исследований. - 1988. - №3. - С. 47 - 52.
12. **Кузнецов О. Н., Леберов В. И.** Психология и психопатология одиночества. - М., 1972. - 336 с.
стр. 39

-
13. **Пригожин И., Стенгерс И.** Время, хаос, квант. - М. Прогресс, 1994 - 272 с.
14. **Коган В. З.** Теория информационного взаимодействия: философско-социологические очерки. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. - 320 с.
15. **Урсул А. Д.** Природа информации: филос. очерк. - М.: Политиздат, 1968. - 287 с.
16. **Коган В. З., Уханов В. А.** Человек: информация, потребность, деятельность. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 192 с.
стр. 40

Григорьева А. А. Философские основы социализации личности¹⁹

Выделение теории социализации в самостоятельную область исследований произошло в середине XX в. благодаря научным разработкам философов, социологов, этнографов, с разных точек зрения рассматривавших процесс становления человека как компетентного члена общества

Социализация личности - это сложный, многоплановый и противоречивый процесс взаимодействия индивида и общества. Философский аспект социализации заключается в решении антропологической тенденции философии, а именно проблемы отношения "человек - мир". Данное направление позволит нам выделить пути решения проблемы социализации. Поэтому важно определить, как философы рассматривали зависимость

Григорьева Антонина Афанасьевна - доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного образования, директор педагогического института, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. E-mail: pi_yaqu@mail.ru
стр. 12

сущности человека от социальных факторов. Обозначим позиции философов при решении этого вопроса.

По мнению Платона, воспитание должно организовываться государством как средство совершенствования всей государственной жизни, формирования каждого человека в интересах государства [см.: 1]. Аристотель не строил иллюзий относительно идеального государства, однако настаивал на том, что государство обязано взять на себя ответственность за воспитание юношества, но не во имя государственных интересов, а во имя развития прекрасного и духовно нравственного в человеке [см.: 2].

Для античных философов формирование общественности человека - это прежде всего его готовность к выполнению социальных функций. Они, рассуждая о телесно-духовной природе человека, ее многосторонности, способности к бесконечному совершенствованию, возвращались к идеалу гармоничного физического воспитания во имя всеобщего счастья.

Я. А. Коменский трансформировал в своем мировоззрении, в своей философии образования величайшие достижения человеческого духа предшествующих веков

---

¹⁹ Григорьева А. А. Философские основы социализации личности // Философия образования. 2012. №2. С. 12-18.

культурного развития. Концепция философа - это поистине гимн человеку с его безграничными способностями творить себя и совершенствовать мир природы и общества, с его стремлением к активности, творчеству, красоте и гармонии. По мнению Я. А. Коменского, человек поднят над конкретным историческим временем, над его социальными связями и зависимостями, он высшая ценность, цель в себе [3].

Основываясь на философско-педагогических воззрениях Д. Локка, французский философ XVIII в. К. А. Гельвеций утверждал, что человек формируется только под влиянием среды и воспитания [4].

Д. Дидро отмечал, что природа и строение человека таковы, что вне общества он не мог бы ни сохранить свою жизнь, ни развить и улучшить свои способности и таланты, ни добыть себе подлинное и прочное счастье [5, с. 62].

П. Гольбах считал: "Не природа создает дурных людей, а наши учреждения заставляют их быть такими. Ребенок, воспитанный среди разбойников, может стать злодеем, если бы он был воспитан среди добродетельных людей, то сам бы стал добродетельным человеком" [6, с. 348].

Ж. -Ж. Руссо сделал вывод о том, что человеческие пороки и страдания порождаются средой, плохим воспитанием, неразумным общественным устройством. Он представлял социум как сообщество свободных людей, мелких землевладельцев, живущих своим трудом, руководствующихся в своем поведении идеями общего блага, "всеобщего интереса". И воспитание в таком обществе - общечеловеческое, предполагающее равные права и возможности каждого его члена обрести самого себя, свою уверенность и свободу, обрести способности "работать как крестьянин и думать как философ", реализовать себя как творческую индивидуальность [3, с. 190].

В немецкой классической философии выделялся аспект социального становления личности, в частности вопрос воспитания. Главная задача научного знания, по И. Канту, состоит в том, чтобы помочь индивиду стать не просто знающим и воспитанным, а человеком - членом социума [7].

Л. Фейербах понимал сущность человека как определяемую социальными связями: "Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает
стр. 13

человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо в общении, единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся на реальность различия между я и ты" [8]. Именно в сфере межчеловеческого общения и осуществляется, по Л. Фейербаху, самореализация человека. В ходе этого общения и совместной деятельности происходит процесс социализации.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса подчеркивается, что важным условием социального становления личности является включение индивида в социальное целое - в общественную систему. С этих позиций стало возможным увидеть социальное развитие индивида как взаимодействие личности и общества, как двусторонний процесс. Главным механизмом развития личности теоретики диалектического материализма определяли практику. Именно в ходе практической деятельности человек изменяет действительность и самого себя [9].

Большой вклад в совершенствование теории социального становления индивида внесли русские философы, считающие, что человек и мир взаимодействуют друг с другом. В философско-антропологических взглядах А. И. Радищева человек - часть природы, которая развивается по единым законам с другими природными существами. Человек - это и социальное существо, он "рожден для общежития", нуждается в общественных связях и отношениях [10].

К наиболее важным положениям о сущности социализации личности в истории развития философской мысли можно отнести следующие: 1) проявляется интерес философов к проблеме социализации, 2) развитие личности обусловлено социальными

факторами, 3) процесс социализации происходит через взаимодействие с другими людьми, 4) результат процесса социализации зависит от целенаправленного воздействия на развитие личности.

В современной западной философии проблема социализации разрабатывается преимущественно в русле психоанализа и интеракционизма, то есть в плоскости определенной абсолютизации биологизма и социологизма. Анализ теоретических подходов к социализации личности в зарубежных исследованиях позволяет условно выделить две концепции, которые основываются на объектной и субъектной позиции самой личности, ее пассивности или активности в процессе взаимодействия с социальной средой: адаптивную концепцию социализации и концепцию акцентирования субъект-субъектных отношений в процессе социализации [см.: 11].

Как известно, сторонники биологизированного направления считают, что задачи школы и образования в вопросах социализации диктуются внутренней природой личности. Социологизированные направления представляют социализацию как результат межличностного общения, когда личность воспроизводит усвоенные общепринятые идеи, образцы социального поведения [см.: 11].

Среди многочисленных концепций социализации следует выделить теорию французского философа и социолога Э. Дюркгейма как основополагающую для целого научного направления. Адаптивистский подход к социализации, по Дюркгейму, позволяет обществу выжить за счет социальной однородности составляющих его членов. Существенные характеристики воспитанников формируются в коллективной жизни в процессе

стр. 14

адаптации к культуре, в соответствии с универсальным идеалом данного общества. Ценностно-смысловое содержание идеалов различных социальных структур зависит от традиций, уровня цивилизационного развития общества и др. Э. Дюркгейм одним из первых исследовал системную связь социализации и воспитания детей и молодежи. Рассматривая "воспитание как важнейший социальный инструмент, он считал возможным через родителей и учителей подготовить, развить у детей самые важные условия для их существования" [12].

Интеракционизм, основателем, которого является американский философ и социальный психолог Дж. Мид, представляет собой социологически доминирующий подход к социализации и рассматривает последнюю как процесс усвоения индивидом (главным образом, в общении через "принятие роли другого") определенной системы социальных ролей, с которой связаны различные социально-культурные значения и символы. Согласно Дж. Миду, процесс формирования социализации личности включает в себя три различные стадии: имитацию или копирование детьми поведения взрослых; игровую стадию, когда дети воспринимают поступки людей как исполнение ролей, и стадию групповой игры, когда дети осмысливают ожидания целой группы людей. Интеракционизм (от англ. interaction - взаимодействие) описывает социализацию как следствие межличностного взаимодействия людей, ведущего к их согласию через взаимно конформное поведение. Обозначенные структурно-функциональные теории социализации, актуализирующие цели социальной адаптации, моменты приспособления ребенка к социальной среде путем усвоения заданных норм, правил и ценностей, являются во многом, по своей сути, теориями конформности, приспособления, в определенной мере недооценивающими собственную активность и естественную природную вариативность поведения личности [13].

Дальнейшее философское решение социализации осуществлялось в рамках школ "философской антропологии" и марксистской философии. Представители первой стоят на позиции дуалистической сущности человека, определяя зависимость ее от социальных факторов. Так, американский ученый Л. Уайт признает, что природа человека и его

поведение в значительной мере определяются культурными факторами. Однако Л. Уайт разделяет культуру и человека, культура оказывается самостоятельным явлением, человек ее не творит и не контролирует, а только воспринимает: человеческое поведение лишь реакция организма на этот поток культуры [14].

В 80-е гг. в зарубежной философии появляются теории, возрождающие кантовские идеи о наличии априорных компонентов внутреннего мира личности. Социализация представляется как проявление "заложенной в генетической программе индивида информации". "В ребенке, - пишет А. Суливан, - когда он родился на свет, уже дремлет сознание всего испытанного человечеством. Это словно фотографические снимки-негативы, пока речь не проявит их и те не вызовут наружу сокровенные унаследованные картины" [11, с. 457].

Сущность социализации в современной отечественной философии рассматривается в научной концепции соотношения биологического и соци-

стр. 15

ального в человеке. Исследования В. В. Орлова позволяют выявить три позиции в объяснении сущности человека [15].

1. Концепция чисто социальной сущности человека. Согласно этой концепции, возникновение социального приводит к полному подавлению биологического.

2. Концепция дуалистической природы человека. Биологическая сущность человека рассматривается как внутренняя, присущая самому человеку, а социальная - как внешняя, существующая вне человека. К. А. Абульханова-Славская, критикуя данную позицию, указывает на стремление представить сущность человека как нечто надындивидуальное [16].

3. Концепция интегральной природы человека (на основе марксистской антропологии). Данная концепция признает, что природно-биологические основы человека определяют многие стороны его жизнедеятельности.

По мнению Н. П. Дубинина, биологические возможности являются фоном, на котором разворачивается процесс становления человека как участника социально-исторического процесса [17].

С. С. Батенин указывает, что социальное не адаптируется к биологическому, а происходит перестройка ранее существовавшего, в результате которой содержание биологического достигает высокого функционального уровня, что было бы невозможно на основе только природных процессов. С. С. Батенин заключает, что социальная сущность человека содержит в себе в подчиненном виде свою биологическую основу [18].

Значительной для нашего исследования являются точка зрения Б. Д. Парыгина, который под социализацией понимает весь многообразный процесс очеловечивания человека, включающий в себя как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду и предполагающее социальное познание, социальное общение, овладение навыками практической деятельности, включая как предметный мир вещей, так и всю совокупность социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей и т. д., активное переустройство окружающего мира, изменение и качественное преобразование самого человека [19].

Процесс социализации означает развитие человека как в онтогенетическом, так и филогенетическом планах. Онтогенетический подход характеризует социализацию как процесс усвоения личностью социального опыта, включение ее в систему общественных отношений. Филогенетический подход определяет социализацию как специфический способ передачи жизненного опыта от общества к личности. Различия между этими двумя подходами на первый взгляд велики, поэтому очень часто они трактуются как альтернативные концепции. Однако их можно рассматривать и как взаимодополняющие, выражающие различные стороны процесса социализации: личностную или

общественную, внутреннюю или внешнюю, раскрывающие социализацию как процесс взаимодействия личности и общества.

Философ В. В. Москаленко определяет основы взаимодействия личности и общества. Она характеризует социализацию как двусторонний процесс взаимодействия индивида и общества, предполагающий не только усвоение социального опыта, то есть репродуктивную деятельность, но и

стр. 16

продуктивную, то есть собственно творческую. Значительный интерес в изучаемом нами аспекте представляет описание активной позиции личности в процессе социализации [20].

Таким образом, термин "социализация" в философском аспекте раскрывается неоднозначно. Существенным для философии образования представляется процесс становления личности в социуме - усвоение индивидом определенной системы ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности [см.: 21 - 23].

Понятие "социализация" рассматривается нами как процесс трансляции и распространения культуры, передачи культурного наследия от одного поколения к другому. По сути, социализация, под которой мы понимаем культуру семьи, есть отражение в гуманитарном знании граней целостного единого процесса становления человека, жизнедеятельность которого, начиная с появления на свет, разворачивается как "вхождение" в культуру семьи и социум.

Изучение научных философских исследований по проблеме социализации позволяет сделать следующие выводы:

- разнообразие подходов к проблеме социализации говорит о возрастании интереса ученых к данной теме;
- доминирующей является позиция социальной обусловленности процесса развития личности;
- процесс социализации означает развитие личности в филогенетическом и онтогенетическом плане, что определяет роль процесса социализации в развитии не только отдельной личности, но и общества в целом;
- процесс социализации предполагает активное взаимодействие личности и общества.

Подводя итог проанализированному научному материалу, отметим, что категория социализации в философии обладает познавательным и смысловым значением, указывая на зависимость развития личности от социальных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус В. Ф. Платон. - М.: Мысль, 1969. - 247 с. - (Сер. "Мыслители прошлого").
2. Зубов В. П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. - М.: Изд-во АН, 1963. - 368 с.
3. Педагогическое наследие: Я. А. Коменский, Дж. Локк, Ж. -Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. - М.: - Наука, 1988. - 416 с.
4. Гельвеций К. А. О человеке // Сочинения: в 2-х тт. - М. - Т. 2. - 1974. - 148 с.
5. История в энциклопедии Дидро и Д. Аламбера / пер. и прим. А. Д. Люблинского. - Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. - 312 с.
6. Гольбах П. А. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с франц. ; под общ. ред. Х. Н. Момаджян. - М.: Соцэкиц, 1963. -Т. 1. - 715 с.
7. Кант И. Сочинения. - М.: Мысли, 1964. -Т. 2. - 283 с.
8. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. - М.: Мысль, 1995. -Т. 1. - 240 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. - М.: Политиздат, 1986. -Т. 3. - 639 с.

10. Радищев А. Н. Избранное. - М.: Прогресс, 1988. - 349 с.
стр. 17

-
11. Соотношение биологического и социального в человеке: материалы к симпозиуму в г. Москве АН СССР. Сентябрь. 1975. - М., 1975. - 856 с.
12. Дюркгейм Э. Социология. - М.: Канон. 1996. - 349 с.
13. Мид Дж. Культура межпоколенных отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1970. - 338 с.
14. Культурология Уайта. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://ethnopsyhology.narod.ru/study/culture/white.htm>
15. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. - Пермь: Перм. ун-т, 1974. - 397 с.
16. Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. - М.: Мысль, 1977. - 224 с.
17. Дубинин Н. П. Социальное и биологическое в развитии человека // Соотношение биологического и социального. - Пермь, 1981. - 216 с.
18. Батенин С. С. Человек в его истории. - СПб: Изд-во Лен. унив., 1976. - 295 с.
19. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. - М.: Мысль, 1971. - 220 с.
20. Москаленко В. В. Социализация личности: философский аспект. - Киев: Вишашк, 1986. - 198 с.
21. Кондратьева У. Г. Социокультурные условия развития личности и феномен "социальной желательности" // Философия образования. - 2011. - N 2 (35). - С. 208 - 214.
22. Крутько Е. А. Социализация и асоциализация как философская проблема // Философия образования. - 2011. - N 2 (35). - С. 166 - 171.
23. Голиков Н. А. Проблемы социализации личности в условиях инновационных образовательных учреждений // Философия образования. - 2011. - N 3 (36). - С. 38 - 45.
стр. 18

РАЗДЕЛ 3. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Козлов М. А., Мичурин К. А. Социально-культурные конструкты коммуникации²⁰

В рамках VII Международных Лихачевских научных чтений "Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире"¹ был проведен "круглый стол" журнала "Человек" "Культурные конструкты коммуникации". Предлагаем вниманию читателей материалы дискуссии.

Мануильский М. А. (канд. филос. наук, зам. главного редактора журнала "Человек"): Социально-культурную коммуникацию традиционно рассматривают как набор различных вариантов и режимов диалога производителей культурных и информационных продуктов (массовая культура и СМИ как ее важнейшая, а по сути самодостаточная, если не сказать, самодовлеющая часть) и потребителей этой продукции. Основные рассуждения и дискуссии разворачиваются в рамках следующей парадигмы: массовая культура и СМИ навязывают населению упрощенные (уплощенные, примитивные) интеллектуально-нравственные представления, выгодные властным структурам, экономическим элитам, воротилам шоу-бизнеса; люди не могут разобраться в потоке информации, критически оценить ее (откровенно циничная характеристика ситуации - "пипл всё схавает").

Подобная риторика, как правило, сопровождается оговорками - конечно, есть особенности, исключения и т.д. Я предлагаю участникам "круглого стола" сосредоточить внимание прежде всего на этих "исключениях", поскольку на их основе формируются векторы диалога в коммуникативном пространстве.

Силласте Г. Г. (д-р филос. наук, проф., зав. каф. социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального собрания РФ): Глубинные преобразования в социально-экономическом и политическом строе любой страны всегда связаны с острой политической и идейной борьбой. Основной объект такой политической борьбы - молодежь, в частности - сельская молодежь, наиболее податливая внешним влияниям.

На протяжении нескольких последних лет я руководила масштабным социологическим исследованием села и сельской школы. Приведу некоторые результаты этого исследования, касающиеся обсуждаемой темы.

Широко распространена точка зрения, согласно которой российская деревня, по сравнению с городом (и особенно - с мегаполисами Москвой и Петербургом) обделена информацией и средствами ее распрост-

---

¹ См. материал "Диалог культур и цивилизаций в современном мире" в рубрике "Гуманитарная хроника".
стр. 36

ранения. Да, российская деревня ограничена в своих возможностях приобретения книг, брошюр, газет, журналов. Почти 30% сельских семей вообще не выписывают периодические издания, в основном из-за отсутствия денег, а 12,4% селян считают, что газеты и журналы можно прочесть в библиотеке и не тратить деньги на подписку.

Вместе с тем на селе действует достаточно развитая информационная система, в которой бесспорное лидирующее место занимает телевидение. Его охват сельских жителей составляет 86,7%.

---

²⁰ Козлов М. А., Мичурин К. А. Социально-культурные конструкты коммуникации // Человек. 2007. №6. С. 36-43.

Судя по оценкам, помощь телепередач в определении жизненных планов сельской молодежи небольшая. Всего от 10 до 37% опрошенных признали, что телевидение сыграло большую роль в их самоопределении и выборе жизненных планов. От 16 до 19% сельской молодежи считают, что телепередачи *не оказывают никакой помощи* в решении таких проблем, как поступление в вуз и приобретение профессии, создание семьи, возможности сделать карьеру, открыть свое дело, стать знаменитым. 22 - 28% респондентов недовольны отсутствием телеинформации о возможностях трудоустройства и переезда в город, отъезда на работу за рубеж. 28 - 37% опрошенных критикуют телевидение из-за отсутствия информации о *сельской жизни* (как построить свой дом, создать фермерское хозяйство и т.п.). Наконец, 35% молодых людей недовольны телеинформацией по вопросу о том, "как стать политиком".

Исследование вскрыло критическое отношение сельской телеаудитории к коммерциализации информационных, образовательных услуг. В условиях форсированного перехода к рыночной экономике в 1990-е годы культ денег стал практически общегосударственной идеологией. СМИ в этой разрушительной эрозии сознания и нравственных установок личности стали играть решающую роль, навязывая новые стандарты поведения и отношений между людьми.

Ориентация СМИ и особенно телевидения на пропаганду "больших ожиданий" от быстрого обогащения, наживы прежде всего "полоснула" по неустойчивому молодежному сознанию. Влияние такой переориентации негативно отразилось на жизненных ценностях, планах, путях достижения успеха и самореализации молодой личности, ее нравственных устоях.

По данным нашего исследования, для большинства сельской учащейся молодежи ценность денег и богатства стала выше веры в идеалы (91,4% против 69,6%). Считают ценность денег и богатства "очень высокой" 40% учащихся, тогда как вера в идеалы высоко оценивается в 2 раза реже (21,3%). Для каждого четвертого сельского школьника вера в идеалы вообще не имеет никакой ценности, чего не скажешь о деньгах и богатстве, в которых никакой ценности не видят 5 - 6% респондентов.

По мнению преобладающего большинства респондентов, именно телевидение наиболее активно распространяет "идеологию" силы денег, их "культа", учит добиваться своей цели любыми методами и средствами (46,3%), поддерживает стремление к обогащению и наживе (33%), восхваляет бандитов и преступные авторитеты (30,5%), облагораживает корысть (19%). Не более чем "проблески" идей честности и правдивости, доверия к людям отмечают в телепередачах лишь 24 - 25% сельских старшеклассников.

Социологический анализ показывает, что телепропаганда дает свои плоды. Ведущая психологическая реакция - "желание иметь много денег" (особенно у юношей - 50,1%) и "не останавливаться перед средствами в достижении этой цели" (к такому выводу более восприимчивы девушки - 44% против 37,4% среди ребят).

стр. 37

К телепередачам, в которых превозносится сила денег, у 13% сельских учащихся отношение позитивное, у почти 46% - негативное. Если учесть, что среди сельских жителей за чертой бедности живут 61,6%, что средняя заработная плата в сельском хозяйстве составляет менее 2 тыс. руб. (или 35% от среднероссийского уровня), то понятны и мотивы отношения к пропаганде культа денег и к их обладателям. А отношение это конфликтогенное.

Многие телевизионные передачи, демонстрирующие раздел общества на бедных и богатых, порождают у молодежной телеаудитории, с одной стороны, зависть к благополучным и обеспеченным (среди юношей несколько чаще, чем среди девушек), а с другой - уважение к богатству, "восхищение богатыми". В большинстве случаев (66%) "телеиспытание богатством" вызывает чувство обиды за несправедливость и в то же время формирует (если не сказать, уже сформировало) у каждого четвертого ориентацию на

силу денег, уверенность в том, что именно "богатство и деньги" важнее всего в достижении успеха в жизни.

Влияние передач радио и телевидения на трудовые ориентации молодежи, по признанию большинства сельских учащихся (40,5%), независимо от тендерной группы, большое. Получается, что передачи, превозносящие силу денег, обладают для определенной части учащейся молодежи обратным эффектом "трудовой стимуляции". Вместе с тем 18,2% опрошенных отрицают воздействие СМИ на их стремление зарабатывать "собственным трудом". Иначе говоря, имея устойчивую трудовую ориентацию, эта группа сельских школьников не усматривает зависимости своих жизненных установок в сфере труда от воздействия СМИ. Следует отметить, что потребительская ориентация - "не работать и не учиться, но иметь все, что хочется" - не типична для сельских школьников (6,5%). Абсолютное большинство учащихся (86,6%) придерживается нравственных установок и ориентации: "много работать и хорошо зарабатывать" (почти 46%), "иметь интересную работу, любимую профессию независимо от заработка" (34,3%), "небольшой, но твердый заработок" (6,4%). Таким образом, значение труда как социальной и нравственной ценности среди сельской учащейся молодежи не девальвировано, что создает хорошие предпосылки для закрепления в молодежном сознании нравственных ценностей трудового поведения.

Юшквичюс Г. З. (советник Генерального директора ЮНЕСКО, вице-президент Евразийской академии телевидения и радио): Успех диалога культур и цивилизаций сегодня во многом зависит от средств массовой информации. Особенно значительное влияние на этот диалог оказывает телевидение благодаря тому, что программы телевидения распространяются практически без препятствий. Российский телезритель может смотреть многие иностранные телевизионные каналы, зарубежные российские каналы как на русском, так и на других языках. Есть прекрасная возможность для диалога культур и цивилизаций, и действительно такой диалог происходит.

Однако многие телевизионные программы, особенно российские, все чаще привлекают зрителя не талантом, выдумкой, мастерством, а обращением к темным сторонам его подсознания. Они делают ставку на страх, секс, насилие, ожидание смерти. Такой эмоциональный наркотик разъедает ценностную систему российской культуры, а зарубежному зрителю Россия представляется жестокой, опасной страной.

Проблема огромная. Необходимо применить диктатуру закона, чтобы искоренить насилие и порнографию из программ телевидения. Такой опыт есть во многих странах, например, во Франции, Великобритании, США.

стр. 38

На защиту культуры и языка от пошлости и жестокости, проповедуемых телевидением, должны встать общественность, политики и все конфессии.

Савельева О. О. (д-р социол. наук, доцент Московского педагогического государственного университета): Важнейшим каналом культурной коммуникации выступает реклама. В 2006 г. наш рекламный рынок составлял 6,5 млрд. долл. Естественно, основная доля рекламных расходов - телевидение. Названная сумма - не все рекламные расходы, это так называемые ATL-коммуникации, т.е. классические виды рекламы в прессе, наружная реклама, реклама в кинотеатрах. Но есть еще BTL-коммуникации. Если считать все, российский рекламный рынок составляет около 8 млрд. долл. В мировом рейтинге мы занимаем третье место с конца. На душу населения рекламные расходы у нас самые маленькие. Дело в том, что реклама - это прагматическая коммуникация и она приходит только туда, где ей есть что делать. Жизненный уровень значительной части российского населения не позволяет ей быть рекламной аудиторией. Основная доля рекламы сосредоточена на телевидении. А телевизор смотрят в основном те, у кого нет других форм проведения досуга. Эти группы не являются аудиторией рекламы, но именно на них обрушивается ее основной поток. Конечно, реклама несет

важную социальную функцию, она показывает человеку новые возможности, но она должна давать внятные представления о тех социально одобряемых путях, коими этого можно достичь. А когда одно не сопровождается другим, когда день за днем человеку говорят, какая хорошая, красивая машина "Форд", это создает потенциальную базу социального конфликта.

С моей точки зрения, мы, наверное, одна из немногих стран мира, где реклама - серьезный источник социального конфликта и создаваемый ею заряд напряженности может когда-нибудь сдетонировать

Что касается рекламы и СМИ, то, поскольку, на мой взгляд, современные СМИ - это бизнес-предприятие, которое создано для получения прибыли, они несут ответственность не перед нами (обществом), а перед своими рекламодателями. Самое главное, рекламодателю нужны не все читатели (зрители), ему нужна платежеспособная аудитория, т.е. та, которая может реагировать на рекламные стимулы. Сейчас наиболее привлекательной группой считаются так называемые "молодые взрослые", люди 25 до 40 лет, активные, хорошо зарабатывающие, нацеленные на потребление.

Какие бы претензии мы ни предъявляли к рекламе, она - неотъемлемая часть культуры, по крайней мере, массовой. У нас несколько пренебрежительное отношение к последней. По моему глубокому убеждению, массовая культура - это народная культура современной эпохи. До второй половины XIX в. народ сам себя развлекал (песни сочинял, танцы изобретал, что и получило название фольклор), поскольку не было каналов коммуникации. Сегодня произошли революционные изменения. На базе производства народного "искусства" стала активно формироваться система потребления культурных продуктов, удовлетворяющих основополагающие потребности человека. То есть массовая культура - это народная культура потребления, которая делается профессионалами для потребления народом. Когда мы говорим: "чтиво, оглушение", мы, скорее, демонстрируем собственный уровень понимания проблемы массовой культуры, чем то, что она есть на самом деле. Чарли Чаплин, Эдит Пиаф - это стопроцентно массовая культура. Разве это плохо?

Реплика с места: Может быть, реклама - это часть *антикультуры*? Еще З. Фрейд показал, что у человека два основополагающих ин-
стр. 39

стинкта - Эрос и Танатос. Значит, "стрелялки", кровь, секс, эротика всегда будут привлекать людей. Реклама, которая на этом строится, собирает большую аудиторию, большая аудитория дает большое количество покупателей, и получается, что мы запускаем механизм саморазрушения.

Савельева О. О.: Вопрос в том, как подходить к культуре. В культурологии и социологии есть две концепции на сей счет - антропологическая и аксеологическая. Согласно первой, все, что не природа, то культура. Не всегда, правда, завоевания человечества приносили ему счастье, но все, что создано на протяжении выхода из природы, отделения из природы - это все культурные проявления. Фашизм - тоже культура (тоталитарная). С этой точки зрения, вопрос вообще теряет смысл. Если мы стоим на аксеологической позиции, то к культуре относится главным образом то, что сохраняет человеческие ценности, способность к совместной жизнедеятельности людей. А антикультура - то, что вносит деструктивные элементы в социальную жизнь, угрожает социальному порядку. Но здесь не все так просто, потому что человеческое сообщество эволюционирует и необходимое условие прогресса - культурные инновации. Вспомним, что первоначально импрессионистов считали сумасшедшими, несовместимыми с салонным искусством, роман Э. Золя "Земля" долго считался порнографическим и т.д.

Я бы несколько скорректировала вопрос. Проблема возникает с хорошей рекламой, которую называют креативной. В издательство "Арлекин", которое терпело убытки, пришел новый топ-менеджер из компании "Проктер энд Гэмбелл". Он сформулировал

новую стратегию: "Никакого своеобразия, никаких сложных поворотов сюжета, никаких героев с неоднозначностью. Любому человеку, покупая товар, точно должен знать, что он хочет". Если бы на рекламных фестивалях давали призы за эффективность воздействия на аудиторию, масштабы продаж, эта "Проктер энд Гэмбелл" была бы вне конкуренции. Помните ее рекламу? Четкая нацеленность на аудиторию, пятно выводится, блузка стирается, носочки белые - все.

Кстати, львиная доля рекламы достаточно социальна. Дети чистые, старички ухоженные, квартиры в хорошем состоянии, вот вам, пожалуйста, культура быта. Кто-то из рекламистов назвал ее "рекламная прививка хорошей жизни". Проблемы возникают, когда этих прививок слишком много - можно заболеть.

Реплика с места: Да, реклама есть продукт. Но в каждом сегменте культуры продукт имеет своего носителя - театр, консерватория, галерея и т.д. У рекламы нет своего носителя. Она "продает" себя "носителям", прежде всего СМИ.

Савельева О. О.: Пожалуй, СМИ паразитируют на рекламе.

Реплика с места: Может быть, дать человеку возможность выбора: хочу - смотрю, не хочу - не смотрю? Другими словами, увеличить число каналов и программ СМИ, где бы отсутствовала реклама?

Савельева О. О.: Вопрос крайне непростой. Можно поместить полуголую красотку в "Мерседесе" с двумя неграми в "Плейбое". Но когда нечто подобное появляется в эфире общероссийского канала, надо ставить вопрос о служебном соответствии руководителей. Ваша идея очень близка к воплощению, поскольку сейчас меняется техническая база телевидения. Возможна, например, отсрочка начала передач по вашему желанию; в перспективе человек сам может программировать телепрограмму. Рекламе, конечно, места там не будет. Но в первую очередь будет опечалено телевидение, ведь жить за счет абонентской платы оно не в состоянии.

стр. 40

Иванченко Г. В. (д-р филос. наук, проф. ГУ - Высшей школы экономики): Сегодня много говорилось о телевидении и массовой культуре. Хочу в данной связи привести следующие слова: "Люди, которые читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор". Это высказывание уже потеряло автора и звучит как народная мудрость. Но вот втолковать это тем, кто даже в юные годы предпочитает смотреть телевизор, практически невозможно. Действительно, у человека, который "балансирует" на уровне прожиточного минимума, практически нет выбора между досуговыми занятиями. Слава Богу, если у таких людей остался старенький телевизор, который семья смотрит на протяжении 30 лет. Дело еще и вот в чем. Согласно исследованиям человеческого потенциала, проводимых под эгидой ООН, наметились тревожные тенденции в области образования, физического и психического здоровья населения. В этих условиях призывать людей к тому, чтобы они, так сказать, за волосы вытаскивали себя из трясины полуголодного существования, мягко говоря, не этично.

Казалось бы, в элите такой проблемы нет. Но вспомним, что в Великобритании или Швейцарии будущая элита воспитывается в закрытых частных школах, где достаточно серьезные требования к человеку, будь то принц Чарльз или наследник какого-нибудь нефтяного магната. У нас совсем иная ситуация. Разгул безнравственности на телевидении отчасти объясняется тем, что коммуникация действительно осуществляется посредством массового языка, который масса и элита одинаково хорошо понимают. Люди избегают прилагать какие-то усилия для того, чтобы придать и досугу, и труду смыслы поверх обыденных; труд должен быть необременительным, досуг должен быть необременительным, общение должно быть необременительным. Но я думаю, что нет человека (за исключением святых и подвижников), который всякий раз принимает решение в пользу напряжения, сверхусилия, самоактивизации и т. д. Это не может быть массовым процессом.

Почему же большая часть культурных практик - это практики расслабления, получения удовольствия от того, что в прежние эпохи считалось трудом, а не игрой? Возьмем в качестве примера отношения к произведениям литературы из школьной программы. Для учителя словесности весьма странным был тезис, что школьник может получать удовольствие от чтения романов Достоевского или "Евгения Онегина". Когда такое происходит, то коммуницировать учителю по поводу этих произведений весьма сложно, поскольку это совершенно иной психологический, не предусмотренный правилами педагогики, процесс. Ребенок должен читать учебник и уже потом произведение как "дополнение" к нему. Наслаждение здесь не предусматривается. "Раскладывание по полочкам" многократно усиливается с помощью новейших технологий прежде всего путем визуализации учебников, других элементов обучения не только в школе, детском саду, но и в вузе. Соответственно нормой политкорректности считается установка не обидеть тех, для кого обычный печатный текст - это предел сложности, кому даже Пушкин слишком сложен. В результате появляются целые серии - "Фрейд в комиксах", "Гегель для дилетантов" и т.д.

Напомню работу Вальтера Беньямина "Произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости", выпущенную 70 лет назад. В нашу эпоху, пишет он, наблюдается переход от чтения сосредоточенного, требующего высокого, фиксированного уровня компетентности и концентрации, к другому модусу, то, что раньше описывалось под знаками плебейства, незрелости, вырождения. Беньямин сравнивает это с восприятием кинофильма (телевидения тогда еще не было) - рассе-

стр. 41

янное восприятие, развертывающееся в бессознательно освоенном пространстве. Вместе с тем он видит некую полезность и ценность рассеянного типа чтения в том, что в ситуациях революционного сдвига, резкой смены массовых практик срабатывает такой механизм адаптации. Человек обнаруживает, что новые задачи можно решать в несобранном и рассеянном состоянии. Следовательно, культура в каких-то формах, какими-то способами уже освоила эти задачи.

С последним тезисом, конечно, можно спорить, поскольку нередко вообще никаких задач или, по крайней мере, нетривиальных задач в этом рассеянном состоянии не решается, но мне кажется, что в этих маргинальных формах массовой культуры, наряду с тревожными, может, даже где-то апокалипсическими тенденциями, существуют и ростки нового.

Мануильский М. А.: А как же пушкинские слова "Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман?"

Иванченко Г. В.: Я бы выбрала эти слова эпиграфом к книге американского психолога Роберта Эммонса "О психологии устремлений", обобщающей многолетние исследования духовных устремлений. Чтобы существовать как эффективный потребитель, человек должен выбирать стремления относительно низкого уровня. Стремления высокого уровня развивают нашу личность, нашу духовность. Но сегодня практически вся культура, стандарты образа жизни способствуют тому, что у нас все меньше времени остается на духовные стремления. Большая часть дня человека, живущего в крупном городе и так или иначе вовлеченного в различные бытовые практики (уход за собой, погоня за информацией с тем, чтобы быть как и коллеги, "в курсе", и т.д.), оставляет крайне мало времени на думы о "высоком".

Савельева О. О.: Не надо столь пессимистически смотреть на наших современников. Мне кажется, сегодня не меньше людей думает о смысле жизни, чем в XIX в. Конечно, и тогда, как и сейчас, их было немного, это очень тонкий слой, в основном люди мыслят практически.

Возвращаясь к повседневной массовой культуре, хочу подчеркнуть: она свидетельствует не о деградации, а о демократизации общества, она невозможна без роста

грамотности. Массовая культура началась с освоения жанра высокого искусства широкими слоями населения. Можно даже назвать даты ее рождения. Одна из них - введение в конце XIX в. в Англии закона о всеобщей обязательной начальной грамотности. Это, в частности, привело к освоению жанра романа, который был раньше принадлежностью дворянской элитарной культуры.

Чубайс И. Б. (д-р филос. наук, проф. каф. социальной философии РУДН): К вопросу массовой культуры можно и нужно подойти с другой стороны. Часто не учитывается само понятие массы.

Народная культура и массовая культура - разные вещи. Масса - явление относительно новое, она возникает, когда значительная часть общества включается в капиталистическое разделение труда: я делаю только часть изделия, кто-то другой делает следующую часть и т. д. И оказывается, я незримо связан с огромным количеством людей, я их не знаю, но от них зависю, а они от меня. Возникает фрагментарный, частичный человек. Массовую культуру можно представить как нескончаемую игру в мозаику, каждый из фрагментов которой по отдельности не имеет никакого смысла. Так и каждый отдельный человек в массовом обществе - никто и что-то начинает из себя представлять, только соединяясь с другими. Массовая культура возникает тогда же, когда и массовая коммуникация. Если кто-то изобрел бы телевизор в XV в., то это

стр. 42

не было бы востребовано, потому что жителю Гаскони не важно, что происходит в Азии. Как только возникает масса, возникает и новый тип коммуникации. А народная культура - это совсем другое, потому что народное искусство и фольклор, те же сказки можно читать всю жизнь, и всякий раз находить что-то новое.

Савельева О. О.: Если следовать Вашей логике, то Вы отказываете в праве использовать слово "народ"; есть масса и нет народа. Вы подразумеваете, что народ исчез с теми людьми, которые водили хоровод на лугу и нам завещали. Сегодня подобного народа практически нет, все связано с разделением труда.

Чубайс И. Б. Народная культура, особенно народное искусство - это никак не культура потребления, это культура производства народа. Возьмите фольклор, песни городских окраин. Просто раньше они не были легализованы. А сейчас появились специальные теле- и радиопрограммы.

Савельева О. О.: Мне кажется, обсуждаемое противоречие мнимое. Сейчас появилось крупномасштабное производство продуктов для народного культуропотребления, которого еще 100 лет назад не было. Массовая культура - это производство продуктов для народного культуропотребления. И еще, не надо путать две вещи. В каждой культуре, будь то элитарная или повседневная, есть первый сорт, есть второй сорт, есть вещи вообще за гранью критики. "Унесенные ветром" - это высочайший образец культуры общества массового потребления.

Юшкявичюс Г. З.: Мы опять уперлись в вопрос - кто принимает решение относительно того, что транслировать на массовую аудиторию? Это определяет элита. Один телевизионный деятель мне как-то сказал: "Почему в начале 90-х годов на телевидении высыпалась такая "помойка", кто с кем живет и т. д.?. Элите это нравится". Разруха, как известно, в головах...

Мануильский М. А.: Мне кажется, в ходе дискуссии удалось очертить различные конфигурации современной социально-культурной коммуникации и их исторические истоки. Вместе с тем за пределами нашего рассмотрения остались многие коммуникативные практики вне массовой культуры. Я думаю, это станет предметом дальнейшего обсуждения.

стр. 43

Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала²¹

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна - доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии Российской академии наук (E-mail: pkozyreva@isras.ru).

Проблема доверия, считающаяся одной "из наиболее важных синтетических сил в обществе" [1], приобрела в последние годы особое звучание в связи с активной разработкой теории социального капитала, которая связывается прежде всего с трудами П. Бурдье, Дж. Джакобса, Дж. Коулмена, Г. Лоури, Р. Патнэма, Л. Хэнифэна, Ф. Фукуямы и ряда других ученых. В разрабатываемых ими концепциях доверию отводится, если не ключевая, то одна из ведущих ролей. Так, в трактовке одного из основоположников данной теории П. Бурдье социальный капитал, являющийся одним из множества капиталов, предстает как совокупность потенциальных или реальных ресурсов, накапливающихся у индивидуума или группы благодаря наличию устойчивой сети более или менее институционализированных связей или отношений взаимного признания [2]. Под "признанием" здесь понимается ни что иное, как доверие. Дж. Коулмэн, внесший наибольший вклад в разработку теории социального капитала [3], рассматривает его как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который целенаправленно сформирован в виде обязательств и ожиданий, информационных каналов и социальных норм. В подобном духе высказывается и другой крупный специалист в данной области Р. Патнэм, указывающий, что социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как особенности социальной жизни, социальные сети, социальные нормы и доверие, которые создают условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды [4].

Ф. Фукуяма, отталкиваясь от наработок Дж. Коулмэна, Р. Патнэма и их последователей, определяет социальный капитал как способность людей образовывать друг с другом определенную общность и работать вместе в одном коллективе ради достижения общей цели. Такая способность к объединению и солидарности зависит от наличия внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, и от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом появления общих норм и ценностей выступает доверие, которое, по мнению Ф. Фукуямы, представляет собой возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами [5]. Таким образом, доверие, выступающее необходимой предпосылкой социального капитала, возникает в обществе как выражение ожиданий нормального, честного поведения и взаимодействия на основе общих ценностей, норм, традиций, обычаев.

Интересные подходы к анализу социального капитала содержатся в работах российских ученых С. Ю. Барсуковой, Н. М. Давыдовой, Л. И. Дискина, Т. Ю. Сидориной, В. В. Радаева, Н. Е. Тихоновой, П. Н. Шихирева и др., которые в той или иной степени и с разных позиций рассматривают взаимосвязь социального капитала и доверия. Но преобладающим является мнение, согласно которому социальный капитал формируется при функционировании таких механизмов, как социальные сети, общие нормы и убеждения, взаимное доверие [6].

стр. 43

---

²¹ Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. №1. С. 43-54.

Итак, во всех концепциях одно из центральных мест среди оснований социального капитала принадлежит доверию. Главное различие заключается в том, что одни авторы на первый план выдвигают идею социальных сетей, другие отдают предпочтение доверию. Но как бы то ни было, доверие и социальный капитал анализируются как тесно связанные между собой, взаимодополняющие категории: с одной стороны, социальный капитал предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества; с другой, - достигнутый уровень доверия выступает выражением накопленного запаса социального капитала. При этом механизм возникновения и развития доверия рассматривается как процесс формирования социального капитала. Многие подчеркивают особую роль культуры в достижении определенного уровня доверия, полагая, что суть проблемы доверия и социального капитала заключена в существующей системе ценностей, норм, традиций и обычаев.

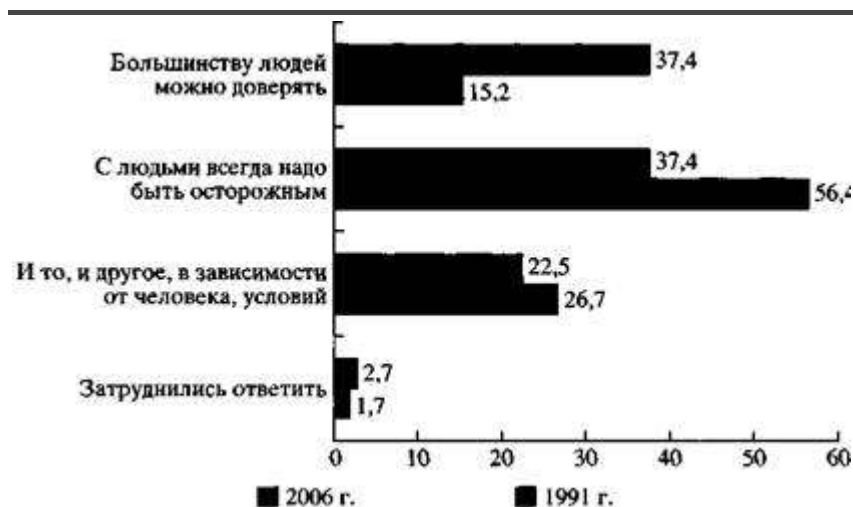
Сама по себе проблема доверия интересна и важна уже потому, что непосредственно связана с развитием стабилизационных и интеграционных процессов, крайне необходимых российскому обществу. Основными содержательными моментами стабилизационной политики являются сплочение различных групп и слоев населения, гармонизация социально-экономических и социально-политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил. Все последние годы сознание россиян находилось под мощным прессом разрушительных, деструктивных процессов, провоцирующих рост неудовлетворенности различными сторонами жизни, вызывающих массовое недовольство, усиливающих разобщенность и снижение доверия. Сейчас от недостатка доверия страдают как отдельные люди, так и все общество. В периоды таких коренных общественных преобразований и обострения конфликтов поиск новых путей повышения доверия приобретает особую актуальность.

В настоящей работе мы попытались оценить масштабы распространения доверительных отношений в трансформирующемся обществе, исследовать представления российских граждан об эволюции межличностного доверия, проанализировать его особенности в контексте формирования социального капитала, используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ).

За отправную точку анализа были приняты результаты исследования, позволяющие выяснить степень распространения отношений доверия в обществе, в основе которых лежат ответы респондентов на вопрос *"Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?"*. Для определения тенденций в уровне взаимного доверия, дающих возможность судить о направленности изменения социального капитала в период радикальных трансформаций, респондентам было предложено также ответить на аналогичный ретроспективный вопрос *"Как вы считаете, тогда, в 1991 г., большинству людей можно было доверять?"*. Подобные вопросы традиционно используются в исследованиях для выявления уровня межличностного доверия, хотя и не все согласны с такой точкой зрения. Существует мнение, что принципиальное согласие с утверждением *"большинству людей можно доверять"* еще не свидетельствует о наличии у индивида установки на доверие по отношению к другому, а тем более - о предрасположенности к тому, чтобы на практике вести себя сообразно названной установке. Согласно этому мнению, индикатор дает представление о наличии в ценностно-нормативной структуре общества определенных элементов, которые могут служить только лишь предпосылками межличностного доверия [7]. Признавая отчасти справедливость такой точки зрения, мы, тем не менее, считаем, что ответы на подобные вопросы позволяют судить о склонности людей к доверию, и, следовательно, получить определенное представление об уровне межличностного доверия в обществе. Поэтому для простоты будем условно называть

респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа: "склонные к доверию", "осторожные" и "склонные к недоверию".

стр. 44

Рис. 1. Представления о характере отношений доверия между людьми в настоящее время и в дореформенный период (в % к числу опрошенных)

Результаты опроса, проведенного в рамках РМЭЗ в октябре 2006 г., выявили довольно низкий уровень доверия между людьми в нынешнем российском обществе, который не выдерживает сравнения с дореформенным периодом (рис. 1). Доля респондентов, считающих, что в 1991 г. можно было доверять большинству людей, в два с половиной раза превосходит удельный вес лиц, которые склонны доверять большинству людей сегодня (37,4% против 15,2%). При этом доля граждан, полагающих, что в настоящее время с людьми всегда надо быть осторожными, достигает 56,4% (1991 г. - 37,4%). Что касается умеренного варианта ответа, демонстрирующего рассудительный, сдержанный взгляд на проблему межличностного доверия ("и то, и другое, в зависимости от человека, условий"), то здесь наблюдаются незначительные отличия: 2006 г. - 26,1%; 1991 г. - 22,5%.

Довольно низкие показатели взаимного доверия в современном российском обществе свидетельствуют о том, что общество по прошествии полутора десятков лет с начала радикальных реформ не смогло восстановить подорванный социальный капитал и находится в раздробленном, мозаичном состоянии. По мнению М. Слободской, "возникает порочный круг: недоверие порождает разобщенность - разобщенность питает недоверие". И все это вместе взятое превращается в серьезную преграду на пути развития социальной активности граждан, усиливает отстраненность людей от участия в общественно-политической жизни, препятствует поиску и освоению наиболее устойчивых форм социального равновесия и порядка, углублению интеграционных процессов в обществе.

Взаимное недоверие становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в обществе, и без того наполненном противоречиями и конфликтами, неопределенностью и риском. Только 21,9% взрослых россиян выражают сегодня уверенность, что между бедными и богатыми возможно взаимопонимание и сотрудничество, тогда как 43,6% полностью отрицают такую возможность. Еще меньше российских граждан уверены в возможности достижения толерантных взаимоотношений между "простыми" людьми и теми, у кого много власти (соответственно 15,1 и 51,5%). И что характерно, люди, склонные с недоверием относиться к окружающим, гораздо хуже оценивают шансы на достижение толерантных взаимоотношений между бедными и богатыми, простыми людьми и обладателями большой власти. Равно как склонность

доверять другим людям усиливает уверенность в том, что такие взаимоотношения возможны.

стр. 45

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: "Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?" (в % от числа опрошенных)

Социально-демографические группы	Большинству людей можно доверять	И то, и другое, в зависимости от человека, условий	С людьми всегда надо быть осторожным	Затруднились ответить
Пол				
мужчины	15,0	27,8	55,3	1,9
женщины	15,4	26,2	56,9	1,5
Возраст (лет)				
до 20	16,1	27,7	52,7	3,5
21 - 30	11,8	28,3	58,5	1,4
31 - 40	13,1	28,0	57,8	1,1
41 - 50	14,7	26,6	57,4	1,3
51 - 60	15,7	26,2	57,0	1,1
старше 60	18,9	25,2	53,4	2,5
Образование				
начальное, неполное среднее	17,8	24,8	53,9	3,5
общее среднее	12,5	27,4	58,6	1,5
среднее специальное	15,3	26,0	57,6	1,1
высшее	16,5	29,3	53,5	0,7
Место проживания				
региональный центр	13,9	27,1	58,1	0,9
другой город	14,6	27,7	56,9	0,8
поселок городского типа	11,6	35,1	51,2	2,1
село	17,9	25,3	53,2	3,6

Наличие указанных закономерностей во многом объясняется тем, что доверие и толерантность едины в своей направленности. Доверие, являющееся одним из оснований социального капитала, подразумевает высокий уровень ответственности, честности и предсказуемости во взаимоотношениях, т. е. все то, что необходимо для толерантности, которая формирует основы устойчивого социального порядка, возможность добровольного поведения, порождает добрую волю и понимание, позволяющее гражданам мирно разрешать противоречия и конфликты. Как отмечает С. В. Патрушев, социальный капитал сосредоточен на тех культурных ценностях и установках, которые создают для граждан возможность сотрудничать, доверять, понимать и выражать себя во взаимных отношениях, рассматривая друг друга как сограждан, а не в качестве незнакомцев, конкурентов или потенциальных врагов [8]. По сути, речь идет о тех же ценностях, которые лежат в основе толерантности как готовности "принять других такими как они есть и взаимодействовать с ними на основе согласия" [9].

Преобладание доверительных отношений между людьми в нынешнем российском обществе в большей степени расположены замечать самые молодые и пожилые люди (до 20 лет и старше 60 лет). Как следует из таблицы 1, превышение доли респондентов, не склонных доверять другим людям, над долей респондентов, склонных к доверию, в этих возрастных когортах минимально (соответственно 36,6 и 34,5 процентных пунктов). В то же время в когорте 21 - 30-летних оно достигает 46,7%, но затем постепенно падает до 41,3% среди 51 - 60-летних. Представляет интерес и тот факт, что в самой молодой и в самой старшей когортах отмечается повышенный процент лиц, не знающих как реагировать на поставленный вопрос.

Склонность доверять другим людям в наибольшей мере характерна наименее образованным людям. Превышение удельного веса лиц, расположенных к недоверию, над доверчивыми в группе респондентов с неполным средним составляет 36,1%, тогда как в когортах лиц с общим средним и средним специальным образованием - 46,1 и

стр. 46

42,3% соответственно. Повышенная склонность к доверию в группе граждан с начальным и неполным средним образованием во многом объясняется их молодым возрастом (до 20 лет). Отдельно следует сказать о людях с высшим образованием, которые чаще других граждан воздерживаются от однозначных, скоропалительных оценок, соглашаясь с промежуточным вариантом ответа - "и то, и другое, в зависимости от человека, условий" (29,3%). Анализируя эти данные уместно вспомнить слова Ф. Тенниса о том, что "личное доверие всегда обусловлено личностью доверяющего - его умом и в особенности знанием людей, т. е. опытом, на котором это знание основано, так что в общем человек простодушный и неопытный легковерен, ибо склонен к доверчивости, умный же и опытный верит с трудом, ибо склонен к сомнению..." [10]. Примечательно, что с повышением уровня образования мнения респондентов становятся более четкими и уверенными, о чем свидетельствует последовательное снижение удельного веса респондентов, затруднившихся ответить на поставленный вопрос.

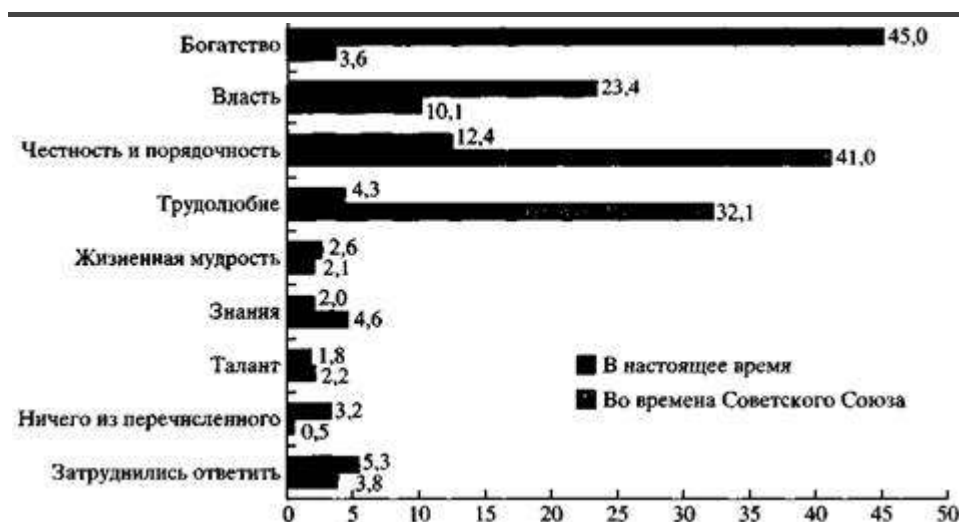
Обращает на себя внимание и тот факт, что сельские жители в большей мере склонны доверять другим людям, чем горожане. Если среди сельских жителей превышение доли лиц, не склонных к доверию, над теми, кто расположен к доверию, составляет 35,3%, то среди жителей региональных центров и других городов - соответственно 44,2 и 42,3%. Сельская среда особенно благоприятна для формирования доверительных отношений между людьми. Здесь прочнее хозяйственные, трудовые, родственные, соседские и иные основанные на доверии связи, укрепляющие социальный капитал. Близкие контакты жителей одного села, одной деревни способствуют более тесному общению, создают прочную атмосферу искренности и открытости. Хорошее знание друг друга позволяет устанавливать тесные взаимоотношения между возрастными и иными группами сельчан. Немаловажное значение имеет и то, что сельская среда более статична, а сельская жизнь отличается устойчивыми нормами и ценностями людей. Не случайно Ф. Теннис заметил, что люди, обладающие такими качествами, как преданность и верность, встречаются в простой, сельской среде намного чаще, чем в "современной" [11]. Под "современной" он подразумевал городскую, урбанизированную среду. В отличие от сельчан, более прагматичные и осмотрительные горожане чаще отмечают, что с людьми всегда надо быть осмотрительными и осторожными. В условиях города повышается значимость основных факторов доверия, к которым, по мнению П. Штомпки, относятся риск доверия, т. е. вероятность нежелательного поведения и цена ставки как возможные потери в случае такого поведения [12]. Причем в крупных городах и мегаполисах, где резко ограничивается возможность апелляции к общим культурным и социальным образцам, эти риски существенно возрастают, что повышает внимание к проблеме межличностного доверия.

Что касается дореформенного общества, то здесь наблюдаются те же тенденции, причем, некоторые из них проявляются еще четче. Так, с возрастом убежденность россиян в преобладании доверительных отношений в советском обществе стремительно нарастает (с 26,8% среди лиц моложе 20 лет до 43,4% среди тех, кому больше 60 лет), а уверенность в господстве отношений недоверия не менее быстро падает (соответственно с 42,6 до 33,6%).

Нынешнее российское общество потеряло многое из того позитивного, на чем базировалось доверие между людьми в советском обществе, и не смогло сформировать новые основания. Рост взаимного недоверия в трансформирующемся российском обществе обусловлен многими причинами, в том числе усложнением социальных проблем, разросшейся преступностью, новыми явлениями в процессах социальной стратификации, углублением социально-экономического неравенства, усилившейся властью и бесконтрольностью чиновничества, утверждением качественно новых социальных эталонов, глубокими идеологическими противоречиями, нравственным расколом в душах людей и многим другим.

Радикальные реформы изменили как государственное устройство, экономическую и политическую жизнь российского общества, так и самого человека, освободив его "не только от советских, но и от более традиционных стереотипов восприятия мира и

стр. 47

Рис. 2. Представления о значимости некоторых ценностей в настоящее время и во времена Советского Союза (в % к числу опрошенных)

поведенческих установок" [13]. Одним из направлений этих изменений стало формирование качеств, адекватных развивающимся рыночным отношениям. Сегодня, когда трансформационные процессы продвинулись чрезвычайно глубоко, можно говорить о том, что подавляющее большинство граждан в той или иной степени адаптировалось к новой экономической ситуации. Но поскольку приспособиться им пришлось не к тому идеализированному рынку, который существовал только в представлениях отдельных групп и слоев, а к реальной рыночной экономике, со всеми ее изъянами и недостатками, многократно усиленными трансформационным кризисом, приобретенные ими качества оказались тоже далеко не идеальными. Вместо ожидаемого роста доверия с переходом к рыночным отношениям наибольшее распространение получили мошенничество, жульничество и обман. Многие россияне после соприкосновения с такой рыночной средой стали эгоистичнее, изворотливее, жестче. А для немалой части граждан столкновение с реальной рыночной средой в форме "дикого рынка" закончилось полной моральной деградацией. Из данных, приведенных на рисунке 2, следует, что, если в дореформенном обществе больше всего ценились трудолюбие, честность и порядочность, то в нынешнем обществе - богатство и власть. Это подтверждают и результаты других

исследований, показывающие, что за прошедшие 15 лет россияне стали более циничными (отметили 54% респондентов), а также менее честными и бескорыстными (соответственно 66 и 67%) [14]. Все это неизбежно повлекло за собой усиление подозрительности, настороженности и недоверия в обществе. Между тем, в условиях нестабильности, повышенного риска, характерных для современного российского рынка, взаимное доверие выступает наиболее ценным капиталом, расширяющим адаптационные ресурсы и предпринимательские возможности.

Подозрительное, настороженное отношение к окружающим более всего характерно для предпринимателей и безработных - различных социальных групп, выступающих носителями разных социальных качеств. Склонность доверять другим людям проявляет только один из десяти опрошенных представителей каждой из этих групп, тогда как до 55% убеждены, что с людьми всегда надо быть осторожными. Но более всего отличает их от других категорий респондентов значительное количество лиц (свыше трети опрошенных каждой группы), считающих, что вопрос о доверии другим

стр. 48

людям требует индивидуального решения. Именно такое рассудительное, сдержанное, граничащее с недоверчивостью, отношение к окружающим и объединяет столь непохожих между собой людей.

Переход к рыночной экономике неизбежно повлек за собой трансформацию сознания, возникновение новых ориентации в отношении экономической свободы и социального равенства, коллективизма и индивидуализма. Экономический смысл индивидуализма сводится к расчету не на государство, а на собственные силы при соблюдении равенства взаимодействующих сторон. В принципе определенная доля индивидуализма необходима для нормального функционирования и развития рыночных отношений. Как подчеркивал А. де Токвиль, "самой естественной для человека является свобода действовать самостоятельно, в одиночку" [15]. Положительным в индивидуализме является развитие такого качества, как осознание себя свободной, независимой личностью, стремящейся опираться на собственные силы и возможности, находящей удовлетворение в самореализации. Но от индивидуализма совсем недалеко до эгоизма и цинизма. Индивидуализм, доведенный до крайности, превращается в фактор, разъединяющий людей, разрушающий нравственные устои общества, доверие и общественное согласие. Нельзя отрицать достижений обществ, признавших ведущим индивидуалистическое начало. Но вне сохранения и определенного развития коллективистского начала таким обществам скорее всего грозит столкновение с серьезными проблемами. Равно, как отрицание личного, индивидуалистического начала превращает членов такого общества в послушных исполнителей чужой воли и, в конечном счете, ведет к свертыванию демократических процессов.

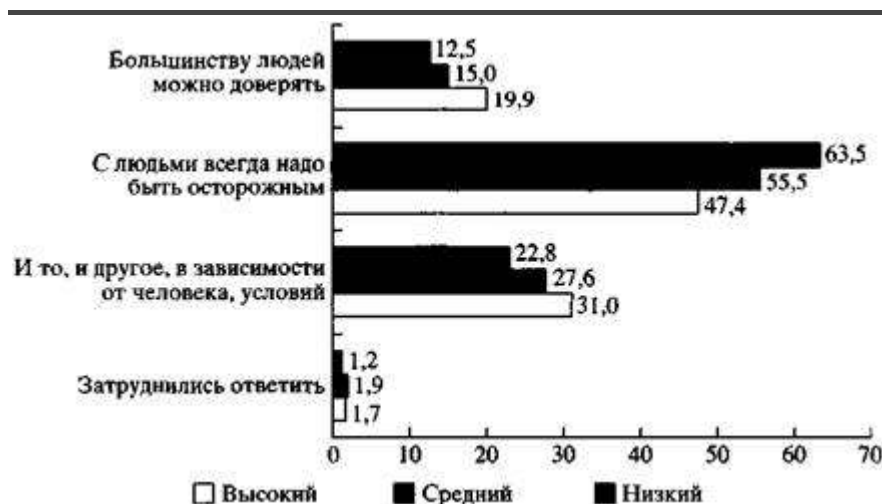
К факторам, препятствующим формированию доверительных отношений между людьми, относится низкий уровень правосознания граждан. Основанием для проведения процедуры кластеризации по признаку развитости правового сознания послужили ответы респондентов на следующие утверждения: если человек считает закон несправедливым, он имеет право "обойти его"; в России нельзя жить, не нарушая законы; если высшие государственные или политические деятели не соблюдают законы, то и простые люди могут не соблюдать законы. В результате весь массив опрошенных распределился по трем группам, объединяющим респондентов с высоким, средним и низким уровнями правосознания. Группа с высоким уровнем правосознания оказалась самой малочисленной - 25,7% респондентов. В группу со средним уровнем были включены 39,6% и с низким - 34,7% опрошенных.

В ходе дальнейшего анализа выяснилось, что существует прямая взаимосвязь между уровнем правосознания и ощущением доверия к другим людям. Оказалось, что чем выше уровень правового сознания респондентов, тем больше они доверяют окружающим (рис.

3). Это проявляется как в нарастающей доле лиц, доверяющих большинству людей (с 12,5% до 19,9% среди респондентов с низким и высоким уровнем правосознания соответственно), так и в увеличивающейся доле граждан, считающих, что решение о доверии к человеку должно решаться в каждом конкретном случае в зависимости от того, что этот человек собой представляет и от других конкретных условий (с 22,8% до 31% соответственно). Одновременно снижается удельный вес респондентов, которые не сомневаются, что с людьми всегда надо быть осторожным (с 63,5% до 47,4% соответственно).

Глубокое недоверие, проявляющееся на всех уровнях взаимоотношений, во многом является порождением всепроникающей лжи. На протяжении многих лет наше общество живет в постоянной лжи, которая ничуть не лучше прежней. Люди привыкли думать одно, говорить другое, а делать третье. Когда затевались реформы, предполагалось, что общество станет более свободным, честным и открытым. Но, избавившись от одной неправды, мы пришли к еще большей лжи. В государстве действуют такие законы и правила, которые иной раз невозможно не нарушить. Ложь стала неотъемлемой характерной чертой образа жизни подавляющей части людей. Россияне выражают доверие на выборах политикам, заведомо зная, что те живут не по средствам и обманывают своих избирателей без зазрения совести. Наемные работники об-

стр. 49

Рис. 3. Зависимость представлений о характере отношений доверия между людьми от уровня правосознания (в % к числу опрошенных)

виняют работодателей в уклонении от налогов, но в то же время не имеют ничего против получения заработной платы в конвертах. Люди жалуются на повсеместное распространение взяточничества и коррупции среди чиновников, но сами же при первой возможности стремятся решить проблему с помощью "вознаграждения" или откупиться от чиновника. Граждане продолжают гордиться бесплатным образованием, исправно внося плату за обучение своих детей. На словах люди ратуют за укрепление Вооруженных сил, а на деле ищут всевозможные обходные пути, чтобы освободить своих детей от службы в армии.

Пренебрежение нравственными началами, отсутствие регулирующего воздействия универсальных нравственных норм оборачиваются для общества большими потерями. Размытость нравственно-гуманистических ценностей, отсутствие эффективных правовых механизмов создают атмосферу безнаказанности, вседозволенности для одних и равнодушия, апатии - для других. Люди уже привыкли к тому, что существуют целые группы граждан, которые живут как бы вне закона или возвышаются над законом. Такие группы существовали и в советский период, но сейчас их число и состав значительно увеличились. Конечно, в любом обществе власть и богатство делают людей более защищенными от произвола, а их отсутствие увеличивает уязвимость. Из множества

провозглашенных прав, "определяющих характер допускаемых официально отношений, разные группы имеют возможность воспользоваться прежде всего теми, которые доставаемы с высоты занимаемых ими социальных позиций" [16]. Однако нынешняя ситуация, когда права одних людей нарушаются чуть ли не ежедневно, а другие живут вне закона, игнорируя права и свободы граждан, занимающих более низкое положение в обществе, подрывает доверие между людьми и приводит к увеличению потенциала нетерпимости в обществе.

Межличностное доверие довольно тесно связано с доверием к институтам власти и рыночным институтам (бизнес-структурам). И это не удивительно, поскольку в основе отношения к любым институтам лежит отношение к людям, которые их представляют, персонифицируют, с которыми в первую очередь ассоциируется их деятельность. В данном случае речь идет о чиновниках, представляющих институты власти, и о предпринимателях и бизнесменах, представляющих рыночные институты.

Анализ взаимосвязи между межличностным и институциональным доверием приводит к выводу, что люди, доверяющие окружающим, чаще других доверяют институтам власти и рыночным институтам. Среди респондентов, считающих, что большин-

стр. 50

Таблица 2

Взаимосвязь межличностного доверия и доверия к институтам власти и рыночным институтам (в% к числу опрошенных)

Институты	В целом		В том числе:					
			Склонные к доверию		Осторожные		Склонные к недоверию	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
Правительство РФ	36,5	28,8	50,9	17,9	34,5	28,8	33,6	32,3
Государственная Дума	22,2	44,2	34,2	32,2	20,4	43,2	19,7	48,5
Суды	23,6	34,7	34,5	23,6	23,9	32,8	20,8	39,0
Армия	40,3	27,7	52,3	18,6	38,2	26,0	37,9	31,4
Милиция	20,3	47,4	30,9	34,5	19,9	43,6	17,5	53,3
Политические партии	8,4	54,6	13,3	44,0	7,8	53,8	7,4	58,8
Российские банки	29,6	31,0	36,3	23,0	27,6	30,0	29,1	33,9
Иностранные банки	13,9	34,9	16,2	28,9	14,7	32,4	12,9	38,1
Страховые компании	16,2	40,7	20,6	33,0	15,2	40,9	15,6	43,4
Мелкий и средний частный бизнес	18,2	35,1	22,7	28,3	19,1	31,2	16,8	39,2

ству людей можно доверять ("склонные к доверию"), в 1,5 - 1,9 раза больше лиц, доверяющих тем или иным институтам власти, и в 1,3 - 1,5 раз больше граждан, доверяющих бизнес-структурам (банки, страховые компании и т. д.), чем среди тех, кто не

склонен доверять окружающим (табл. 2). В отношении показателей недоверия наблюдается противоположная картина. Кроме того, граждане, расположенные доверять другим людям, гораздо чаще, чем не склонные к доверию, соглашаются с тем, что руководство страны и руководство регионов заботятся об интересах простых людей, когда принимают решения (26,8% против 18,6% и 23,7% против 17% соответственно). В то же время респонденты, не склонные доверять другим людям, чаще замечают негативные стороны и черты в работе органов власти разного уровня (54,6% против 42,8% и 56,3% против 44,7%).

Изложенные данные убеждают, что чиновники и бизнесмены выступают довольно сильными раздражителями населения, снижающими доверие к институтам власти и бизнес-структурам. И какой из этих раздражителей мощнее, определить не так уж и просто. С одной стороны, люди с огромным недоверием относятся к чиновникам, потерявшим всякое чувство чести и долга, порождающим в людях неверие во власть. Сегодня в России слово "чиновник" стало нарицательным и ассоциируется со словом "взяточник". В подавляющем своем большинстве чиновники заняты решением одной важнейшей для себя задачи - "перераспределением в собственную пользу значительной части общественного (и частного) достояния" [17], подчиняя ее решению все остальные задачи. Людей возмущает неумная алчность чиновников, нежелание заниматься наболевшими проблемами граждан, черствость и безразличие к нуждам населения. Широко распространены бюрократические извращения, тотальный произвол чиновничества, пренебрежительно относящихся к обеспечению законных прав граждан. Сегодня уже не только исследователям, но и простым гражданам стало заметно, что в России происходит интенсивное возрождение бюрократического класса.

С другой стороны, сильное раздражение у людей вызывают бизнесмены и предприниматели, одной из главных примет которых стала забота о собственном благополучии и отсутствие у них чувства долга перед обществом. Многие из них недостаточно социально ответственны, циничны и замкнуты на своих интересах. Людей

стр. 51

ет вульгарный прагматизм многих бизнесменов, главной жизненной целью которых становится бесконечное накопление, когда материальный достаток из средства для достижения более фундаментальных ценностей превращается в самоцель. Огромное раздражение вызывает образ жизни состоятельных граждан, в корне отличающийся от условий жизни основной массы населения, отсутствие у многих из них заинтересованного участия в решении острых общественных проблем. Хотя и здесь есть различия. Замечено, что население гораздо лучше относится к малому бизнесу, чем к крупному, считая, что малым бизнесом люди вынуждены заниматься от безысходности, по причине слабости экономики и государства, которые не способны обеспечить рабочие места и достойные заработки [18]. По мнению многих россиян, если мелкие предприниматели добывают свой заработок нелегким, каждодневным и, что особенно важно, собственным трудом, то крупные бизнесмены сколотили свои состояния несправедным путем: при помощи криминальной деятельности и/или благодаря своим сомнительным политическим связям. Мало кто из простых граждан, многократно обманутых и ограбленных в процессе перехода к рыночной экономике, способен согласиться с тем, что в основе успехов самых богатых сограждан лежит "практический интеллект", т. е. неординарные деловые и управленческие способности. В условиях господства "дикого" рынка "практический интеллект" приобрел ярко выраженный криминальный и аморальный оттенок. По мнению большинства россиян, достижения богатых связаны не столько с наличием у них предпринимательского таланта, сколько с отсутствием элементарных нравственных качеств.

Но, сопоставив все данные, можно предположить, что в основной своей массе население относится к чиновникам более критично, чем к бизнесменам. Во многом это объясняется более высокими требованиями граждан к чиновникам, которые обязаны по долгу службы (а не по доброй воле, как бизнесмены) заниматься решением наболевших проблем людей. Значение имеет и то, что в глазах населения доходы бизнесменов и предпринимателей более легитимны, чем доходы коррумпированных чиновников. И, наконец, необходимо учитывать характер изменений, происходящих в сфере бизнеса. С каждым годом появляется все больше предпринимателей и бизнесменов, которые по-новому строят финансово-коммерческую деятельность и испытывают огромную потребность в достижениях социального плана, пытаются добиться общественного признания. Заработанные ими деньги интересуют их лишь как свидетельство успеха, а не как средство дальнейшего обогащения и завоевания власти. Под влиянием этих перемен в России постепенно складывается новая культурная модель отношения к бизнесу и предпринимательству. Что касается чиновничества, то здесь особых изменений в ценностных приоритетах и способах их достижения не наблюдается. Наоборот, с годами способы получения выгоды из своего служебного положения становятся все более разнообразными и изощренными.

Глубокая социальная дифференциация, разделившая людей по социальному положению, уровню материального благосостояния, качеству жизни, в то же время разобщила людей, отделила их друг от друга. Разобщенность и нарушение взаимопонимания в обществе затронули разные области межличностных отношений, но к счастью, не в одинаково катастрофической форме. Наиболее устойчивым к воздействию неблагоприятных факторов, инициированных трансформационными процессами, оказалось ближайшее окружение, сохранившее необходимый уровень доверия и взаимопонимания между людьми, который помогает многим не терять уверенности в себе и с оптимизмом смотреть в будущее. Сложившееся здесь непосредственное личное общение служит базой для возникновения тесных, порой, эмоциональных межличностных отношений. Различные группы повседневного контакта обеспечивают первостепенные, наиболее важные потребности в общении, защите и самоутверждении. Но ближайшее окружение тоже не однородно. К нему относятся как близкие родственники и друзья, так и знакомые, коллеги, товарищи по работе и учебе, большинство которых принадлежит к одному поколению.

стр. 52

Формирующиеся в этих сегментах связи, с присущим им высоким, но все же разным по уровню доверием, принадлежат к разным типам социального капитала. В соответствии с классификацией, которую предложил Р. Патнэм [19], социальный капитал на межличностном (индивидуальном) уровне разделяется на два типа или вида. Первый, называемый связующим (bonding), характеризует отношения между членами достаточно однородных групп (члены семьи, близкие друзья), в наибольшей степени сходные с понятием сильных связей. Этот вид капитала помогает человеку быть принятым в данном сообществе (getting by). Второй тип социального капитала, называемый включающим [bridging (inclusive)], характеризует отношения со знакомыми, партнерами, коллегами. Эти более слабые и разнородные связи особенно важны для продвижения по социальной лестнице [getting ahead].

Родственно-дружеские связи, играющие особую роль в жизни людей, характеризуются наиболее высоким уровнем доверия. В этом убеждено абсолютное большинство россиян. Но если сопоставить высокие показатели доверия россиян к своим близким с невысоким уровнем доверия к окружающим людям в целом, можно прийти к мысли, которую удачно сформулировал Г. Г. Дилигенский. Суть ее заключается в том, что "в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т. е. основанного на взаимном

исполнении обязанностей) поведения "родственно-дружеским" кругом, а чувство долга - масштабами семьи" [20].

Лишь немного меньше людей доверяют своим коллегам, сослуживцам, товарищам по работе и учебе, со многими из которых они поддерживают надежные, дружеские отношения и с которыми им нередко приходится конкурировать. В процессе непосредственного общения с ними проявляются индивидуальные особенности людей, их потребности и интересы, ценности и установки. Происходит их взаимное восприятие, взаимопонимание. Личные контакты с коллегами сопровождаются такими социально-психологическими процессами, как соучастие и сопереживание. Сегодня, как показывают исследования, чаще всего приходится говорить о микроколлективах на предприятиях и в организациях, которые формируются на основании личного доверия, уважения к человеческим или профессиональным достоинствам сотрудников. В определенном смысле они представляют собой социальные сети, в рамках которых люди взаимно выручают и помогают друг другу [21]. Доверие, возникающее в таких небольших сообществах, еще называют "плотным" доверием, которое является существенной составляющей механической солидарности, возникающей из первичных отношений, интенсивного ежедневного контакта людей. Этим во многом объясняется тот факт, что, несмотря на разобщенность, поразившую российское общество на этапе социальных трансформаций, 79,9% опрошенных доверяют людям, с которыми вместе работают, в том числе 27,5% - доверяют им полностью. Тогда как не доверяют своим коллегам, сослуживцам всего лишь 3,1% респондентов. Остальные 17% опрошенных работников относятся к товарищам по работе с некоторой долей недоверия ("и доверяют, и не доверяют" - 14,9%) или затруднились ответить на поставленный вопрос (2,1%). Представляет интерес и тот факт, что 62,3% работающих респондентов доверяют руководителям компаний, предприятий и организаций, в которых они работают, в том числе 21,1% - доверяют полностью (не доверяют - 12,5%).

Отношение к товарищам по работе влияет на отношение к окружающим людям вообще. Так, среди респондентов, у которых сложились доверительные отношения с коллегами или сослуживцами, вдвое больше граждан, склонных доверять разным людям, чем среди остальных опрошенных (16% против 6,9%), и существенно меньше тех, кто считает, что с другими людьми надо быть всегда осторожными, осмотрительными (56,2% против 65,9%). Сопоставление ответов на разные вопросы о доверии убеждает и в том, что выражение доверия большинству людей на отвлеченном, абстрактном уровне, не обязательно обретает реальное воплощение в конкретных ситуациях. Далеко не все респонденты, считающие, что большинству людей можно доверять, доверяют своим коллегам, товарищам по работе, с которыми они тесно связаны общей

стр. 53

трудовой деятельностью, составляющей основу всей повседневной жизни (доверяют 88%), в том числе, полностью - только 36,7%).

И все же, несмотря на отмеченные позитивные тенденции, следует признать, что нынешнее российское общество существенно проигрывает дореформенному по уровню межличностного доверия, искренности, доброжелательности, толерантности во взаимоотношениях между людьми, всего того, что делает возможным нормальные человеческие взаимосвязи. В этой связи особую значимость приобретает проблема восстановления и укрепления социального капитала, подорванного глубоким трансформационным кризисом. Как уже не раз было доказано, чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем устойчивее и эффективнее общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Simmel G.* The sociology of Georg Simmel. N. Y.: Free Press, 1950. P. 326.

2. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J. G. Richardson. N. Y.: Greenwood, 1985.
3. *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95 - 120; *Coleman J.* Foundations of social theory. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
4. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press. N. Y.: Princeton, 1993. P. 35.
5. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 52.
6. *Красилова А. Н.* Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. Том XVI. 2007. N 4. С. 161.
7. *Кертман Г.* Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. N 4.
8. *Патрушев С. В.* Российские ценности и проблемы формирования культуры мира (по данным социологических опросов 1995 - 1999 гг.) // От нетерпимости к согласию. Проблемы перехода от гражданского и религиозного противостояния к веротерпимости и общественному согласию. М.: МИПП, Изд-во "Весь Мир", 1999. С. 153.
9. *Дробижьева Л. М.* Проблемы этнической толерантности в условиях роста этнического самосознания народов Российской Федерации // Толерантность в общественном сознании России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1998. С. 31.
10. *Теннис Ф.* Общность и общество // Теоретическая социология: Антология. Ч. I / Сост. и общ. ред. *С. П. Баньковской*. М.: Книжный дом "Университет", 2002. С. 220.
11. Там же.
12. См.: *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
13. *Дилигенский Г. Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2002. С. 275.
14. Стратегии для президента // РБК. 2007. N 8. С. 15.
15. *Токвиль А.* Демократия в Америке: Пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. С. 158.
16. *Шабанова М. А.* Социологическая концепция трансформации свободы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 175.
17. *Иноземцев В.* Смерть традиции // Независимая газета. 2007. 8 августа.
18. *Вовк Е.* Малый бизнес - меньшее зло // Независимая газета. 2006. 25 июля.
19. *Putnam R. D.* The Strange Disappearance of Civic America // American Prospect. 1996. N 24; *Putnam R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y.: Simon and Schuster, 2000.
20. *Дилигенский Г. Г.* Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998. С. 230.
21. *Клеман К., Климова С. Г., Ядов В. А.* Практики узаконенных и неформальных правил трудовых отношений на российских предприятиях: плюсы и минусы // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2003 / Отв. ред. *Л. М. Дробижьева*. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 113.

стр. 54

Бакулев Г. П. Нормативные теории массовой коммуникации²²

---

²² Бакулев Г. П. Нормативные теории массовой коммуникации // Социологические исследования. 2005. №1. С. 105-114.

*БАКУЛЕВ Геннадий Петрович - кандидат филологических наук, доцент
Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова.*

Теории массовой коммуникации, которые принято называть "нормативными", имеют дело с представлениями о том, "как медиа *должны* работать или чего от них *ждут*" [1, р. 109]. Нормативные теории описывают, какие роли медиа должны играть в идеале, они также рекомендуют идеальную практическую деятельность, и предвидят некие "идеальные варианты" последствий от такой деятельности. Нормативные теории основываются не на эмпирических наблюдениях, а на том, как должно быть [2, р. 76].

Хотя каждое национальное сообщество придерживается собственной версии нормативной теории, существует свод (или своды) более общих принципов, на основе которых можно классифицировать каждый конкретный случай. Каждая из основных "теорий", обсуждаемых ниже, связана с формой политической системы и государственного правления. Как отмечает Денис Маккуйэл, ни одна теория прессы не сформулирована достаточно конкретно. Единственным исключением он считает советскую социалистическую традицию, четко определяющую, какой вклад должны вносить в развитие общества медиа [1, р. 109]. Следует отметить, что фактически ни одна медиасистема не руководствуется какой-то одной, "чистой" теорией прессы, равно как и практика не всегда точно следует той теории, которая кажется наиболее подходящей. В большинстве практически применяемых систем взаимодействуют разные (порой даже несовместимые) элементы из различных теорий. О том, какая нормативная теория главенствует, приходится судить по условностям, предположениям, компонентам правящей идеологии, а иногда также по указам, законам и конституционным решениям.

Во второй половине XX века масс-медиа приобрели ряд черт, которые неоднозначно воспринимаются различными слоями общества, и потому правительствам и национальным органам приходится искать пути решения этих проблем и заниматься разработкой политики в области коммуникации. К пересмотру нормативных принципов и проведению реформ их подталкивают такие факторы, как концентрация собственности в сфере масс медиа, несущая угрозу соблюдению прав граждан на свободное выражение мнений и на получение достоверной информации; рост объема транснациональных и мультимедийных операций, которые могут подрвать национальную культуру или даже политический суверенитет; рост влияния телевидения и Интернета как социальной силы, превосходящей или вытесняющей другие агентства социализации и контроля. Решения требуют и такие проблемы, как контроль за использованием и распределением частот, обусловленный расширением объема вещания; внедрение и совершенствование новых коммуникационных технологий, имеющих далеко идущие последствия для общества, для отношений между государствами, а также для существующих средств массовой коммуникации. Интернет и спутниковое вещание, к примеру, поднимают новые проблемы свободы коммуникации, национального суверенитета и авторского права.

В начале XXI века, когда российские "новые государственники" ищут теоретическое обоснование национальной политики в области коммуникаций, очень важно установить, на какую нормативную теорию (старую или, может быть, новую) или ее версию она будет опираться.

Первая попытка компаративного описания основных теорий прессы, предпринятая Ф. Зибертом, Т. Петерсоном и У. Шраммом в 1956 г. [3], до сих пор является источником, на кото-

стр. 105

рый чаще всего ссылаются исследователи масс медиа. Например, Ширли Бьяджи использует в качестве фундамента исключительно теорию Зиберта и даже не ставит под сомнение такой подход [4, р. 14]. Как отмечают журналисты Ральф Лоуэнстейн и Джон Мерил, "почти в каждой статье и книге, имеющей отношение к философской основе

журналистики, содержались ссылки на эту книгу, комментарий на нее или цитаты из нее" [5, p. 163].

Свою теорию Зиберт определял как нормативную, поскольку в ней ставилась задача показать не то, как социальные системы функционируют на самом деле, а скорее то, как им надо было бы или как они могли бы функционировать, согласно некому набору критериев [6, p. 298]. Следовательно, о ценности предложенных теорий - авторитарной, либертарианской, социальной ответственности и советских медиа - надо судить не по тому, насколько идеально они описывают различные политические системы, а исходя из того, как они указывают место масс медиа в обществе. Было бы ошибкой говорить о бесполезности теорий Зиберта только на том основании, что его советская модель не совсем соответствует тому, как сейчас функционируют российские медиа. Маклеод и Бламлер советуют исследователям масс медиа сначала решить, в течение какого временного периода предлагаемая ими теория может считаться действенной. Иначе говоря, теория всегда должна быть компромиссом между общими и специфическими критериями, т.е. должно быть определено, "в какой степени эта теория применима ко всем условиям во все времена" [6, p. 297]. Поэтому нельзя считать, что теория может быть настолько общей, чтобы одновременно соответствовать коммуникациям времен Римской империи и компьютерной технологии. Тем не менее, теория, созданная в середине XX века, вполне может сохранять свое значение в течение еще 50 лет. Зиберт рассчитывал, что его теория будет полезной исследователям медиа в течение века [3, p. 6]. Однако последние политические изменения в мире не оправдали его ожидания. Наиболее существенно ситуация изменилась в странах Восточной Европы. После развала Советского Союза стало бессмысленно говорить о "теории советских медиа", поскольку она отражала условия деятельности СМК не только в СССР, но и в КНР. Три другие модели тоже тесно связаны с политическими идеологиями своего века, как объяснял Зиберт [3]. Потенциальная слабость этого подхода становится очевидной, когда роль выбранной политической системы уменьшается. В качестве недостатка концепции Зиберта также указывается на игнорирование самого важного участника в передаче политического содержания для аудитории, когда принимаются во внимание только две стороны: само средство коммуникации и правительство.

Слабости использованного Зибертом метода "глобальной типологизации", исключившего различия между многочисленными системами прессы в мире, стали очевидными, когда Эверет Роджерс и другие исследователи начали изучать в конце 1960-х годов коммуникационные системы страны "третьего мира". Первая модель систем масс медиа в развивающихся странах появилась в 1980 г.; тогда Международная комиссия ЮНЕСКО по исследованию коммуникационных проблем представила так называемый "доклад Макбрайда" [7].

Собственную модель медиа, соответствующую трем "мирам", предложил Эрбер Альтшуль. По его мнению, "первому миру" соответствует либеральная система, советская же система оказалась востребованной во "втором мире" и в странах "третьего мира". Эти три системы он назвал "рыночной", "марксистской" и "развивающейся" [8, p. 108]. Некоторые ученые вообще не признают этот подход, считая его слишком простым, чтобы быть полезным [6, p. 301].

В том, что подход Зиберта страдает не только упрощенностью, но и предвзятостью, убедились некоторые исследователи международных моделей масс медиа [9, p. 91]. Они пришли к выводу, что Зиберт отдает предпочтение тем странам, где основные медиа (газеты, радио и телевидение) находятся под одинаковым правительственным контролем. Среди тех, кто считает эти четыре теории слишком примитивными и не имеющими особой ценности, оказались Лоуэнштейн и Меррилл: "Концепция "четырёх теорий" лишена гибкости, необходимой для должного описания и анализа всех современных систем прессы и поэтому должна быть модифицирована" [5, p. 166]. Многие исследователи коммуникации полагают, что четыре классические теории не достаточно

гибки, чтобы соответствовать системам медиа разных стран мира. Поэтому, например, Маккуйэл предложил еще две - для медиа развития и демократического участия (партиципаторную).

Несмотря на определенные недостатки, "четыре теории" по-прежнему используются для классификации национальных медиасистем, хотя на самом деле медиасистемы зачастую основываются на альтернативных и даже несовместимых философских принципах. Поэтому вполне оправдано появление новых теорий. Изменения в структуре медиа расширили масштаб понятия *пресса* (теперь оно условно используется для обозначения всех средств массовой коммуникации, особенно в том, что касается их журналистских функций).

стр. 106

Авторитарная теория

Предложенный Зиббертом термин обозначает прежде всего, набор социально-политических условий для деятельности прессы в период ее становления, в основном в монархических государствах, где пресса находилась под контролем государства и подчинялась интересам правящего класса. Но этот термин используется и помимо рассмотрения монархической системы власти, начиная с того, что они могут получить поддержку в случае занятия лояльной позиции и соблюдения нейтралитета в отношении правительства, и кончая тем, что пресса намеренно и напрямую используется в качестве инструмента репрессивной государственной власти.

Общим для предусмотренных в этой теории случаев является отсутствие всякой подлинной независимости журналистов и их подчинение (в конечном итоге на основе силового варианта) государственной власти. Авторитарная теория оправдывает предварительную цензуру и наказание за отклонение от установленных сверху способов освещения прежде всего политических вопросов или любых других с явным политическим оттенком. Об авторитаризме в области масс медиа говорят законы; прямой контроль государства за "журналистским производством"; навязывание журналистам правил поведения; использование налогов и других форм экономических санкций; регулирование импорта зарубежных медиа; право государства назначать редакционный персонал; запрет на публикацию и т.д. Черты авторитарной теории прослеживаются еще в до-демократических обществах и явно видны в обществах откровенно диктаторских или репрессивных. Однако неверно не замечать авторитарные тенденции в отношении медиа в обществах, которые в целом не являются тоталитарными. В некоторых случаях авторитаризм выражает волю народа, и почти во всех обществах могут возникать ситуации, когда свобода прессы вступает в конфликт с интересами государства или общества в целом, в особенности во время угрозы террора или войны. Иногда от авторитаризма одни средства массовой коммуникации страдают сильнее, чем другие. Так, в некоторых странах под более плотным контролем находятся театр, кино, теле- и радиовещание, в частности, посредством лицензирования, чтобы государство имело к ним прямой доступ или контроль над ними под предлогом национальной необходимости. Поэтому эту теорию не следует рассматривать как пережиток прошлого или относительно редкое отклонение от существующих норм. Можно подумать, что между авторитарной системой медиа и тоталитарным государством существует прямая параллель. В основном это верно, но правительство может навязать авторитарную форму, не являясь откровенно тоталитарным.

Либертарианская теория

Своими корнями либертарианская теория (теория свободной прессы) уходит в XVI век Европы. Она возникла как противовес авторитарной теории, оправдывающей контроль правящей элиты или властей над всеми формами коммуникации. Но и при признании приоритетности свободы коммуникации может иметься немало ограничений: например, законы о защите от клеветы, ложной рекламы, порнографии и ненормативной

лексики. В политических кругах и средствах массовой информации постоянно идут дискуссии о границах свободы. Особого накала они достигают, когда появляются новые коммуникационные технологии.

Переименованный вариант "либертарианской теории" Зибберта и других возник в период избавления печатной прессы от официального контроля в XVII веке. Он и теперь считается главным узаконенным принципом деятельности печатных масс медиа в странах с либеральной демократией. Возможно, благодаря долгой истории, огромному влиянию и высокой символической ценности, теория свободной прессы нашла освещение в большом числе исследований [10]. На первый взгляд, она проста. В то же время она содержит фундаментальные нестыковки или ведет к ним. В самом общем виде в ней признается, что индивид должен иметь свободу на публикацию всего, что ему нравится, что является продолжением других прав: выражать собственное мнение, объединяться с другими людьми и вступать в организации. Таким образом, главные принципы и ценности идентичны принципам и ценностям либерально-демократического государства, таким как приоритет прав человека и гражданина и суверенитет воли народа.

Осложнения и возможные несоответствия возникли, только когда были предприняты попытки обосновать свободу прессы как основополагающее право при введении ограничений на его применение с указанием конкретных институционных форм, в которых оно находит свое

стр. 107

наилучшее выражение и обеспечено защитой в конкретных обществах. Как противодействие авторитаризму и чистое выражение либертарианства теория свободной прессы всегда воспринималась неоднозначно. Она рассматривалась как выражение противодействия колониализму (сначала в американских колониях), как полезный выпускной клапан для недовольства; как аргумент за свободу религии; как аргумент в защиту свободы религии; как мера противодействия злоупотреблениям власти; как самоцель; как средство достижения истины; как составной компонент коммерческой свободы; как практическая неизбежность. Центральным здесь всегда было утверждение, что свободное и публичное выражение - лучший способ достижения правды и выявления ошибок. Свободная пресса всегда рассматривалась как необходимый компонент свободного, рационально организованного и управляемого общества. Ближе всего к истине, отмечает Бэран, можно приблизиться только в результате состязательности альтернативных точек зрения, а "прогресс" общества зависит от выбора "правильного" решения [2, р. 113]. Достоинство свободной прессы в том, что она стремится к выражению альтернативных позиций. Истина, благоденствие и свобода должны идти вместе, и контроль за прессой в итоге ведет только к утверждению иррациональных норм и отношений, и нередко к репрессивным действиям, даже если какое-то короткое время он кажется оправданным. Свободная пресса, похоже, не нуждается ни в каких особых аргументах, помимо простой ссылки на статью американской конституции, в которой говорится, что "Конгресс не должен принимать никаких законов ... посягающих на свободу слова или прессы". Иначе говоря, это просто абсолютное право гражданина.

В действительности принцип свободы прессы реализовывался не столь прямолинейно. Вопрос, является ли это самоцелью, средством достижения цели или абсолютным правом, так и не был никогда решен, и есть те, кто со времен Милтона доказывают, что, если свободой злоупотребляют до такой степени, что она начинает угрожать добродетели и власти государства, ее можно ограничить. По мнению Пула, "Ни одна страна не станет безразлично терпеть свободу прессы, которая используется, чтобы расколоть страну и открыть шлюзы критики в адрес свободно избранного правительства, которое ее возглавляет" [11].

В обществах, где узаконена свобода прессы, прежде всего, дилемма решалась так: пресса освобождалась от предварительной цензуры и за все последствия своей

деятельности, выражающиеся в нарушении прав человека и правомерных требований общества, она должна отвечать в соответствии с законом. Абсолютное право свободы публиковать часто отступало перед правом на защиту (репутации, собственности, частной жизни и морального развития) индивидов, групп и меньшинств и соображениями безопасности и даже достоинства государства. Принцип свободы прессы не может, однако, выступать в качестве некоего абсолюта. Здесь требуются решения, предполагающие знание конкретной ситуации. Так, в США во времена "великой депрессии" правительство Франклина Делано Рузвельта ввело запрет на все радиотрансляции, которые так или иначе могли провоцировать рост агрессивности в американском обществе. Очевидно, нечто подобное следовало бы ввести и в отношении российских телепрограмм и рекламных роликов (для противодействия разжиганию агрессивных начал и с точки зрения соблюдения моральных заповедей).

Серьезные осложнения возникали в связи с институциональными формами воплощения свободы прессы. Во многих контекстах свобода прессы часто отождествлялась с правами на собственность и стала означать право владеть и пользоваться средствами публикации без ограничений или вмешательства со стороны правительства. Главным аргументом в пользу этой точки зрения, помимо утверждения, что свобода в целом означает свободу от правительства, стал перенос аналогии "свободного рынка идей" на подлинно свободный рынок, на котором коммуникация - товар, который производится и продается.

Свобода издавать, соответственно, рассматривается как право на собственность, которое будет защищать имеющееся разнообразие, и выражается свободными потребителями, обращающимися на рынок со своими запросами. Таким образом, свобода прессы отождествляется с частной собственностью на медиа и свободой от вмешательства в рынок.

Это утверждение Маккуэйл считает сомнительным не только из-за монопольных тенденций в прессе и других СМК. Масштаб посторонних финансовых интересов в прессе многим видится возможным источником посягательств на свободу выражения, как и любое действие правительства. Более того, в современных условиях представление о том, что частная собственность гарантирует индивиду реальную возможность, а также право на публикацию, кажется абсурдным [1, p. 115].

Либертарианская теория прессы часто ассоциируется с доктриной "свободного потока информации", которая в советское время подвергалась острой критике [12] за то, что предполагала организацию международного теле- и радиовещания, распространение периодических из-

стр. 108

даний, книг, кинофильмов, видеозаписей, компакт-дисков, кассет и т.п. по всему миру. Фактически это - почти то, что сейчас воспринимается как нечто само собой разумеющееся практически повсюду благодаря новым коммуникационным технологиям.

Теория социальной ответственности

В 1940-х годах в ходе дебатов между сторонниками либертарианства в разных проявлениях, с одной стороны, и регулирования медиа, с другой, постепенно сформировалась теория социальной ответственности. Она представляет собой компромисс между мнением о необходимости правительственного контроля и поддержкой полной свободы прессы. Удовлетворяла она не всех, но получила широкое распространение, особенно в медиа. Даже сегодня большинство практиков медиа руководствуются тем или иным вариантом теории социальной ответственности.

Своим появлением теория социальной ответственности обязана инициативе американцев - Комиссии по свободе прессы, в состав которой входили ученые, политики и лидеры общественных организаций [13]. Главным толчком явилось осознание того, что в некоторых отношениях свободному рынку не удалось выполнить обещание свободы

прессе и обеспечить общество ожидаемыми благами. В особенности, как утверждалось, технологическое и коммерческое развитие прессы ограничило доступ индивидов и разных групп к СМИ и снизило стандарты деятельности последних в удовлетворении информационных, социальных и моральных потребностей общества. Также считалось, что произошло усиление власти одного класса. В то же самое время появление новых и укрепление позиций таких вроде бы всемогущих масс медиа, как радио и кино, продемонстрировали необходимость какой-нибудь формы общественного контроля и подотчетности дополнительно к тем, которые существуют в отношении сложившихся и профессионально организованных печатных медиа.

Фактически теория социальной ответственности вводит прежние принципы и повторяет идеи, выраженные в кодексах профессиональной этики различных медиа. К примеру, в ней подчеркивается необходимость независимой прессы, которая контролировала бы деятельность других общественных институтов и освещала бы события точно и объективно. Самой новаторской чертой теории социальной ответственности стал содержащийся в ней призыв к медиа взять на себя ответственность за формирование продуктивных и творческих "великих сообществ". Эта цель должна достигаться за счет патронирования культурного плюрализма - ей надо быть голосом народа, а не элит или групп, доминировавших в национальной, региональной или местной культуре в прошлом. В некоторых отношениях теория социальной ответственности представляет собой весьма радикальное заявление. Вместо того, чтобы требовать для медиа и их владельцев полной свободы, она возлагает на них обязательства. Подобно тому, как либертарианство возникло как альтернатива авторитарным идеям, теория социальной ответственности - ответ на тоталитарные идеи [2, p. 95].

Теория социальной ответственности имеет широкий диапазон применения, поскольку охватывает разные виды частных средств массовой коммуникации и общественных институтов вещания, подотчетных обществу посредством демократических процедур. Следовательно, в ней приходится примирять независимость с долгом перед обществом. Ее основные положения таковы: медиа выполняют важные функции в обществе, особенно в отношении демократической политики; медиа должны принять на себя обязательство выполнять эти функции, главным образом в сфере информации и обеспечения платформы выражения разных точек зрения, а также в вопросах культуры; максимальная самостоятельность медиа, совместимая с обязательствами перед обществом; в своей работе СМИ опираются на определенные стандарты, которые можно сформулировать и которым нужно следовать. Короче говоря, собственность и контроль медиа следует рассматривать как своего рода общественное поручительство, а не частную франшизу. В отличие от теории свободной прессы здесь не сквозит оптимизм относительно того, что "свободный рынок идей" выгоден личности и обществу. В условиях частной собственности профессионалы масс медиа несут ответственность не только перед потребителем, но и перед обществом в целом.

Очевидно, в теории социальной ответственности делается попытка совместить три разных принципа: личной свободы и выбора; свободы медиа; долга медиа перед обществом. Предлагается два варианта преодоления потенциальных разногласий. Во-первых, это создание общественных, но независимых институтов управления вещанием, что, в свою очередь, расширяет масштаб и политическую значимость концепции социальной ответственности. Во-вторых,

стр. 109

дальнейшее совершенствование профессионализма как средства достижения более высокого уровня в работе, при этом медиа следуют собственному кодексу регулирования.

Самой важной чертой общественных институтов управления вещанием, содействующей примирению указанных выше принципов, является акцент на нейтральность и объективность в отношении правительства и общественных проблем и

включение механизмов, заставляющих СМК реагировать на запросы аудитории и отчитываться перед обществом за свою деятельность. Однако иногда профессионализм, пропагандируемый теорией социальной ответственности, предполагает не только высокий уровень в работе, но также "баланс" и непредвзятость, характерные для вещательных средств массовой коммуникации. О росте влияния вещания как практического выражения теории социальной ответственности свидетельствует готовность правительств обсуждать и принимать меры, которые формально идут в разрез с принципами свободной прессы. К ним относятся различные формы правового и финансового вмешательства, предназначенные для достижения положительных общественных целей или ограничения воздействия рыночных сил и тенденций. Их проявления многообразны: это своды правил и уставы для защиты редакционной и журналистской свободы; кодексы журналистской этики; регулирование рекламы; антимонопольное законодательство; создание советов по печати; периодические проверки комиссиями; парламентские слушания; система субсидирования прессы [10].

Маккуйэл так описывает принципы теории социальной ответственности:

- * Медиа должны взять на себя и выполнять определенные обязательства перед обществом.

- * Эти обязательства должны выполняться за счет установления высоких или профессиональных стандартов информативности, правдивости, точности, объективности и баланса.

- * Возлагая на себя и применяя эти обязательства, медиа должны саморегулироваться в рамках закона и существующих институтов.

- * Медиа должны избегать всего, что может привести к преступлению, насилию или гражданским волнениям или может оскорбить группы меньшинств.

- * Медиа в целом должны быть плюралистскими и отражать разнообразие общества, предоставляя доступ к различным точкам зрения и праву на ответ.

- * Общество и публика, в соответствии с первым названным принципом, имеет право ожидать высокие стандарты работы; вмешательство можно оправдать только заботой о благе народа.

- * Журналисты и медиапрофессионалы должны быть подотчетны перед обществом, так же как перед работодателями и рынком [1, p. 117 - 118].

Теория социальной ответственности оказалась очень живучей. Однако большинство журналистов-практиков признавали только ее главные ценности, например, плюрализм и культурное разнообразие, однако мало что подтверждает их неуклонное следование этим принципам в своей работе. К примеру, они низко котируют новостную ценность повседневной деятельности общин и групп по интересам. Чтобы теория социальной ответственности оставалась жизнеспособной нормативной теорией, необходимо активизировать усилия по ее реализации. В сравнении с огромным объемом исследований эффектов медиа, относительно мало изучено, действительно ли существующие профессиональные методы производства новостей соответствуют целям общества, как предполагается. Например, одной из главных целей считается передача среднему человеку точной информации о важных событиях. Данные исследований на эту тему далеко не однозначны. Факты говорят, что люди мало узнают из новостей, а то, что узнают, быстро забывают [14]. От плохо структурированных сообщений и зрелищного, но неуместного видеоряда в головах людей возникает путаница. Но результаты этих исследований практически не повлияли на практическую журналистику [15].

Престиж теории социальной ответственности на Западе существенно упал: ее считают либо ложной, либо неэффективной. Этнические и расовые субкультуры по существу остаются не понятыми. Членов групп меньшинств дискриминируют и подвергают гонениям. Растет численность "групп ненависти" (фашистов, "бритоголовых" и т.п.) там, где они не встречают отпора со стороны населения и правоохранительных органов.

Едва ли эти проблемы можно решить путем предоставления членам групп прямого контроля над содержанием газет и телевидения. Американский опыт с общедоступными каналами кабельного ТВ свидетельствует о том, как непросто использовать медиа для поддержки плюралистических групп. В 1972 г. Федеральная комиссия связи потребовала от местных кабельных компаний предоставлять каналы местным плюралистическим группам и, хотя эти правила о "местном происхождении" и об "обязательном доступе" со временем изменялись и снова вводились, им не удалось выполнить свою главную задачу. Общедоступные каналы собирают малочисленную аудиторию, и лишь немногие группы ими пользуются. Например, городской совет

стр. 110

Канзас-сити оказался в сложном положении, когда попытался закрыть местный общедоступный канал, чтобы Ку-клукс-клан не смог его использовать для пропаганды человеконенавистнических идей.

Теория советских медиа

После революции 1917 г. российская пресса и другие средства массовой коммуникации были полностью реорганизованы и получили теоретическое обоснование, исходя из положений марксизма-ленинизма. Постепенно теория была подкреплена институционными средствами, которые формировали основное поле деятельности медиа, подготовки специалистов и проведения исследований и стала моделью для большинства медиа в пределах социалистического лагеря [16]. В этой теории Маккуйэл выделяет следующие положения. Во-первых, поскольку власть в социалистическом обществе принадлежит рабочему классу по определению, чтобы ее сохранять, средства "духовного производства" нужно держать под контролем. Следовательно, все средства массовой коммуникации должны находиться под контролем организаций рабочего класса - прежде всего коммунистической партии. Во-вторых, в условиях отсутствия в социалистическом обществе классовых противоречий в центре внимания прессы не могут быть политические проблемы. В соответствии с социалистическими принципами диапазон дозволенных расхождений и дебатов не должен включать элементы, считающиеся анахронизмом, регрессивными и опасными для общества. В-третьих, прессе принадлежит позитивная роль в формировании общества и движения к коммунизму, и отсюда медиа выполняют ряд важных функций социализации, неформального общественного контроля и мобилизации в направлении запланированных социальных и экономических целей. В частности, эти функции связаны с продвижением социальных и экономических реформ. В-четвертых, марксизм допускает объективные законы истории, которые пресса должна отражать. Это ограничивает диапазон личной интерпретации и навязывает набор устойчивых характеристик новостей, отличающихся от тех, которых придерживается либеральная пресса. Наконец, общая теория советского государства требует, чтобы медиа подчинялись государственным органам и входили в состав - в разной степени - других инструментов политической жизни [1, p. 118 - 119].

В этих рамках медиа должны осуществлять саморегулирование, брать на себя определенную ответственность, развивать и следовать нормам профессионального поведения и реагировать на потребности и желания аудитории. Отчетность перед публикой реализуется с помощью социологических исследований, институционных форм соучастия аудитории, ответов на письма и анализа запросов общественности. В отличие от теорий свободной прессы и социальной ответственности модель советских СМИ оправдывает цензуру и наказания медиа. Между авторитарной и советской теорией есть определенное сходство, особенно в том, что касается акцента на поддержку существующего общественного строя. Но есть и различия. Согласно советской теории, медиа не являются объектом произвольного или непредсказуемого вмешательства, а работают в пределах известных, добровольно установленных рамок; они должны

обслуживать свою публику и реагировать на ее запросы; как правило, они не монолитны в мнениях и выражают разнообразные интересы.

Теория для медиа развития

Эта теория выступает за поддержку средствами массовой коммуникации существующего режима и его усилий по обеспечению экономического развития, чем она оказывает помощь обществу в целом. Согласно этой теории, пока страна не достигнет определенной степени политического и экономического развития, медиа должны поддерживать, а не критиковать правительство.

Иногда сферу применения этой теории сужают до "стран третьего мира"¹. Ее создание стало возможным после того, как были выявлены общие черты масс медиа в развивающихся странах, к которым не применимы положения других нормативных теорий. Одно из обстоя-

---

¹ Некоторые специалисты переводят термин development media theory как "теория для медиа развивающихся стран" (например, [17]).
стр. 111

тельств - отсутствие некоторых условий, необходимых для развитых систем массовых коммуникаций, а именно: коммуникационной инфраструктуры; профессионального мастерства; производственных и культурных ресурсов; достаточной аудитории. Другой, связанный с предыдущим фактор - это зависимость от развитых стран в техническом, профессиональном и культурном отношении. В-третьих, главной задачей (в разной степени) многие общества ставят экономическое, политическое и социальное развитие страны и ей должны подчиняться другие институты. В-четвертых, развивающиеся страны все больше осознают свою идентичность и интересы в международной политике. Нормативные элементы новой теории, формирующейся под воздействием обстоятельств, описанных выше, особенно резко направлены против зависимости и иностранного влияния, а также от произвола авторитаризма. В соответствии с этими нормативами ими поддерживается положительное использование медиа в деле национального развития и пропагандируются автономия и культурная идентичность конкретного национального общества. В определенной степени они поддерживают демократическое участие народных масс (коммуникационные модели участия). Здесь мы имеем пример продолжения принципов самостоятельности и противодействия авторитаризму и отчасти признание необходимости достижения целей развития совместными способами.

Общее, что объединяет теорию медиа развития с другими нормативными теориями - это признание в качестве главной цели самого экономического развития (следовательно, социальных реформ) и зачастую связанного с ним "строительства нации". Поэтому вопросы о свободе медиа и журналистов отодвигаются перед их долгом способствовать достижению этой цели на второй план. В то же время на первый план выходят коллективные, а не индивидуальные цели. Один относительно новый элемент в теории медиа развития - это акцент на "праве общаться", исходя из Статьи 19 Всеобщей декларации прав человека.

Теория медиа демократического участия

Последнюю из нормативных теорий массовых коммуникаций, которая лишь недавно пополнила этот список, сформулировать не легко, отчасти потому, что она не до конца узаконена и не стала частью медиаинститутов, а также в связи с тем, что некоторые ее компоненты содержатся в других теориях. "Несмотря на то, что ее существование как самостоятельной теории может быть под вопросом, она заслуживает отдельного рассмотрения, даже в своем неопределенном состоянии она представляет собой вызов общепризнанным теориям" [1, p. 121]. Как и многие другие теории, она появилась как

реакция на имеющиеся теории и фактический опыт, сделав шаг в сторону новых форм медиаинститутов.

Действие теории демократического участия (или партиципаторной теории) распространяется в основном на развитые либеральные общества, но стыкуется и с некоторыми положениями теории для медиа развития, в частности, с ее упором на "базис" общества, на значимость горизонтальной, а не вертикальной (сверху вниз) коммуникации. Главным в этой теории является неприятие коммерциализации и монополизации частных медиа, а также централизации и бюрократизации институтов общественного вещания, созданных в соответствии с нормами социальной ответственности.

Общественное вещание значительно укрепило надежды на то, что системы медиа могут участвовать в процессе социального развития и демократических реформ, начало которым положили политические и экономические революции девятнадцатого века. Этим ожиданиям не удалось сбыться из-за стремления некоторых организаций общественного вещания к патернализму, крайней элитарности, стремления быть ближе к истеблишменту, излишней податливости к политическому и экономическому давлению, чрезмерной монолитности, "излишнего" профессионализма.

Термин "демократическое участие" несет оттенок разочарования в политических партиях и в системе парламентской демократии, которые, кажется, потеряли связь с корнями, затрудняя, а не упрощая участие масс в политической и общественной жизни. Здесь присутствует элемент постоянной реакции на массовое общество, которое заорганизовано, чрезмерно централизовано и неспособно предоставить индивиду и меньшинству реальные возможности для выражения мнения. Теория свободной прессы бессильна из-за влияния рынка, а теория социальной ответственности неуместна из-за того, что под ее прикрытием ученые обслуживают организации и профессионалов в сфере медиа. Практикуемое прессой саморегулирование и подотчетность крупных вещательных организаций не помешали росту медиаинститутов, которые

стр. 112

управляют из властных центров общества или которые не справляются с задачей удовлетворять потребности граждан.

Следовательно, главным в партиципаторной теории являются потребности, интересы и надежды активных "получателей" в политическом обществе. Она касается права на получение нужной информации, права на ответ, право использовать средства коммуникации для взаимодействия в небольшом сообществе, объединении по интересам, субкультуре. Эта теория отвергает необходимость введения однородных, централизованных, дорогостоящих, слишком профессионализированных, нейтрализованных и контролируемых государством медиа. Она предполагает многообразие, локальность, деинституционализированность, взаимозаменяемость ролей отправителя-получателя, горизонтальность коммуникационных связей на всех уровнях общества, взаимодействие, заинтересованность [18, p. 12 - 36].

В этой модели сочетаются разные компоненты, включая либертарианство, утопизм, социализм, эгалитаризм, движение в защиту окружающей среды и локализм. Медиаинституты, сконструированные в соответствии с положениями этой теории, были бы в будущем теснее связаны с общественной жизнью, чем сейчас и лучше бы контролировали аудиторию, предлагая возможности доступа и участия на условиях, сформулированных их пользователями, а не контролерами.

Теория демократического участия родилась в Западной Европе и является составной частью возрождения исторически значительных культурных и этнических групп. Укрепление государств в Европе за последние два века шло за счет насильственного объединения антагонистических групп и подавления местных и региональных культур. Культурные и этнические меньшинства подвергались дискриминации, под запретом были

их языки и религии. Развязкой подобного конфликта считаются трагические события в Боснии в 1990-х годах.

В теории демократического участия утверждается, что оставшимся представителям этнических групп должен быть открыт доступ к медиа и созданы возможности возрождения или укрепления культуры. В Уэльсе, например, популярностью пользуется начавшееся несколько лет назад телевидение на валлийском языке, что, как утверждается, способствовало восстановлению региональной гордости.

Как ни парадоксально, объединение Европы в Европейский Союз (ЕС) способствовало укреплению позиций СМК этнических групп. ЕС принимает меры, гарантирующие этническим группам равные права и доступ к различным медиа. Здесь очень кстати оказываются новые технологии, которые, снижая стоимость медиа, повышают их эффективность по обслуживанию малых групп.

Все описанные выше теории считаются нормативными, следовательно, они останутся таковыми, даже несмотря на то, что связанные с ними общества прекратили существование. Маклеод и Бламлер подчеркивают, что четыре модели прессы описывают набор идеальных (а не реальных) типов, составляющих идеологические медиасистемы [6, р. 296]. К примеру, авторитарную модель можно использовать для описания некоторых стран [19, р. 328], несмотря на то, что сейчас нет тоталитарных государств в чистом виде. Процесс формирования свода нормативной теории продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Me Quail D.* Mass Communication Theory: An Introduction. L., 1987.
  2. *Baron S.I and Davis D.K.* Mass Communication Theory: Foundation, Fervent and Future. Belmont, 1995.
  3. *Siebert E.S., Peterson T. and Schramm W.* Four Theories of the Press. Urbana, 1956.
  4. *Biagi S.* Media Impact: An Introduction to Mass Media. Sacramento, 1990.
  5. *Lowenstein R.L. and Merrill J.C.* Macromedia: Mission, Message and Morality. N. Y., 1990.
  6. *MacLeod J.M. and Blumer J.L.* The Macrosocial Level of Communication Science // Charles R. Berger and Steven H. Chaffee (eds.). Handbook of Communication Science. Beverly Hills, 1989.
  7. *MacBride S. et al.* Many Voices. One World L., 1980.
  8. *Altschull J.H.* Agents of Power: The Role of the News Media in Human Affairs. N. Y., 1984.
  9. *Martin L.J. and Arju G.C.* Comparative Mass Media Systems. N. Y., 1983.
  10. *Smith A.* The Shadow in the Cave: A Study of the Relationship between the Broadcaster, his Audience and the State. L., 1973; *Curran J. And Seaton J.* Power without Responsibility (2nd ed.). L., 1985; *Rivers W.L., Schramm W. And Christians G.C.* Responsibility in Mass Communications. N. Y., 1980.
стр. 113
-
11. *Pool I. de Sola.* Newsmen and Statesmen - Adversaries or Cronies // W.I. Rivers and N.J. Nyhan (eds.). Aspen Papers on Government and Media. London, 1973.
  12. См., например, *Бирюков Н. С.* Буржуазное телевидение и его доктрины. М., 1977; *Стрельников П. В.* Империя кривых зеркал. М., 1978.
  13. Commission of Freedom of the Press. A Free and Responsible Press. Chicago, 1947.
  14. *Graber D.* Processing the News. N. Y., 1987.
  15. *Davis D.K., Robinson J.R.* Newsflow and Democratic Society in an Age of Electronic Media // G. Comstock (ed). Public Communication and Behavior. Volume 3. N. Y., 1989.
  16. *Mickiewicz E.P.* Media and the Russian Public. N. Y., 1981; *Hopkins M.* Mass Media in the Soviet Union. N. Y., 1970; *Фурсов Б.* Социально-культурные характеристики советских масс-медиа // Демократический журналист. N 1. С. 12 - 14.

17. Землянова Л. М. Зарубежная компаративистика в преддверии информационного общества // Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999. С. 227.
18. Enzensberger H.M. Constituents of a Theory of the Media // New Left Review. 1970. P. 64.
19. Vivian J. The Media of Mass Communication. Boston, 1995. стр. 114

Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения²³

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович - доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики Государственного университета - Высшей школы экономики.

Количество социологических, политологических и экономических публикаций, затрагивающих тему межличностного доверия, непрерывно растет, начиная с 1960 - 1970-х гг. Значительная часть литературы посвящена проблеме доверия в России и других т.н. "переходных экономиках", "транзитных" странах, "молодых демократиях" [1 - 10]¹. Сделанные в них заключения основаны, помимо прочего, на данных опросов. Результаты проведенных в разное время в России и других странах опросов заметно отличаются друг от друга. Эти различия порой влекут за собой далеко не бесспорные выводы. Поэтому вопросы о том, что измеряется и как объясняются различия в измерениях межличностного доверия в сравнительных исследованиях, приобретают, на наш взгляд, ключевое значение для правильного понимания сути проблемы.

Об измерении доверия

В межличностном доверии отображаются установки, усвоенные человеком в период ранней социализации, жизненный опыт индивида, национальный характер, коллективный исторический опыт народа, фундаментальные общечеловеческие моральные ценности. Межличностное доверие следует отличать от других форм проявления этого психологического феномена, у каждого из которых свои источники происхождения.

Доверие к людям как базисная жизненная ориентация приобретается индивидом в раннем детстве, когда родители учат своих детей, как вести себя в обществе, встречаясь со знакомыми и незнакомыми людьми, - доверять или не доверять "чужим", быть откровенным или осторожным с родственниками, друзьями, с "другими людьми" и т.п. Она остается с человеком на долгие годы и на поведенческом уровне у каждого проявляется в различных ситуациях по-разному. Доверие - важный принцип морали как целостной системы жизненных установок, ценностей по мере взросления изменяется весьма незначительно.

Существует множество работ, в которых основное внимание обращается на якобы определяющую роль *личного* опыта в формировании доверия и межличностного доверия. Доверие увязывается в них с расчетом риска быть обманутым в ожиданиях, с прогнозом реакции на поступки и слова, то есть с сознательной или бессознательной экстраполяцией прошлого (в первую очередь, негативного) опыта индивида на будущее. Форма доверия, проистекающая из ожиданий индивида, получила название "ра-

стр. 17

циональное (взвешенное) доверие (rational trust)" или "доверие". Думается, что отрицать способность человека обучаться на своих ошибках (минимизировать риски) столь же нелепо, как и приписывать механизму "проб и ошибок" главную роль в развитии

---

²³ Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. №2. С. 17-25.

личности и формировании доверительного отношения индивида к другим, в том числе и незнакомым людям и институтам.

Общение и взаимодействие людей изначально предполагает определенную степень взаимного доверия, в том числе и к ранее незнакомым людям. Каждый житель планеты Земля никогда не мог быть лично известным всем своим современникам. Межличностное доверие - это общечеловеческая *моральная ценность*, которая напрямую не зависит от личного опыта индивида, и/или от практик его взаимодействия с другими людьми, участия/неучастия в ассоциациях граждан, и/или неформальной социализации (см. подробнее [10, 11]). Действительно, хотя различные общности и социокультурные среды (локальные общества, племена и нации, этнические, идеологические и религиозные группы, и т.д.) объективно различаются по отношению к своим и чужим, без взаимопомощи и сотрудничества, основанных на вере, на держащих свое слово и выполняющих взятые на себя обязательства других людей, без этой моральной ценности, человечество в целом не могло бы существовать и развиваться, как и без признания обоснованности применения санкций за нарушение традиции и солидарности, основанной на морали.

Доверительное отношение к людям, о которых индивид не имеет никакой априорной информации, позволяющей ему предвидеть последствия контакта, - *доверие людям вообще* - в англоязычной специализированной литературе получило название генерализованного (или обобщенного) доверия. Для его измерения на Западе в массовых опросах с 1950-х гг. обычно задается примерно такой вопрос: "Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять, или следует быть более осторожным, когда имеешь дело с ними?" Это вопрос об отношении к людям, с которыми респондент лично не знаком и о которых он ничего не знает. Он неоднократно использовался в крупнейших международных сравнительных опросах, во всемирных и европейских исследованиях ценностей, проводящихся с начала 1980-х гг. с интервалом примерно в 10 лет по стандартизованному инструментарию (The European Value Survey, далее в тексте - EVS, The World Value Survey - WVS)². Этот показатель выражает уровень доверия незнакомым людям *в принципе* (доверие "другим" вообще). Доверие по отношению к "другим" основано на важнейшем, морально-этическом (по природе), предположении - что "другие" также разделяют Ваши фундаментальные ценности/принципы морали, даже если они не согласны с Вами по вопросам политики, религии или идеологии. Иначе говоря, на *вере* в то, что *большая часть* незнакомцев - это *такие же люди, как и Вы*, что это *равные* Вам люди (моральный принцип равенства и чувство идентичности как презумпция доверия "другим", как основа культуры доверия). Вера в то, что "большинству людей можно доверять" не вытекает из жизненной практики конкретного индивида уже потому, что каждый человек на протяжении всей своей жизни контактирует с очень небольшим количеством "других", а тесное повседневное общение со знакомыми и подобными (в моральном отношении) тебе людьми, то есть со своей "моральной общностью" (moral community), не может породить доверие к незнакомым людям, хотя, конечно, существуют виды занятий и социальной активности, являющиеся исключением из этого общего правила [11]. Она не предполагает оценку риска на случай, если доверие оказано субъекту, не заслуживающему его. Такая оценка не может быть сделана в отношении незнакомца, о котором индивид ничего не знает, из-за отсутствия информации, необходимой для прогноза последствий. Доверие людям, как и вера в человечество, наверное, не может быть полностью уничтожено даже неудачным опытом общения отдельного индивида. Это фундаментальная основа человеческого общежития, то, чему все родители учат своих малолетних детей.

Этот моральный концепт - продукт эмпирического опыта, осмысления истории и социальных перемен (Зиммель, Луман, Гидденс). Как моральная ценность он занимает разное место в иерархической структуре ценностных ориентации различных куль-

---

тур вследствие различий в истории, отложившихся в коллективной памяти народов, национальном характере, всей системе установок и ценностей.

Доверие к людям вообще обычно рассматривается во взаимосвязи с доверием массы к институтам и политическим лидерам³ и в связи с доверительным отношением индивидов к ранее неизвестным людям в конкретных обстоятельствах места и времени, например, на улице, в магазине, больнице, в милиции. Доверие играет исключительную роль в торговле, бизнесе, спорте, мореплавании, в дипломатии, в военном деле. То есть межличностное доверие - это моральный фундамент взаимоотношений людей в самых различных сферах деятельности, однако форма проявления и степень доверия зависят от обстоятельств.

Когда речь идет о доверительном отношении индивида к конкретным людям, особенно велика роль информации и ожиданий. Не случайно для описания данного поведенческого аспекта доверия в англоязычной литературе используется специальный термин "particularized trust" ("особое личное доверие")⁴, доверие, выражаемое индивидом прежде всего к своему "внутреннему кругу", к узкой строго очерченной группе людей, включающем членов семьи и родственников. Исследования показали, что индивиды с высоким уровнем доверия к людям вообще, как правило, относятся к своему внутреннему кругу практически так же, как и к внешнему окружению, или, по крайней мере, не намного лучше. Хотя и они в жизни доверяют далеко не всем незнакомцам. Люди, которые в принципе доверяют немногим, обычно встречают незнакомцев скептически⁵. Поэтому мы полагаем, что в ответе на вопрос о доверии "большинству", кроме выражения моральной ориентации, всегда содержатся "следы" иных форм доверия.

Доверие незнакомцам в значительной мере основано на оптимистическом видении мира (завтра будет лучше, чем вчера) и вере в то, что жизнь можно сделать лучше (мы преодолеем неудачи), если контролировать социальное окружение, условия жизни и направленность их изменений. Если генерализованное доверие - это общая характеристика восприятия жизни, то доверительное/враждебное отношение к соседям, представителям другой расы (цвета кожи), религии, твоей или иной национальности (или конкретной этнической группы)⁶ согражданам и соотечественникам за рубежом, и т.д., - это характеристики восприятия индивидом различных элементов среды своей жизнедеятельности. Речь идет о специализированных установках, предопределяющих поведение в конкретных жизненных ситуациях. Эти установки следует отличать от генерализованного доверия как более абстрактной и общей ценностной ориентации. Поэтому прямые измерения доверия к вышеназванным элементам внешнего круга или окружающей человека социальной среды часто интерпретируются как измерения толерантности, терпимости.

В ряде исследований в качестве альтернативы формулировке вопроса, раскрывающей смысл показателя обобщенного доверия как доверия "большинству" (незнакомых) людей, иногда предлагается, казалось бы, тот же вопрос, но в несколько отличной редакции: "Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми нужно быть поосторожнее. Какая точка зрения Вам ближе - первая или вторая?" Такая редакция, на наш взгляд, уязвима для критики из-за излишней категоричности (ВСЕМ - без исключения (!) - можно доверять). Сама постановка вопроса требует от респондента отказаться от усвоенного с детства представления о том, что безграничного доверия не бывает, и солидаризироваться с абсолютизацией "недоверия". Если допустить, что первую максиму выбирают простодушные идеалисты и люди с развитым абстрактным мышлением, всегда присутствующие в группе тех, кто в принципе согласен, что "большинству людей можно доверять", то доля согласных с первой точкой зрения при использовании данной редакции вопроса должна быть ниже, чем доля респондентов, считающих, что "большинству людей можно доверять", то есть при традиционной формулировке вопроса. А доля "недоверчивых" - всегда выше.

Формулировка вопроса и шкала ответа имеют значение и могут оказать влияние на интерпретацию результатов в случае отдельно взятого опроса (замера), но, нам кажется, что различия в мерительном инструментарии не могут заметно исказить линию

стр. 19

тренда в исследованиях доверия при репрезентативной выборке и тем самым привести к качественно отличным выводам.

О межстрановых сравнениях

Хорошо известно, что обоснованность выводов, сделанных на основе кросс-культурного сравнения агрегированных показателей распространенности ценностей, зависит от сопоставимости инструментов измерения, правильного построения выборки и организации сбора данных. Но не только. Возможность сравнения в решающей степени определяется содержанием собранной информации, рассмотрением исследуемого явления в его исторически-генетическом движении, что означает помимо прочего проведение сопоставления не только в пространстве, но и во времени [см. 12, с. 25].

Сравнительно недавно коллега-политолог обратил мое внимание на статью Г. Л. Кертмана, в которой утверждалось, что использование доли респондентов, выражающих согласие с тем, что "большинству людей можно доверять", в качестве показателя, характеризующего уровень межличностного доверия, для сравнения результатов измерений в нашей стране (имеется в виду агрегированный по выборке индикатор) с данными аналогичных замеров в других странах является некорректным [13, с. 387]⁷. Но еще в 1970-е гг. Р. Инглхарт установил наличие сильной корреляции между уровнем межличностного доверия (имеется в виду процент согласных, что "большинству людей можно доверять", - авт.), с одной стороны, и благосостоянием граждан, экономическими успехами страны в целом, а также приверженностью населения демократическим институтам и ценностям - с другой [там же, с. 383], и что существуют "весьма убедительные доказательства тесной связи между значениями рассматриваемого показателя и уровнем экономического развития, а также степенью институционализации демократических принципов [1, с. 384 - 395]. Однако его смущает то, что в России в начале кризисных 1990-х гг. нами⁸ был зафиксирован сравнительно высокий уровень межличностного доверия - 54% в 1993, и по 57% в 1994 и 1996 гг. - при крайне низком уровне политического доверия, уровня жизни и упадке экономики, то есть вышеназванная корреляция не была выявлена, тогда как в некоторых благополучных западных странах с развитой рыночной экономикой и давними демократическими традициями опросами, проведенными в 1990 г., был зарегистрирован заметно более низкий уровень межличностного доверия, нежели в нашей стране [12, с. 153]. По сути, именно на этом основании Кертман делает вывод, что индикатор "большинству людей можно доверять" не применим в межстрановых сравнениях с участием России. В противном случае под вопрос попадают не только упомянутые нами положения о взаимосвязи модернизации и демократизации, но и другие модные теоретические построения (например, о роли социального капитала в развитии гражданского общества и рыночной экономики, и т.д.), в истинности которых он, по-видимому, не сомневается⁹. Утверждение Г. Л. Кертмана, объявляющего некорректными сравнения распределений ответов россиян и жителей других стран якобы из-за того, что вербальная конструкция, применяемая в вопросе, при переносе в российский социокультурный контекст "меняет смысл, порождает иные коннотации" [13, с. 387], не только вызывает возражение, но и противоречит накопленному опыту подобного рода исследований¹⁰. Не устраивающий Кертмана вопрос использовался не только в наших опросах начала 1990-х гг., но и широко применяется за рубежом. Опросный инструментарий в сравнительных исследованиях всегда тщательно отработывался и проверялся, в том числе и на адекватность восприятия респондентами из разных стран формулировок вопросов о доверии, дабы влияние национального социокультурного контекста не послужило препятствием для последующих сравнений

результатов (например, упоминавшимся выше Инглхартом совместно с результатами опросов анализировались данные о функционировании демократии и экономики в период с 1920 по 1995 и последующие годы в 41 стране мира [14], [15]). Другое дело, что взаимоотношения межличностного доверия, демократии и экономики не так просты, как кажется на первый взгляд. Корреля-

стр. 20

ция индикаторов - это не причинная связь явлений. И, действительно, по данным EVS/WVS к 2000 г. в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, ныне вошедших в Евросоюз, в 2004 г. генерализованное доверие, оставаясь на весьма низком уровне, немного подросло только в Словении, где этот процесс развивался параллельно с ростом благосостояния населения. А в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше по данным EVS/WVS, генерализованное доверие, и без того невысокое, снизилось по сравнению с коммунистическим прошлым и началом 1990-х гг. В Румынии и Македонии, пока ещё лишь стремящихся войти в Евросоюз и в глазах западных наблюдателей становящихся вполне "демократическими", также зарегистрированы весьма низкие значения генерализованного доверия: в Румынии в 1999 г. - 10,1% и 13,5% в Македонии в 2001 г.

На основе корреляций 1980-х-начала 1990-х гг. нельзя было сделать предположение, что последовательное и устойчивое, сохраняющееся на протяжении ряда лет ухудшение экономической ситуации обязательно проявит себя в заметном уменьшении общенационального уровня межличностного доверия. Поэтому в коллективной монографии *"Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения"* (М., 1998, 2000), кстати, написанной в основном в Голландии в 1995 - 96 гг.¹¹, мы были осторожны в прогнозах и высказали мнение, что "кратковременные драматические события в экономике не оказывают существенного влияния на общенациональный уровень межличностного доверия", но, "тем не менее, остается пока неясным, как будет изменяться уровень межличностного доверия в России в будущем. Если произойдет дальнейшее ухудшение экономического положения россиян, то окажет ли оно негативное влияние на отношения между людьми в этой стране, или же, несмотря ни на что, в ней сохранится высокий уровень межличностного доверия? Если жизнь станет легче и богаче, то возрастет ли и уровень доверия?" [12, с. 156].

Подтвердились ли наши предположения, высказанные в середине 1990-х годов? Скорее да, чем нет. В январе 2000 г. 66% россиян были согласны, что "большинству людей можно доверять", против 34% в 1998 г., когда на страну обрушился дефолт. Вышеприведенные цифры позаимствованы нами из размещенного в Интернете доклада американского профессора Сюзан Розе-Аккерман (Susan Rose-Ackerman, Henry R. Luce Professor of Law and Political Science, Yale University), сделанного в 2001 г. в Румынии [16]¹², которая, в свою очередь, ссылается на материалы репрезентативных опросов, осуществлявшихся под руководством британского проф. Ричарда Розе (проекты The New Democracies Barometer, The New Russian Barometer¹³). Автор обращает внимание читателя на то, в начале 2000 г. российское значение агрегированного по выборке показателя межличностного доверия было ниже, чем в Корее (77%), но выше, чем в США, где примерно в это время значения данного показателя "зависли" - колебались около 35-процентной отметки (там же). И что в 1998 г. уровень межличностного доверия в России был ниже, чем в Центральной и Восточной Европе, когда 51% респондентов, опрошенных Барометром Новых Демократий, заявили, что "большинству людей можно доверять" (там же). Данные, приведенные в докладе профессора Йельского университета, действительно, поразительны, но не более, чем результаты наших почтовых опросов первой половины 1990-х гг. Прежде всего, потому, что они, как и наши показатели, разнятся с результатами других исследовательских организаций, проводивших опросы в России в 1990-е гг., и тем самым заставляют задуматься над объяснением выявленного эмпирического факта.

Заметим, что у Розе-Аккерман данные по Корею выше, чем в опросах WVS, проведенных в этой стране примерно в то же время, а данные по США сходны.

Существенные различия между измерениями показателя генерализованного доверия в разных странах примерно в один и тот же год, или год-два спустя предыдущего замера, были замечены неоднократно. Они содержатся и в материалах опросов, помещенных в банк EVS/WVS. Например, в Испании в 1990-м г. результаты одного замера были равны 36%, а другого - 31,3%; в Турции в 2001 г. зарегистрированы два существенно отличных результата - 18,9% и 6,8%. В Словакии доля респондентов, доверяя-

стр. 21

ших большинству, в 1998 г. равнялась 27%, а через год в 1999-м - 15,7% (по данным EVS/WVS). Причины таких резких флуктуации понять не просто. Данные по США за 1980 и 1990 гг., хранящиеся в банке данных EVS/WVS (приведенные в наших публикациях), отличаются от данных GSS за те же годы [11]. Но почему мы должны считать, что данные GSS лучше или более надежны, чем результаты EVS/WVS¹⁴. Можно, конечно, объяснить измерения, не укладывающиеся в линию тренда, методическими ошибками или просчетами, допущенными при проведении полевой фазы (при проектировании и реализации выборки, сборе данных и т.д.). И почему должны считаться валидными только измерения, поддерживающие понравившуюся нам объяснительную схему?

Высокие общенациональные уровни доверия "большинству людей" зафиксированы в опросах EVS/WVS в скандинавских странах. Но и в Иране в 2000 г. этот показатель был равен 65,3% (примерно как в Норвегии); в Саудовской Аравии в том же году - 53%; в Китае в 1990 г. - 60,5%, а в 2001 г. - 54,5% (чуть ниже, чем в Финляндии, где в 2000 г. среднее по выборке значение этого индикатора было равно 57,9%). Низкие значения индикатора выявлены в самых разных частях планеты: в Латинской Америке - Бразилии - 2,8% (1997); Перу - 5,0% (1996), 10,7 (2001); Колумбии - 11,2% (1998); расположенных в разных океанах, очень далеко друг от друга островных государствах: Пуэрто-Рико - 6,1% (1995); Филиппинах - 5,5% (1996), 8,4% (2001); в Африке: Уганде - 7,6% (2001); Танзании - 8,1% (2001); ЮАР - 11,8 (2001) и в европейских странах со столь различной политической историей: Македонии - 8,2% (1998); Португалии - 11% (1999). Хотя разрыв между богатыми и бедными странами мира по среднему размеру ВВП велик, причинной связи между этим показателем и уровнем генерализованного доверия, как следует из приведенных примеров, нет. А отсутствие существенных межстрановых разрывов по уровню доверия между Ираном и Норвегией, Китаем и Финляндией говорит о том, что нельзя ориентироваться и на измерители демократичности общества. Факты свидетельствуют о том, что фиксируемая в опросе установка на доверие незнакомцам является проявлением специфики национальной культуры/психологии и характеристикой субъективного восприятия жизни в текущий момент¹⁵. Мы полагаем также, что интерпретация генерализованного доверия как показателя "здоровья общества" является неправильной. И что межличностное доверие - совсем не то же самое, что социальный капитал¹⁶. Это сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений (доверие большинству, доверие институтам и т.д.), и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста. Наличие корреляции между уровнем генерализованного доверия (данные WVS) и индексом коррумпированности страны подтверждает сказанное, хотя связь между доверием большинству и распространенностью коррупции в стране, по-видимому, имеет латентный и опосредованный характер. Рональд Инглхарт писал: "Межличностное доверие, субъективное благополучие, разумные уровни равенства доходов, низкие уровни экстремизма, относительно высокие уровни политического участия и членства в организациях и "постматериалистические" ценности - это части единого взаимосвязанного синдрома, который можно назвать "продемократической

культурой". И все эти переменные тесно связаны с устойчивой демократией. Но самые высокие корреляции со стабильной демократией имеют межличностное доверие и субъективное благополучие" [14, с. 194]. Наверное, все это так, но, по данным EVS/WVS, за последние двадцать лет прошлого века в Великобритании - стабильной и благополучной стране классической демократии - произошло явное снижение среднего уровня генерализованного доверия с 43,9% в 1981 г. до 30,1% в 1999-м, хотя реальный среднедушевой доход там вырос. Весьма вероятно, что негативное воздействие на величину британского индикатора генерализованного доверия оказали заметный приток мигрантов на острова в 1980-е - 1990-е гг. и рост преступности [19]. Стало быть, хотя межличностное доверие имеет глубокие корни в индивидуальной психологии и социализации, текущие условия жизни каждого индивида, и его оценка направленности перемен в сравнительном измерении в существенной мере влияют на агрегированный показатель доверия большинству.

стр. 22

Уровень генерализованного доверия в США также последовательно снижался - с 58% в 1960 до 36% в 2000 г. и 34% в 2003 г. Снижение происходило на фоне роста реального душевого ВВП с 17,0 тыс. долл. в 1960 г. до 36,1 тыс. долл. в 2000 г. По-видимому, как и в случае с Великобританией или Канадой, при объяснении американского тренда, следует ориентироваться на показатели, которые несколько девальвируют значение роста среднедушевого дохода (после того как достигнут определенный разумный уровень потребления) и подчеркивают те стороны американского общества, которые оказывают непосредственное или косвенное влияние на межличностное доверие, - это растущая конфликтность, политическая апатия и подозрительность к чужакам [20].

Оптимизм в обществе снижается, если в нем растет неравенство, и чем выше неравенство, тем меньше доверия, - к такому заключению когда-то пришел профессор Мэрилендского университета Эрик М. Усланер. На этом основании был сделан вывод, что самым важным эндогенным фактором, повлиявшим на нисходящую динамику генерализованного доверия в США, являлся медленный, но непрерывный рост неравенства [11]. Из известных нам интерпретаций американского тренда это объяснение представляется наиболее логичным [ср. 21].

Динамика межличностного доверия в России в начале XXI в. развивается по траектории, противоположной американской. В январе 2000 г., по данным РОМИР, только 22,9% опрошенных россиян были согласны, что "людям можно доверять"¹⁷. А в сентябре 2005 г. 36% участников опроса ФОМ заявили, что "людям можно доверять"¹⁸ - за пять лет рост в полтора раза.

Мы не ставим под сомнение надежность данных РОМИР и ФОМ, использовавших одну и ту же формулировку вопроса о доверии людям (а не *большинству* людей как EVS/WVS). Но о чем говорит рост межличностного доверия в России в самом начале XXI века? Можно, конечно, еще раз вспомнить о том, что межличностное доверие опирается на оптимизм, и предположить, что прирост генерализованного доверия в России был вызван расширением круга людей с оптимистическим видением будущего. Такое объяснение представляется вполне резонным, хотя и не исчерпывающим. Ведь если за 2000 - 2005 гг. в России заметно выросло межличностное доверие, то о росте политического участия и доверия институтам власти (за исключением президента В. В. Путина), судя по имеющимся опросным данным, этого сказать нельзя. Неравенство по доходу, находившееся на неразумно высоком уровне в 1990-е гг., согласно официальной статистике, только подросло. Коррупция высока, и она не снижается, а растет. Экстремизм также "присутствует". Сказать, что в стране за последние пятнадцать-двадцать лет сформировалась и укрепилась "продемократическая культура", нельзя. От того, что в России стало намного больше миллиардеров и миллионеров в долларовом

исчислении, чем в 1990-е гг., демократии больше не стало. Нынешний режим является, по сути, такой же квазидемократией, как и прежний ельцинский.

Вместо заключения

Сравнения измерений уровня генерализованного доверия в разных странах необходимы, чтобы представить распространенность межличностного доверия как ценности по планете. Уяснение того, насколько все мы, жители Земли, похожи и чем отличаемся в плане морали, конечно, важно главным образом для исследователей культурной глобализации и психологов. Внимание социологов, экономистов и политологов к межличностному доверию определяется преимущественно тем, что в настоящее время данный концепт на Западе широко используется в различных теориях, объясняющих социальные перемены, происходящие в современном обществе, и в так называемых переходных экономиках, в частности [22 - 26]¹⁹. "Теории" часто не согласуются с реалиями жизни, и не только российской. Если признать, что это нормальное состояние для научного поиска истины, то видимо, следует согласиться с тем, что удовлетворительное объяснение выявленных опросами фактов и трендов возможно построить лишь на основе интеграции различных подходов, учитывающих все усиливающееся

стр. 23

влияние глобализации на традиционную мораль, национальную культурную самобытность, институциональную специфику, динамику экономической и политической ситуации в каждой отдельно взятой стране и мире в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Seligman A. B., Fuser K.* The Problem of Trust and the Transition from State Socialism // *Comparative Social Research*. 1994. Vol. 14. P. 193 - 212.
2. *Sztompka P.* Trust and Emerging Democracy. Lessons from Poland // *International Sociology*, 1996. Vol. 11 (1). P. 37 - 62.
3. *Misztal B. A.* Trust in Modern Societies. The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity Press, 1996.
4. *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory, Cambridge UK: Cambridge University Press, 1999.
5. *Marsh C.* Making Russian Democracy Work: Social Capital, Economic Development and Democratization. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2000.
6. *Putnam R.* (ed.) Democracies in flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press, 2002.
7. *Badescu G., Uslaner E.* Social Capital and Democratic Transition. London and New York: Routledge, 2003.
8. *Kornai J., Rose-Ackerman S., Rothstein B.* (eds) Creating Social Trust in Post-Socialist Transition (Political Evolution and Institutional Change). New York: Palgrave MacMillan, 2004.
9. *Schroder H.* (Ed.) Trust and Social Transformation. Theoretical approaches and empirical findings from Russia. Bd. 1, Berlin: Verlag, 2004.
10. *Uslaner E. M.* Producing and Consuming Trust// *Political Science Quarterly*. 2000 - 2001. P. 115: 569 - 590.
11. *Uslaner E. M.* The Moral Foundations of Trust. Cambridge University Press, 2002.
12. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: Совпадение, 1998, 2000.
13. *Кертман Г. Л.* Межличностное доверие в России // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития*. Ежегодник 2005. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 381 - 405.
14. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 1997.

15. *Inglehart R., Baker W. E.* Modernization and Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values// *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 19 - 51.
16. *Rose-Ackerman S.* Trust, Honesty, and Corruption: Theories and Survey Evidence from Post-Socialist Societies. Prepared for the WorkglgQp on Honesty and Trust in Post-Socialist Societies at Collegium Budapest, 2001. May 25 - 26; Draft of April 2001. 24.
17. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of prosperity. N.Y.: Free Press, 1995.
18. *Busse S.* Post-Soviet Social Capital: Evidence from Ethnography. Presented at ASA Annual meeting, August 2001, Anaheim, C A, revised. 2001 July.
19. *Halpern D.* Moral Values, Social Trust and Inequality. Can Values Explain Crime?// *British Journal of Criminology*. 2001. Vol. 41. P. 236 - 251.
20. *Edwards B., Foley M. W., Diani M.* (Eds) Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective. Tufts University Press, 2001.
21. *Putnam R. D.* 2000. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster.
22. *Putnam R. D.*, with Robert Leonardi and Raffaella. 1993. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton NJ: Princeton University Press.
23. *Braithwaite V., Levi M.* (eds.). Trust and Governance. New York: Russell Sage, 1998.
24. *Van Deth J. W., Maraffi M., Newton K., Whitely P. F.* (eds.). Social Capital and European Democracy. London: Routledge, 1999.
25. *Warren M.* (ed.) Democracy and Trust. Cambridge UK: Cambridge University Press, 1999.
26. *Cook K.* (ed.) Trust in Society. New York: Russell Sage Foundation, 2001.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей публикации мы не можем представить сколько-нибудь подробный обзор литературы из-за ограничений объема.

² Часто используется укороченный вариант вопроса, звучащий примерно так: "Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?" В банках данных EVS/WVS и GSS содержится только переменная "большинству людей можно доверять". Ответы: Да, Нет, Не знаю. Иногда к ним добавляется вариант "Зависит от обстоятельств" или "другое мнение". Обычно фиксируется также позиция "Нет ответа". В некоторых исследованиях использовались также пяти- или семипунктовые шкалы (отабсолютно не согласен = 1, до полностью согласен = 5 или 7), позволяющие выделить "недоверчивых (1+2), скептиков (3 или 3+4+5)" и "доверчивых (5 или 6+7)" и рассчитать среднее значение, стандартное отклонение и варианту.

³ Доверие другим не обязательно транслируется в доверие правительству, властным и рыночным институтам. Рядовой гражданин, как правило, не обладает опытом личного общения с высшими лидерами страны. Он не обладает всей необходимой информацией и компетентностью для того, чтобы судить о деятельности того

стр. 24

или иного института. И, тем не менее, он отвечает на вопрос интервьюера о доверии лидеру, или же авторитарному демократическому институту. В сущности, в этой ситуации он ведет себя, как и при ответе на общий вопрос о доверии незнакомцам, когда не может заранее рассчитать степень риска и оценить последствия своей доверчивости, то есть, говоря о доверии лидеру или институту, респондент опирается лишь на репутацию оцениваемого субъекта, сформированную СМИ, прошлый личный и коллективный опыт.

⁴ Усланер проводит различие между генерализованным доверием или моралистическим доверием "moralistic trust" (так он называет веру в незнакомцев) и вытекающим из личного опыта стратегическим доверием (strategic trust) - доверием,

основанным на знании, а также доверием в конкретных ситуациях [11]. Мы разделяем в целом его точку зрения на природу обсуждаемого феномена, но полагаем, что использование прилагательного "стратегический" для описания сущности доверия, основанного на опыте, информации и прогнозе поведения, является неудачным и сбивающим с толку.

⁵ Для измерения межличностного доверия в конкретных жизненных ситуациях разработаны специальные методики, каждая из которых обладает как достоинствами, так и недостатками.

⁶ Такие вопросы были включены в вопросник EVS 1999 г.

⁷ Этот же текст под тем же названием был опубликован в журнале ФОМ "Социальная реальность" (журнал социологических наблюдений и сообщений), 2006, N 4. Сколько ещё клонов статьи Кертмана размещено в других социологических и политологических изданиях, нам неизвестно.

⁸ Мы" - это Отдел социальной динамики ИСПИ РАН, возглавлявшийся тогда автором настоящей статьи. Приведенные в тексте данные - результаты всероссийских почтовых опросов взрослого городского населения в мае 1993 г. ($N = 1172$, ошибка выборки - 3%); мае-июне 1994 г. ($N = 1657$, ошибка выборки - 3%); июне 1996 г. ($N = 1207$, ошибка выборки - 4%). Вопрос в анкете был сформулирован так: *"Вообще говоря, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?"*.

⁹ В нашей монографии 1998 г. эта мысль была сформулирована предельно четко: "результаты, представленные в табл. 4.14, ставят под сомнение вывод теории модернизации о наличии положительной взаимосвязи между демократическими традициями и межличностным доверием" [12, с. 155]. Дело в том, что общая картина связи демократии, экономики и межличностного доверия представлялась нам тогда весьма запутанной, не только в связи с результатами почтовых опросов Отдела социальной динамики ИСПИ РАН, но особенно в свете данных EVS, выявивших существенные различия в значениях показателя генерализованного доверия, например, между Францией (23% в 1990-м) и Канадой (53%), или Швецией (66%), о чем мы честно сообщили своему читателю.

¹⁰ Разбирать пространные (к сожалению, весьма поверхностные и идеологически клишированные) рассуждения Кертмана о социально-культурных особенностях менталитета россиян вообще, и о специфике мировосприятия старшего, выросшего при Советской власти поколения, в частности, как факторах, обусловивших зафиксированный в опросах 1993 - 1996 гг. уровень межличностного доверия россиян, на наш взгляд, здесь не имеет смысла.

¹¹ Указанная монография представляет собой расширенный и дополненный перевод на русский язык ранее нашей изданной работы: Peter Ester, Loek Halman, Vladimir Rukavishnikov. *From Cold War to Cold Peace? A Comparative Empirical Study of Russian and Western Political Cultures*. Tilburg: Tilburg University Press, 1997.

¹² Приведенные в тексте данные взяты с. 5 указ. соч. (<http://www.colbud.hu/honesty-trust/rose/pub01.PDF>; <http://www.unifr.ch/polwiss/archiv/200102/kurs.d.korruption2001;2002./Rose-Ackerman Susan 2001 Trust in Post Socialist Societies.pdf>).

¹³ Об этом см. на сайте Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, Glasgow: <http://www.cspp.strath.ac.uk>; насколько нам известно, полевую фазу работы в России в те годы выполнял ВЦИОМ.

¹⁴ Так ответил на мой вопрос доктор Лук Халман, один из бессменных руководителей EVS.

¹⁵ Десять лет назад мы объясняли полученные нами "парадоксальные результаты" тем, что "доверие к людям по-прежнему остается неотъемлемой чертой русской национальной культуры, хотя и в значительно меньшей степени присущей российской молодежи", то есть исходили из того, что доверие к людям вообще является устойчивой

социокультурной характеристикой нации, не меняющейся внезапно, - "сколько-нибудь заметным образом, даже в условиях плохой экономической ситуации" (Рукавишников и др., 1998. с. 155).

¹⁶ Речь идет о том, что социальный капитал нельзя сводить к некоей коллективной этической добродетели, основанной на доверии, как это делал Ф. Фукуяма в середине 1990-х. Там же он утверждал, не приводя, впрочем, никаких эмпирических доказательств, что Россия - это общество с *низким* социальным капиталом [17]. Противоположное мнение см. в [18].

¹⁷ Большинство - 73,7% - считали, что "в отношениях с людьми нужно быть очень осторожными". Затруднились с ответом 3,4% граждан (по информации, размещенной на сайте РОМИР Консалтинг и PR в Интернете в 2000 г. Опрос населения РФ по репрезентативной выборке ($N = 2000$, 41 субъект РФ, 203 точки опроса) был проведен РОМИР в январе 2000 года. Видим, что процент "недоверчивых" в данных РОМИР заметно больше, чем процент, названный С. Розе-Аккерман, сославшейся на данные опроса Розе (the New Russian Barometer), проведенного в это же время. О редакции вопроса как вероятной причине расхождения в оценках доли "доверчивых" мы говорили выше.

¹⁸ В сентябре 2005 г. В 69 регионах РФ было опрошено по 500 человек, то есть всего ФОМ в этом исследовании было опрошено 34500 респондентов. Из них 58% сказали, что "с людьми нужно быть поосторожнее" (6% - затруднились с ответом) [13].

¹⁹ Некоторые авторы, к сожалению, не учитывают всей сложности феномена, источников, условий и генезиса его формирования, относительной автономии и связи различных форм проявления доверия на индивидуальном и коллективном уровне.

стр. 25

Садохин А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации²⁴

(Опыт системного анализа)

Процесс глобализации охватил сегодня все сферы человеческой жизни, включая и сферу культуры. И если до недавнего времени история человечества была лишь историей отдельных стран, народов и культур, то сегодня она зримо превращается в глобальную единую историю человечества: все, что происходит в жизни отдельных стран, так или иначе отражается на жизни в других точках земного шара. Современные локальные (этнические) культуры при этом теряют своеобразие и замкнутость, а границы между ними все более стираются и исчезают. Эти процессы породили у представителей самых разных наук широкий интерес к процессу взаимодействия и взаимовлияния культур, получившему название межкультурной коммуникации.

В настоящее время изучением тех или иных аспектов межкультурной коммуникации занимается целая группа гуманитарных наук: культурология, коммуникативистика, социология культуры, лингвокультурология, этнопсихология и др. Появились первые публикации, рассматривающие различные проблемы взаимодействия и взаимоотношения культур, однако большинство из них написаны лингвистами [Астафурова, 1997; Гудков, 2003; Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2003; Красных, 2003; Шамне, 1999], сводящими весь процесс преимущественно к языковому общению. Такой подход существенно сокращает реальное поле межкультурной коммуникации, оставляя вне внимания ее культурно-антропологический аспект, не менее важный, чем лингвистический.

В самом общем виде межкультурной коммуникацией называются разнообразные формы взаимодействия индивидов, групп или организаций, принадлежащих к различным

---

²⁴ Садохин А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации // Общественные науки и современность. 2008. №3. С. 156-166.

культурам. Решающим при этом является вопрос о значимости культурных различий, способность их осознать, понять и адекватно учесть в процессе коммуникации. Ведь главная цель и смысл любого коммуникативного процесса - желание быть понятым партнером, что предполагает необходимость максимально полно и точно донести свои информацию, знания и опыт до собеседника. А это означает, что эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Однако для его достижения необходимы определенная совокупность знаний, навыков и умений, общие для всех участников процесса, которые в теории коммуникации получили название межкультурной компетенции или компетентности.

В отличие от процесса межкультурной коммуникации, вопросы межкультурной компетенции и компетентности до настоящего времени не стали предметом специаль-

---

Садохин Александр Петрович - кандидат философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Московского психолого-социального института.
стр. 156

ных исследований. Мне пока неизвестны специальные работы по данной проблеме, в которых бы рассматривались эти понятия и раскрывалась их сущность. Поэтому необходим более пристальный их анализ, для чего сначала следует установить смысл обоих терминов.

Компетенция или компетентность: категориальный анализ

Этимологически термин "компетентность" образован от слова "компетентный" (*competens*), которое в латинском языке буквально означает "соответствующий, способный", хотя чаще всего употребляется в значениях обладающий компетенцией или знающий, сведущий в определенной области деятельности. Кроме того, в латинском языке также существует родственное ему понятие "компетенция" (*competentia* - принадлежность по праву), которое определяется как круг полномочий какого-либо органа или должностного лица, круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом.

Близость терминов "компетенция" и "компетентность" закономерно породила известную сложность. Эти термины рассматриваются либо как самостоятельные понятия (первый - полномочия, права, а второй - характеристика носителя этих полномочий), либо "компетентность" трактуется как реализация "компетенции" или даже как понятие, тождественное ей по смыслу. Нет единства и в понимании содержания этих терминов. Так, в "Словаре иностранных слов" толкование терминов "компетенция" и "компетентность" различно. Компетенция там имеет два значения: круг полномочий какого-либо органа или должностного лица и круг вопросов, в которых данное лицо обладает познанием и опытом. В двух значениях представлен и термин "компетентный": "обладающий компетенцией; знающий, сведущий в определенной области". Понятие "компетентность" тоже трактуется двояко как "обладание компетенцией" или "обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо" [Словарь... 1985, с. 241].

Сегодня вопросами профессиональной компетентности и ее специальных видов занимается новая наука - акмеология, рассматривающая компетентность с системных позиций, выделяя в ней подсистемы профессиональной деятельности, нормативной регуляции, деятельности, поведения и др. Сторонник акмеологического подхода А. Деркач в структуре профессионализма выделяет "гармоничное сочетание высокой профессиональной компетентности и профессиональных умений и навыков на уровне профессионального мастерства, а также акмеологических инвариантов профессионализма, выступающих в качестве специальных базисных умений". Профессиональная компетентность определяется им как "главный когнитивный компонент подсистемы профессионализма деятельности, сфера профессионального ведения, постоянно

расширяющаяся система знаний, позволяющая осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью" [Деркач, 2004, с. 253].

В социологии компетентность также рассматривается как атрибут профессионализма, досконального знания своего дела, существа выполняемой работы, возможных способов и средств достижения намеченных путей [Социология, 1998]. Например, содержание профессиональной компетентности В. Сластенин оценивает как теоретическую и практическую готовность индивида к соответствующему виду деятельности; способность мыслить и анализировать в сочетании с организаторскими и коммуникативными умениями [Сластенин, 2003, с. 263].

В контексте социологического подхода более широкую трактовку феномена компетентности предлагает А. Новиков, считающий что "компетентность подразумевает, помимо технологической подготовки, целый ряд других компонентов, имеющих в основном внепрофессиональный или надпрофессиональный характер, но в то же время необходимых сегодня каждому специалисту. Это в первую очередь такие качества личности, как самостоятельность, способность принимать решения, творческий подход к любому делу, умение доводить его до конца, умение постоянно учиться. Это - гибкость мышления, наличие абстрактного, системного и экспериментального мыш-

стр. 157

ления, это - умение вести диалог и коммуникабельность, способность к сотрудничеству и т.д. Над собственно профессиональной - технологической подготовкой вырастает огромная внепрофессиональная надстройка требований к специалисту" [Новиков, 2002, с. 23 - 34].

Российские социологи в своих работах понятие "компетентности" также связывают с достаточно широким кругом явлений, включающим знания, умения, навыки, определенный уровень развития способностей, что в совокупности помогает человеку решать возникающие задачи или успешно заниматься какой-либо деятельностью.

Социокультурная компетентность имеет довольно сложную структуру, объединяющую лингвистический, информационный, социально-культурный и другие компоненты. Этот социокультурный компонент, по моему мнению, играет определяющую роль в межкультурной компетенции. В практике коммуникации он выступает как готовность и способность партнеров по коммуникации к ведению диалога на основе собственной культуры и культуры партнера, предполагает умение ориентироваться во времени и пространстве, учитывая социальный статус партнера, языковые нормы (формальный, неформальный стили, жаргон, профессиональная лексика и т.д.), межкультурные различия поведенческих ритуалов и т.д.

Степень владения подобными знаниями и умениями определяет уровень коммуникативной компетентности индивида и форму взаимодействия с партнерами по коммуникации. Соответственно, отсутствие компетентных знаний как своей, так и чужой культуры - источник конфликтов, кризисов, непонимания.

В отечественной психологии толкование термина "компетенция" несколько расширилось: в него включаются не только совокупность необходимых знаний для решения какого-либо вопроса, но и знание возможных последствий конкретного способа действий [Бодалев, 1990]. При таком подходе компетентность рассматривается и как атрибут общения, а само общение представляется как субъект-объектное или субъект-субъектное взаимодействие. Причем только субъект-субъектный способ общения признается компетентным [Петровская, 1989].

Понятие компетентности в психологической литературе обычно связывается с высоким уровнем развития какого-либо навыка у индивида, способа решения задачи или осуществления деятельности, что находит свое выражение в эффективности, скорости, точности их исполнения. При этом носителем компетентности может быть только

индивид или группа, а сама компетентность должна оцениваться по результатам деятельности ее субъекта.

В российской теории коммуникации термин "компетентность" употребляется в значении: "совокупность знаний, навыков и умений" [Глухов, Щукин, 1993]; как "способность личности к осуществлению какой-либо деятельности, каких-либо действий" [Сурыгин, 2000, с. 29]; как "уровень сформированности межличностного опыта, то есть обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе" [Емельянов, 1991, с. 38].

В зарубежной литературе подход к компетентности несколько иной. Здесь термин "социальная компетентность" давно устоялся, особенно в области социально-психологических исследований. Он широко используется при рассмотрении вопросов социальных способностей личности, установлении уровней социальной компетентности, выявлении ее компонентов и т.д. [Berns, 1990; Kramsh, 1986; Savignon, 1985]. Так, Дж. Равен разработал свою концепцию компетентности на основе определяющей роли ценностно-мотивационной сферы личности [Равен, 2002]. Под компетентностью он понимает специфическую способность индивида, необходимую для выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающую узкоспециальные знания, особого рода навыки, способы мышления, а также ответственность за свои действия.

По Равену, быть компетентным - значит иметь набор специфических компетентностей разного уровня. На фундаментальном уровне находятся все специфические уме-

стр. 158

ния и способности для выполнения определенного действия, а на высшем - компетентности для организации деятельности любого вида (инициатива, организаторские способности, коммуникативность, способности к рефлексии и т.п.). При этом все компетентности разделяются им на три группы: когнитивные, аффективные и волевые. Таким образом, феномен компетентности многокомпонентен, причем все ее компоненты обладают свойствами взаимозависимости и взаимозаменяемости. Равен также утверждает, что формирование компетентности - не столько создание благоприятных внутренних и внешних условий деятельности, сколько воспитание компетентного профессионала как личности.

Знакомство с взглядами разных авторов на проблему компетентности позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие "компетенция" чаще всего используется для определения границ области действия специалиста, а "компетентность" - для оценки качества его деятельности.

2. Понятие "компетентность" полиструктурно и многокомпонентно, поэтому обладает свойствами вариативности, взаимозависимости, социальной и личностной значимости.

3. В различных видах деятельности требуются различные виды компетентностей, требующие всесторонних исследований этого феномена.

4. Какие-либо знания, умения и навыки в той или иной сфере деятельности составляют только базу для соответствующего вида компетентности, хотя ее целостность характеризуется межпредметностью, системностью, ситуативностью, мотивированностью использования и другими свойствами.

Нетрудно убедиться, что в самом общем виде понятие "компетенция" выражает содержание того или иного вида деятельности, а "компетентность" - совокупность качеств личности, необходимых для реализации этого содержания. Полагаю, что главным основанием для разделения понятий "компетенция" и "компетентность" следует считать субъективный и объективный факторы, в своем единстве характеризующие качество

деятельности индивида. Объективный фактор определяет компетенцию индивида, так как устанавливает сферу и возможности его деятельности, права и обязанности, закрепленные в законах, указах, положениях и инструкциях. Субъективный фактор служит основанием для индивидуальной компетентности человека, поскольку выявляет его способности для совершения соответствующей деятельности. Он выражается в наличии качеств, знаний, умений, возможностей и способностей индивида к выполнению необходимых действий. Исходя из этого, компетентность рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих ее субъекту эффективно решать вопросы и совершать необходимые действия в какой-либо области жизнедеятельности, а компетенция - как совокупность объективных условий, определяющих возможности и границы реализации компетентности индивида.

Компетенция и компетентность как выражение (проявление) этноцентризма и этнокультурного релятивизма

Общий уровень компетентности индивида складывается из совокупности отдельных конкретных компетентностей, соответствующих его взаимоотношениям с окружающим миром. Однако следует помнить, что главная цель участников межкультурной коммуникации - достижение взаимопонимания, без которого она теряет смысл. Именно для этого необходимы компетенция и компетентность, которые в межкультурной коммуникации выступают, соответственно, как объективные условия и субъективные способности достижения этой цели. Но каждая культура имеет свои нормы и типы поведения, вербальные и невербальные средства передачи информации, систему ценностей, мировоззренческих установок, этических представлений. Они формируются в процессе становления самой культуры и поэтому выступают для индивида как объективные требования, которые, в свою очередь, определяют действия и поступки

стр. 159

носителей данной культуры в различных житейских ситуациях. Именно эти элементы культуры диктуют индивиду что, как, кому, когда и где говорить, делать, показывать и выражать. Таким образом они устанавливают границы межкультурной компетенции индивида.

Любой человек, прежде чем вступить во взаимоотношения с другими людьми, обычно соотносит свои действия с принятыми в его культуре нормами и стандартами поведения, ожидая того же от партнеров. Однако нормы и стандарты, принятые в родной культуре, зачастую оказываются неприемлемыми для других участников общения. Такое восприятие партнеров, принадлежащих к иным культурам, с позиций ценностных установок и культурных норм собственной культуры в науке принято называть этноцентризмом.

Понятие "этноцентризм" предполагает, что человек сквозь собственные "культурные очки" рассматривает окружающий мир, исходя из присущих ему культурных норм, и в соответствии с этим оценивает поведение других. Механизм восприятия другой культуры, будучи столкновением привычного и непривычного, создает ситуацию отстранения, когда человек познает что-то новое и неизвестное в сравнении с привычными и известными явлениями своей культуры. При этом субъекту кажется, что он воспринимает действительность, "как она есть", хотя на самом деле в его сознании происходит лишь моделирование реального мира на основе сложившихся у него культурных установок. Свои представления он произвольно переносит на партнеров по коммуникации, полагая, что они видят мир точно таким же. На этой почве возникает множество недоразумений и конфликтов.

Кроме того, в межкультурной коммуникации этноцентризм зачастую сопровождается ошибочными оценками мира и партнеров, поскольку при этом игнорируются культурные различия разных народов. В реальной жизни люди всегда предпочитают знакомое и понятное чужому и незнакомому, и поэтому успехи

собственной культуры оценивают выше достижений другой. Такие стереотипы становятся основой для отношения к собственной культуре как к превосходящей другие, как к уникальной и т.п.

Явление этноцентризма типично для всех времен и народов, избавиться от него полностью невозможно, ибо представление о том, что "мы - самые лучшие", помогает людям ощущать принадлежность к той или иной культуре. Закономерно, что этноцентризм обычно наиболее выражен там, где общение с другими культурами сведено к минимуму и, соответственно, ослабевает или прекращает свое существование, как только возникают более интенсивные межкультурные контакты. В таких ситуациях он становится средством компенсации страха перед новыми и непонятными явлениями других культур. Такое непонимание детерминировано когнитивной простотой и проявляется в преобладании этнокультурных стереотипов.

Этнокультурные стереотипы жестко "встроены" в нашу систему ценностей, являются ее составной частью и обеспечивают своеобразную защиту наших позиций в обществе и по этой причине оказываются задействованными в каждой межкультурной ситуации. Механизмы межкультурного восприятия позволяют избирательно применять нормы и ценности родной культуры. Представители другой группы при этом идентифицируются по таким признакам, как пол, этническая принадлежность, особенности речи, внешний облик, цвет кожи, брачные обычаи, религиозные убеждения и т.д.

Люди, принадлежащие различным культурам, по-разному воспринимают мир, что делает коммуникацию с "единой" позиции невозможной. Руководствуясь нормами и ценностями своей культуры, человек сам определяет, какие факты и в каком свете оценивать, что существенно влияет на характер нашей коммуникации с представителями других культур.

Таким образом, из самой сущности этноцентризма становится ясно, что он - серьезное препятствие для эффективной межкультурной коммуникации. Поэтому в современных условиях стоит проблема преодоления этноцентризма. В результате межкультурного обучения и воспитания он может быть изменен или преобразован в этнокультурный релятивизм. Поведение человека можно понять только исходя из конкретной

стр. 160

ситуации, основанной на отсутствии у культурного поведения единственного стандарта правильности. Основные идеи этнокультурного релятивизма сводятся к следующему:

- любая культура - совокупность неповторимых материальных и духовных ценностей, благодаря которым каждый народ может существовать в мире и взаимодействовать с другими народами;

- все народы составляют единое целое в общем культурном наследии человечества, а культурная самобытность обнаруживается и обогащается в результате контактов с другими культурами;

- ни одна культура не может претендовать на универсальность, каждый из народов имеет право сохранять свою самобытность;

- культурные особенности каждого отдельного народа не противоречат единству общечеловеческих ценностей.

Этнокультурный релятивизм, фиксируя культурные различия, воздерживается от их оценки, потому что разные типы поведения понимаются только исходя из конкретной социокультурной ситуации. Причем принципы этнокультурного релятивизма чаще всего не формируются в сознании индивида естественным путем, а носят субъективный характер, поскольку складываются под влиянием практики и опыта индивидуального общения с представителями других культур и народов. Именно они и составляют основу,

определяющую характер отношения к партнеру по коммуникации, степень и адекватность его понимания иной культуры, выбор типа поведения, то есть образуют его межкультурную компетентность.

Толерантность и эмпатия как выражение компетенции и компетентности

В самом общем виде процесс межкультурной коммуникации представляет собой коммуникативное взаимодействие индивидов - носителей разных культур со своими языками, типами поведения, ценностными установками, обычаями и традициями. В этом взаимодействии поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определенной социокультурной и языковой общности. В процессе коммуникации каждый участник выступает одновременно и как отдельный индивид, и как член какой-либо социокультурной группы, и как носитель идей определенного культурного сообщества, и как представитель всего человечества. Отсюда в его сознании одновременно сосуществуют и индивидуальные, и социально-групповые, и национальные, и универсальные знания, но каждый из них играет свою роль в коммуникативном процессе. В совокупности же эти знания составляют содержание межкультурной компетентности индивида.

В западной науке сегодня доминирует представление, согласно которому межкультурной компетентностью можно овладеть посредством накопления знаний, получаемых в процессе межкультурной коммуникации. Знания такого рода подразделяются на специфические - сведения о конкретной культуре в традиционных аспектах, на практике выступающие как толерантное отношение к иной культуре [Moosmüller, 1996^a], и общие, к которым относится владение такими коммуникативными навыками, как способность понимать партнера, вести с ним равноправный диалог, не стремиться к доминированию или превосходству при общении. Такого рода знания формируют эмпатическое отношение к партнеру, без которого успешная коммуникация в принципе невозможна [Barkowski, 1998]. Однако вне зависимости от этого деления успех межкультурной коммуникации всегда связывается с высокой степенью овладения обоими типами знания. Толерантность и эмпатия в процессе межкультурной коммуникации также выступают его объективной и субъективной сторонами, поскольку составляют содержательную основу, соответственно, компетенции и компетентности этого процесса.

Проблема заключается в том, что каждая этническая культура отражает лишь часть опыта, накопленного человечеством. При общении с представителями других культур необходимо иметь представление об их традиционных особенностях. Один из

стр. 161

основополагающих моментов межкультурной коммуникации состоит в том, что не следует спешить с умозаключениями и оценками, когда в поведении других людей видится что-то странное - нужно постараться понять их. Иными словами, в таких ситуациях необходимо избавляться от культуроцентризма в оценке поведения людей, формируя межкультурную толерантность, где переплетаются готовность к активному общению с людьми другой культуры, открытость, свобода от предубеждений, терпимость, способность позволять другому существовать рядом с собой.

Категория "толерантность" в современном понимании имеет широкий спектр трактовок и интерпретаций. Ее понимание неоднозначно в разных культурах. В русском языке понятию "толерантность" наиболее близок по значению термин "терпимость", что в обыденном употреблении означает способность, умение терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным к поступкам других людей. В таком понимании толерантность - не синоним терпения или терпеливости. Она в большей степени предполагает уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия. Социально-психологическое понимание толерантности предполагает терпимость к различным мнениям, непредубежденность в оценке людей и событий. Здесь во главе

угла положен психологический механизм, обеспечивающий терпимость личности при ее взаимодействии с окружающей средой.

Сегодня большинство научных направлений рассматривает толерантность как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию и преобладания какой-либо одной точки зрения. Толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. Она не должна сводиться к индифферентности, конформизму, ущемлению собственных интересов и, в первую очередь, предполагает взаимную и активную позицию всех заинтересованных сторон.

Основа толерантного общения в коммуникации - позитивная этническая идентичность, в структуре которой позитивный образ собственной этнической группы сосуществует с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Позитивную этническую идентичность можно рассматривать, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, а с другой - как необходимое условие эффективного межкультурного взаимодействия. Ее формирование предполагает постижение культурного и этнического многообразия мира, понимание непохожести и единства как двух сторон единого процесса.

Исходя из этого, толерантность предполагает признание прав другого человека, восприятие этого другого как равного себе, претендующего на понимание и сочувствие, готовность принять представителей других народов и культур такими, какие они есть, взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения. Она - необходимый компонент жизненной позиции зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы, готовой их защищать, но при одновременном благожелательном отношении к культуре, поведению и мнениям других людей.

Таким образом, толерантность допускает право человека делать то, что он хочет, но не во вред другим людям. Свобода одного человека начинается там, где заканчивается свобода другого. Толерантность как принцип межкультурной коммуникации - отсутствие негативного отношения к иной культуре, наличие позитивного образа этой культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной культуры.

В отличие от толерантности, эмпатия проявляет субъективный мир индивида, поскольку ее основу составляют способности чувствовать, понимать и адекватно оценивать партнера по коммуникации. По сути, эмпатия выступает как психологическая основа межкультурной компетентности.

Термин "эмпатия" в последнее десятилетие получил широкое распространение в большинстве гуманитарных наук. Однако многие свойства этого типа взаимоотношений людей далеко не изучены. В этнологии эмпатия подразумевает "систему выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эсте-

стр. 162

тическую рационализацию мира и бытия человека в мире - на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного сознания и поведения" [Бгажноков, 2002, с. 95].

Проявление эмпатии в коммуникации выражается в общей установке не столько на понимание скрытого смысла сказанного, сколько на желание почувствовать состояние партнера. Это вызвано тем, что не всегда один из партнеров в процессе взаимодействия может подобрать нужные слова, тон и стиль общения, и т.д. Иногда из-за принятых в соответствующей культуре условностей изложение человеком мысли начинается с некоторого отступления, из сути которого не сразу очевидно его намерение. Свои идеи и чувства он как бы зашифровывает в общепринятые слова, поэтому часто не удается выразить мысль так, чтобы собеседник правильно ее понял.

Эмпатийные качества человека тем разнообразнее и шире, чем богаче и разнообразнее его представления о других. Однако понимание других обязательно детерминировано пониманием самого себя. В процессе коммуникации значение эмпатии заключается в том, что субъект коммуникации стремится воспроизвести в самом себе переживания тех, с кем он находится в контакте. В характеристике эмпатического отношения к партнеру по коммуникации наиболее точным, вероятно, будет понятие "сопереживание", поскольку эмпатия обнаруживает себя как переживание переживаний другого человека, в ходе которого достигается не только та или иная степень или глубина понимания субъектом состояний и поступков объекта, но и определенное согласие с мотивами, эмоциями, установками, объясняющими и оправдывающими его поведение.

Межкультурная компетентность и ее компоненты

В то же время межкультурная коммуникация, как и любой другой вид социальной коммуникации, всегда имеет свои цели, реализация которых обуславливает ее эффективность (или неэффективность). В этом вопросе межкультурная компетентность играет главную роль. Однако данное явление только начинает привлекать внимание исследователей, и поэтому понятие "межкультурная компетентность" лишь начинает входить в широкий научный оборот и, соответственно, не имеет устоявшегося терминологического определения. Можно отметить лишь несколько публикаций, в которых данное понятие описывается на пропедевтическом уровне [Амельченко, 2006; Белицкая, 1995; Леонтович, 2003].

В зарубежной науке понятие "межкультурная компетентность" возникло еще в начале 1970-х гг., когда шло становление межкультурной коммуникации как самостоятельного научного направления. В ходе этого процесса на рубеже 1970 - 1980-х гг. актуальными стали вопросы отношения к другой культуре и ее ценностям, преодоления этно- и культуроцентризма. В контексте исследования этих проблем межкультурная компетенция стала рассматриваться как "комплекс аналитических и стратегических способностей, расширяющий интерпретационный спектр индивида в процессе межличностного взаимодействия с представителями другой культуры" [Кнарр, Knapp-Potthoff, 1990].

На основе данных признаков можно сделать вывод, что межкультурная компетентность представляет собой совокупность знаний, навыков и умений, при помощи которых индивид может успешно общаться с партнерами из других культур как на быденном, так и на профессиональном уровнях. Например, практическим выражением межкультурной компетентности могут служить знания о том, что, к примеру, в Англии не принято спрашивать у собеседника, сколько он зарабатывает, сколько заплатил за какую-то вещь, не следует также задавать вопросов личного характера (о возрасте, семейном положении, о состоянии здоровья и т.д.).

Исходя из такого понимания межкультурной компетентности ее содержание можно разделить на три группы знаний - аффективные, когнитивные и процессуальные.

стр. 163

К аффективным элементам относятся эмпатия и толерантность, которые не ограничиваются рамками доверительного отношения к иной культуре. Они образуют психологический базис для эффективного межкультурного взаимодействия. *Группа когнитивных элементов* включает этноцентризм и этнокультурный релятивизм, служащие основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей иной культуры для предотвращения непонимания и изменения собственного коммуникативного поведения в интерактивном процессе. *Процессуальные элементы* межкультурной компетентности представляют собой стратегии, конкретно применяющиеся в ситуациях межкультурных контактов: во-первых, направленные на успешность такого взаимодействия, на побуждение к речевому действию, на поиск общих культурных элементов, на готовность к пониманию и выявление сигналов непонимания,

на использование опыта прежних контактов, и т.д., и, во-вторых, нацеленные на пополнение знаний о культурном своеобразии партнера.

Процессуальные элементы межкультурной компетентности обычно описываются с помощью конкретных примеров. Так, в Германии приняты две формы обращения: первая - *Sie*, вежливая и более формальная; вторая - *Du* (русский эквивалент - "ты"). Вторая форма используется только при разговоре с родственниками, близкими друзьями, детьми, тогда как первая употребляется во всех остальных случаях, включая деловые связи. Важно знать, что при общении с представителями другой культуры следует пользоваться только вежливыми формами обращения, а также избегать употребления имен собственных, вместо которых традиционно принято использовать термины *Herr* и *Frau*. Причем к женщине следует обращаться только *Frau* независимо от ее семейного положения.

Формирование навыков компетентной межкультурной коммуникации требует от ее участников понимания, что, когда, кому и как он может и должен сказать или сделать. Для успешной реализации этих установок им необходимы: социокультурные (контекстные) знания, коммуникативные навыки, языковые знания, а также психологические умения.

Социокультурные знания ("что") формируются в результате социального и личного опыта индивида и составляют фоновые знания о мире. Незнание особенностей национально-культурной специфики партнера приводит к коммуникативным неудачам и конфликтам, которые чаще всего возникают в поведенческой сфере, включающей невербальные средства общения, народные традиции, манеры приветствия и т.д.

Коммуникативные навыки ("когда и кому") - совокупность способов выражения идей, мыслей, чувств, переживаний, способов воздействия на партнеров и собеседников, используемых в процессе общения для достижения целей коммуникации. Данный тип знаний - результат предыдущего опыта общения с представителями других культур. На практике это означает, что субъект коммуникации должен уметь эффективно: формировать свою коммуникативную стратегию; пользоваться разнообразными тактическими приемами коммуникации; представлять себя как участника коммуникационного процесса.

Языковые знания ("как") - инструмент познания как своей, так и другой культуры. В языке наиболее четко проявляются различия между культурами. Поэтому знание языка другой культуры - непереносимое условие межкультурной компетентности, поскольку обеспечивает адекватное понимание культурных особенностей соответствующей страны. Знание языка позволяет индивиду адаптировать свое поведение к поведению партнеров, а это означает, что у него формируется более высокая способность к межкультурной коммуникации, то есть к адекватному взаимопониманию участников коммуникации, принадлежащих к разным культурам. Знание языка формирует и личностные качества субъекта коммуникации - открытость, терпимость и готовность к общению с представителями другой культуры.

Здесь следует отметить, что важнейшая составная часть языковой компетентности - речевая грамотность. Дело в том, что неграмотно построенная речь, ошибки в произношении создают впечатление низкой культуры субъекта и вызывают сомнения у

стр. 164

партнера в его компетентности. И наоборот, яркость и выразительность речи, остроумие, использование пословиц и поговорок, крылатых литературных выражений обеспечивают субъекту коммуникации более высокий уровень компетентности.

Психологические умения также отвечают на вопрос "как", поскольку выражают тип реакции индивида на явления другой культуры. Данный компонент межкультурной компетентности определяется в работах зарубежных авторов термином "межкультурная сенситивность" [Moosmuller, 1996⁶; Spitzberg, Cupach, 1984; Intercultural... 1993]. Ее основу составляет природная общительность, выражающаяся в способности вступать в психологические контакты, формировать в ходе коммуникации доверительные

взаимоотношения с партнерами и собеседниками; она характеризуется отсутствием чувств напряжения, досады, психологического дискомфорта. Такое состояние в социальной психологии определяется как эмпатия.

В структуре межкультурной компетентности значение эмпатии заключается в том, что субъект коммуникации стремится воспроизвести в самом себе переживания своих партнеров, с которыми он находится в контакте. В характеристике эмпатического отношения к партнеру по коммуникации наиболее точным, вероятно, будет понятие "сопереживание", поскольку эмпатия обнаруживает себя как переживание переживаний другого человека, в ходе которого достигается не только та или иная степень или глубина понимания субъектом состояний и поступков объекта, но и определенное согласие с мотивами, эмоциями, установками, объясняющими и оправдывающими его поведение.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные компоненты межкультурной компетенции и компетентности образуют только основу межкультурной коммуникации, так как позволяют достигнуть глубокого взаимопонимания, формируют способность "читать" партнера, вести себя грамотно в вербальном и невербальном общении и тем самым делать межкультурную коммуникацию эффективной и успешной. Однако их нельзя рассматривать как исчерпывающие и окончательные. Практика межкультурного взаимодействия показывает, что партнеры не всегда достигают взаимопонимания и из-за причин и факторов иного характера. Это может происходить не только вследствие принципиальных расхождений и несовместимости их интересов, но и из-за несовместимых различий культурных традиций, привычек, норм поведения, принятых в их культурах.

В то же время исследования зарубежных ученых позволили сформулировать свод правил, следование которому обеспечивает компетентное межкультурное общение [Моосмюллер, 2003, с. 62 - 63]. Для этого необходимо:

- хорошо знать себя и собственную культуру;
- быть терпеливым, внимательно слушать собеседника, наблюдать ситуацию и не делать поспешных выводов;
- спокойно переносить неопределенные ситуации и сохранять способность принимать решения;
- чаще обращаться за информацией и советами к компетентным источникам, тщательнее взвешивать свои решения;
- проявлять искреннюю любознательность ко всему новому и необычному;
- получать как можно больше информации о культуре своих партнеров;
- проявлять стремление к изучению и пониманию инокультурных перспектив;
- признавать собственные ошибки, избегать недоразумений;
- находить средства и пути, чтобы общаться с инокультурными партнерами по самому широкому кругу вопросов.

Сознательное использование данных правил позволяет управлять процессом межкультурного взаимодействия, адекватно интерпретировать его, приобретать новые культурные знания из контекста конкретного межкультурного взаимодействия и таким образом обеспечивать эффективную и успешную межкультурную коммуникацию.

стр. 165

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амельченко Т. В. Профессиональная компетентность будущего специалиста: теоретические основы. Чита, 2006.

Астафурова Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997.

Бгажноков Б. Х. Культура эмпатии // Толерантность и культурная традиция. М., 2002.

- Белицкая Г. Э.* Социальная компетентность личности // Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995.
- Бодалев А. А.* О коммуникативном ядре личности // Советская педагогика. 1990. N 5.
- Глухов Б. А., Щукин А. Н.* Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1993.
- Гудков Д.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Деркач А. А.* Акмеологические основы развития профессионала. М., 2004.
- Емельянов Ю. Н.* Теория функционирования и практика совершенствования коммуникативной компетенции. Л., 1991.
- Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Курнозе З. И.* Межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2003.
- Красных В.* "Свой" среди "чужих": миф или реальность. М., 2003.
- Леонтович О. А.* Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
- Моосмюллер А.* Межкультурная компетентность и этноцентризм // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания. Красноярск, 2003.
- Новиков А. М.* Методология образования. М., 2002.
- Петровская Л. А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М., 1989.
- Равен Д.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002.
- Сластенин В. А.* Введение в педагогическую аксиологию: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. М., 2003.
- Словарь иностранных слов. М., 1985.
- Социология. М., 1998.
- Сурыгин А. И.* Основы теории обучения на неродном языке для учащихся языку. СПб., 2000.
- Шамне Н. Л.* Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Волгоград, 1999.
- Barkowski H.* Prinzipien interkulturellen Lernens für die multikulturelle und mehrsprachige Schule // Kulturen-Sprachen-Welten. Die Herausforderung (Inter-) Kulturalität. Innsbruck, 1998.
- Berns M.* Context of Competence: Social and Cultural Consideration in Communicative Language Teaching. New York, 1990.
- Intercultural Communication Competence. Newbury Park, 1993.
- Knapp K., Knapp-Potthoff A.* Interkulturelle Kommunikation // Zeitschrift für Fremdsprachenforschung. 1990. N 1.
- Kramsh C. J.* From Language Proficiency to Interactional Competence // Modern Language Journal. 1986. N 70.
- Moosmuller A.* Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation // Mit der Differenz leben. München, 1996^a.
- Moosmuller A.* Interkulturelle Kompetenz und interkulturelle Kenntnisse. Überlegungen zu Ziel und Inhalt im auslandsvorbereiteten Training // Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. Münster, 1996^b.
- Savignon S.* Evaluation of Communicative Competence: The ACTEL Provisional Proficiency Guidelines // Modern Language Journal. 1985. N 69.
- Spitzberg B., Cupach W.* interpersonal Communication Competence. Beverly Hills, 1984. стр. 166

Кожухарь Г. С. **Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности**²⁵

Г. С. Кожухарь, *Кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии МГППУ, Москва*

Толерантность, выступая в качестве одного из средств снятия конфликта и развития форм сосуществования, взаимодействия в человеческом общежитии, как норма устойчивости, определяет диапазон сохранения различий общностей в быстро изменяющейся действительности [2]. В научной литературе, посвященной проблеме толерантности во всем ее многообразии, значительное внимание уделяется построению классификаций. Актуальность таких попыток не вызывает сомнений, поскольку типологизация позволяет не только описывать феноменологию явления, прогнозировать динамику, но также активно воздействовать, создавать условия или формировать необходимые качества (см., например, [18, 32]).

Хорошо известны ставшие классическими типологии толерантности М. Уолцера [29], В. А. Лекторского [19], а также многообразные виды (формы) толерантности - половая, возрастная, социальная, политическая, конфессиональная, этническая, коммуникативная, ментальная, аффективная, фрустрационная и др. Анализ философского, социологического, социально-психологического и других подходов показал, что в настоящее время существует множество критериев, на основании которых создаются разнообразные классификации видов толерантности. Так, например, в кратком отчете по теме "Введение гуманитарной экспертизы образовательных программ" (руководитель ДА. Леонтьев), выделяется, по крайней мере, три подхода к описанию признаков толерантности: в категориях качества взаимоотношений, построенных на принципах равенства, уважения, справедливости и диалога; в категориях ценности *Другого*, признании его прав на иную точку зрения; в категориях описания личностных черт, способствующих (препятствующих) становлению и развитию толерантности/интолерантности [18]. Еще один из вариантов систематизации многочисленных видов толерантности предлагает О. С. Ионина, выделяя шесть оснований: проявление толерантности как общественного сознания; предмет, на который направлено действие толерантности; уровень, на котором проявляется толерантность; внутреннюю мотивированность и ценностное содержание; результат толерантного поведения; позицию отношения к толерантности как к фактору устойчивости [14].

Вместе с тем, при анализе существующих классификаций толерантности в философских, педагогических и психологических исследованиях (Л. В. Байбородова, А. В. Зимбули, П. Ф. Комогоров, И. В. Крутова, Н. Я. Маркова, В. А. Петрицкий и др.) и попыток их систематизации обращают на себя внимание такие факты:

- возможности отнесения того или иного вида в рамках одной классификации к разным основаниям;
- отсутствие строгого выделения критериальных признаков конкретных видов толерантности в рамках одной классификации;
- не полное феноменологическое описание выделенных видов, показывающее их специфику;
- практическое отсутствие попыток выделения форм межличностной толерантности на основе четко описанных и аргументированных критериев.

В качестве иллюстрации сформулированных позиций приведем несколько примеров типологий толерантности, в которых, в основном, описывается общая толерантность.

---

²⁵ Кожухарь Г. С. *Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности* // Психологический журнал. 2008. 33. С. 30-40.

ют естественную и проблемную толерантность, которая, в свою очередь, подразделяется на конструктивную, адаптивную и снисходительную толерантность [5]. М. С. Мириманова рассматривает два типа толерантности: внутреннюю и внешнюю [23]. О. В. Шаврина, добавляя к этим видам еще один - коммуникативную толерантность, обозначает их как виды межличностной толерантности: внешнюю, внутреннюю и коммуникативную (по нашему мнению, "внешняя" толерантность по содержанию включает в себя коммуникативную) [36]. В. В. Бойко предлагает понятие "коммуникативная толерантность", которую он подразделяет на ситуативную, типологическую, профессиональную и общую коммуникативную толерантность [4]. В этой классификации предметом, на который направлена толерантность, являются индивидуально-типологические, личностные и профессиональные особенности, т.е. по сути, содержательные характеристики, присущие именно межличностной толерантности.

Таким образом, в настоящее время в научной психологической литературе отсутствует классификация форм межличностной толерантности (далее в тексте употребляется сокращение - МЛТ), базирующаяся на обоснованных критериях и описании конкретных ее видов. Это обстоятельство позволило нам провести исследование, направленное на разработку классификации форм *межличностной толерантности* на основе выделения ее критериальных признаков и описания их специфических содержательных особенностей.

Под критериальными признаками мы понимаем, с одной стороны, те наиболее существенные, ключевые свойства, которые характерны МЛТ как целостности и выступают обобщенными и интегрирующими отличительными особенностями данного вида толерантности. С другой стороны, это те признаки, иерархическое строение которых определяет особенности содержания ее конкретных форм внутри целостности МЛТ, позволяющих за счет дифференциации выявить специфику феноменологии толерантности в межличностном общении. Вычленение критериальных признаков является основой для объективной диагностики принадлежности той или иной феноменологии данному виду вне зависимости от субъективного мнения.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Формулируя операциональную дефиницию данной категории и создавая классификацию, мы опираемся на исследования, в которых даются многочисленные определения и акцентируются сущностные признаки различных видов толерантности. Это работы отечественных и зарубежных философов, раскрывающие такие фундаментальные аспекты толерантности, как аксиологический, антропологический, гносеологический, онтологический и праксиологический (Р. Р. Валитова, В. А. Лекторский, И. Б. Гасанов, В. М. Золотухин, С. Капранов, Н. В. Круглова, М. Мчедлов, Л. В. Скворцов, В. В. Шалин, О. Хеффе, П. Кинг, М. А. Ноттурно, Й. Йовел и др.). Исследования в области психологии, посвященные самым разным видам толерантности, ее функциям, механизмам, феноменологии, формированию и развитию (А. Г. Асмолов, С. К. Бондырева, С. Л. Братченко, И. Б. Гриншпун, Л. М. Дробижева, Д. А. Леонтьев, Е. Г. Луковицкая, М. С. Мириманова, Г. У. Солдатова, Й. Б. Шебураков и др.).

В качестве примеров понимания смысла толерантности, приведем несколько наиболее часто встречающихся в литературе по данной проблеме определений. При этом отметим, что во многих работах толерантность употребляется либо как некое общее понятие, без конкретизации того, о каком ее виде, форме или уровне идет речь, либо предлагаемые описания затрудняют понимание специфики толерантности, позволяющей соотнести ее с конкретным видом. Исключение, по нашему мнению, составляет

межэтническая толерантность, проблематика которой исследована наиболее полно и детально по сравнению с другими видами толерантности.

С. Л. Братченко полагает, что среди разнообразных видов и форм толерантности основанием общей толерантности человека является именно *межличностная толерантность*. Она определяется как *особый способ взаимоотношения и межличностного взаимодействия (общения) с Другим, как межличностный диалог* [6]. МЛТ также рассматривается как один из уровней толерантности, связанный с непосредственным общением. Суть МЛТ при этом выступает как осознанный и ценностно-осмысленный личностный выбор, в соответствии с которым человек, имея собственное мнение, мировоззрение, уважает и признает право другого воспринимать и мыслить иначе, а также готов понимать и учитывать другие точки зрения [1].

Такая интерпретация МЛТ, по мнению С. Л. Братченко, реализует личностный подход, включая, прежде всего, ценностно-смысловую систему человека (уважение другого человека, значимость ценностей прав и свобод, равноправия и пр.). Личностное начало рассматривается в качестве системообразующего фактора по отношению к другим его составляющим, что позволяет различать толерантность как преходящее состояние и как устойчивую личностную позицию [1, 6].

Во многих исследованиях толерантность рассматривается как "интегральная характеристика индивида, определяющая его способность в про-

стр. 31

блемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического состояния, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и окружающим миром" [28, с. 64].

С. К. Бондырева и Д. В. Колесов, характеризуя толерантность, подчеркивают, что это особые отношения, для которых "справедлива формула: связь - оценка - отношение - поведение (намерение), толерантное или интолерантное" [5, с. 4 - 5]. Также это "способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов" [5, с. 4 - 5].

Приведем еще один пример, теперь уже дефиниции коммуникативной толерантности, предложенной В. В. Бойко. Под общей коммуникативной толерантностью он понимает тенденции отношения к людям в целом, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека. Этот вид толерантности включает в себя, и, соответственно, предопределяет прочие ее формы - ситуативную, типологическую, профессиональную [4].

Таким образом, в рассмотренных определениях (и во многих других, в основном базирующихся на упомянутых), независимо от того, какой вид толерантности имелся в виду авторами, подчеркиваются две основные характеристики, раскрывающие смысл толерантности: *отношения*, которые складываются между вступающими в контакт индивидами, и их *личностные особенности*, детерминирующие качество отношений.

В своих рассуждениях, выступивших основой для формулировки определения МЛТ, мы исходим прежде всего из традиционных для отечественной психологии принципов единства личности и деятельности, личности и общения, общения и деятельности, которые определяют возможность интерпретации МЛТ в неразрывной взаимосвязи с процессом межличностного общения. В качестве одного из теоретико-методологических оснований используется интерактивный подход, в рамках которого постулируется, что общение - это коммуникативный процесс, а любое нарушение коммуникации может породить соответствующее нарушение кооперации. Также используются базовые положения интересующего подхода, в котором общение понимается как состояние,

присущее субъекту постоянно и независимо от вовлеченности в непосредственный акт коммуникации; каждый момент жизни человека характеризуется его обращенностью к другим людям (Г. М. Андреева, Г. А. Ковалев, А. А. Пузырей, А. У. Хараш, Т. А. Флоренская и др.). Коммуникативное состояние, по мнению А. У. Хараша, представляет собой интегративное понятие, посредством которого возможно объединение в одно целое теории общения и теории личности. Любой процесс межличностного общения предполагает встречу личностных позиций, личностных смыслов коммуникатора и реципиента, являясь по своей природе диалогическим процессом [34]. Приведенные в качестве примера определения МЛТ, методологические принципы психологии и обозначенные подходы, позволяют нам в качестве исходной предпосылки рассматривать *межличностную толерантность* как толерантность между конкретными личностями, которая реализуется в их межличностном общении.

Используя положение С. Л. Братченко, согласно которому среди всех разнообразных видов толерантности основанием общей толерантности человека является межличностная толерантность [6], мы рассматриваем ее в качестве генетически исходной формы для таких ее видов, которые, так или иначе, связаны с непосредственным общением индивидов (межвозрастная, межполовая, межэтническая, межконфессиональная, коммуникативная и т.п.). Основным аргументом для данного утверждения являются представления отечественных психологов о соотношении общественных и психологических отношений, а также индивидуального и общественного (социального) в личности (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, А. Н. Леонтьев, Г. М. Андреева и др.).

Так, Д. А. Леонтьев подчеркивает, что существует масса объективных проблем и противоречий, из-за которых представители разных национальностей, конфессий, религий и т.п. никак не могут придти к общему мнению. Но конкретные люди всегда при желании могут договориться исходя из личных интересов. Поэтому национальные, культурные, этнические корни хотя и относятся к важнейшим ценностям любого человека, не могут исчерпать его внутренний мир целиком: личность не сводима ни к одному из своих истоков и социальных определений [20].

Яркой иллюстрацией влияния непосредственного общения, актуальной, психологической ситуации на проявления толерантности/интолерантности является знаменитый эксперимент Р. Лапьера¹ [22]. Как отмечают А. В. Филиппов и С. В. Ковалев, совокупность ситуационных усло-

---

¹ Социально-психологический феномен несоответствия или значительного расхождения реальных действий человека и установок, стереотипов ценностей, намерений и т.п. был обнаружен американским исследователем Р. Лапьером в 1933 г. В ходе эксперимента он путешествовал с молодой супружеской парой китайской национальности, останавливаясь в мотелях, где их гостеприимно встречали. Несмотря на то, что в ответ на разосланные заранее письма с просьбой зарезервировать места для этой пары 92% владельцев (из 128 ответивших) дали категорический отказ, а половина писем остались без ответа.

вий и обстоятельств представляется значимой для субъекта, только приобретая для него вполне определенный личностный смысл. В результате личностного смыслообразования формируется актуальная психологическая ситуация, которая начинает детерминировать конструктивную активность субъекта, обуславливая весь спектр ее проявлений. Данный феномен авторы называют "ситуационным опосредованием" [33]. Иными словами, мы полагаем, что МЛТ выступает в качестве "ситуационного опосредования" как общей толерантности, так и других ее видов (этнической, конфессиональной, коммуникативной и пр.).

Таким образом, МЛТ понимается нами как единство характеристик личностей, вступающих в процесс общения, и характеристик компонентов общения (коммуникативного, интерактивного и перцептивного), при этом МЛТ может проявляться только в процессе общения.

МЛТ мы рассматриваем как сложный многоуровневый и многокомпонентный системный процесс, суть которого заключается в осознанной и ценностно-осмысленной интра- и интерпсихической активности, включающей самоопределение и мобилизацию психологических ресурсов (совладание) с целью преодоления эмоционально-когнитивного диссонанса², связанного с восприятием партнера по общению. Этот процесс обуславливает состояние готовности воспринимать и понимать другого человека как уникальную личность и вступать с ним в диалогические отношения как с Собеседником, что обеспечивает совместные позитивные измене-(саморазвитие) его участников.

В реализуемом подходе акцентируются критерии, связанные с пониманием МЛТ как *особого способа межличностного взаимодействия и взаимоотношений с Другим человеком*. Хотя возможен принципиально иной подход - раскрытие данного понятия посредством его анализа как интегративного качества личности и выделения структурных компонентов, раскрывающих личностное измерение.

БАЗОВЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ФОРМ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В русском языке под формой традиционно понимается "вид, устройство, тип, структура, конструкция чего-либо, обусловленная определенным содержанием" [25, с. 57]. При этом форма определяется как внутренняя организация содержания, включающая систему устойчивых связей предмета [17]. Исходя из сказанного, подчеркнем,

что, во-первых, употребляем термин "форма" как синоним понятия "вид", во-вторых, подразумеваем под ним единство формы и содержания в их взаимной обусловленности, которая предстает в наиболее общей и устойчивой структуре процесса МЛТ, определенным образом взаимосвязанной с относительно изменяющимся и разнообразным конкретным содержанием.

На основании анализа литературных источников в качестве базовых критериальных признаков форм МЛТ выделены следующие четыре критерия: *просоциальность-асоциальность, конструктивность-деструктивность, активность-пассивность, устойчивость-изменчивость*. Дополнительными признаками явились еще два: *диалогичность-монологичность* и *децентрация-эго-центрация*, которые понимаются нами как доминирующие характеристики, обеспечивающие реализацию *просоциальности-асоциальности* и *конструктивности-деструктивности*. Все критерии анализируются в системе их взаимосвязи и взаимной детерминации. При этом, критерий *устойчивость-изменчивость* понимается как системообразующий, поскольку именно он обеспечивает единство мотивообразующих характеристик на психологическом уровне, задавая вектор динамики межличностного взаимодействия субъектов общения, социокультурной и личной результативности общения как итога деятельностного, поведенческого проявления МЛТ.

Рассмотрим некоторые теоретико-методологические основания, позволившие выделить данные критерии, аргументируя правомерность предлагаемой интерпретации феномена МЛТ.

Первый критерий - **"просоциальность-асоциальность"** (координата А-В, рис.), позволяет оценить МЛТ в контексте социальных отношений, раскрывая содержание толерантности как универсальной ценности социокультурной среды, что подчеркивается всеми исследователями данной проблемы. В обозначенном контексте это не просто культурная универсалия, одна из основных фундаментальных ценностей современного общества, абстрактная ценность (А. Г. Асмолов, В. М. Золотухин, Л. М. Дробижина, В. Е. Кемеров, А. В. Перцев, М. Б. Хомяков и др.), это степень ее усвоения, интериоризации индивидом, включенность толерантности в направленность как в интегральную

характеристику мотивации. Выделенный признак также связан с вопросом о границах толерантности (Д. А. Бродский, Л. Г. Почебут, М. С. Мириманова, И. В. Понкин, Н. Кисилев, Г. У. Солдатова, М. Уолцер и др.). В частности, противники внедрения толерантности как элемента культуры и неоправданного расширения ее границ ссылаются на опасность терпимого отношения к самым крайним проявлениям цинизма,

² Эмоционально-когнитивный диссонанс - термин, предложенный автором статьи в контексте проблемы МЛТ (см. [16]).
стр. 33

Система критериальных признаков межличностной толерантности.

безнравственности и попустительства, социально негативным явлениям и даже пороку.

Нам представляется, что вводимый критерий "просоциальность-асоциальность" позволяет более четко обозначить границы толерантности в указанном диапазоне, поскольку включает ее феноменологию как те конкретные поступки, реакции, действия, из совокупности которых и складывается Культура Мира. В противоположном случае, при нанесении ущерба, урона кому-либо из партнеров по взаимодействию как членам общества, речь идет об асоциальной направленности межличностной толерантности, которая усиливает деструктивные тенденции и насилие как принцип социального существования и жизнедеятельности. При этом следует учитывать некоторую относительность данных признаков в зависимости от социокультурных условий (динамика отношения к диссидентам, ветеранам-"бендеровцам", фашистам в странах СНГ и т.п.). Обозначенный критерий связан с аксиологической природой толерантности, которая включает в себя основные мировоззренческие идеалы конкретного человека, его мотивационно-ценностные отношения к коммуникации (в широком смысле), ценность человека, ценности отношения к Другому и прочее. Аксиологическая составляющая толерантности непосредственно проявляется в особых межличностных отношениях, выполняющих либо позитивную, либо негативную функцию включения в социокультурный контекст, "работая" на Культуру Мира или культуру насилия.

Следовательно, "просоциальность-асоциальность" как критерий МЛТ, позволяет оценить данный феномен с позиций его включенности в социокультурный контекст, очертить границы в ценностном поле отношений между людьми.

Второй базовый критерий дает возможность описать МЛТ в понятиях "**конструктивность-деструктивность**" (координата C-D, рис.) в ситуации межличностного общения "здесь и сейчас", с точки зрения субъективной оценки

участников контакта, а также в перспективе динамики процесса межличностного взаимодействия и отношений участников общения. Многие исследователи проблемы толерантности раскрывают сущность конструктивной толерантности, подчеркивая ее возможности, связанные с увеличением устойчивости существования человека, совершенствования его самого и общества в целом.

Существует ряд классификаций, в которых выделяются конструктивная и деструктивная толерантность (см., например, [7, 27]). Д. А. Бродский вводит понятия "конструктивная социальная толерантность" и "деструктивная социальная толерантность". Первая представляет собой такую установку индивидуума на *Другого*, как иного, которая способствует совершенствованию кооперации в человеческом обществе, вторая - установочная толерантность, носители которой, не ведая того, что творят, создают условия для разрушения кооперации в человеческом обществе [7]. В. А. Петрицкий различает нравственно-деструктивную и нравственно-конструктивную толерантность (терпимость), т.е. положительно мотивированные проявления терпимости, ведущие к негативному или позитивному результату [27]. Негативную и позитивную терпимость включает в свою типологию А. В. Зимбули [12]. Конструктивную толерантность выделяют

стр. 34

С. В. Бондырева и Д. В. Колесов [4]. Кроме того, практически во всех исследованиях, посвященных толерантности, она рассматривается как важнейший фактор, влияющий на успешность взаимодействия между людьми.

В отличие от первого критерия, который акцентирует внимание на толерантности как ценности общественного бытия, второй в большей степени задает вектор направленности развития отношений в единстве индивидуальных и общественных, субъективных и объективных оценок. На поведенческом уровне позитивные аспекты проявляются в налаживании партнерских отношений, в готовности и способности установить контакт, идти на компромисс, согласовывать действия и стремиться к сотрудничеству, развивать диалогические отношения. Негативные характеристики выражаются в разрушении контакта, дестабилизации и деструкции отношений и взаимодействия. Во взаимосвязи с признаком "просоциальность-асоциальность", этот критерий подчеркивает влияние толерантности/интолерантности на перспективу развития субъектов взаимодействия, а также его индивидуальную ценность и смысл (личностную ценность, по Д. А. Леонтьеву). Как очень точно отмечает Е. Г. Виноградова, включение в свое ценностное поле другого человека - отличительная особенность толерантности [9].

Рассматривая специфические признаки толерантного поведения в неопределенных ситуациях, А. Г. Асмолов подчеркивает, что человек воспринимает совершаемое им как делаемое в силу внутренней необходимости, не страшась идти на риск, осознавая возможность выигрыша или потери, принимая ответственность за выбор, который не является заранее предрешенным. При этом неотъемлемыми чертами свободного личностного выбора являются неопределенность исхода, риск, субъективное ощущение принадлежности совершаемого самому себе, оценка последствий на основе смыслообразующих мотивов. Д. А. Леонтьев отмечает, что именно механизмы смыслостроительства как внутренней деятельности, направленной на устранение смыслового рассогласования, обеспечивают динамику и перестройку смысловых структур в таких критических ситуациях как преодоление стресса, фрустрация, конфликт [21].

Третий критерий раскрывает степень *активности-пассивности* (координата *E-F*, рис.), как внутренней (психическая активность), так и внешней (поведение). Практически все исследователи проблемы толерантности при ее характеристике используют понятие активности. В "Декларации принципов толерантности", утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [10], сказано, что толерантность - это, прежде всего, активное отношение,

формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Активность как сущностный признак толерантности подчеркивают такие исследователи, как А. Г. Асмолов, Р. Р. Валитова, Е. Г. Виноградова, В. А. Лекторский, Д. А. Леонтьев, В. А. Лабунская, Г. У. Солдатова, Е. И. Шлягина, А. Б. Щербакова и многие другие. По мнению В. М. Золотухина, именно "активность (сотворяемость акта) является атрибутом толерантности" [13, с. 10]. При этом использование системно-деятельностного подхода позволяет выявить истинную природу толерантности, основанную на активном отношении человека к собственному самопредъявлению и сосуществованию с окружающими людьми (А. Г. Асмолов, В. М. Золотухин и др.).

Кроме того, "слабейшая и пассивная форма толерантности (излишняя терпимость к другим) отличается от сильной, активной и креативной формы по степени откровенности различия и даже по степени свободного признания" [35, с. 22]. В уже упоминаемом кратком отчете, выполненном под руководством Д. А. Леонтьева, подчеркивается, что авторы в своем понимании человеческой личности исходят из принципов активности, субъектности и ответственности. Именно поэтому наиболее перспективным для них является понимание толерантности как осознанного выбора, при котором индивид, имея собственное мнение, позицию, мировоззрение, пытается понять и в принципе защитить право другого лица или третьей стороны мыслить и действовать иными способами [18].

Таким образом, активность толерантности подчеркивается как неотъемлемый ее атрибут практически во всех работах, посвященных данной проблеме, независимо от ее трактовки (как личностного качества, как позиции, как способности, как отношения или психического состояния и пр.) (А. Г. Асмолов, С. К. Бондырева, Е. Г. Виноградова, И. Б. Гриншпун, В. М. Золотухин, Д. В. Колесов, Д. А. Леонтьев, А. А. Погодина, Г. У. Солдатова и др.).

Четвертый критерий - "*устойчивость-изменчивость*", используемый нами при описании содержательных особенностей различных форм МЛТ, представляет собой единство двух разнонаправленных векторов. В дефинициях толерантности можно обнаружить противоречие, которое проявляется в том, что, с одной стороны, данный феномен определяется через такое базовое свойство, как устойчивость, с другой стороны, также практически во всех работах подчеркивается, что толерантность связана с ценностью самоизменений, самовосприятия как незавершенного и несовершенного.

Как подчеркивает А. Г. Асмолов, эволюция любых развивающихся систем предполагает вза-

стр. 35

имодействие двух противоборствующих тенденций - тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем [3]. Дж. Бьюдженталь назвал борьбу двух мотивов - стремления к развитию и стремления к сохранению стабильности - "фундаментальной драмой развития". На психологическом уровне суть этой драмы в том, что глубинные экзистенциальные изменения усиливают тревогу, которая, в свою очередь, увеличивает сопротивление изменениям. В соответствии с силой сопротивления возрастает стремление к сохранению стабильности, устойчивости [8].

Отношения между полярными ценностями определяют всю стратегию поведения человека. Ш. Шварц и В. Билски в типологии базовых ценностей выделяют наиболее важные противоречия между ними:

- *ценности сохранения* (безопасность, конформность, традиции) противоположны *ценностям изменения* (стимулирование, саморегуляция);

- *ценности самоопределения* (универсализм, благосклонность) противоположны *ценностям самовозвышения* (власть, достижение, гедонизм).

Базовой ценностью в системном блоке самоопределения является терпимость, которая противоречит власти и достижению, поскольку принятие других людей как равных и благожелательное отношение к ним с трудом сочетается с преследованием

собственных целей и доминированием. При этом уровень выраженности терпимости зависит от субъективного переживания личностью состояния безопасности, оцениваемого как удовлетворительное или неудовлетворительное [38, 39].

По нашему мнению, критерий "*устойчивость-изменчивость*" (или "сохранение-изменение") как биполярная целостность мотивирует каждый из выделенных критериев МЛТ. При этом может наблюдаться тенденция доминирования одного из полюсов, что и определяет движение межличностных взаимоотношений субъектов как целостной системы в одном или другом направлении. Например, мотивация на изменение за счет вступления в диалогические отношения с *Другим*, иным, как стратегическая цель может одновременно включать в себя сохранение конкретных параметров (взглядов, убеждений, каких-то переживаний и т.п.).

Выделенный в качестве дополнительного признака, критерий "*диалогичность-монологичность*" также большинством исследователей рассматривается как один из сущностных признаков толерантности (Г. В. Безюлева, С. Л. Братченко, В. А. Лабунская, А. Б. Орлов, Л. И. Рюмшина, Г. М. Шеламова и др.), а принципом толерантного мышления является диалогизм [19]. М. М. Бахтин писал о том, что "два голоса - минимум жизни, минимум бытия", поэтому продуктивная просоциальная направленность не способна развиваться в монологическом пространстве. Диалог, выступая особой формой межличностного общения, максимально воплощает конструктивное влияние общения на его участников [15], обеспечивая проблемный, дискуссионный характер общения.

Кроме того, духовно-преобразующие возможности диалога становятся одной из фундаментальных целей практически во всех практико-ориентированных, направленных на развитие, совершенствование личности подходах в психологии. Являясь основным условием для развития личности и проявления ее глубинной или вершинной сущности и творческой природы (согласно всем представителям экзистенциально-гуманистического направления), диалогические отношения обеспечивают не просто познание и понимание инаковости *Другого*, вхождение в его мир, но главное - встречу равноценных и равновеликих сознаний.

В частности, при интерпретации содержания межэтнической толерантности, акцент делается на ее понимании как готовности принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия [11].

Следовательно, основываясь на идее о коммуникативно-диалогической природе сознания и самосознания (М. М. Бахтин, М. Бубер, В. В. Сталин, А. У. Хараш и др.), а также на том, что в большинстве определений толерантность трактуется как готовность вступить в диалогические отношения с другим человеком, мы считаем вполне обоснованным рассмотрение данного критерия как одного из сущностных признаков МЛТ.

В качестве второго дополнительного критерия выделена биполярная характеристика "*де-центрация-эго-центрация*". Данный признак наиболее тесно взаимосвязан с диалогичностью-монологичностью. А. А. Ухтомский определял монологическое общение как неспособность видеть вокруг себя других людей, которая подменяется восприятием своих двойников (проекций собственного "надоевшего и абстрактного Я"). "Порок двойничества! Он - отражение эгоцентризма" [30, с. 255]. Монолог - это "доминанта на себе", которая, по нашему мнению, опосредствована, прежде всего, эго-центрацией. Сутью эго-центрации выступает эгоцентризм: сосредоточенность субъекта на своих интересах, неспособность учитывать мнения, планы, точки зрения других людей и координировать их со своими собственными, соответственно, нежелание и неумение видеть иную личность и конструктивно взаимодействовать с ней [26, с. 10]. Для человека диалог возможен "...лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получит впервые Собеседника. Двойник

умирает, чтобы дать место Собеседнику" [31, с. 94]. Децентрация с себя на Собеседника (или центрация на *Другом*), обеспечивает конструктивность толерантности как позитивное развитие системы взаимоотношений потенциальных партнеров в диалогическом общении. Одним из важных признаков толерантного мышления является, по мнению И. П. Шкуратовой, способность встать на чужую точку зрения, т.е. децентрация в противоположность инфантильному эгоцентризму [37].

Выделенные критерии МЛТ представлены в форме целостного процесса их взаимосвязи и взаимодействия на рис. Данная система координат (критериальных признаков) позволяет дать теоретическое описание предложенных нами основных форм МЛТ и выделить две основные сферы.

Сфера *A-B-C-E-F* включает в себя многообразие условно толерантных вариантов, поскольку только один из них понимается нами как форма подлинной МЛТ. Соответственно, сфера *A-B-D-E-F*, представляет условно интолерантное реагирование по отношению к субъекту взаимодействия. Подчеркнем, что мы рассматриваем МЛТ, прежде всего, как процесс развития системы, в которую включены как минимум два субъекта межличностного взаимодействия. Поэтому речь идет о динамике этой системы как целостности в результате "вкладов" всех участников, в направлении либо увеличения, либо уменьшения ее толерантности. Всего на основании предложенных критериев выделено восемь форм межличностной толерантности/интолерантности.

ФОРМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

1. *Просоциальная конструктивная активность* (с тенденцией к стабильности отношений за счет изменения партнеров): участники общения вступают в критический диалог (термин В. А. Лекторского [19]) благодаря способности как центрироваться на себе, так и децентрироваться на партнера по общению. Проявляется в ассертивном (уверенном) поведении, социально полезном взаимодействии, представляющем ценность для каждого из его участников. Стратегическая цель - установление партнерских взаимоотношений, в которых происходит их изменение как целостной системы. Эту форму толерантности можно рассматривать как оптимальную, *подлинную толерантность* в контексте психологии развития, социальной психологии, психологии общения. Более того, если говорить о толерантности как экзистенциальном состоянии человека, данная форма представляет собой целостное переживание толерантности, в отличие от ее неполного переживания. В качестве базовых характеристик такого целостного переживания В. Г. Миронов выделяет открытость, свободу, активность, индивидуальность, множественность, неопределенность как спонтанность, креативность [24]. Этот вид МЛТ понимается нами как идеальная форма, показатель зрелости личности и тот ориентир, который может являться моделью в практико-ориентированных занятиях и тренингах с целью развития и формирования толерантности в межличностном общении.

2. *Просоциальная конструктивная пассивность* - снисходительная толерантность как безразличие (созерцание). За счет пассивности диалогичность имеет поверхностный характер, затрудняя "основную встречу". Децентрация с себя на партнера интроспективна, в то же время, обеспечивает снисхождение благодаря пониманию. Взаимоотношения достаточно устойчивы, поскольку главная цель взаимодействующих сторон - самосохранение собственной целостности и идентичности в сложившейся системе отношений, что создает условия для их дальнейшей динамики. При этом общая направленность взаимодействия социально полезна или нейтральна (если речь идет об интимно-личностных отношениях).

3. *Просоциальная деструктивная пассивность* - толерантность как страдание. Участники межличностного общения вступают во внешний, поверхностный контакт, но испытывают при этом целый ряд негативных переживаний в связи с отрицательным восприятием и интерпретацией особенностей партнера по общению, которые вытесняются или подавляются. В результате, происходит бессознательное саморазрушение и, как

следствие, разрушение отношений. Преобладают монологические эго-центрации. Стремление сохранить внутреннюю стабильность приводит, в итоге, к деструкции системы отношений. Просоциальность проявляется в доминировании, например, чувства долга и ответственности по отношению к партнерам (возможная цель - сохранение семьи ради тяжело больного или детей и т.п.).

4. *Просоциальная деструктивная активность* - интолерантность как нетерпимость (отрицание) инаковости другой личности ради блага ее или общества (например, воспитание детей или супругов). Проявляется прежде всего в монологической деструктивной критике, при доминанте эго-центрации, направлена на сохранение себя как целостности и изменение другого. Диалог редуцирован к обмену репликами. При этом цель социально значима, но не согласуется со средством ее достижения - межличностным поведением в интолерантной форме. В результате отношения складываются деструктивно и/или разрушаются.

5. *Асоциальная конструктивная активность* - толерантность как активное принятие, стр. 37

понимание партнера по общению, реализуется в кооперативной форме межличностного взаимодействия, сопровождается удовлетворенностью от процесса, но имеет негативные последствия для общества и отсрочено для самих субъектов. Результаты децентрации на партнере воплощаются в императивном и манипулятивном воздействии. Данный вид толерантности приводит, в перспективе, к изменениям субъекта за счет "втягивания" его в асоциальные виды деятельности (например, толерантность к другу-наркоману, приобщение "за компанию" и развитие наркотической зависимости и пр.). Критерии децентрации, активности и конструктивности являются факторами, которые способствуют преобразованию данной формы в просоциальную толерантность, особенно в случае изменения культурно-исторических условий.

6. *Асоциальная конструктивная пассивность* - ситуативная толерантность как безразличие. Целью такого вида толерантности является самосохранение и сохранение отношений в ситуации "здесь и сейчас", выступающее условием разрушения другого. Децентрация, обеспечивая понимание партнера, определяет искусную манипуляцию им. Например, толерантность в межличностном общении к переживаниям, мыслям, поведению жены-проститутки, зарабатывающей на жизнь для всей семьи. Устойчивость выступает условием усиления асоциальных тенденций. В то же время, ситуативная конструктивность как сохранение кооперативных отношений и децентрация являются ресурсами для позитивного преобразования данной формы МЛТ.

7. *Асоциальная деструктивная пассивность* - терпимость как отчуждение. Субъект толерантности отстраняется с целью сохранения стабильности и устойчивости собственного Я, в результате взаимоотношения разрушаются и распадаются. Акцентированная эго-центрация обеспечивает самоизоляция и преобладание внутренних монологов. Разрушение межличностных отношений влияет на усиление асоциальных тенденций в обществе (например, самоустранение в социально-опасных для жизни близкого человека ситуациях).

8. *Асоциальная деструктивная активность* - крайняя форма интолерантности как насилия, агрессии, деструкции, насаждающая культуру насилия, враждебности. У субъекта интолерантности доминируют негативные эмоции и когниции, преобладает эго-центрация и императивное воздействие, что приводит к постепенному саморазрушению. Эта форма направлена на изменение другого человека или людей, воспринимаемых в качестве объекта, вплоть до убийства.

Подводя итоги анализа критериальных признаков МЛТ, предлагаем краткое описание их содержания (табл.). Отметим, что проявление каждого из этих признаков может варьировать от низкого до высокого уровня развития.

Мы полагаем, что выделенные признаки МЛТ раскрывают ее суть как основания общей толерантности личности и характеризуют качество отношений субъектов межличностного взаимодействия. Предложенная модель форм МЛТ, на наш взгляд, соответствует современным представлениям о толерантности как непрерывном расширении собственного опыта через критический диалог при полифоническом плюрализме [19].

Теоретическая модель критериальных признаков МЛТ, несомненно, требует эмпирической проверки. Вместе с тем, классификация форм межличностной толерантности может быть использована в исследовательских и обучающих целях, а также способна внести посильный вклад в практическую реализацию продвижения "от парадигмы конфликта - к парадигме толерантности".

Специфические особенности критериев МЛТ

Критериальные признаки толерантности		Специфические содержательные особенности
Базовые	1. Просоциальность-асоциальность	Проявление толерантности как общественной ценности, как слагаемого либо культуры мира, либо мира насилия
	2. Конструктивность-деструктивность	3. Личностная и субъективная ценность толерантности в ситуации "здесь и сейчас", в перспективе динамики отношений субъектов взаимодействия, результативность ситуативная и перспективная, способ решения проблемной или конфликтной ситуации
	3. Активность-пассивность	Степень активности, проявляющаяся во внутренних и внешних действиях, обеспечивающих включенность в процесс межличностного общения и создание диалогических отношений
	4. Устойчивость-изменчивость	Тенденции к сохранению и/или к изменению систем: индивидуальной, межличностной, социокультурной, задающие вектор развития, стагнации или деградации
Дополнительные	5. Диалогичность-монологичность	Вид общения и форма воздействия, посредством которой реализуется МЛТ
	6. Децентрация-эго-центрация	Доминирующая направленность: на собеседника или на себя

стр. 38

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е. В., Братченко С. Л. Психологические основы толерантности учителя // Монологи об учителе. СПб.: СПбАППО, 2003. С. 165 - 172.
2. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности// Психология образования: проблемы и перспективы. Материалы 1-й международной науч. -практ. конф. М.: Смысл, 2004.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. Бойко В. В. Энергия эмоций. СПб.: Питер, 2004. С. 204 - 221.
5. Бондырева С. В., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему). М.: МПСИ, Воронеж: МОДЭК, 2003.

6. *Братченко С. Л.* Психологические основания исследования толерантности в образовании // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 9-й науч. -практ. конф. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. С. 104 - 117.
7. *Бродский Д.* Психологические основы конструктивной социальной толерантности // Права ребенка и толерантность. Использование сообществ в рамках обучающего процесса. Ростов н/Д.: Молодежное Правозащитное Движение, 2002. С. 142 - 159.
8. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.
9. *Виноградова Е. Г.* Субъектные предпосылки толерантности личности: Дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2002.
10. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. N 1. 2001. С. 62 - 68.
11. *Дробижьева Л. М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие. М.: Прогресс, 1997.
12. *Зимбули А. Е.* Почему терпимость и какая терпимость? // Вестник СПбГУ. 1996. N 3. С. 22 - 27.
13. *Золотухин В. М.* Толерантность как проблема философской антропологии: Автореф. дис. ... докт. филос.наук. Екатеринбург, 2006.
14. *Ионина О. С.* Формирование толерантности как средство устранения внутриличностных конфликтов подростков: Дис.... канд. психол. наук. Казань, 2005.
15. *Карпова Н. Л.* Основы личностно-направленной логопсихотерапии. М.: МПСИ; Флинта, 2003.
16. *Кожухарь Г. С.* Эмоционально-когнитивный диссонанс: точка бифуркации в межличностной толерантности // Ярославский психологический вестник. Вестник 17. М. - Ярославль: Российское психологическое общество, 2006. С. 32 - 36.
17. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.
18. Краткий отчет по государственному контракту N 483 от 20.04.2004 на выполнение работ по теме: "Введение гуманитарной экспертизы образовательных программ". Руководитель темы ДА. Леонтьев // Федеральная целевая программа "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)". Москва, 2004. URL: <http://www.rgrs.ru>.
19. *Лекторский В. А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // Философия, наука, цивилизация: к 65-летию акад. В. С. Степина. М., 1999. С. 284 - 292.
20. *Леонтьев Д. А.* Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / Под ред. Е. И. Яцуты. Кемерово: ИПК "Графика", 2002. С. 3 - 34.
21. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
22. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1996.
23. *Мириманова М. С.* Конфликтология. М.: Академия, 2003.
24. *Миронов В. Т.* Толерантность как экзистенциальное состояние человека: социально-философский аспект: Дис. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2003.
25. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
26. *Пащукова Т. И.* Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции. Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001.
27. *Петрицкий В. А.* Толерантность - универсальный этический принцип // Известия СП лесотехнической академии. СПб., 1993. С. 139 - 151.
28. *Солдатова Г. У.* Практическая психология толерантности, или как сделать так, чтобы зазвучали лучшие струны человеческой души // Век толерантности. N 6. М., 2003.
29. *Уолцер М.* О терпимости. М.: Дом интеллектуал, кн., 2000.
30. *Ухтомский А. А.* Доминанта души. Рыбинск, 2001.
31. *Ухтомский А. А.* Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966.

32. Федеральная целевая программа "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе" (2001 - 2005) // URL: <http://www.tolerance.ru>.

33. Филиппов А. В., Ковалев С. В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психология социальных ситуаций / Сост. и общая ред. Н. В. Гришина. СПб: Питер, 2001. С. 119 - 132.

34. Хараш А. У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъективного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Хрестоматия по педагогической психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1995. С. 216 - 227.

стр. 39

---

35. Хеффе О. Плюрализм и толерантность: к легитимизации в современном мире // Философские науки. 1991. N 12. С. 16 - 28.

36. Шаврина О. В. Формирование межличностной толерантности старшеклассников: Дис. ... канд. психол. наук. Курган, 2005.

37. Шкуратова И. П. Когнитивная сложность как основа толерантного мышления // Век толерантности. 2003. N 5. С. 44 - 51.

38. Bilsky W., Schwartz S. H. Values and Personality // European Journal of Personality. 1994. V. 8. P. 163- 181.

39. Schwartz S., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of value: Extensions and cross-cultural // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 58. P. 878 - 891.

стр. 40

Зарубина Н.Н. Деньги в межличностной коммуникации²⁶

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Способность денег устанавливать не только экономические, но и социальные связи отмечена еще в К. Марксом, который назвал их "узами всех уз". В социологической литературе деньги в качестве средства социальной коммуникации получают противоположные свойства и характеристики. В работах Г. Зиммеля, К. Поланьи, С. Московичи, М. Маклюена и других исследователей деньги уподобляются "универсальному языку" современного общества. Ж. Бодрийяр рассматривает виртуальные деньги постмодернистской экономики как "код", которым "помечены" практически все сферы жизни. Э. Гидденс видит в деньгах одну из базовых "символических систем", обеспечивающих освобождение общественных институтов от локальной привязки, их универсализацию в глобальном масштабе. В противоположность этому "универсалистскому" подходу В. Зелизер обосновывает концепцию "создания множественных денег" как специфических "диалектов" различных социальных групп для разных типов отношений.

Вопрос о соотношении универсальности и множественности денег как средства социальной коммуникации имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: его решение проясняет вопрос об адекватности денежной коммуникации для различных типов обществ, социальных групп, исполнения социальных ролей. В частности, вопрос о целесообразности предоставления льгот и оказания социальной помощи незащищенным слоям населения в денежной или натуральной форме следует рассматривать с точки

---

²⁶ Зарубина Н.Н. Деньги в межличностной коммуникации // Социологические исследования. 2006. №6. С. 3-12.

зрения не только экономической целесообразности, но и наиболее подходящей для конкретного случая формы коммуникации.

Архаичные и символические деньги как "горячее" средство коммуникации

М. Маклюен утверждал, что развитие денег в чем-то сходно с развитием речи у ребенка: пока он не умеет говорить, он хватается все то, до чего непосредственно может дотянуться, но как только научается говорить, речь становится для него способом отстранения от реальных предметов и распространения своего интереса и своих притязаний на предметы отдаленные. Аналогично, деньги в конкретно-вещественных формах позволяли устанавливать однозначно ориентированные и специфические связи, распространять коммуникацию на ограниченный круг социальных акторов и отношений. Архаичные деньги, по свидетельствам этнографов и социологов, имеют множественные формы, каждая из которых служит для установления и поддержания коммуникаций в узкоограниченных функциональных сферах, и их взаимная конвертация

стр. 3

возможна в ограниченных пределах. К. Поланьи подчеркивает, что, если уподобить деньги языку, то архаичные деньги не знают единой грамматики и вообще универсальных правил: "Ни в одном языке не известна подобная фрагментация использования звуков. В речи артикуляции подвергаются все произносимые звуки. При написании все буквы алфавита годятся для всех типов слов, в то время как в качестве архаичных денег, в чрезвычайных ситуациях, используют один предмет как средство платежа, другой - как меру стоимости, третий - как средство накопления богатства, четвертый - как средство обмена; в языке, где глаголы состояли бы из одной группы букв, существительные - из другой, прилагательные - из третьей, а наречия - из четвертой" [1, с. 423].

Такие деньги обеспечивают насыщенную конкретными значениями и смыслами коммуникацию, где все означающие - передаваемые от одного участника коммуникации к другому деньги - имеют определенных референтов в реальной действительности. Например, подати или компенсацию вреда, штраф (виру), калым и т.д. можно заплатить лишь конкретной группой, конвенционально и традиционно предназначенных для этого предметов. Такие платежные деньги однозначно соответствуют социальному значению данного типа отношений. Другие предметы, какую бы ценность они сами по себе ни представляли, не могут адекватно поддерживать коммуникацию в данной области - они воспринимаются как недопустимое средство передачи информации. Аналогично и с другими функциями денег. Бессмысленно накапливать богатство в физической форме тех предметов, которые не являются носителями смыслов богатства в данном конкретном обществе: например, в архаичных обществах нередко средством обмена выступали металлы, в т.ч. ценные, но подлинное богатство измерялось лишь землей (или поголовьем скота).

Таким образом, архаичные "множественные" деньги являются, пользуясь определением М. Маклюена, "горячим" средством коммуникации, которое характеризуется "интенсивностью", "высокой определенностью" [2, с. 27, 29] передаваемой информации и соответственно нуждается в незначительной степени участия аудитории в интерпретации коммуникативного процесса: он насыщен очевидной информацией, допускающей минимум свободы в истолковании смысла. В то же время, в качестве "горячего" средства коммуникации М. Маклюен имеет в виду не только архаичные множественные деньги, но и "символические" деньги классического рынка, выступающие в качестве меры стоимости и средства обмена и, таким образом, превращающиеся в универсального социального посредника. Деньги становятся подобием универсального языка с единой формализованной "грамматикой", "широкой социальной метафорой" [2, с. 153], с помощью которой становится возможным "перевести" одни категории труда в другие, условно приравнять друг к другу несводимые реально

отношения и области действия: труд рабочего и труд фермера, прибыль предпринимателя и квалификацию врача, юриста, архитектора и т.д.

С. Московичи вслед за Г. Зиммелем утверждает, что историческая эволюция денег может быть охарактеризована как переход осязаемых денег в символические, т.е. знаковые деньги рыночного обмена, а затем - в семиотические [3, с. 406; 4, р. 164]. Деньги рыночного обмена способствуют выходу за рамки пространственно локализованных отношений и связей, маркированных конкретной символикой. Поэтому историческое становление единой валютной системы - символических денег - сопряжено с разрушением архаичного трайбализма и всех его социокультурных атрибутов, оно встречает явное или скрытое сопротивление и неприятие на всех этапах своего развития. Процессы становления единых рынков, формальных юридических отношений гражданского общества и единой национальной валюты на место множественных денежных единиц, служащих локальным целям, шли параллельно, и каждый из них был болезненной ломкой сложившихся принципов социальной коммуникации. Окончательное оформление денег в качестве единой символической системы было сопряжено не только с развитием рыночной экономики и превращением товарно-денежных отношений в доминирующие, но и базировалось на развитии других универсальных комму-

стр. 4

никационных систем, среди которых принципиально важную роль сыграло книгопечатание. Именно печатное слово как средство коммуникации, по М. Маклюэну, подготовило общество к восприятию стандартизации и калькулируемости, к "умению переводить свои желания и устремления в статистику с помощью рыночных механизмов предложения и спроса и визуальной технологии цен" [2, с. 154].

В то же время, на этом этапе своего развития деньги еще не утратили референта в экономической и социальной реальности: выраженные в деньгах прибыли еще соответствуют реальному экономическому успеху предприятия, состояние финансов в обществе отражает реальное положение дел в его экономике и т.п. Таким образом, на основе теории "символических" денег можно "двигаться в разные стороны по пространству политической экономии" [2, с. 154].

"Символические" деньги рынка остаются "горячим" средством коммуникации, пока и поскольку они обладают референцией и несут какую-то информацию о референте, то есть до тех пор, пока они соответствуют реальной экономике. На этом этапе функциональность денег отражается в множественности форм, которые они приобретают в обществе. В XIX и XX вв. в рамках единых национальных рынков разных стран имеют хождение специализированные формы платежных средств (векселя, купоны, чеки и т.д.), каждая из которых имеет или свое конкретное целевое предназначение, или какой-то специфический социальный смысл, или сохраняется по традиции. В условиях реального производства и рыночного обмена периодически возникает потребность в использовании локальных денежных единиц, отражающих специфику данного сегмента рынка или производства. А бартер возможен не только в силу недостатка денег в обращении или на счете предприятия, но и как следствие рациональных расчетов целесообразности, например, для оптимизации налогов. Введение карточной системы (а также инвалютные чеки в СССР, боны периода нэпа и т.д.) отражает специфические права и возможности разных групп населения в условиях товарного дефицита и т.д. На этом основании К. Поланьи утверждал, что даже в качестве рыночных символов обмена деньги наряду с тенденцией к унификации демонстрируют и обратные тенденции [1, с. 424]. Однако при изменении условий рынка необходимость в подобных локальных "множественных деньгах" отпадает, и они теряют силу. Поэтому нам представляется, что и в этой множественности сохраняется коммуникационная суть денег как тяготеющего к универсальности средства рыночного обмена.

До формирования рынка экономическая подсистема общества встраивалась в социальные отношения и означала производство потребительных стоимостей, соответствующих реальным потребностям людей, то есть подчинялась реальной социальной коммуникации. После того как рынок начинает доминировать, он подчиняет экономические отношения производству меновых стоимостей, подменяя социальную коммуникацию денежной исчислимостью. По мере развития рынка деньги становятся *знаком меновой стоимости*, в них обмен, рынок получает свое "*означение*", рынок делается "видимым", доступным рассмотрению: "Достигнув определенной фазы отрыва, они [деньги. - Прим. ред.] перестают быть средством коммуникации, товарооборота, они и есть *сам оборот*, то есть форма, которую принимает система в своем абстрактном колдовании. Деньги - это первый "товар", получающий статус знака и *неподвластный потребительской стоимости*" [5, с. 76].

В качестве означения рыночного оборота как самостоятельной силы, отчуждающей производственные и социальные отношения в товарные, деньги становятся и означением господства рынка над всеми остальными качественно специфическими сферами жизни. К. Маркс, исследовавший социальные роли денег в буржуазном обществе, в числе прочего обратил внимание и на их коммуникативную роль в качестве универсальной абстракции рыночного обращения. Если архаичные "горячие" деньги означали качественно специфические особенности различных сфер социальной жизнедеятельности качественной же множественностью своих форм, то в условиях рынка единственным знаком, позволяющим определить качественное своеобразие, становится *количество денег*. Механизм сведения сущности к абстракции, выражение каче-

стр. 5

ства через количество как свойство денег рынка описал К. Маркс в "Экономическо-философских рукописях 1844 года": "*Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности*" [6, с. 272 - 273]. Знаками "горячего" "денежного языка" отныне становятся размеры суммы, которые означают реальную качественную дифференциацию и предметного товарного мира, и производственных возможностей, и человеческого достоинства.

"Символические" деньги *означают* рыночные стоимости в обществе модерна, вносят единый "язык" со своей "грамматикой" в реальные экономические и социальные отношения, устанавливают единообразные связи между трудом и заработной платой, различными меновыми стоимостями, маркируют социальные роли. Однако при этом они, переводя разнообразное и качественно специфичное на язык единообразных абстракций, не просто упрощают, но и извращают реальные сущности. К. Маркс показал, что деньги рынка переводят реальные отношения людей к предметам и к другим людям, в которых в принципе должны выражаться подлинные человеческие, "родовые сущностные" свойства, всегда имеющие качественную определенность, в абстрактные знаки, *отчужденные* от подлинных сущностей, и потому им *противостоящие*. "Так как деньги, в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее смешение и подмену всех вещей, т.е. мир навыворот, перетасовку и подмену всех природных и человеческих качеств" [6, с. 296 - 297]. Так, деньги рынка заменяют содержательные социально-культурные основания коммуникации, превращаясь в универсальный знак социальной состоятельности. Социальная ценность индивида начинает определяться не его реальными человеческими качествами, а денежным "эквивалентом": "То, что могут купить деньги - это я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои - их владельца - свойства и сущностные силы... Если деньги являются узами, связывающими меня с человеческою жизнью, обществом, природой и людьми, то разве

они не узы всех уз?" [6, с. 294]. Таким образом, деньги устанавливают универсальные связи, которые лишены качественной индивидуальности. Французский социолог С. Московичи подчеркивает, что под воздействием денег "языки различных отношений человека к человеку становятся вариантами одного языка столь же универсального, как язык музыки или математики" [3, с. 406].

"Семиотические" деньги виртуальной экономики постмодерна: "холодное" средство коммуникации

Далее делается еще один шаг на пути превращения денег из "символических", то есть являющихся знаками рынка, в деньги "семиотические", деньги-символы, деньги-симулякры, не отражающие даже меновой стоимости и "освобождающиеся" даже от самого рынка, перестающие быть его опосредующей абстракцией. Как подчеркивает Ж. Бодрийяр, в обществе постмодерна деньги в качестве симулякра не отягощены никакими сообщениями, денежный знак освобождается от "архаической обязанности" нечто означать [5, с. 52]. Так деньги становятся сами по себе сообщением и обмениваются сами на себя. Финансовые потоки становятся самодостаточной реальностью, *виртуальной экономикой*, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах: "Этот процесс - сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки" [5, с. 74].

Эта фаза освобождения денег от реальной экономики окончательно завершается после отказа от золотого эталона (в 1971 г.) как последней формы устойчивости и ре-

стр. 6

презентативности валюты и перехода к плавающим курсам, не связанным никакими реальными эквивалентами и свободным для ничем не ограниченной игры по собственным правилам. Деньги отныне могут самовоспроизводиться и умножаться независимо от хозяйственной реальности, финансовая игра - это просто игра цифр, знаков, слов. Из всех знаков, обращающихся в фазе экономического роста, деньги обращаются быстрее всего и не соизмеримы ни с чем другим [5, с. 76]. Виртуальная, по существу симуляционная, экономика финансов приобретает особую роль в современном мире, освобождаясь и от рыночного обмена. По подсчетам французского исследователя Р. Пассе, общий объем чисто спекулятивных валютных сделок составляет 1300 млрд. долл. в день, что в пятьдесят раз превышает суммы торговых обменов и почти равно совокупным валютным резервам всех национальных банков мира, составляющим 1500 млрд. долл. (пит. по: [7, с. 97]). Игра плавающего курса международной спекулятивной валюты способна обрушить любую реальную экономическую сферу и любую национальную экономику ("дефолты" азиатских валют, российского рубля в 1990-х годах).

Таким образом, семиотические деньги, окончательно утратившие связь с реальной экономикой и реальным потреблением, превращаются в универсальный код, замкнутый на самого себя. По определению У. Эко, код - это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. При этом "все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего" [8, с. 84]. Можно предположить, что в обществе постмодерна виртуальные деньги превращаются в код, являющийся той самой всеобъемлющей основой, благодаря которой могут быть сопоставлены все остальные коммуникативные коды. Чем более универсальным является код, тем менее он содержателен. Когда деньги носят множественный, специализированный характер, они связаны с реальными экономическими процессами - производственными, рыночными, платежными, и означают реальную ситуацию в экономике и в обществе, несут содержательную информацию о них. Когда символические деньги рыночного обмена

утрачивают все содержательные параметры, кроме меновой стоимости, они несут информацию лишь о рыночном обмене. Такая информация является односторонней и упрощает, сводит к одному единственному рыночному параметру все многообразие социальных оценок. Но постмодернистские виртуальные деньги-код не являются означающим даже для рыночного обмена. В качестве универсального всепроникающего кода они освобождаются от любых экономических, социальных, культурных и прочих означаемых, одновременно становясь универсальной основой любой коммуникации: "Да, все идет к тому, чтобы быть "вложено в дело", захвачено и поглощено сферой ценности, причем понимаемой не как рыночная стоимость, а скорее как математическая величина, - то есть оно должно быть не мобилизовано ради производства, а зарегистрировано, приписано к некоторой рубрике, вовлечено в игру операциональных переменных, должно стать не столько производительной силой, сколько фигурой на шахматной доске кода, подчиняясь общим для всех правилам игры" [5, с. 63].

Представляется, что когда критики рынка говорят о его тотальном проникновении во все сферы социальных, культурных, политических и проч. отношений и разрушительном воздействии на них, все-таки следует отличать рыночные, меновые эквиваленты специфических ценностей от их универсальной кодировки в парадигме постмодерна, которая не имеет даже меновой логики рынка, поскольку ее знаки лишены вообще какой бы то ни было референции. Так, в контексте отношений постмодерна, по наблюдениям Ж. Бодрийера, вложение крупными корпорациями средств в развитие культуры, науки, образования означает не столько ценность этих областей в реальном, содержательном или рыночном меновом смысле, сколько сознательное инвестирование в систему универсальной кодировки, охватывающей все сферы жизни общества и закрепляющей универсальное господство капитала как кода [5, с. 68].

Аналогично, Ж. Бодрийер констатирует наличие у символических денег рынка "установленной Соссюром гомологии между трудом и означаемым, с одной стороны,

стр. 7

и зарплатой и означающим, с другой" [5, с. 74], которая утрачивается семиотическими деньгами, ставшими пустым, симулятивным знаком в обществе постмодерна. Заработная плата уже не означает реальную стоимость труда, и в силу этого утрачивает смысл и вопрос о ее адекватности. Зарплата становится, по мнению Ж. Бодрийера, лишь знаком, означающим не реальный вклад в экономику, а причастность к ее универсальному коду. Ни работники, ни предприниматели, ни общество в условиях постмодерна уже не готовы увидеть реальное соответствие между прибылью и зарплатой, с одной стороны, и требованиями рыночной конъюнктуры или реальной полезностью вклада в экономику, с другой. Поэтому и требование справедливой зарплаты, соответствующей реальному вкладу в экономику или любую другую сферу деятельности, сменяется на требование максимальной зарплаты (максимального дохода). Стремление к максимальному, ничем не детерминированному, не оправданному, доходу захватывает все общество и вызывает все меньше критики.

Примечательно, что К. Маркс, рассуждая о деньгах рынка, отмечал, что размеры заработной платы фактически не изменяют символической сути самой заработной платы: как бы велика ни была зарплата, она все равно означает реальную *продажу* рабочей силы, ее отчуждение капиталом, и, таким образом, означает существование частной собственности и эксплуатации труда [6, с. 238]. Ж. Бодрийер подчеркивает семиотическую тождественность для общества постмодерна зарплаты и пособия по безработице, которое означает теперь не *труд*, который приравнивается к *нетруду*, а знак универсального кода, в равной степени отмечающего оба эти состояния человека: "при любых обстоятельствах вам подыщут подходящее место, персонализированный job - а нет, так назначат пособие по безработице, рассчитанное по вашим личным параметрам; как бы то ни было, вас уже не оставят, главное, чтобы каждый являлся окончанием целой

сети, окончанием ничтожно малым, но все же включенным в сеть, - ни в коем случае не нечленораздельным криком, но языковым элементом, появляющимся на выходе всей структурной сети языка" [5, с. 62 - 63].

С утратой реального означаемого у денег постепенно исчезает и представление о "праведных" и "неправедных" способах их зарабатывания. Для денег рынка еще имела смысл известная циничная сентенция "если ты такой умный, то почему ты бедный?", поскольку подразумевалось, что количество денег еще может означать определенные качества субъекта - те, которые позволяют адаптироваться и преуспевать на рынке. В контексте постмодернистского подхода количество денег уже не означает ничего, кроме себя самого. Деньги оказываются не просто вовлеченными во всеобъемлющую постмодернистскую игру знаками и смыслами, дискурсами и текстами, но составляют ее коммуникационную основу.

"Семиотические" деньги превращаются в "холодное" средство коммуникации, не несущее содержательной информации. Ж. Бодрийяр отмечает: ""Hot money" - так называют евродоллары, очевидно, как раз для того, чтобы обозначить эту свистопляску денежных знаков. Но точнее было бы сказать, что нынешние деньги стали "cool" - в том смысле, в каком этот термин означает (у Маклюена и Рисмена) интенсивную, но безаффектную соотнесенность элементов, игру, питающуюся исключительно правилами игры, доходящей до конца взаимоподстановкой элементов... "Coolness" - это чистая игра дискурсивных смыслов, подстановок на письме, это непринужденная дистантность игры, которая по сути сводится к одним лишь цифрам, знакам и словам, это всемогущество операциональной симуляции. Пока остается какая-то доля аффекта и референции, мы еще на стадии hot. Пока еще остается какое-то сообщение, мы еще на стадии hot. Когда же сообщением становится само средство коммуникации, мы вступаем в эру cool. Именно это и происходит с деньгами" [5, с. 75 - 76].

Согласно концепции М. Маклюена, "холодное" средство коммуникации характеризуется "высокой степенью участия аудитории, или достраивания ею недостающего" [2, с. 27], оно ориентирует участников коммуникации на импровизацию. Когда деньги "горячие", как, например, архаичные, которые уже своей формой ориентированы на конкретные социальные отношения, они несут совершенно определенную ин-

стр. 8

формацию и не нуждаются в дополнительной интерпретации. Универсальные деньги-символы кода в контексте сложных и специфичных социальных взаимодействий могут подвергаться произвольной интерпретации.

Интерпретации "холодных" денег на микроуровне социальной коммуникации

Американская исследовательница В. Зелизер сделала попытку опровергнуть успешнее закрепиться в социологии представление о деньгах как универсальном коде, устанавливающем коммуникацию различных сфер социальной жизни современного общества. Она утверждает, что "нет никаких единых, универсальных, всеобщих денег - есть множественные деньги: люди производят различные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия, подобно тому, как они используют разные языки для различных социальных контекстов" [9, с. 53]. Единые универсальные деньги существуют, по мнению В. Зелизер, лишь в очень ограниченных пределах рыночного обращения, но, поскольку деньги проникают в более сложные и менее стандартизированные формы отношений, они утрачивают универсальность, приобретают специфические формы. Эти формы определяются теми социальными и культурными целями, которыми определяется назначение денег, пределы их использования, их принадлежность и источники.

Следует отметить, что, на наш взгляд, в исследовании В. Зелизер по существу речь идет не о *реально различных* типах денежных единиц, а о том, как люди *создают*

временную и локальную множественность на основе единых унифицированных денег, наделяя их различными смыслами в ходе своих социальных практик. Нам представляется, что целесообразно говорить не о различных формах денег, а о том, как деньги превращаются в маркеры различных социокультурных ролей. Так, описываемые В. Зелизер "множественные деньги" домашних хозяйств по существу являются производными от тендерных ролей в американском обществе начала XX в., их лексикон отображает роли женщин и мужчин, представления о том, кто является главой семьи, каким образом вознаграждается домашний труд, какое место занимают дети и т.д. В других обществах сами роли внутри института семьи распределяются иначе, следовательно, иные формы принимают и семейные деньги в зависимости от того, кто и как их зарабатывает, кто получает право ими распоряжаться.

"Бухгалтерия жестяных банок", с помощью которой маркируются "целевые деньги" домашних хозяйств, откладываемые на различные "статьи" семейного бюджета, также является не производством особых денежных единиц, а условной разметкой, с помощью которой вносятся упорядоченность и рациональность в траты ограниченных средств. Но как бы рациональный сберегатель не обозначал деньги *для себя*, они все равно останутся по существу теми же абстрактными и универсальными деньгами, лишь в его, и только в его индивидуальном сознании временно связанными с конкретной целью.

Получается, что каждая социальная группа создает свой собственный язык денег, понятный лишь на ее микроуровне, устанавливает временные и ситуативные связи между деньгами как означающим и некими условными целями как означаемым. Причем домашняя "бухгалтерия жестяных банок" актуальна лишь для вещественных, бумажных или металлических денег. Деньги, существующие как условные цифры на счете, гораздо труднее, если не вовсе невозможно условно разделить по целевому назначению, если только не предположить существование таких тонких технологий управления виртуальным счетом, которые позволили бы сразу делить его на статьи расхода и заперщали бы перебрасывать деньги из одной статьи в другую.

Весьма интересным представляется описанное В. Зелизер деление денег по способу их получения. Наряду с "честными", заработанными деньгами выделяются, во-первых, нечестные, порочные доходы преступников, проституток, взятки и т.п.; во-вто-

стр. 9

рых, пособия, подарки и прочие "неожиданные", "внеплановые" доходы. Оба типа денег, по наблюдениям американской исследовательницы, воспринимаются по-разному и формируют разные типы поведения.

Деньги, источник которых рассматривается как "неправедный", по наблюдениям В. Зелизер, люди предпочитают не использовать для сакральных и вообще высоко значимых в моральном плане целей. Но подобное разделение опять же является индивидуальным и касается не самих денег, а лишь интерпретации их источника. Нам представляется, что проблему следует сформулировать шире. Еще на рубеже XIX-XX вв. Г. Зиммель в своей "Философии денег" поставил вопрос о том, что, будучи универсальным средством коммуникации, связывающим любых социальных акторов с абсолютно любыми целями, деньги распространяют присущий им универсальный количественный метод оценки на весь доступный космос, вызывая к жизни такую форму социального взаимодействия, как цинизм, распространение на все без исключения социальные практики количественных критериев. Таким образом, деньги "переводят" на свой язык, сводят к единой грамматике все то, что реально должно бы обладать собственным, самобытным языком. Эта универсальность, стирая качественную специфику различных социальных сфер, представляет собой один из решающих шагов к осуществлению возможности постмодернистских интерпретаций культуры как рядоположенных текстов, к свободной игре симулятивных пространств.

В. Зелизер выделяет в особую категорию деньги, получаемые в качестве социальных пособий малоимущими американцами. Описанная ею борьба бедных за перевод натуральных форм помощи в денежные и за самостоятельное использование пособий и благотворительных сумм, разыгравшаяся в США в начале XX в., по существу является столкновением различных интерпретаций социальных ролей и присущих им форм коммуникации. Истоки противоречия в том, что организаторы социальной помощи видели в реципиентах людей, не способных рационально и "правильно" распорядиться деньгами, т.е. адекватно проинтерпретировать предоставляемые ими возможности. Здесь, на наш взгляд, без труда просматривается социал-дарвинистское представление о бедных как неприспособленных к полноценной социальной активности людях, нуждающихся не только в помощи, но и в руководстве и управлении со стороны более адаптированных членов социума. Это руководство выливалось в использование таких "горячих" средств коммуникации с ними, как целевые пособия и натуральная помощь. Реально же сами бедные были в гораздо большей степени интегрированы в культуру социума, и стремились использовать те же формы коммуникации, которые были присущи большинству. Отсюда их желание получать помощь в денежной форме и самостоятельно ею распоряжаться, т.е. интерпретировать "холодные" деньги.

Противоположная тенденция обнаруживается в России начала XXI в. в процессе замены натуральных льгот денежными. Политика, ориентированная на как можно более быстрое реформирование общества на рыночной основе и внедрение форм культуры и коммуникации, присущих "холодным" цивилизациям вместо традиционных "горячих" личностных и натуральных форм, вызвала волну протеста. Нам представляется, что протест обусловлен не только финансовыми потерями многих категорий льготников, но и неадекватностью самой "холодной" денежной коммуникации "горячему" российскому культурному контексту. В представлении большинства такая "горячая" форма коммуникации, как помощь, должна быть лично окрашена, выражать реальную заботу, поэтому она и принимать должна конкретные, натуральные формы.

При этом восприятие льгот отличается от восприятия денежных форм помощи, таких как пенсии и пособия. Льготы являются не просто деперсонифицированной по сути платой, содержанием, а личностным признанием заслуг, например, ветеранов войны и труда, и знаком заботы общества о слабых и незащищенных. И если в случае содержания вполне адекватна "холодная" денежная коммуникация, то в случае льготы она в силу универсальности и формальности не передает ожидаемого смысла социальных связей и потому вызывает разрыв коммуникации и взрыв негодования.

стр. 10

Специального рассмотрения заслуживает традиция дарить деньги. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что подарок отличается от других форм коммуникации тем, что неотделим от конкретного отношения между людьми, поэтому не имеет ни потребительной, ни меновой стоимости в собственном смысле этих понятий, а лишь символическую меновую стоимость. Подарок абсолютно уникален, поскольку он имеет смысл лишь в контексте конкретной ситуации взаимодействия между определенными людьми. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что "в отличие от языка, материал которого может быть отделен от говорящих на нем субъектов, материал символического обмена, подаренные предметы, не могут быть ни выделены в качестве чего-то автономного, ни - следовательно - кодифицированы в качестве знаков" [10, с. 55]. Таким образом, коммуникация дарения подарков является "горячей" коммуникацией. Выработанные веками правила этикета включают и стереотипы подарков и отношений дарения: социализированный в данной культуре человек представляет себе, *что, когда и кому* уместно подарить. Формируется своеобразный язык символов, который вносит стандартизацию даже в эти сугубо индивидуальные отношения, и нарушения правил этого языка в случае, если подарок оказывается неуместным, нарушает коммуникацию.

В качестве подарков могут выступать практически любые предметы, если они способны воплощать привязанность, покровительство и заботу, признательность и уважение, и многие другие оттенки социальных и эмоциональных связей. Однако деньги не имеют никакой *собственной* индивидуальности и *собственного* смысла. Может ли то, что в силу своей природы лишено символической стоимости, выражать символический обмен? Г. Зиммель отмечал, что деньги в качестве подарка неприемлемы, поскольку в силу своей безличности они "отстраняют подарок от дарителя" [4, р. 333]. Тем не менее, традиция дарить деньги все же сложилась, хотя, согласно правилам коммуникации дара, деньги можно дарить не всем и не всегда. Их, как правило, дарят лишь очень близким людям, даже не друзьям, а родственникам. В этих случаях деньги представляют собой дарение "чистой возможности" купить себе то, что получатель считает нужным, то есть они выходят за рамки описанного Ж. Бодрийяром индивидуального символизма дара, а символическую нагрузку, присущую подарку, приобретают за счет априорной близости и эмоциональной окрашенности отношений, которая не разрушается "холодной" денежной коммуникацией. Дарение денег за рамками тех ситуаций, когда это считается уместным, воспринимается как грубое нарушение этики и вообще коммуникативных норм.

В этой связи В. Зелизер весьма уместно обращается к анализу внешней формы, которая придается подарочным деньгам за счет соответствующей упаковки, оформления, надписей и т.д. Даже присланные в качестве почтового перевода деньги могут сопровождаться соответствующим оформлением. Здесь налицо стремление придать дополнительное символическое значение той чистой форме, чистой возможности, которая дарится в виде денег, то есть осуществить процедуру интерпретации в рамках "холодной" коммуникации.

Аналогично специфическому оформлению подарочных денег, призванному придать коммуникации адекватную форму, различные коммуникативные ситуации, в которых участвуют деньги, накладывают на них свой отпечаток. Люди знают, как "правильно использовать" деньги, то есть когда какие формы денег уместны. Мелкими монетами не принято расплачиваться в дорогих магазинах или ресторанах, но не потому, что большое количество монет не может составить требуемую крупную сумму, а потому, что это, во-первых, неудобно, а во-вторых, не соответствует статусному использованию денег, которому в данной ситуации скорее подходит кредитная карта или крупная купюра. В то же время, вряд ли кому-то придет в голову предложить за газету или проезд в автобусе слишком крупную купюру, но тоже лишь потому, что это чревато неудобствами (не найдется сдачи), а не потому, что она в принципе не годится для покупки этих вещей или услуг. Таким образом, социальный контекст накладывают отпечаток на форму применения денег, но не меняет при этом самой их универсальной и абстрактной сути. Как подчеркивает С. Московичи: "деньги - это произвольный знак, который изобретается и замещает другие знаки в самых разнообразных

стр. 11

формах. Никакая иерархия не определяет их отношений, и в зависимости от обстоятельств употребляют бумажные деньги, векселя, чеки, кредитные карточки, магнитную ленту. Будь то бумажные деньги или счета, ни их название не имеет значения, ни то, из чего они сделаны, не является предметом предпочтения, важна лишь указанная на них цифра" [3, с. 404].

Нам представляется, что имеет смысл говорить не о том, что в различных социальных контекстах производятся, по В. Зелизер, разные "денежные единицы", пригодные для данной конкретной коммуникативной ситуации, а о том, что деньги, благодаря своей универсальности и отсутствию собственной ценности, смыслов и значений могут быть адаптированы к любым социальным связям и стать в их контексте более или менее адекватным коммуникативным средством. Изменяет ли "производство множественных денег", то есть наделение универсальных и безликих денег

произвольными смыслами в локальных и даже индивидуальных контекстах, формальную природу денежного обращения в современном обществе? Нам представляется, что нет.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: во-первых, в процессе социальной коммуникации на микроуровне деньги наполняются социальным содержанием (раскрытым, в частности, в работе В. Зелизер), представляющим собой интерпретацию "холодного" средства коммуникации в соответствии с характером социальных ролей ее участников, в то время как на макроуровне деньги проявляют историческую тенденцию к принятию максимально абстрактной и универсальной формы. Во-вторых, деньги принимают множественные формы на микроуровне постольку, поскольку становятся маркерами социальных ролей. Они не "управляют", как утверждает В. Зелизер [9, с. 271], сложными социальными взаимодействиями и коммуникациями, а, напротив, социальные взаимодействия и социальные роли управляют использованием денег. В-третьих, использование денег в качестве средства социальной коммуникации различается в обществах с преобладанием социальных связей "горячего" или "холодного" типа. "Холодные" средства коммуникации, в том числе и современные деньги, разрушительны для "горячих" социальных связей. Из этого следует, что на уровне близких, определенных, эмоционально окрашенных отношений "холодные" деньги либо окажутся дисфункциональным коммуникативным средством, вносящим отчуждение и распад, порождающим циничные формы взаимодействий, либо они должны "разогреться", интерпретироваться, приобретать множественные формы, соответствующие конкретным социальным ролям, которые они именно в данной ситуации маркируют.

В целом нам представляется, что концепция "множественных денег" В. Зелизер не столько опровергает утвердившуюся в социологии концепцию универсальных денег, которую развивали К. Маркс, Г. Зиммель и другие, сколько дополняет ее и показывает возможности анализа, в том числе и эмпирического, финансового поведения на микроуровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поланьи К.* Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М.: Академический проект, 2004.
2. *Маклюен М.* Понимание медиа. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
3. *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии. Изд. "КСП+", 1998.
4. *Simmel G.* The Philosophy of Money. L.: 1978.
5. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К.* Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
7. *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и для общества. М.: Весь мир, 2004.
8. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2004.
9. *Зелизер В.* Социальное значение денег. М.: Дом интеллектуальной книги, ГУ ВШЭ, 2002.
10. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион - Русская книга, 2003.

стр. 12